

Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Союз краеведов России
Омское региональное отделение Союза краеведов России
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
Омский областной музей изобразительных искусств
им. М. А. Врубеля

ТРЕТЬИ ЯДРИНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции,
посвящённой 300-летию Омска

(Омск, 26-28 ноября 2015 г.)

Омск
2015

УДК 94(57)''16/17''
ББК 63.3(2-2Ом)
Т 66

Третьи Ядринцевские чтения

Т66 Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Омска (Омск, 26-28 ноября 2015 г.) / Под ред. П. П. Вибе, Т. М. Назарцевой. – Омск: ОГИК музей, 2015. – 450 с.

ISBN 978-5-906706-38-6

Сборник содержит тексты докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. Конференция приурочена к 300-летию Омска, что обусловило особый интерес к урбанистической проблематике, теме города и городского пространства. Заявленная тематика является важным связующим звеном в современных междисциплинарных исследованиях. Городское пространство, аккумулирующее в себе социальные, культурные и исторические смыслы, представлено как информативный источник по выявлению новых фактов в рамках истории, археологии, социальной психологии, культурной антропологии, музейного дела и прочих гуманитарных дисциплин.

Материалы размещены в издании в трех блоках, соответствующих тематическим секциям конференции: исторической, культурологической и музееведческой. В тезисах рассматриваются отдельные теоретические аспекты истории региона и современные междисциплинарные исследовательские практики, призванные актуализировать историко-культурное наследие региона в современном городском пространстве и выявить ресурсы брендинга города.

Материалы конференции могут быть полезны не только работникам высшей школы, представителям академической науки, но и широкому кругу читателей.

© Омский государственный историко-краеведческий музей, 2015

**ОБРАЗ ГОРОДА
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Т. Т. Адильбекова

Астана, Национальный музей Республики Казахстан

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО АСТАНЫ

Юная прекрасная Астана устремлена в будущее. В архитектуре столицы сочетаются красота Европы и утонченность Востока.

Идея победившего на международном конкурсе на эскиз-идею генерального плана развития центра новой столицы известного японского архитектора Кисе Курокава является его основой: наряду с преобразованием старой части города вести освоение свободных территорий на левобережье.

Резиденция Акорда является композиционным центром нового административного центра на левобережье, в который входит центральная и круглая площади, площадь Байтерек. Здание из белого мрамора и гранита классической кубической формы стоит на искусственном холме высотой 6 м. Площадь 36 720 кв. м, высота по шпилю – 80 м, длина фасада – 106 м.

В центре административного района расположен монумент «Астана-Байтерек» - символ созидания, независимости и процветания Казахстана. Этот уникальный ажурный комплекс по праву стал визитной карточкой столицы, ее символическим образом. В основу легла легенда о Байтереке - сказочном дереве на горе Кок-Тюбе, омываемом безбрежным океаном. В его листве птица Самрук откладывала золотое яйцо - солнце. Каждый год дракон съедает светило, что означало смену Дня и Ночи, Добра и Зла, Света и Тьмы.

Вокруг площади Байтерек расположены министерства обороны и иностранных дел, Национальная библиотека и архив. Комплекс зданий, цветочных клуб, зеленых скульптур и фонтанов – все это бульвар Нұржол.

Впечатляет плавными контурами здание министерства финансов. Солнечные лучи, отраженные от голубоватого фасада, создают восприятие здания как полотнища развевающегося на ветру. Здание министерства сельского хозяйства проектировали архитекторы Кувейта. Вход в здание украшают мини-копии символа столицы этой страны - башни Эль-Кувейта.

Главная достопримечательность развлекательного центра «Думан» - океанариум. Здесь обитают 2000 представителей более 100 видов морских обитателей. Объем воды в системе составляет 3 млн литров. Под аквариумом проходит стеклянный туннель длиной 70 м, где можно прогуляться по морскому дню в нескольких сантиметрах от проплывающих над вами акул.

Культурно-архитектурный ансамбль площади Независимости.

Дворец Мира и Согласия имеет форму правильной четырехгранной пирамиды. Грани основания и высота 62 м. Автор проекта Норман Фостер. Здесь есть оперный зал на 1500 мест, большой конференц-зал «Хеопс Атриум» площадью 2000 кв. м, а на вершине пирамиды - небольшой конференц-зал «Колыбель», где проходил II съезд лидеров мировых и традиционных религий. Вокруг зала раскинулся «Зимний сад». 130 голубей на стеклянном куполе символизируют единство народа Казахстана.

Фасад Дворца Независимости из стекла синего цвета с белыми металлическими конструкциями в форме решетчатого основания юрты - кереге. Самый большой конгресс-зал на 3082 места и др.

Крупнейшая мечеть Центральной Азии Хазрет Султан (Святейший Султан) построена в классическом восточном стиле, основной цвет – белый, и напоминает восточный дворец, украшенный традиционными казахскими орнаментами. Названа в честь суфиста и проповедника Ходжи Ахмеда Ясави, жившего в XII в. Мечеть занимает площадь 11 га и вмещает 10 000 человек. Высота главного купола 51 м, диаметр 28 м. Вокруг него расположены 8 малых куполов, возвышаются 4 минарета высотой 77 м.

Комплекс Мәңгілік ел (Вечный народ) состоит из стелы, вершину ее украшает птица Самрук, символизирующая стремление казахстанцев в будущее, и 4-х бронзовых барельефов у мраморного основания: «Первый президент и народ», «Мужество», «Созидание» и «Будущее». Высота монумента 91 м - год провозглашения Независимости в 1991 г.

Интересным зодческим решением здания Национального музея является синтез непреходящей классики и креативного модерна, что особенно подчеркивает преемственность исторических эпох. Здание площадью 74 000 кв. м, экспозиционное пространство 14 000 кв.м.

Государственный театр оперы и балета Астана опера - самый большой и технически сложный в Центральной Азии, уникальный по архитектуре и акустическим возможностям театр Европы. Площадь здания 64 000 кв. м, сценическая зона - 3 000 кв. м. Архитектура в древнегреческом стиле с переплетением традиционного казахского орнамента.

Стремление к миру и межнациональному согласию в Казахстане демонстрирует толерантное отношение ко всем религиям. В столице открыта крупнейшая в Центральной Азии синагога, построены Успенский кафедральный собор и костел.

Градостроительство ярко демонстрирует изменения в Астане за 17 лет.

Примечания:

1. Назарбаев Н. В сердце Евразии. Алматы: Атамұра, 2008. С. 192.
2. Астана / Главный редактор Саухат Ж., составитель Граб Д. Алматы, 2012. С. 185.
3. Астана: Материалы АО «Республиканская газета «Егемен Қазақстан» / Составитель: Ж. Жағыпарұлы. Алматы, 2013. С. 751.
4. Адильбекова Т. Астана – символ суверенного Казахстана. Вестник «Архивы столицы». 2013, №9. С. 123-129.
5. Первые шаги / Под ред. Д. Мынбай, авторы-составители: Кадысова Р., Кульбаева Ж., Адильбекова Т. Астана, Фолиант, 2015. С. 264.
6. nur.kz/269039.htm, дата посещения 14.09.2015
7. http://www.km.ru/news/patriarx_kirill_osvyashhaet_v_as, дата посещения 20.09.2015

Б. Б. Алимбаева

Оренбург, Государственный аграрный университет

ОРЕНБУРЖЕЦ С ДУШОЙ ПЕТЕРБУРЖЦА
(светлой памяти Виктора Васильевича Дорофеева
(2.12.1927 – 30.09.2012))

Первая встреча с Виктором Васильевичем Дорофеевым произошла в студенческие годы. Он преподавал иностранный язык в Оренбургском государственном педагогическом институте, но был больше известен как краевед. На занятиях мы, студенты-историки, переводили тексты с краеведческим материалом. Однажды, Виктор Васильевич рассказал о своём плане – разработать пеший маршрут по достопримечательностям города, идею подал канадец, посетивший Оренбург. В.В. Дорофеев был гидом канадца, т.к. свободно владел английским и был знатоком истории города.

Еще в студенческие годы мы знали, что В.В. Дорофеев родом из Ленинграда. Родился Виктор Васильевич 2 декабря 1927 г. в Ленинграде, как писал в воспоминаниях: «...жили на левом берегу Фонтанки около Измайловского проспекта, на последнем этаже дома номер 126»¹. В довоенный период учился в школе, увлекался архитектурой. Пережил блокадную зиму 1941 – 1942 года, бомбежки, голод, эвакуацию.

Первого июля 1942 года семья (мама, бабушка, тетя и Виктор) выехала из блокадного Ленинграда, а отец – военврач второго ранга остался в осажденном городе. Виктор в последний раз видел своего отца, о чём и не подозревал. Эшелон направлялся в Йошкар-Олу, но в результате бомбежки состав не мог продолжить путь в выбранном направлении, пустили в сторону Сибири, в Свердловске эшелон разделили. Дорофеевы выбрали ташкентское направление и оказались в городе Чкалове (название Оренбурга с 1938 г. по 1957), где жили их родственники.

В Чкалове Виктор Дорофеев закончил 7 класс, затем семья переехала в село Сакмарское, близ города Чкалова, там он окончил 8 классов. Виктор Васильевич был признан нестроевым, у него было затемнение лёгких, сказалась блокадная зима 1941 – 1942 г. После окончания школы работал надсмотрщиком районного радиоузла, фактически телефонным монтером².

После окончания войны Виктор Васильевич поступил в Уральский политехнический институт в Свердловске, выбрав специальность – архитектура,

желая воплотить в жизнь свою детскую мечту – стать архитектором. Закончить вуз в Свердловске не удалось. Блокадная зима напомнила о себе, обострилась болезнь лёгких, пришлось временно оставить учёбу и поехать в Сакмарское.

Вернувшись через год в институт, Виктор Дорофеев не смог продолжить обучение, так как мест в общежитии вуза не оказалось. Снимать жилье не было возможности, и Виктору Васильевичу пришлось вернуться домой. Он поступил в Чкаловский педагогический институт на факультет иностранных языков на специальность – английский язык. Закончив вуз, преподавал английский и немецкий языки, был заведующим кафедрой иностранных языков, деканом, затем в должности доцента продолжил преподавательскую деятельность. Одновременно занимался изучением истории города Оренбурга, «разгадывая» топонимы, урбонимы, уточняя чертежи, обосновывая уникальность планировки Оренбурга, проводя параллели с планировкой города на Неве.

Виктор Васильевич – глубокий исследователь, он дотошно изучал архивные документы (о чём свидетельствует библиография его работ), сравнивал, анализировал, обнаружив неточности, вновь погружался в изучение источников. Одним из таких результатов является интерпретация урбонима Оренбург, вызывавшего споры еще в XVIII веке. В книге «Над Уралом-рекой» Виктор Васильевич отмечает неубедительность толкования названия города от реки Орь. Он считает, что «...слово составлено по продуктивной тогда модели, где вторым компонентом является немецкое «бург». В первой части оказывается два лишних звука (ен) или по крайней мере один (н), то есть должно быть Орьбург, или правильнее даже Орбург, поскольку название реки сначала писалось с твердым знаком. ...Если же учесть, что Орь ассоциируется с немецким Ор – ухо, ...состав слова становится ясен: множественное число от Ор – Орен+бург, в полном соответствии с правилами немецкого словообразования»³.

Относительно планировки города Оренбурга Виктор Васильевич писал, что она решена по прямоугольному принципу. Он отмечает, что «возможно ...влияние проекта Петербурга (города-крепости на Васильевском острове) по варианту архитектора Д. Трезини».

Виктор Васильевич – беспокойной души Человек, глубоко образованный, владевший несколькими иностранными языками, член Союза журналистов России и Союза архитекторов России, автор десятка книг, более сорока научных статей, посвященных прошлому и настоящему Оренбурга, Виктор Васильевич широко известен как человек, отдавший свою жизнь изучению истории Оренбургского края.

Его заслуги как общественного деятеля, исследователя и краеведа были удостоены звания «Почетный гражданин города Оренбурга», Губернаторской премии «Оренбургская лира» за высшие достижения в области литературы и искусства, медали «За вклад в наследие народов России» Российского союза исторических городов⁴.

Примечания:

1. Дорофеев В.В. Уезжать не хотелось. Отроческо-юношеские воспоминания // Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. С. 71.
2. Там же. С. 76.
3. Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1988. С. 9-10.
4. Дорофеев В. В. Некролог // <http://www.onlineon.ru/2012-10-01/article/6454/>

Д. А. Алисов

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
ОМСКА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
(1917 – КОНЕЦ 1930-Х ГГ.)**

В годы первой мировой войны, революции 1917 г. и последовавшей за ней многолетней гражданской войны, вследствие призыва части населения в армию, а так же оттока другой части в сельскую местность (где проще было прокормиться), гибели на фронтах и от болезней, общей тенденцией для большинства городов Сибири было сокращение численности населения. Омск, напротив, в силу ряда обстоятельств (тыловое положение на протяжении длительного времени по отношению к основным районам боевых действий, меньшая продовольственная разруха и т.п.) привлекал к себе потоки беженцев из различных районов страны. Его население (вместе с пригородами) с 1917 г. (113,7 тыс. чел.) по 1923 г. (151,3 тыс. чел.) выросло 1,3 раза. В 1926 г. оно составляло уже 161,5 тыс. чел., а в 1928 г. - 66,3 тыс. чел. Таким образом, на протяжении 1920-х годов численность населения Омска увеличилась примерно в 1,5 раза.

Рост численности жителей Омска продолжался на протяжении всех 1920-х гг., как уже было сказано, главным образом за счет пришлого населения. По подсчетам П. Г. Сигутова, число мигрантов, прибывших в Омск с 1921 по 1926 гг. достигало 41,1 тыс. человек, в то время как естественный прирост за это же время составил всего 15,5 тыс. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. свидетельствуют о том, что почти 55% населения города не являлись местными уроженцами и только около 45% родилось в Омске. Естественный прирост в 1920-22 гг., в результате воздействия гражданской войны на демографические процессы, имел отрицательное сальдо – число смертей превышало число рождений. И только в 1923 г. впервые за последние несколько лет число рождений в Омске несколько превысило число смертей (на 671 чел.).

Однако, уже начиная с 1924 г. в Омске наблюдается довольно высокая положительная динамика прироста городского населения. В 1924 - 1929 гг.

прирост составлял в среднем 16 чел. на 1000 чел. населения, т.е. число горожан за счет естественного прироста ежегодно увеличивалось почти на 2 тыс. человек. С одной стороны, это объясняется падением смертности (в 1922 – 81 умерший на 1000 чел., 1928 - 20), а с другой – компенсационным ростом числа рождений (1922 – 32 родившихся на 1000 чел., 1927 - 39). В результате этого процесса население города Омска во второй половине 1920-х гг. увеличилось почти на 10 тыс. коренных омичей.

Рост исторически сложившихся «старых» административно-хозяйственных и культурных центров Сибири – Омска, Барнаула, Иркутска проходил в 1930-е гг. более сдержанно, чем в начале XX в., по сравнению с новыми городами. Тем не менее, в годы первых пятилеток значительно возрос их промышленный потенциал, а численность населения с 1917 по 1939 гг. увеличилась в 2-3 раза. Из «старых» городских центров Западной Сибири в эти годы Омск занимал одно из 1-х мест по темпам роста численности населения. С 1929 по 1939 гг. оно увеличилось в 1,6 раза, хотя это не идет ни в какое сравнение с ростом численности «молодых» городов (население Новосибирска выросло почти в 3 раза, Новокузнецка – в 13 раз).

Омск в первой половине 1920-х гг. в функциональном отношении во многом напоминал Омск дореволюционный и являлся крупным административно-транспортным узлом с развивающимся промышленным производством. Структура занятости его населения во второй половине 1920-х гг. заметно отличалась от структуры городов Российской Федерации. При наличии более или менее близкого сходства численности занятых в строительстве и торговле, Омск отличается большим по сравнению с другими российскими городами удельным весом занятых на транспорте и меньшим – занятых в промышленности.

Повышение административного статуса города (в 1934 г. Омск вновь становится областным центром) привело к скачкообразному росту городского населения. Так, если с 1932 по 1935 гг. среднегодовой прирост населения Омска составлял 12-20 тыс. чел., то с 1935 по 1936 гг. число его жителей выросло сразу на 45 тыс. чел. В результате этого численность жителей Омска с 1933 по 1939 год увеличилась с 227,0 до 288,8 тыс. чел., т.е. в 1,3 раза. Но именно в эти годы извечный соперник Омска – Новосибирск, ставший в середине 1920-х годов «главным» городом Западной Сибири, обходит Омск как по темпам роста численности населения (в эти же годы его население увеличилось в 3,8 раза), так и по общей численности населения, которая составляла в 1939 г. 404,4 тыс. чел.

Ускоренная индустриализация Западной Сибири в 1930-е годы привела не только к резкому росту численности городского населения, но и к

изменению структуры его занятости. В результате этих процессов происходит увеличение удельного веса занятого населения в промышленном производстве. Согласно переписи населения 1939 г. 32 % жителей Омска было занято в этой сфере, в то время как в 1923 г. только 15%.

В 1930-е годы происходило расширение социально-культурных функций города и городской среды. Об этом свидетельствует изменение структуры занятого населения. В просвещении, науке, искусстве и т.п. численность занятых, по данным демографических переписей населения 1920 и 1939 гг., выросло в 5,5 раза, а удельный вес среди занятого населения с 5,1 до 9,7%. Значительно выросли численность и удельный вес лиц, имеющих высшее профессиональное образование. Уровень образования населения города Омска и городов области на 1000 чел. в 1939 г. в возрасте 15 лет и старше выглядел следующим образом – высшее образование имело 15 чел. Таким образом, накануне войны Омск становится одним из ведущих культурных центров Сибири.

«ПЕРВЕНЕЦ ОМСКОГО АВИАПРОМА – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АВИАЦИОННЫЙ ЗАВОД №13»

На завершающем этапе гражданской войны все действующие авиационные заводы на территории страны декретом от 28 июня 1918 г. были объявлены собственностью государства. Для объединения авиапромышленности и управления ею было основано Главное управление авиационной промышленности (Главкоавиа).

В ноябре 1920 г. в Омске, на фабрике веялок «Энергия», хозяин которой ушел вместе с отступающими колчаковскими войсками, появляется Авиационный отдел для организации авиазавода, под руководством представителя Главкоавиа в Сибири Михаила Ивановича Попова. Об этом человеке стоит упомянуть отдельно.

Михаил Иванович Попов – талантливый русский авиаконструктор-самоучка. Сведений о нем сохранилось мало. Родился в 1894 г. С 1912 г. студент-технолог Томского имени Императора Николая II технологического института. На последнем курсе «заболел» авиацией. Не найдя поддержки и соратников в Томске, плюнув на уже практически полученный диплом, Попов уехал осенью 1916 г. в Ново-Николаевск. Там ему удалось получить деньги у нескольких купцов «под аэропланы». Вскладчину получались по затратам сущие пустяки, а перспективы прибылей в случае получения военных заказов «предприятие» Попова сулило немалые. Купцы умели считать деньги, а студент-технолог – необходимые «составляющие» для осуществления проекта. Взяв деньги на один самолет, он на самом деле, в кратчайшие сроки закупил все нужное на два. Строительство полным ходом началось уже в декабре 1916 г. В марте 1917 г. состоялся полет первого сибирского самолета, второй был достроен и поднялся в небо в октябре 1917 г. Загадка, как удалось Попову сохранить свои самолеты до 1919 г. и в самом конце того года вывезти их в Москву. «Сибирские» самолеты использовались в качестве учебных (то есть – самых простых в управлении и надежных) в Московской школе красвоенлетов (красных военных летчиков), в течение почти пяти лет. Самолеты Попова были в значительной степени собраны из частей других серийных самолетов, но по качествам превосходили исходные образцы.

В конце 1920 г. – начале 1921 г. в Омск начинает поступать оборудование. Судя по описям в документах завода, основой материальной базы стало переданное «воздухимушество 2-го воздухоплавательного парка Рабоче-крестьянского Военно-Воздушного флота». Все инвентаризационные описи датируются 1.01.1919 г.

К концу 1920 г. после реорганизации, объединений, разделения по специализациям всем 16 заводам Главкоавиа была присвоена специальная нумерация. Небольшой авиазавод, организованный в Омске, единственный за Уралом, получил официальное название «Государственный авиационный завод № 13» (ГАЗ №13). В сентябре 1921 г. в название завода добавляется слово «опытный».

Становление предприятия проходит труднейших условиях. Отсутствуют материалы, оборудование, нет топлива для обогрева, нет моторного топлива. Необходимые запасные части приходят по железной дороге из Петрограда, эксплуатационные материалы получают с пятой авиабазы в Омске. Тематику работ можно оценить по «Делу заказов госавиазавода в Омске»: Заказ № 1 Учебный самолет МП 6; Заказ № 2 Учебный самолет МП бис (МП 6 бис?); Заказ № 3 Учебный самолет МП 11; Заказ № 4 Учебный самолет МП 9; Заказ № 5 Глиссер – Бр П 4; Заказ № 6 Учебный самолет МП 11 бис; Заказ № 7 Хозяйственный; Заказ № 8 Строительный; Заказ № 9 Самолет МП 12.

На 22.09.1921 г. сотрудников ГАЗ №13 по списку – 30 человек, 3.02.1922 г. всего 16.

С начала 1922 г. проходит очередная реорганизация авиазаводов, часть из них ликвидируется, объединяется с другими предприятиями, меняет специализацию. ГАЗ № 13 решено объединить с пятой авиабазой и передать в подчинение Правления фабрично-заводскими предприятиями Военно-воздушного флота – «Промвоздух», присвоив новому предприятию наименование «Ремвоздухзавод № 7».

8 мая 1922 г. приходит долгожданное распоряжение из Москвы о предоставлении самолета для испытаний. И уже 16 мая самолет и оборудование грузят на три платформы и в один крытый вагон и вместе с обслуживающим персоналом следуют в Москву. (Попов, видимо, спасает и все свои наработки, и задел на следующие самолеты.). Испытания успешно проходят в июне - июле 1922 г.

На этом история первенца омского авиастроения – Государственного авиационного завода № 13, где был построен всего один самолет, заканчивается, как и жизнь его создателя, основателя и управляющего Попова Михаила Ивановича. В ноябре 1922 г., в возрасте 27 лет, он умирает, заболев тифом.

УРБОНИМ «ПАВЛОДАР» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ

Феномен города является объектом исследования специалистов разных отраслей знания. В современный период активно изучаются лингвистические, социальные, экономические, экологические, демографические, философские, политические, исторические и культурные аспекты функционирования города.

Изучение феномена городов весьма актуально, так как города являлись и являются социокультурными центрами со своими административными порядками, организацией общественной жизни и специфическим составом населения, а, значит, и своеобразными языковыми процессами.

Город как объект исследования привлекает все большее внимание представителей различных областей научного знания: филологов, историков, социологов, политологов, философов, экономистов, географов и др. Филологическое исследование городов, позволяющее охарактеризовать лингвокоммуникативную жизнь города, представляется на сегодня весьма продуктивным направлением в мировой и отечественной урбанистике.

Один из важнейших аспектов изучения истории городов - исследования в области повседневной жизни. История повседневности имеет и самостоятельную научную ценность и важна в контексте более общей проблематики: построение региональных моделей культуры и языка города, исследование специфики и механизма их функционирования на разных социальных и интеллектуальных уровнях. Повседневность охватывает всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, обычаи, ритуалы, формы поведения, представления, привычки. Связанный с этим анализ отражения в языке указанных процессов представляется чрезвычайно перспективным.

Одним из видов повседневного общения горожан является институциональное общение, а именно – политическое, формирующее представление электората о власти, о государственной системе в целом.

Нами было проведено исследование на предмет использования политиками урбонима «Павлодар» в предвыборных листовках и

культивирование ими значений, формируемых в сознании горожан. Анализ показал следующее:

1. В текстах предвыборных листовок павлодарских депутатов в период предвыборной гонки активно используется данный урбоним, что объясняется стратегией ориентации – причислить себя к кругу «своих», показать, что политик – выходец «из народа». Данная стратегия реализуется посредством тактики солидаризации с адресатом (установление контакта и создание доверия между политиком и аудиторией). Завоевать доверие аудитории возможно при реализации эффективной коммуникации: знание интересов адресата, участие в решении проблем, как частных, так и глобальных и др. В данном случае использование урбонима «Павлодар» направлено на установление идентификации политика и укрепление доверия к нему избирателей:

- Высказывания с инклюзивным местоимением «наш».
- Высказывания со значением совместности - вместе, все, с вами, единство, объединение, народ, наша страна.

Важным для политика является создание ощущения принадлежности к той или иной социальной группе. Для чего им используются в листовках слова - «пароли», дающие ощущение социальной сплоченности и солидарности.

• Высказывания, выражающие групповую социальную отнесенность в функции вокатива, в том числе этнонимы - казахстанцы, павлодарцы.

2. В большинстве случаев урбоним «Павлодар» выступает в качестве обозначения единения людей, проживающих в данной местности. В подобных случаях используются топонимы, известные горожанам – Зеленстрой, второй Павлодар, Химгородки и др.

Политиками активно пропагандируется идея «Павлодар – наш общий дом», принадлежность к выходцам из горожан воспринимается положительно, так как в этом случае обозначается осведомленность политика о проблемах города и их решения.

Использование метафоры родства «Павлодар – родня земля, малая Родина» является актуальной в политической речи, в ней находит выражение ментальное восприятие семьи как целого, неделимого института, в котором хранятся традиции и передаются духовные ценности из поколения в поколение. Семья для человека является не только высшим критерием доверия, но и самым главным залогом стабильности и гармонии в вечно меняющемся мире. Семья – это еще и круг «своих»: «Отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях.

Данная тактика в таком понимании работает на стереотип «Я такой же, как вы, я – один из вас»: *«Мои интересы – это интересы жителей города Павлодара!»* (Из предвыборной листовки С.Н. Гуляева).

Таким образом, нужно отметить, что политиками Павлодарской области активно создается образ защитника народа, способного решить проблемы города и области. Для достижения этой цели используются стратегии и тактики ориентации, интеграции, солидаризации с адресатом, в реализации которых урбоним «Павлодар» играет немаловажную роль. Павлодар, по мнению, горожан и кандидатов в депутаты – это дом, семья, Родина, родная земля. Актуализация данных архетипов в ономастическом сознании павлодарцев представляется выигрышной в политической гонке, что объясняет частотность употребления астионима Павлодар в устной и письменной речи политиков.

М. А. Белокрыс

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: К 140-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Н. Потанин, называя Омск «гостиницей», «почтовой станцией», считал, что «устроить» здесь общественные учреждения невозможно. «Хоть взять филармоническое общество <...> Никогда оно не может <...> служить местному обществу и убить свои силы на содействие последнему получить музыкальное образование <...> Вовек этому филармоническому обществу не только не создать на сибирской почве композиторов, но и не отучить сибиряков «реветь песни».¹ Упреки Г. Н. Потанина адресованы Омскому отделению Императорского Русского Музыкального общества (ООИРМО), ответвлению музыкально-просветительской организации (ИРМО), возникшей в 1859 г. в Петербурге на волне общественного подъема в предчувствии «весны освобождения». ООИРМО сыграло ключевую роль в формировании музыкальной культуры Омска XIX–XX в. Поэтому важно определить его место в хронотопе региональной культуры, роль в подготовке профессиональных музыкантов, установить точную дату возникновения.

Создание ООИРМО обусловлено бытованием традиций, восходящих к XVIII в., «кумулятивным» характером развития музыкальной жизни Омска. Его прямой предшественник – Омское общество любителей музыки (ООЛМ), образованное в 1870 г. по инициативе преподавателя Сибирской военной гимназии Л. С. Буланже (1836 – 1907). Это была первая музыкально-просветительская организация в Сибири, явление по-своему знаковое. Существование на тот период или ранее аналогичных обществ в других городах региона документально не подтверждается.

Приняв на себя филармонические функции, ООЛМ устраивало за сезон от 14 до 16 музыкальных концертов, создало смешанный хор, опиравшийся на традиции светского исполнительства, гражданскую нотную библиотеку. Л. С. Буланже в сотрудничестве с капельмейстером войскового оркестра Сибирского казачьего войска А. М. Редровым сумели в условиях глубокой сибирской провинции организовать уникальную возможность исполнения в концертах симфонической музыки русских и зарубежных композиторов:

М. И. Глинки, Й. Гайдна, В. А. Моцарта, Л. В. Бетховена, Ф. Мендельсона. ООЛМ украсило культурный «ландшафт» Омска, обеспечило преемственность развития его музыкальной культуры, подготовило условия для создания ООИРМО. Музыкальное искусство становилось компонентом духовной культуры местного общества.

Известно, что стабильный очаг музыкального образования в Омске возник в 1910 г. в виде музыкальных классов при ООИРМО. Есть мнение, что ранее Л. С. Буланже «не жаждал создания музыкальных классов».² Но это не так. Именно по инициативе Л. С. Буланже первые музыкальные классы по хоровому и сольному пению открылись в Омске еще 20 января 1884 г., позже – по оркестровым инструментам. Но из-за отсутствия у ООИРМО собственного помещения, материальных ресурсов классы вскоре закрылись. Позднее была еще одна попытка «пустить первое семя музыкального образования в Сибири». Об этом знал А. Г. Рубинштейн, видевший в музыкальных классах, в том числе и омских, основу будущих консерваторий. Но сведений об их функционировании в Омске после 1888 г. нет.

В историографии музыкальной культуры Сибири приводятся разные даты образования ООИРМО. Так, в книге «1000 знаменательных событий из истории Омска» возможно по ошибке указан 1874 г.³ Но сведения эти впоследствии автоматически повторялись и в других публикациях. Некоторые авторы относят это событие к 1875 г.⁴ На основе документов ИРМО, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, установлено, что Омское отделение было образовано в 1876 г. по инициативе ООЛМ во главе с Л. С. Буланже, подкрепленной ходатайством генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова.⁵ Открытию ООИРМО способствовала и положительная оценка дирекцией ИРМО отчета Л. С. Буланже о продуктивной деятельности ООЛМ за 1870-1875 гг. По времени возникновения ООИРМО было первым в Западной Сибири, в Сибири – вторым (первое открыл в 1874 г. в Нерчинске купец и золотопромышленник М. Д. Бутин).

В 2016 г. наравне с юбилеем Омска должно отмечаться и 140-летие со дня основания Омского отделения ИРМО, существовавшего вплоть до ноября 1919 г. Деятельность его не имела перспективного характера, испытывая взлеты и падения. Но в историческом плане отделение многое сделало для становления музыкальной культуры города, создав систему ценностных координат, воспитав у населения вкус к классической музыке, тягу к музыкальному образованию. На этом фундаменте покоится и музыкальная культура современного Омска. Как видим, упреки Г. Н. Потаниным «филармонического» общества в «непрочности» далеки от реальности.

Примечания:

1. Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986. С. 217-218.
2. Зима Т. Ю. Томское отделение Императорского Русского Музыкального общества как социокультурный феномен Сибири конца XIX–начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 77.
3. 1000 знаменательных событий из истории Омска. Омск, 1998. С. 56.
4. Феттер П. З., Долгушин С. Л. Омск музыкальный и музыкально-педагогический: между прошлым и будущим // Актуальные проблемы отечественного музыкознания и музыкальной педагогики в новом тысячелетии. Вып. 5: Сб. науч. и метод. статей. Омск: Мир музыки, 2011. С. 64.
5. Белокрыс М. А. К истории образования Омского отделения Русского Музыкального общества // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Секция: история культуры. Омск, 1992. С. 38-43; Белокрыс М. А. Омское отделение ИРМО как центр развития музыкальной жизни региона второй половины XIX–начала XX вв. // Русское Музыкальное общество 1859-1917. История отделений. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 243 -259.

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ 300-ЛЕТИЮ ОМСКА

Омский государственный историко-краеведческий музей активно включился в работу по подготовке к 300-летию Омска почти за десять лет до памятной даты. Как известно, еще 11 января 2007 г. президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ №24 «О праздновании 300-летия основания г. Омска». Первым председателем оргкомитета по подготовке и проведению празднования юбилея Омска был назначен Герман Греф – выпускник ОмГУ. 25 января 2007 г. вышло распоряжение губернатора Омской области № 19-р «О праздновании 300-летия основания города Омска». А 27 января 2007 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в рамках подготовки к празднованию между мэром Омска В.Ф. Шрейдером и руководителями омских университетов (ОмГУ и ОмГПУ), омских исторических архивов, городского общественного фонда 300-летия города Омска и Омского государственного историко-краеведческого музея. Уже при подписании этого соглашения нами были высказаны конкретные предложения по изучению и сохранению историко-культурного наследия города.

В последующие годы ОГИК музей доступными ему средствами способствовал активизации историко-краеведческой работы в регионе и планомерно готовился к 300-летию основания Омска. Это проявлялось как в повседневной работе музея, так и в совместных партнерских проектах. Вся традиционная работа с посетителями теперь была ориентирована прежде всего на юбилей города. Расширилась тематика экскурсий и лекций для посетителей, продолжилась работа по организации детской интеллектуальной игры «Знатоки краеведения» (в том числе и в виртуальном формате) и областной молодежной научной краеведческой конференции «Омское Прииртышье: природа, история, культура». В 2015 г. прошла уже двадцатая конференция.

Одним из первых резонансных проектов, посвященных юбилею города, была акция «Омская звезда», подготовленная ОГИК музеем совместно со своими партнерами Группой ОМСК, в результате которой в фондах музея в 2006 г. оказались уникальные экспонаты о небесном объекте, носящем имя нашего города.

В 2009 г. музей подготовил второй том «Энциклопедии города Омска» под названием «Хронограф Омска» (авторы П. П. Вибе, Е. М. Бежан, Ю. В. Трофимов), а в 2010–2012 гг. сотрудники музея написали около двухсот статей для третьего тома «Энциклопедии города Омска» и двухтомной «Энциклопедии Омской области». В сентябре 2013 г. в музее работала выставка-конкурс проектов «Городское пространство “Омская крепость”», призванная определить дальнейшую судьбу территории Второй Омской крепости. На этой выставке музей представил свой проект «Историко-археологическое исследование Первой Омской крепости», обратив тем самым внимание организаторов конкурса на необходимость первоочередного исследования территории на левом берегу Оми, где и был основан Омск. В 2014 г. при поддержке Группы ОМСК музей провел фотоконкурс «Омск и омичи», пополнив свои фонды работами известных омских фотохудожников. В начале 2015 г. после завершения проекта «Славное имя Омска», организованного Омским областным телевидением, музей создал мемориальный зал генерала Д. М. Карбышева в Музейном комплексе воинской славы омичей, а в конце 2015 г. планируется проведение фотовыставки «Семейный альбом: история Омска в истории моей семьи». Совместно с Омским региональным отделением Союза краеведов России музей наладил систематическую работу краеведческого лектория, причем в 2015 г. его работа активизировалась, развиваясь в сторону дискуссионных круглых столов. По запросу департамента культуры г. Омска Ученый совет ОГИК музея и Омское региональное отделение Союза краеведов России обсудили и высказали свои рекомендации по созданию памятника основателям Омска. Очень понравились омичам выставка-трансформер «Омские истории» и автобусные экскурсии по городу, которые музей организовал в 2015 г.

В последние годы ОГИК музей установил прочные контакты с Государственным историческим музеем, организовав ряд выставок из его фондов. Первой из них была выставка «Сибирское взятие. Ермак и освоение Зауралья в XVI–XVII веках». Таким образом омичи получили возможность познакомиться с уникальными экспонатами, хранящимися в главном историческом музее страны.

С 2008 г. по инициативе Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева началась реализация общероссийской просветительской программы «Путь Петра Великого», главная идея которой – осмыслить историческую роль Петра Первого в государственном строительстве и культурной истории России. Цель программы – содействовать культурной интеграции больших и малых российских городов, которые обязаны Петру I своим основанием или исторически связаны с его деятельностью. Как

известно, в петровское время было основано более 50 больших и малых городов: Санкт-Петербург, Петрозаводск, Омск, Екатеринбург, Нижний Тагил, Пермь, Таганрог и другие. За Уралом лишь два города – Омск и Бийск носят гордое звание петровских городов. Главным событием программы являются Конгрессы петровских городов, которые проходят каждый год в Санкт-Петербурге в начале июня. Обычно дата проведения Конгресса приурочена ко дню рождения Петра Великого.

Сотрудники ОГИК музея в 2009–2012 гг. приняли участие в работе четырех Конгрессов, доложив на них о подготовке к юбилею города, о реликвиях петровской эпохи, хранящихся в ОГИК музее, и презентовав книгу «Третья столица. Омск. 1918–1919 годы». Результатом научных и творческих контактов, установленных на Конгрессах, стала Всероссийская научная конференция «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)», организованная ОГИК музеем при поддержке Международного благотворительного фонда имени

Д. С. Лихачева в 2010 г. В работе конференции принял участие научный руководитель Института Петра Великого д. и. н. Е. В. Анисимов.

Идея 300-летнего юбилея Омска была в центре внимания и на других крупных научных конференциях, организованных ОГИК музеем: 2011 г. – Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры»; 2012 г. – Всероссийская научно-практическая конференция «Первые Ядринцевские чтения»; 2013 г. – VII Всероссийские краеведческие чтения; 2014 г. – Всероссийская научно-практическая конференция «Вторые Ядринцевские чтения». И, наконец, в ноябре 2015 г. мы проводим Всероссийскую научно-практическую конференцию «Третьи Ядринцевские чтения: К 300-летию Омска».

На первом Конгрессе петровских городов в 2009 г., а затем и на конференции в Омске в 2010 г. нами была высказана идея археологического исследования территории Первой Омской крепости с целью определения ее точных границ, что сделает возможным установление памятных знаков на местах, обозначающих контуры крепости и ее важнейшие объекты. Археологические находки могли бы стать ценнейшими экспонатами ОГИК музея. Получив первоначально поддержку своих инициатив со стороны мэра Омска В. В. Двораковского, музей в итоге вынужден был самостоятельно провести в 2013–2015 гг. археологическую разведку на территории Первой Омской крепости, пополнив свои фонды единичными находками, среди которых было, например, пушечное ядро начала XVIII в. Вместе с тем масштабные археологические исследования могли бы дать более существенные результаты. Подтверждением тому служат успешные археологические

раскопки в Таре, которые проводятся под руководством С.Ф. Татаурова. Многие из тарских находок поступили в фонды музея и уже экспонируются.

Главным же итогом работы ОГИК музея по подготовке к юбилею Омска должна была стать новая историческая экспозиция. Потребность в ней назрела давно, т. к. два выставочных проекта «За веру и верность» и «Из века в век», созданных в начале 2000-х гг. и объединенных в единое экспозиционное пространство, выполнили свои функции и уже не отвечали современным требованиям.

Новый экспозиционный проект «Сибирский град Петров» реализовывался в рамках программы «Путь Петра Великого» и был приурочен к 300-летию города Омска. Его название, с одной стороны, свидетельствует о наличии общих закономерностей в развитии Омска и других городов, основанных в эпоху Петра, с другой стороны, подчеркивает военно-политическую значимость нового сибирского форпоста для укрепления границ будущей империи. Предполагалось создание масштабной исторической экспозиции на площади более 600 кв. м, хронологически охватывающей период с конца XVI в. до современности, аккумулирующей значительный информационный потенциал и обладающей мощной художественной выразительностью.

Цель экспозиционного проекта «Сибирский град Петров» – сохранение и популяризация историко-культурного наследия Омского Прииртышья.

Задачами проекта, соответственно, являются:

- выявление этапов, основных направлений, специфики развития региона, определение потенциала его дальнейшего развития;
- актуализация истории повседневности (условий жизни, труда и отдыха подавляющего большинства населения) в разные исторические периоды;
- формирование патриотического сознания граждан как важнейшего фактора единения нации.

Подготовка экспозиции включала научное, художественное и информационно-технологическое проектирование. В результате были разработаны научная и художественная концепции проекта, тематическая структура экспозиции, тематико-экспозиционные планы каждого из трех залов, схемы размещения экспозиционно-выставочного и мультимедийного оборудования.

На заседании Ученого совета ОГИК музея 10 апреля 2014 г. представители исторической и музейной общественности Омска единогласно рекомендовали концепцию экспозиционного проекта «Сибирский град Петров» к исполнению, признали обоснованными основные тематические блоки и экспозиционные доминанты, одобрили персонифицированный подход

в изображении истории с использованием историко-антропологических реконструкций как современный, аттрактивный, оказывающий наиболее сильное эмоциональное воздействие на посетителя. Тематико-экспозиционные планы по каждому отдельному залу и ход их реализации неоднократно обсуждались на заседаниях научно-методического совета музея и рабочей группы проекта. Экспозиция «Сибирский град Петров» состоит из трех частей, объединенных общей исторической канвой: 1 зал – «Освоение русскими Сибири. Основание Омской крепости»; 2 зал – «Омск – административный центр Западной Сибири и Степного края»; 3 зал – «Третий век омской истории».

Принципиальным отличием новой исторической экспозиции является расширение ее хронологических границ. Если раньше, как правило, экспозиция начиналась с основания Омской крепости, то теперь – с похода Ермака в Сибирь и основания Тары – старейшего города на территории Омского Прииртышья. Ведь известно, что роль Тары в освоении южных от нее территорий чрезвычайно важна, а среди основателей Омска было немало тарчан. При этом перед авторским коллективом ставилась задача обеспечить показ региональной истории в контексте общероссийских исторических процессов. Новизна экспозиции обеспечивалась также вводом в научно-экспозиционный оборот большого количества совершенно новых музейных предметов и реконструкций, поступивших в музей недавно, специально для создания новой исторической экспозиции «Сибирский град Петров». Важно отметить, что большинство из них прошли апробацию на выставках, являвшихся подготовительным этапом перед реализацией основного экспозиционного проекта. К ним следует отнести такие выставки, как: «Летопись Омска в Российской истории» (ко Дню города в 2012 г.), «Музей и город» (2013 г.), «И один в поле воин, если по-казацки скроен» (2013–2015 гг.), «Летопись Сибири: первые русские города» (2014 г.), «Экспонируются впервые» (2015 г.).

На этих выставках омичам впервые были показаны археологические находки, выявленные на территории Тарского острога и Первой Омской крепости, репродукции известных акварелей Н. Н. Каразина со сценами из истории Сибирского казачьего войска, материалы историка архитектуры В.И. Кочедамова – автора книги «Омск. Как рос и строился город», личные вещи Народного артиста СССР М. А. Ульянова и Первого секретаря Омского обкома КПСС С. И. Манякина, легендарный «народный» автомобиль «Москвич-400» и многое другое.

Особое место в новой экспозиции заняли исторические реконструкции, благодаря которым стало возможным, используя методы архитектурного

макетирования, воссоздать облик Тарского острога, Первой и Второй Омских крепостей, павильонов Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки. С исторической достоверностью были воссозданы отсутствующие в фондах музея образцы формы кадета и сибирских казаков, артиллеристское орудие времен Первой мировой войны, поднятое со дна Оми, и знамя тарских партизан. Впечатляет посетителей картина мастера масштабных исторических полотен В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Ее копия для экспозиции была предоставлена Русским музеем.

Опираясь на позитивный опыт использования в экспозициях историко-антропологических реконструкций (восковых скульптур) – «Колчак» в разделе «Гражданская война» выставки «Из века в век» (2007 г) и «Жуков» в экспозиции филиала «Музейный комплекс воинской славы омичей» (2010 г.), для новой исторической экспозиции «Сибирский град Петров» были изготовлены скульптуры: «Ермак», «Петр I и Бухголец», «Казнаков», «Туполев и Королев», «Манякин». Использование историко-антропологических реконструкций принципиально важно, т. к. трехмерность изображения, психологическая наполненность персонажей, сюжетность, композиционные и световые акценты – все это оказывает на современного зрителя сильное эмоциональное воздействие. Яркая образность работ подобного рода в новой исторической экспозиции ОГИК музея создает особое поле, позволяющее другим музейным предметам зажить новой жизнью. Практика показывает, что историко-антропологические реконструкции, являющиеся экспозиционными доминантами, позволяют не только грамотно и эффектно организовать пространство, но и вызывают устойчивый интерес у посетителей.

Важно отметить, что в новой исторической экспозиции появились принципиально новые темы, которые до сих пор по разным причинам полноценно никогда не освещались. К ним следует отнести, например, темы «Генерал-губернаторы Западной Сибири и Степного края», «Шарашка» (о пребывании в Омске А. Н. Туполева и С. П. Королева), «Первый секретарь обкома КПСС С. И. Манякин». Вместе с тем показ этих тем исторически более чем оправдан.

Генерал-губернаторы обладали широкими правами и полномочиями в экономической, административной и судебной области, являлись одновременно командующими Отдельным Сибирским корпусом и войсковыми наказными атаманами Сибирского казачьего войска. Будучи администраторами, в функции которых входило управление обширными территориями, они оказывали заметное влияние на развитие различных сторон сибирской

жизни. В омской же краеведческой литературе их роль долгое время необоснованно принижалась, а порой и вовсе замалчивалась. Несмотря на то, что в последние годы оценка деятельности генерал-губернаторов в литературе принципиально изменилась, в музейных экспозициях она еще не получила должного отражения. В новой исторической экспозиции «Сибирский град Петров» не только представлена полная портретная галерея генерал-губернаторов, но и реконструирован кабинет одного из выдающихся генерал-губернаторов Западной Сибири Н. Г. Казнакова в генерал-губернаторском дворце, в период правления которого были учреждены первый сибирский университет в Томске и Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

Академики, Герои Социалистического труда А. Н. Туполев и С. П. Королев – исторические личности мирового уровня, трудились в Омске в Особом конструкторском бюро в 1941–1943 гг. В тяжелейших условиях начального периода войны, в эвакуации в Омске, А. Н. Туполев сумел обеспечить развертывание серийного производства одного из лучших фронтовых бомбардировщиков войны Ту-2, доведя его к середине 1942 г. до уровня оперативной готовности. Макет самолета Ту-2 представлен в экспозиционном блоке «Шарашка». Именно в Омске С. П. Королев начал разрабатывать ракету дальнего действия – прообраз будущих космических кораблей. Представление этих исторических личностей в экспозиции музея способствует устранению «белых пятен» в истории края и повышению имиджевой привлекательности региона.

Герой Социалистического труда, Почетный гражданин Омска С. И. Манякин очень популярен в нашем регионе, о чем свидетельствует установка бюста, который открыли в 2013 г. губернатор Омской области В. И. Назаров и мэр города Омска В. В. Двораковский. С. И. Манякин 27 лет руководил областью (в 1961–1987 гг. – первый секретарь Омского обкома КПСС) в период активного роста города, связанного с развитием нефтеперерабатывающего комплекса, строительством новых заводов, интенсивным развитием экономики и агропромышленного комплекса Омской области. Показ этой исторической личности в экспозиции музея восполняет утраченные в последние годы объективные оценки истории советского периода и говорит о толерантном подходе музея к освещению исторического прошлого нашего края.

Реализации столь масштабного экспозиционного проекта предшествовала не менее масштабная работа по реконструкции залов и подготовке необходимого оборудования. В 2012–2014 гг. был выполнен комплекс ремонтных работ в экспозиционных залах музея № 1, 2 и 3 (общая площадь более

600 кв. м) с заменой электропроводки, систем отопления и кондиционирования воздуха; произведен ремонт потолка, стен, пола; установлены системы охранно-пожарной сигнализации и видеонаблюдения. В результате был увеличен объем залов, усилена их защищенность, приведен в соответствие с требованиями температурно-влажностный режим.

По мере ввода залов в эксплуатацию, проектировались и изготавливались витринные комплексы, подиумы, другое оборудование. Учитывая требования, предъявляемые к обеспечению сохранности музейных предметов, было принято решение минимизировать возможности представления подлинных музейных экспонатов в открытом доступе. С этой целью были изготовлены витринные комплексы закрытого типа, оснащенные щадящим освещением и охранной сигнализацией.

Финансирование проекта «Сибирский град Петров» осуществлялось за счет субсидий и поступлений от иной приносящей доход деятельности. Из-за его сокращения в 2015 г. пришлось отказаться от некоторых экспозиционных решений, временно отложить оснащение экспозиции современными информационными технологиями. Тем не менее подготовка контента для мультимедийного оборудования продолжается, и к юбилею города оно значительно расширит информационные возможности новой экспозиции.

7 октября 2015 г. экспозиционный проект «Сибирский град Петров» был успешно представлен членам Ученого и Общественного советов ОГИК музея, а 29 октября состоялось торжественное открытие экспозиции.

Е. П. Гаранина

Павлодар, Государственный педагогический институт

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ГОРОДА

В последнее время гуманитарные науки всё чаще и чаще обращаются к региональному компоненту. Это касается и литературоведения. Региональная литература занимает важное место в культурном контексте города — она служит для осмысления его особенностей, формирует образ города в культурном сознании, создаёт представление о регионе в общекультурном контексте страны. В регионах с давней культурной традицией постепенно формируется собственная «история литературы», развитие которой следует за развитием городского культурного контекста в целом.

Изучение истории региональной литературы может быть показательным для изучения истории культурного контекста в целом. В данной работе это будет показано на примере русскоязычной литературы Павлодарского региона.

Литература Павлодара — часть общекзахстанского литературного процесса. На неё наложен отпечаток общекзахстанского исторического, культурного и литературного развития, но эти общие черты в ней так или иначе совмещаются с областным, региональным своеобразием. Истоки павлодарского литературного процесса уходят в начало XX века, когда из Павлодара вышло множество интересных авторов, имеющих не только региональное, но общесоюзное значение. Из поэтов первым делом приходит в голову, конечно же, Павел Васильев, а из прозаиков — Вячеслав Иванов.

Павел Васильев имеет в истории литературы Павлодара особое значение, потому что именно он заложил те черты региональной павлодарской литературы, которые делают её узнаваемой в общекзахстанском контексте. Именно в его творчестве был впервые сформирован тот образ города Павлодара, который развивался более поздними авторами. Именно Павел Васильев в своей поэзии заложил особенности павлодарского хронотопа как особого пространства со своими узнаваемыми приметами. Именно Павел Васильев впервые выделил и зафиксировал те черты и детали города, которые определили не только литературный, но и культурный его контекст. В качестве главных таких черт можно назвать провинциализм и евразийство.

В дальнейшем павлодарская литература продолжала развитие этих, условно говоря, «васильевских» линий (недаром крупнейшее и старейшее литературное общество Павлодара носит имя Павла Васильева). В творчестве членов этого общества (а в него входят известные в области поэты, писатели и журналисты: Виктор Семерьянов, Ольга Григорьева, Юрий Поминов, Иван Кандыбаев, Татьяна Окольников и многие другие) Павлодар является довлеющим пространственным образом. Павлодар — это не просто место жизни этих писателей или место действия их произведений, город выступает индикатором значимых и будничных событий человеческой истории, как личной, так и общественной. Характерной особенностью именно павлодарского литературного кода является тот факт, что личное и общественное в образе города сливаются, становятся единым. Поэтому каждый автор, с одной стороны, поддерживает в своём творчестве общий культурный код города, а с другой стороны, вносит в него что-то своё, глубоко личное и индивидуальное.

Особенно это заметно в лирическом творчестве поэтов старшего поколения, например, в стихотворениях Ольги Григорьевой. Именно в её творчестве Павлодар приобретает лирические черты «города души», становится не только внешним, но внутренним, психологическим пространством лирической героини. Именно поэтому в творчестве Ольги Григорьевой узнаваемые, географически вполне реальные черты конкретного города сливаются с субъективными ассоциациями автора. Вот, например, стихотворение «Венеция», где Павлодар в восприятии лирической героини сливается с итальянским городом: «На берегу Иртыша стоит мой дом. // По вечерам отражает река огни. // Это моя Венеция за окном // В маленькой лодке с тобой мы плывём одни. // Слышится мягкий, призывный голос валторн. // Не расслабляйся, лодочкой верно правь! // Что из того, что под ногой — балкон. // Я отражения больше люблю, чем явь». У того же автора есть стихотворение, построенное на сравнении Павлодара с другими, казахстанскими и европейскими, городами. Таким образом, через творчество Ольги Григорьевой в культурный контекст Павлодара включается культурный контекст иных городов, что дополняет и усложняет образ города.

Важной частью культурного павлодарского контекста являются образы природы, в частности Иртыша. Это центральный пейзажный образ, который организует природно-городское пространство. Иртыш в творчестве павлодарских поэтов — ось жизни, вокруг него сосредотачивается вся человеческая деятельность. Особенно заметно это в творчестве тех поэтов и писателей, чья жизнь непосредственно связана с Иртышом, например, - в

поэзии Виктора Семерьянова, который был сначала матросом, потом – рулевым, а потом – капитаном иртышского теплохода.

До сих пор речь в работе шла о писателях старшего поколения. Но в Павлодаре есть и молодые авторы, чье творчество пока еще не приобрело широкой известности в регионе, но которые, тем не менее, считают именно себя будущим павлодарской литературы. Интересно отметить, что, в отличие от писателей старшего поколения, городской культурный контекст в их творчестве сильно размыт. Скорее можно сказать, что они пытаются выйти за рамки регионального культурного и литературного контекста, сделать свое творчество «внерегиональным», творчеством «автора вообще», а не павлодарского автора. Если поэты старшего поколения всегда подчеркивали свою принадлежность именно к павлодарскому региону, то молодая поросль уходит от этого. Возможно, так обозначается новый виток в развитии павлодарской литературы, который внесет что-то новое в культурный контекст региона в целом.

О. В. Гефнер

Омск, Государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

ГОРОД В ВОЕННОМ МУНДИРЕ»: ОМСК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Омск XIX–начала XX вв. справедливо можно назвать военной столицей Западной Сибири. Возникнув сначала как крепость, военный форпост для продвижения вглубь Сибири, колонизации региона, он и в дальнейшем продолжал оставаться важным пограничным городом, центром генерал-губернаторства, военного округа, играющим большую роль и в обороне страны, и в освоении ее территорий. Военный фактор, несомненно, оказывал значительное влияние на формирование населения, внешнего облика, культуры, «души» города, который по образному выражению литератора И.И. Завалишина был «воинским станом передовой Руси у обетованной земли солнца»¹. Понять, почувствовать военный дух города помогает обращение к свидетельствам современников, омичей и гостей города, которые отразили свое восприятие Омска в воспоминаниях, газетных заметках, научных трудах.

Для многих современников, как живших в городе, так и бывших в нем проездом, Омск зачастую ассоциировался с военным лагерем. Офицер И. Белов, служащий в городе в середине XIX века, отмечал в своих воспоминаниях, что «Омск кажется постоянно укрепленным лагерем Сибири, или поселением: ибо жителей здесь, кроме военных и служащих по другим ведомствам, иных почти не заметно»². Так же характеризует город и проезжавший его известный путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский: «Омск ... уподоблялся скорее временному военно-административному лагерю, чем городскому промышленно-торговому поселению»³.

Характеризуя свои впечатления об архитектурном облике Омска, гости города, останавливали свое внимание, прежде всего, на военных зданиях и сооружениях, поскольку это были наиболее заметными, красивыми, а в середине XIX в. практически единственными каменными зданиями. Именно с военной жизнью были связаны наиболее важные архитектурные доминанты города – Сибирский кадетский корпус, генерал-губернаторский дворец, Воскресенский военный собор, Никольская казачья церковь, здания штаба, казарм, гауптвахта, Военное собрание, военный госпиталь и

др. Одним из ярких проявлений военной культуры в социокультурном пространстве города был военный мундир. Пребывание на улицах города офицеров, солдат, военных чиновников, кадетов в разнообразном военном обмундировании составляло важнейшую визуальную характеристику города, которую неоднократно подмечали современники, использовавшие именно «мундирную» терминологию при описании своих впечатлений об Омске. Американский путешественник Д. Кеннан, характеризовал Омск 1880-х годов как город, «где половина населения ходит в мундирах и занимается тем, что управляет другой половиной»⁴. Знаменитый сибирский писатель В.В. Иванов образно описывал Омск начала XX века так: «Ночью освещался только один Любинский, остальные улицы города лежали во тьме. Но казалось, что бесконечное число мундиров, усеянных блестящими пуговицами и погонами, хорошо освещает город. Его наполняли чиновники Степного генерал-губернаторства, штаба, суда, интендантства, артиллерийского управления, казаки офицеры, ученики кадетского корпуса, гимназий, учительских семинарий»⁵. Военные мундиры «господствовали» не только на улицах города, они были необходимым атрибутом различных учреждений, светских салонов, театральных зал. Интересно, что исследователь истории Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества В.Ф. Семенов, характеризуя социальный состав этой организации на первом этапе ее существования, когда в ней господствовали военные, использует терминологию, связанную с военной атрибуцией. Он называет собрания ЗСОИРГО этого периода «мундирными»⁶.

С военным характером города современники связывали как положительные, так и отрицательные черты в его общественной жизни. По мнению некоторых, пребывание высшей военной администрации, офицерства в Омске способствовало более оживленному развитию различных сфер городской жизни, в том числе и культурной. Другие, часто оппозиционно настроенные к власти общественные деятели, наоборот, с доминированием военных в городе связывали отсутствие активной общественной жизни, серьезных интересов и высоких стремлений у местного населения.

Таким образом, современники в своих воспоминаниях и размышлениях нарисовали образ Омска второй половины XIX - начала XX века как военного города, «города в военном мундире», каковым он являлся не только по своим функциональным особенностям и составу населения, но и по своему внешнему облику, внутреннему духу, жизненной атмосфере.

Примечания:

1. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862. С. 157.
2. Цит. по: Время и город: Омск XVIII–начала XX вв. в описаниях современников. Омск, 1996. С. 18.
3. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 г.г. М., 1948. С. 68.
4. Кеннан Д. Сибирь и ссылка... С. 111.
5. Иванов В. В. Похождение факира // Собрание сочинений. М., 1960. Т. 6. С. 189-190.
6. Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества // Записки Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества. Омск, 1927. Т. XXXIX. С. 8.

«ЧУВСТВО МЕСТА» В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Финский исследователь Анси Пааси отмечает, что идентификация с локальной общностью основана не на «знании», а, скорее, на «чувстве» и то, что мы называем «идентичностью» - проявляется в наших ежедневных практиках, идентичность не может быть четко артикулирована.¹ Объективные критерии городской идентичности (территория, язык, экономическое развитие, история и т.п.) являются, прежде всего, актом сопричастия, восприятия и оценки. Самоидентификация на уровне классификации (осознание своей принадлежности к городу) вовсе не обязательно влечет за собой идентификацию на эмоциональном уровне. В этом случае на первый план выходит вопрос не «Кто я?», а «Какой я?» Так, в поведении мигрантов, сменивших место жительства, могут усиливаться негативные эмоции к городу переселения, связанные со снижением социального статуса и жизненных стратегий. Даже, когда индивид полагает, что идентификация с новым для него местом жительства на эмоциональном уровне протекает не проблемно, нет уверенности, что речь не идет о самоидентификации с конкретными личностями, черты и свойства которых он распространяет на все воображаемое городское сообщество.

Эмоциональный компонент городской идентичности в зарубежных исследованиях эксплицируется посредством концепции «чувство места» (Д. Мэсси) и феноменологии восприятия, описывающей отношения между миром человека и его телом (М. Мерло-Понти). Феноменологический подход выступает здесь теоретической основой для описания эмоциональной привязанности человека к определенному месту и оказывается связанным с концепцией «жизненного мира» (Э. Гуссерль). Речь идет о существовании антропологически значимых мест, с особой атмосферой и аурой, значимость которых невозможно до конца превратить в товар или сделать инструментом власти. Места являются социальным продуктом, результатом совместного действия по территориализации некоего пространства различных актантов: людей, правил поведения, артефактов.²

По словам Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему.³ А. Лефевр выделяет особый срез пространства, *lived space*, которое «скорее чувствуют, чем мыслят». Данное пространство обозначается также как «*spiritual space*» или «*genius loci*», складывающееся в сфере индивидуального бессознательного.⁴ На этом уровне формируются пространственные привязанности, делающие нашу жизнь более устойчивой и ценностно значимой: родина, родительский дом, своя комната, любимый сквер и т.д.⁵ По словам Кери де Вит⁶, в современном контексте, изучение чувства места необходимо для понимания поведения людей в данном месте, как они защищают или отрицают, улучшают или разрушают, и могут ли они принести себя в жертву. Чувство места влияет на развитие ресурсов, принятие экономических решений, развитие туризма, национальные политические и даже международные отношения. Именно любовь к своему краю, идея духовной близости с ним обуславливает большую или меньшую развитость пространственного самосознания, ощущение отличия «своего» от «чужого» и на основе этого – возникновение представлений о «своем городе». Эмоциональная привязанность к определенным местам лежит, в частности, в основании создания особых «вернакулярных районов» в городском пространстве - освоенных мест и связанных с ними повседневных практик. В плане внешней репрезентации подобный уровень городской идентичности воплощается и описывается скорее средствами искусства, чем науки. По словам Дэвида Харви: «Странная пространственно-временность мечты, тайного желания, утраченного воспоминания или даже необычного возбуждения и дрожи от страха, когда мы спускаемся вниз по улице, могут репрезентироваться посредством произведений искусства, которые, в конечном итоге, всегда присутствуют в посюстороннем мире в абсолютном пространстве и времени».⁷

Л. Манцо отмечает, что в исследованиях *place attachment*⁸, эмоциональная привязанность к месту обычно характеризуется как вызывающая позитивные эмоции, поскольку она архетипически связана с метафорой «дома», заключающей в себе чувство радости, защищенности, безопасности, комфорта. Таким образом, будучи гибким адаптивным свойством, городская идентичность в своем ситуативном дрейфе может принимать как позитивные, так и негативные оттенки. Кроме того, необходимо учитывать и возможную эмоциональную связь человека с географически отделенными друг от друга местами, не связанными с его постоянным местом проживанием.⁹

Примечания:

1. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*, 71-72, 2011. P. 163-178.
2. Karrholm M. A conceptual discussion of territoriality, materiality and the everyday life of public space // *Space and Culture*. 2007. Nov. Vol. 10. 4. P. 439-440.
3. Osborne B. S. *Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place*, DRAFT, 2001. Режим доступа: http://clio.110mb.com/Osborne_Landscape.pdf (дата обращения: 21 августа 2013 г.)
4. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p
5. Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // *Вестник ТПГУ*. 2012. 11 (126). С.220.
6. Cary W. De Vit. Interviewing for Sense of Place // *Journal of Cultural Geography*. 2013. Vol. 30. No. 1. P. 120-144.
7. Харви Д. Пространство как ключевое слово // *Топос*. №1. 2011. С. 21.
8. См. напр.: Antonsich M (2010a). Meanings of place and aspects of the self. *GeoJournal* 75: 119-132; Hidalgo MC and Hernandez B (2001). Place attachment. *Journal of Environmental Psychology*. 21. 2003. P. 273–281.
9. Manzo L. Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places // *Journal of Environmental Psychology*. 23. 2003. P. 49-50.

Ю. В. Гришин, Н. А. Перестюк

*Омск, филиал Омского государственного историко-краеведческого музея
Музейный комплекс воинской славы омичей, ОГОО «СВП»*

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОМСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ, СОЗДАННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Об участии сибирских воинских формирований, в частности, о воинских частях, сформированных в городе Омске и Омской области в годы Великой Отечественной войны, о подвигах воинов-сибиряков в боях с немецко-фашистскими захватчиками написано и рассказано, казалось бы, достаточно много. На самом же деле большинство сведений и фактов отрывочны, разбросаны по разным изданиям, а данные о многих неточны или вовсе утрачены. До сих пор отсутствовал полный перечень этих частей. Основными источниками на протяжении многих лет являлись книги «От Иртыша до Эльбы» и «Книга памяти» с 17-ю наименованиями соединений и частей, сформированных в Омской области. На празднованиях Великой Победы проносили 17 штандартов с их номерами, а сам список переходил из издания в издание, с сайта на сайт.

В рамках мероприятий по достойной встрече 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. по инициативе Омской Городской общественной организации «Совет ветеранов и пенсионеров», в частности, её председателя Павлова Геннадия Александровича, в июле 2014 г. началась работа по розыску сведений о частях и соединениях, сформированных в Омске и Омской области. Была создана рабочая группа, в которую вошли заместители председателя Совета ветеранов Перестюк Н. А. и Матяш Н. С., а также сотрудник областного Дома ветеранов Ананьев Г. Г.

В сентябре 2014 г. совет ветеранов обратился с письмом к директору Омского государственного историко-краеведческого музея Вибе Петру Петровичу с просьбой оказать содействие в этой работе. В состав группы вошел старший научный сотрудник музейного комплекса Воинской славы омичей Гришин Ю. В.

Работа началась с подготовленного генералом Фатеевым Н. Т. списка воинских формирований, в котором значилось уже 19 воинских частей. До конца 2014 года была проведена исследовательская работа в Мемориале п. Черёмушки, музее Омского кадетского корпуса, музее УВД по Омской

области, архиве ФСБ, библиотеке им. Пушкина, Историческом архиве Омской области, школе-интернате №14, школе №106, историческом факультете Омского педагогического университета. Получены ответы из Центрального архива министерства обороны Российской Федерации.

Сегодня уже имеются сведения о 59 воинских частях, сформированных в Омской области. В списки включены:

- 5 авиационных полков (667, 671, 677, 680, 683 бомбардировочные),
- 3 отдельных дивизиона бронепоездов (27, 40, 47),
- к 712 отдельному линейному батальону связи добавились 713 и 714,
- в список также вошли 437, 428, 429, 430 отдельные технические роты
- 770-я отдельная телефонно-строительная рота и множество других

более мелких частей.

Исключен из списка 57-й отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи, сформированный в Кременчуге, на пополнение которого в 1942г. прибыли 450 девушек из Омска.

В ходе работы уточнены данные по госпиталям, размещавшимся в Омске и Омской области.

Перед празднованием 70-летия Победы члены рабочей группы были заслушаны в администрации Омской области.

По итогам этой работы изготовлены новые штандарты для парада Победы, заказаны мемориальные доски на здания их не имеющие, будут дополнены памятные доски на Мемориале в Черёмушках.

Однако, до сих пор нет полного перечня оборонных предприятий г. Омска и области, военно-учебных заведений и запасных частей, готовивших кадры для фронта, а ведь одна только 39-я омская запасная стрелковая бригада за полтора года войны отправила на фронт более 1000 маршевых рот. Нет сведений о 16-и военно-санитарных поездах и 2-х поездах-баних отправленных на фронт из Омска.

Работа группы, начатая к празднованию 70-летия Великой Победы, продолжается теперь уже в рамках подготовки к 300-летию Омска.

А. Н. Гуменюк

Омск, Государственный технический университет,
Государственный институт сервиса

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ ЛЮБИНСКОГО ПРОСПЕКТА: СТИЛЕВЫЕ ОТТЕНКИ. ОМСК. 1870–1910-Е ГГ.

Любинский проспект формировался постепенно, вместе с втекающими в него улицами Гасфортской (ул. К. Либкнехта) и Музейной, примыкающей к нему в нагорной части Базарной площадью и Санниковским проспектом у начала Железного моста (ул. Ленина). Освоение этой территории началось после упразднения в 1864 г. Второй омской крепости. Наиболее важными событиями 1870–1880-х гг. явились создание в нагорной части эспланады рыночной площади и возведение нескольких учебных заведений. С обретением крепостной эспланадой новых функций в город приходит и новая столичная архитектура – *деликатная эклектика* петербуржца Э. И. Эзета.

В те же годы начинает застраиваться восточная сторона будущей главной улицы Омска – Любинского (официально Чернавинского) проспекта. Двухэтажные торговые дома с пристроенными к ним «в строку» купеческими лавками образовали единый протяженный фасад улицы. Архитектура зданий представляла собой эклектический союз элементов и форм двух-трех исторических стилей – как правило, с доминантой *сдержанного барокко*.

С началом строительства железной дороги на омском отрезке Великого Сибирского пути (1890-е) в городе активизируется торговля, усиливается конкурентная борьба за покупателя, – это диктуют и новое отношение к архитектуре. Восточная сторона Любинского начинает менять облик своих фасадов. Деликатная эклектика уступает место явному украшательству. С лёгкой руки архитектора И. Г. Хворинова центральная улица Омска будет застраиваться торговыми зданиями, где сочетание исторических «цитат» разновременных стилей станет повсеместным. Типичным образцом стилиевой системы эклектики в ее пышном варианте явился Торговый дом Шаниной (1898–1900), возведенный зодчим на углу проспекта и Гасфортской улицы. Подвергнутся перестройке и вырастут на этаж купеческие лавки, обретут купола и обилие внешнего декора торговые дома, зазвучат

в каменных фасадах восточной стороны «исторические воспоминания» о *Средневековье и Ренессансе, барокко и рококо, классицизме и древней Помпее* (арх. Э. И. Эзет, И. Г. Хворинов, М. И. Шухман). На Базарной площади, граничащей с Любинским, будет возведено и роскошно декорировано в духе барокко и раннего и классицизма здание городского театра (арх. И. Г. Хворинов).

В конце 1890-х гг. частным лицам была распродана и Любина роща, фланкировавшая западную часть проспекта. В Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге 1900 г. она уже не значится. На месте рощи начинает расти вторая сторона проспекта с комплексом Московских торговых рядов (арх. О. В. Дессин). Монументальное здание заявило о себе *ренессансно-барочными* фасадами с огромными куполами французского типа. Рядом с ним расположился отмеченный стильным декором – с элементами *модерна* – оптовый магазин Викулы Морозова с сыновьями. Открытость здания к различным архитектурным стилям – *Ренессансу, барокко, классицизму и модерну* продемонстрировал крупный пассаж Овсянниковых-Ганшинных – представителей купеческой элиты из Подмосквья.

Местные купцы и городские власти отреагировали на московскую экспансию строительством на западной стороне проспекта не менее *прихотливо-рокальной* в декоре трехэтажной гостиницы «Россия» (арх. И. Г. Хворинов) и монументального, *неоклассической архитектуры* Городского торгового корпуса (арх. А. Д. Крячков), которым завершилось формирование Базарной площади, замыкавшей Любинский проспект в его нагорной части.

Эклектичность фасадов зданий Любинского проспекта – результат свободного смешения исторических стилей и отсутствие четкой иерархии главных и второстепенных элементов, их соразмерность друг другу, ритмическое единообразие позволяют говорить об ансамблевости застройки главной улицы Омска. Ограничение высоты дома, его сомасштабность человеку, дающую возможность комфортно воспринимать городскую среду, способность приращивать объёмы, не нарушая принятой «строки», также являются признаками архитектурного ансамбля. Казалось, что разнообразие в цветовом решении зданий могло нарушить единство улицы, но оно смягчалось акцентированием деталей фасадов более светлым тоном или белым цветом. Выразительный силуэт Любинского с его высотными доминантами в виде куполов и башен торговых домов, Серафимо-Алексеевской и Иверской часовен, расположенных у реки и Базарной площади, также способствовал созданию целостного образа.

Не каждый сибирский город может гордиться подобным феноменом: возникновением в конце XIX – начале XX в. (период бессистемного

строительства) нового градообразующего центра с ансамблевым звучанием улицы. Подчеркивая стилевое единство и ансамблевый характер Любинского проспекта, невозможно обойти вниманием входящую под углом в его пространство улицу Гасфортовскую – часть её со всей определенностью можно назвать «Итальянской улочкой». Здесь в 1913–1915 гг., следуя образцам итальянских палаццо эпохи Ренессанса, были возведены монументальные здания страховой компании «Саламандра», торгового общества «Треугольник» (оба арх. Н. Н. Верёвкин) и здание торгового общества Тверской мануфактуры (арх. А. Д. Крячков). К признакам ансамбля, но уже ансамбля *неоклассической архитектуры*, следует отнести также общность высотной красной линии, сомасштабность объёмов, тождественность ритмического построения, колористическое и фактурное решения. Территориальный «союз ансамблей» двух улиц обозначил очередное движение провинции к архитектурным новациям столиц: от поздней эклектики к неоклассицизму.

Архитектурные памятники Любинского проспекта и примыкающих к нему улиц, не претерпев кардинальных изменений, и сегодня являются своеобразной энциклопедией архитектурных стилей в Омске.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА

История локальных городских сообществ показывает нам пример самоорганизации культурного пространства, основанной на практиках добровольных формирований. Культурный ландшафт провинциального города в дореволюционной России вообще трудно воссоздать, не обратившись к деятельности многочисленных общественных организаций. Среди факторов, ускоривших процессы активизации провинции можно назвать следующие: 1) политическая ссылка, восполнившая недостаток Сибири в образованной интеллигенции. Здесь было представлено русское революционное движение на всех стадиях его развития. На поселении большинство ссыльных отошло от политической деятельности к культурно-просветительной работе; 2) открытие университета в Томске (1888 г.); 3) проведение железнодорожной магистрали, связавшие сибирские города с важнейшими экономическими и культурными центрами страны и вызвавшее приток переселенцев, рост промышленности, повышение активности населения; 4) областничество, сыгравшее важную роль в процессе общественной консолидации.

С 1860-х гг. наблюдалось и изменение купеческих умонастроений. Новый образ жизни и ценности купцов оказали большое влияние на формирование в регионе общественных организаций, поскольку они являлись в них главными спонсорами. В основном купеческими по составу были благотворительные общества. Так, в Бийской организации они составляли 70 % членов Комитета. Половина учредителей Тюменского общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам также принадлежала купеческому сословию. Купечество проявляло активность и в деятельности органов местного самоуправления.

Первоначально основная масса городского населения выступала как пассивный объект воздействия интеллигенции. Сами деятели объединений неоднократно сетовали на равнодушие и неприятие общественных инициатив со стороны граждан. Однако по мере развития активности самих обществ, расширяется и их социальный состав.

Изучение участия женщин в общественных организациях представляет особый интерес. Данный анализ общественной активности в дореволюционной России, позволяет по-иному оценить уже известные явления и процессы, происходившие в переломный период. Приобщение к общественной и культурной деятельности у многих активисток шло через реализацию активной жизненной позиции, ранее уже проявившуюся в сфере бизнеса. Как правило, многие из них успешно занимались коммерческими делами вместе с мужьями. Высокий процент участия удачливых бизнесменш в добровольческом секторе не случаен. Общественная деятельность предоставляет большие возможности для самовыражения в соответствии с идеологическими ценностями и организаторскими способностями. Некоторые женщины пришли к общественной работе после участия в деятельности той или иной политической партии, а нередко - выполняя ее поручение. С конца XIX в. развитие гражданской позиции женщин в провинции происходило в рамках наращивания общественной активности. Изменения в политическом строе России в начале XX в. потребовали качественно новой модели общественного поведения, всецело реализованной женщинами уже после революции.

Итак, рассматриваемые формирования конца XIX – начала XX в., в создании и деятельности которых принимали активное участие все социальные, профессиональные и половозрастные группы, явились подлинными институтами общественной самостоятельности и самоуправления. Анализ социального состава ряда формирований позволяет утверждать об их разнородности и сделать вывод о приобщении к общественной деятельности накануне революции различных социальных слоев. Состав руководящих органов организаций был более социально сплоченным, что иногда накладывало определенный отпечаток на их деятельность.

При минимуме политической самостоятельности граждан, мы видим, что появление многочисленных островков гражданской жизни – общественных организаций – позволяет утверждать, что обыватели постепенно учились надеяться в первую очередь на себя.

Создание и деятельность изучаемых структур лежит на конкретных личностях, поэтому воссоздание эпохи, исторической среды идет через биографии, чтобы избежать вынесения за скобки тех, кто создавал этот особый социальный мир самых разных сообществ. Судьбы отдельных представителей интеллигенции в контексте общей проблематики позволяют лучше понять те или иные аспекты рассматриваемых процессов. В кружки и общества объединялись люди самых разных профессий, сословий, возрастов. В переломные исторические моменты для одних работа в обществах стала

прикрытием партийных целей. Другие, заявляя о своей аполитичности, работали в формированиях ради провозглашенных идей. Но для тех и других, в ситуации скованности российской политической жизни, общественные организации оказались той защитной нишей, т.н. «культурными гнёздами», в которых интеллигенция могла укрыться от опасностей острой политической борьбы.

В целом деятельность рассматриваемых объединений отразила формирование культуры нового социального типа. Результатом этих процессов стало увеличение свободного времени, повышение культуры досуга. Анализ гражданской активности приводит нас к необходимости осмысления, особенно на региональном уровне, либерализма как системы мировоззрения большей части интеллигенции в дореволюционную эпоху.

А. В. Жидченко

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО ГОРОДА СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

(по материалам новых районов Омска
и Новосибирска)

2016-й год станет годом празднования 300-летия города Омска, что является важным юбилейным событием современной истории Сибири, а также значимой датой, способной привлечь внимание историков всей России к сибиреведению, истории и культуре Омского Прииртышья, по-новому оценить многие исследовательские проблемы. Именно эта новая оценка, а также расширение источниковой базы и применение новых инструментов для научной реконструкции истории всей Сибири и отдельных ее городов, является значимой и общественно-значимой на пути к подобному крупному юбилею.

Дополнительно стоит отметить, что 300-летие второго по величине города на обширной территории от Урала до Владивостока в целом повышает актуальность темы изучения городской культуры и городского культурно-исторического пространства. В предлагаемой работе будет сделана попытка приблизиться к некоторым подходам к анализу пространственного отражения повседневности сибирского города середины XX века.

Основной методологический аппарат находится на стыке таких направлений современного гуманитарного знания, как история повседневности и гендерная история с одной стороны, а также теория культурно-цивилизационного ландшафта¹ и гуманитарная география с другой.

Основными источниками стали: материалы устной истории (воспоминания старожилов городских районов 1950-60-х гг.), картографический материал, материалы периодической печати, отраслевая литература, материалы натурного обследования объектов, а также группа визуальных источников.

В качестве объектов были выбраны строившиеся в 1950-60-е гг. новые городские районы в двух крупнейших городах Сибири, Омске и Новосибирске. С одной стороны, это производственный район, омский Городок Нефтяников, с другой стороны – пример наукограда – новосибирского Академгородка.

Обращаясь в данной работе к теории гуманитарной географии, отметим такую тенденцию, как близость географического ландшафта и социокультурных практик человека в его повседневной жизни. В конечном счете, этот вывод следует из того, что современная теория культурного ландшафта рассматривает культуру и географическое пространство в их единстве. Ссылаясь на труды Ю.А. Веденина, О. Орлова отмечает, что «в культурный ландшафт на равных правах входят материальная и духовная культура, современная (традиционная и инновационная) и культурное наследие».² Это говорит о соотношении в городском культурном пространстве двух компонентов: материальном, связанным с архитектурно-планировочным ландшафтом, зданиями, учреждениями, организациями и т.д. и культурном, связанным с ментальными представлениями, исторической памятью, пространственными образами и т.д.

1950-60-е гг. стали в советском градостроительстве периодом перехода от создания кварталов жилых домов в ансамблевом оформлении в стиле позднего сталинского ампира к массовому жилищному строительству по принципу микрорайонной застройки.

В это время также произошел официально признанный отказ от прежних методов создания социального пространства города с возведением домов-коммун с фабриками-кухнями и другими обобществленными формами быта. Развитие индивидуальных форм жилья оказалось признанным в качестве более пригодного на данном этапе развития советского общества, и в основу расселения были положены принципы покомнатного проживания семей. Уже во второй половине 1950-х гг. этот принцип расселения был заменен на поквартирный, что повлекло за собой еще одну волну изменений в городской среде, а также в городской повседневности.

В двух городских районах, о которых мы говорим в данной работе, является важная особенность, которая связана с тем, что как место работы, так и место жительства для населения здесь находилось в одном и том же районе. Ученые Академгородка могли пешком дойти до любого института от своих жилых домов, рабочие омского нефтезавода пользовались служебным транспортом, чтобы добраться от дома до цехов предприятия.

В целом и сфера бытового обслуживания была налажена таким образом, что в пределах одного жилого района человек мог удовлетворить все свои потребности – покупка продуктов питания, бытовой химии, учреждения образования, здравоохранения, детские сады и ясли, спортивные залы, кинотеатр, дом культуры, парк и т.д. При этом в пространственном отношении достаточно отдаленный от этих городских районов центр города мог существенно расширить сферу досуга горожан такими учреждениями как

центральная библиотека, театр, цирк и т.д. Но в целом анализ повседневной жизни говорит о том, что преимущественно районы жили автономно.

Центром «притяжения» общественной и культурной жизни в городских районах должны были стать построенные на пересечении важнейших социокультурных осей данных районов – дома культуры, в основу создания которых был положен профессиональный принцип. Это – Дом ученых СО АН СССР в Академгородке и ДК «Нефтяник» в омском Городке Нефтяников.

При этом в пространственном отношении двух районов выделяются и «неформальные» центры притяжения повседневной жизни, какими может быть «общественно-торговый центр» в Академгородке, и та же площадь у Дворца культуры «Нефтяник» в Городке Нефтяников. Это так называемое место встреч, место отдыха, досуга и, что немаловажно, место сосредоточения магазинов.

В целом, оба района, как рабочий, так и наукоград, показывают немало как общих, так и особенных тенденций пространственного отражения повседневности. Общими является замкнутость территории, необходимой для повседневных практик, притяжение культурной и общественной жизни к определенным местам. Особенным же является ментальное восприятие этого пространства, которое зависит от профессиональной принадлежности жителей данных районов (рабочие и ученые).

Примечания:

1. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 9-28.

2. Лавренова О. Междисциплинарное поле мысли: культурный ландшафт // Проблемы теоретической и гуманитарной географии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию со дня рождения Б. Б. Родомана. М., 2013. С. 216

АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ
И МОНУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ (на примере Омской крепости)

Известный классик мировой архитектуры Доминик Перро ввел в градостроительную теорию и практику термин: оставлять время наедине со временем. Наиболее точно этой архитектурной тенденции отвечают территория и исторические объекты второй Омской крепости.

Омская крепость – это пантеон памяти русской истории, в пространстве которой сохраняется XVIII век, память о значимых событиях, представляющих интерес не только для Омска, России, но и для всего мира. Крепость была смыслом существования нашего города, основным опорным объектом главной пограничной линии, «окном в Азию», благодаря чему происходило освоение южных рубежей империи. Россия прирастала Сибирью именно благодаря Омской крепости. Это единственное достопримечательное место Омска, сохранившее память о русском воинстве и пребывании людей, известных всему миру, прежде всего Ф. М. Достоевского. Создание государства Казахстан, первое полицейское управление России, победы на Бородинском поле с участием Ширванского полка – исток этих исторических событий также составляют суть «гения места» Омской крепости. И если мы архитектурно-градостроительными и монументально-художественными средствами возродим память об этих событиях, то отреставрированная Омская крепость будет тем выдающимся историческим пространством, которое привлечет внимание к нашему городу, обеспечит ему приток инвестиций, туристов, создаст конкурентность среди сибирских городов.

Помимо исторических событий, значимость Омской крепости заключается в том, что это выдающееся сооружение было создано по передовым для того времени методам военной фортификации, созданным французским инженером-архитектором Себастьяном Вобаном.

Его книга в 1702 году была переведена на русский язык, и когда Иван Шпрингер выехал исполнять приказ Екатерины II по созданию главной

пограничной линии, то взял ее с собой и реализовал ее основные постулаты при создании оборонительных сооружений Омской крепости.

Часто в некоторых СМИ появляются публикации, где авторы сокрушаются: что это за крепость, без крепостных стен и башен. Но именно их отсутствие является отражением выдающихся фортификационных качеств Омской крепости.

Дело в том, что средневековые принципы создания крепостей устарели, и высокие крепостные стены не обеспечивали защиту. Благодаря науке баллистике научились рассчитывать и задавать траекторию полета ядра. Члены Омского отделения ВООПИиК подробно изучили конструкцию военных укреплений Омской крепости по старым картам и архивным материалам. Если Омская крепость – главный объект 300-летия города, то главный объект Омской крепости – это земляной вал, потому что без этого оборонительного сооружения это уже не крепость. Мы подготовили подробные чертежи для возрождения вала между Иртышскими и Тобольскими воротами и частично рва.

Нашими специалистами доказано, что вал Омской крепости был сложным и грамотным инженерным сооружением. При его строительстве вначале выполняли дренаж, затем двухслойный деревянный настил, грунт послойно утрамбовывался, его поверхность укреплялась дерном... Мы стараемся максимально достоверно выполнить чертежи для реставрации уничтоженного вала, реализуя такие понятия, как бастион, бруствер, гласис, эскарп, редант, аппарели, барбетты и т.п.

Как известно, непосредственно к Омской крепости примыкала эспланада, так называемая «зона свободного выстрела». Она располагалась от Тарских ворот между улицами Ленина и Интернациональной, где находится Успенский кафедральный собор. На этой полосе никто не селился, ибо она простреливалась, как и направления лучевых улиц, исходящих от Омской крепости. «Зона свободного выстрела» впоследствии трансформировалась в зеленое ожерелье бульваров, включая современный сквер имени Дзержинского. Именно эти зеленые пространства выдающийся градостроитель Гесте включил в генплан Омска.

Как видите, крепость предопределила планировочную структуру современного центра города. Следовательно, пространство крепости должно стать особо охраняемым объектом культурного наследия – как сакральное место, сохранившее в себе сущность русской истории и культуры. Недопустимо превращать его в ординарное общественное пространство, уничтожив при этом уникальные исторические предпосылки Омской крепости. Поэтому необходимо возродить уничтоженные исторические объекты,

отреставрировать существующие, обогатить и углубить историческое пространство памятниками и памятными знаками, воссоздать планировочную структуру как основу территориального развития Омска.

Накануне трехсотлетнего юбилея следует признать, что в архитектурно-градостроительном и монументально-художественном аспектах пространство города пока не готово к проведению торжественных мероприятий, хотя совместное постановление губернатора и мэра по созданию историко-культурного общественного центра было принято еще в 1997 году.

Согласно этому постановлению исторический центр города Омска определялся в границах улиц Масленникова, Маршала Жукова, включая Казачью слободу, улицу Фрунзе, реку Иртыш. В этих границах, а это 340 гектаров, необходимо разработать историко-культурный опорный план, внося изменения в проект планировки и утвердив эту историческую территорию как зону особого градостроительного регулирования. Историко-культурный опорный план – это «карта военных действий», на основе которой координируется весь процесс возрождения исторической среды, определяются состав и стоимость проектных работ, устанавливаются градостроительные регламенты: ограничение этажности, единство стиля, цветовое решение. Ограничивается размещение крупных торговых комплексов, стоянок, рекламных щитов. Предполагается определить границы охранных зон с учетом бассейнов видимости, чтобы не закрывать новой застройкой вид на исторические памятники. Будут также сформированы туристические маршруты, обогащенные памятниками и памятными знаками.

К сожалению, процесс создания опорного плана затягивается, так как многие застройщики, видимо, опасаются регламентов нового строительства, которое должно соответствовать масштабу исторической среды. В зоне особого градостроительного регулирования недопустимо будет размещение таких чуждых объектов как парковый аттракцион «колесо обозрения» или огромные гостиницы типа «Хилтон», особенно напротив Успенского кафедрального собора.

В исторической среде должны доминировать храмы. Чтобы возродить историческую среду Омской крепости, необходимо демонтировать огромный плац из бетонной плитки, возродить историческую планировку и ландшафтный характер, создавая сомасштабную среду трепетной архитектуре исторических зданий. Сегодня в контрасте с бетонным плацем и новодами они кажутся лишними и случайными. Чтобы их органично вписать в пространство Омской крепости, необходимо восстановить ее по принципам

историзма: деревья и газоны, старинные фонари и малые формы, деревянные тротуары, кирпичные мостовые, брусчатка и т.п. Все это необходимо делать в сочетании с ритуалами: русские народные празднества, марширование солдат, историческая реконструкция, венчание под сводами Преображенской церкви, интерактивные музеи, экскурсии и т.п. Все это в комплексе будет представлять уникальное явление, ценное не только в туристическом аспекте, но и – прежде всего – в мировоззренческом, воспитывающее патриотизм, высокую духовность, национальное самосознание. Уникальное историко-краеведческое, архитектурно-культурное общественное пространство нельзя сводить лишь к утилитарности, практичности и коммерческой целесообразности.

Возрождая историко-культурное пространство нашего города по принципам историзма, мы исходим из более высоких целей на ментальном уровне, которые отвечают задаче реализации одного из главных постулатов современной политики, провозглашенных В. В. Путиным: инвестиции в человеческий капитал. А это, прежде всего, высокая духовность, патриотизм, почитание исторических корней – без этих качеств невозможно сохранение национального менталитета, развитие экономики и будущее страны.

Принципы архитектурного и художественного оформления города должны выявить, обеспечить реставрацию и воссоздание объектов наиболее значимых мест исторического пространства города: границы и места размещения ворот первой Омской крепости, площади Бухгольца (место рождения юбилера); «Омская крепость», пространство которой сохраняет память о событиях, определивших судьбу России и место острога, связанное с Ф. М. Достоевским, имя которого известно всему миру; подходы к филиалу «Эрмитажа» с организацией аллеи путешественников и установкой копий коней Клодта на пересечении улиц Музейная и Партизанская.

По заданию городской Администрации Омское областное отделение ВООПиК с участием историков, краеведов, ученых, архитекторов, студентов СибАДИ разработали обширную программу подготовки исторического пространства города к трехсотлетию юбилею: план (дорожная карта) организационных, научно-проектных и реставрационных работ, историческая справка, план экспозиции музея «Омская крепость», места размещения памятников, памятных знаков, мемориальных досок (более 400 объектов)

Именно историческая реконструкция этих сакральных пространств должна быть положена в основу сценария проведения праздничных мероприятий, организации экскурсионных маршрутов, возрождения старинных

и формирования новых ритуалов, а все остальные дизайнерские приемы должны способствовать раскрытию историко-краеведческой, военно-патриотической и культурно-образовательной значимости трехсотлетнего юбилея и исторического пространства в целом.

Именно воссоздание и развитие историко-культурного наследия должно составлять суть архитектурной и градостроительной политики. Именно подобный подход сможет обеспечить конкурентность и инвестиционную привлекательность города Омска. Мы всегда должны руководствоваться словами Марины Цветаевой: «Если сегодня нет вчера, то не будет и завтра».

В. Ф. Козлов

*Москва, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ,
председатель Союза краеведов России и Московского краеведческого общества*

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ И СОЮЗ КРАЕВЕДОВ РОССИИ – ДВЕ МОДЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Для начала попробуем охарактеризовать ныне часто употребляемый термин «краеведческое движение». На наш взгляд, это – массовое участие местного населения в комплексном изучении своего края. Движение это характеризуется наличием в стране центральных и региональных краеведческих органов управления и общественных объединений и иногда поддерживается властями. Краеведческое движение в разных формах обычно проникает в социальную жизнь людей, во многие отрасли культуры, в частности, в образование, просвещение, музейное, архивное и библиотечное дело.

До революции 1917 г. краеведческого движения в стране не существовало. Находившиеся в разных губерниях и занимавшиеся изучением края немногочисленные музеи, научные общественные организации (ученые архивные комиссии, исторические общества, статистические комитеты) не были объединены каким-либо центральным органом, и действовали в целом самостоятельно. Следует отметить активную роль в конце XIX – начале XX в. Московского археологического общества (МАО) в координации дела охраны памятников старины и изучения местного края. Деятельность МАО, регулярно проводившего всероссийские и областные археологические съезды, все более приобретаа всероссийский характер, и если бы история еще отпустила десяток лет мирному развитию России, Общество сумело бы стать руководящим и координирующим органом для местных объединений краеведческого характера.

Широкое краеведческое движение в стране возникло после окончания Гражданской войны. Советская власть смогла использовать в политических и просветительских целях огромный интерес на местах к комплексному изучению своего края. На созванной в декабре 1921 г. Всероссийской конференции научных обществ было принято решение создать при Академическом центре Наркомата просвещения РСФСР Всероссийское Центральное

бюро краеведения (ЦБК). Бюро начало действовать в январе 1922 г. Было намерение основать после этого также и Ассоциацию научных учреждений, обществ и отдельных ученых при Академии Наук, но почему-то это главное общественное учреждение России так и не было создано. Сегодня это покажется странным, но собственно краеведческим движением в течение 15 лет в лице ЦБК руководила не общественная организация, а исполнительный, бюрократический по существу орган, являвшийся частью Наркомпроса РСФСР (руководящие сотрудники бюро состояли в штате наркомата).

Модель управления краеведением в довоенный период предусматривала всемерную государственную поддержку. ЦБК в своей деятельности во многом копировало государственное учреждение, его деятельность в целом следовала в русле научных общественно-политических, культурных, хозяйственных задач советского государства, соответствующим был и стиль работы: важнейшие вопросы решались на регулярных пленумах, сессиях, длившихся по несколько дней и собиравших значительное число участников. Например, на V сессии ЦБК присутствовало более 200 человек. По признанию современника М.В. Муратова, «...сессии Центрального бюро краеведения превратились в своего рода небольшие съезды». Главным же отчетным и руководящим форумом ЦБК были многодневные и многоярусные Всероссийские краеведческие конференции, проводимые в 1920-е гг. раз в три года. Текущей формой деятельности были частые еженедельные заседания, на которых, судя по опубликованным обзорам журналов заседаний, решались очень многие вопросы. Вообще, читая хронику деятельности ЦБК, поражаешься масштабом его деятельности, интенсивными постоянными связями с местными организациями. Государство субсидировало и деятельность части местных краеведческих обществ (около сорока), другим выдавало лишь незначительные средства.

Апогей развития краеведческого движения в стране пришелся на 1920-е гг. В первой половине десятилетия ежегодно возникали по 60–90 учреждений, объединений краеведческого характера. В 1923 г. в СССР имелось более 550 краеведческих обществ, кружков, музеев, а на 1 декабря 1927 г. ЦБК учло по СССР 1000 краеведческих обществ и кружков, 568 музеев и 123 исследовательских учреждения. В начале 1928 г. по сведениям журнала «Известия ЦБК» в краеведческую работу было вовлечено до 40 тыс. человек.

Особенностью модели самого ЦБК в первый период его существования с 1922 г. до конца 1920-х гг. было наличие двух отделений – Московского и Петроградского (Ленинградского). Этот период также характеризуется вовлеченностью в руководство краеведческим движением известных ученых и организаторов науки: Д. Н. Анучина, Н. П. Анциферова, В. В. Богданова,

Б. Б. Веселовского, Н. А. Гейнике, И. М. Гревса, С. Ф. Ольденбурга, А. П. Павлова, В. П. Семенова-Тянь-Шанского, А. Е. Ферсмана, Ю. М. Шокальского и др. Внимание развитию краеведческого движения постоянно уделяли известные государственные деятели А. В. Луначарский, П. Г. Сидович и др.

Все вышесказанное позволяет сегодняшним историографам назвать 1920-е гг. «золотым десятилетием» отечественного краеведения (выражение С. О. Шмидта).

В целом, модель краеведческого движения 1920-х гг., характеризовалась наличием руководящего органа (ЦБК) и разветвленной сети местных краеведческих организаций, значительной государственной поддержкой, масштабными научно-практическими и издательскими проектами. Эта модель претерпела значительные изменения в самом конце 1920-х гг. – 1937 г.

В 1930 г. по сведениям ЦБК краеведческая сеть включала 2270 зарегистрированных организаций, насчитывающих 50–60 тыс. человек. Краеведческое движение с конца 1920-х гг. было поставлено на обслуживание потребностей социалистического хозяйства (в первую очередь промышленности, сельского хозяйства). В условиях «сталинизации» общественной жизни из краеведческого движения ушло историко-культурное направление. Радикально изменилась и модель, и структура краеведческого движения. Если в 1920-е гг. на местах существовали самые различные по форме и ведомственной принадлежности краеведческие учреждения и общества, главным из которых являлись авторитетные губернские объединения, то в 1930-е гг. произошла унификация всех обществ. Организационной основой краеведческого движения стали низшие ячейки при заводах, колхозах, учебных заведениях и проч. Старые губернские (областные) общества были ликвидированы или коренным образом реформированы. Новые ячейки объединялись в местные (районные, областные) бюро. ЦБК сохранялось, более того предполагалась даже организация Всероссийского общества краеведения, делались попытки подготовки к созыву общесоюзных конференций. Но ни один из этих проектов не был реализован, а реформированное, поставленное целиком на службу государству краеведение, теряло старые общества, опытные кадры, авторитетные периодические издания. Резко упал и научный уровень краеведения, становившегося придатком советского государственно-партийного аппарата. В середине 1930-х гг. были предприняты попытки вернуть краеведению былой авторитет, из партии и комсомола прозвучали призывы к развитию «массового краеведческого движения», признавалось, что «советское краеведение является могучим рычагом воспитания советского патриотизма», предлагалось созвать большую Всесоюзную краеведческую конференцию. Но в условиях реалий второй половины 1930-х гг. краеведческое движение

было обречено. В трагический для страны 1937 г., превратившись полностью в зависимую от государства организацию, растеряв свой кадровый потенциал, краеведение как массовое движение прекратило существование. Постановлением СНК РСФСР от 10 июня 1937 г. ЦБК и местные органы краеведения упразднились. Так, государство ликвидировало взращиваемое им же массовое общественное движение. Само краеведение конечно же уничтожить было нельзя, оно сохранялось и в деятельности многочисленных краеведческих музеев, и в преподавании в педагогических вузах, и в издании литературы по местной истории, в первую очередь путеводителей. Лишенные своих организаций местные исследователи, тем не менее, продолжали собирать сведения по местной истории, писали «в стол».

Долгие десятилетия при отсутствии руководства и какой-либо координации краеведение в нашей стране находилось на задворках. С 1960-х гг. советское государство делало робкие шаги для оживления почти застывшей общественной жизни. Глотками свежего воздуха для одиночек-краеведов стали учреждение в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), через два десятилетия в 1986 г. – Советского фонда культуры. В периодических изданиях этих общественных организаций: журналах «Памятники Отечества», «Наше наследие», краеведы смогли, наконец, начать печатать свои работы.

И только в преддверии уже новой России, в 1990 г. после нескольких больших краеведческих общесоюзных конференций, прошедших на волне обновления общественной жизни во второй половине 1980-х гг., в Челябинске был учрежден Союз краеведов России (СКР), председателем которого стал известный историк С.О. Шмидт. С того времени минуло уже четверть века и можно подвести итоги эффективности деятельности СКР, который развивается как общественная добровольная общероссийская организация, объединяющая краеведческие организации и краеведов всей страны.

Текущую работу выполняет избираемый на отчетно-выборной конференции Совет из 20–25 представителей разных регионов России, работающий на общественных началах. Эта новая, чисто общественная по сути, модель СКР конечно же уступает по масштабам и возможностям своему предшественнику – ЦБК, состоявшему на бюджетном обеспечении государства. Нынешнее государство не проявляет интереса к краеведческому движению. СКР лишь несколько лет в самом начале своей деятельности пользовался выделенными ему помещениями, а с конца 1990-х гг. «прописан» в Историко-архивном институте (ИАИ) РГГУ, где и находится ныне «штаб» Союза, заседает его Совет, проходят основные мероприятия.

Общественный статус СКР позволяет проводить любые мероприятия

без оглядки на конъюнктуру момента и власти, свободно планировать свою работу. В этом преимущество Союза перед ЦБК, в значительной степени подчиненным Наркомпросу и ограниченным в своей деятельности идеологическими задачами государства. Однако не имеющий своих средств СКР, конечно же, уступает ЦБК в разветвленности краеведческой сети, в объеме издательской деятельности (он не имеет своего периодического издания, хотя вопрос о его необходимости поднимается уже давно), в интенсивности текущей работы. Тем не менее, у СКР появились новые оригинальные формы работы: с 2007 г. ежегодно проводятся представительные Всероссийские краеведческие чтения (обычно продолжаются 4 дня: 2 дня в Москве и Подмосковье и 2 дня в каком-либо городе России, известном своими краеведческими традициями). С 1997 г. СКР совместно с Московским краеведческим обществом (МКО) и Отделением краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ проводит многолюдные ежемесячные «Встречи на Никольской» – конференцию-представление новой литературы по краеведению с участием авторов и издателей. «Встречи» стали важной публичной формой отчета советов СКР и МКО перед сообществом краеведов. Слабым местом СКР долгое время было отсутствие отделений на местах и лишь в последние 6–7 лет проводится активная работа по открытию в регионах отделений СКР (ныне СКР имеет 21 отделение в Европейской части России и 1 в Сибири), проводящих большую самостоятельную краеведческую работу. (В стадии организации – еще 6 отделений).

Сегодня становится уже вполне очевидно, что общественный статус СКР (без юридического лица) в настоящее время стал тормозом дальнейшего развития Союза как руководящего центрального органа краеведческого движения. Без дотаций от государства, фондов, помощи от местных отделений, не имея ни одной штатной единицы, выполнять весь резко возросший объема работы в общероссийском масштабе уже невозможно. Нет средств на издание литературы, проведение научно-практических мероприятий, печатание новых билетов, обеспечение работы сайта и др. Модель общественной всероссийской организации без регистрации и счета в банке себя исчерпала. Назрело время, приняв новый устав и разработав другие нормативные документы, зарегистрировать СКР, открывать счет и пытаться получить денежные гранты из различных источников. Работа по регистрации ныне проводится в Совете СКР и близка к завершению. Новый статус и новая модель СКР помогут приобрести 1–2 штатные единицы, активизировать деятельность Совета и в целом СКР в организационной, научно-практической и издательской областях и соответствовать современным задачам краеведческого движения.

В. Г. Кокоулин

*Новосибирск, Высшее военное командное училище,
Новосибирский государственный университет*

ВЛАСТЬ В ОМСКЕ В 1917 ГОДУ

Последним событием 1916 г., которое привлекло внимание омичей, было убийство Г. Е. Распутина. Но жизнь в городе быстро вернулась в свою колею. 2 марта 1917 г. ничто не предвещало изменения событий. В городе в это время заседало совещание продовольственной комиссии, на котором присутствовали представители общественных организаций. Вечером были получены подробности о событиях в Петрограде. На экстренное заседание Городской думы прибыли представители общественных организаций. После долгих прений был создан Коалиционный комитет из 15 членов. Новый орган власти в своём обращении не предлагал никаких кардинальных изменений, намереваясь быть новой властью, но с прежней политикой. В этот же день был организован Омский Совет рабочих и военных депутатов, председателем которого стал лидер местных социал-демократов К.А. Попов. По инициативе этого Совета был организован ещё один орган власти – Омский Совет крестьянских депутатов. Так в Омске сложилось двоевластие. Исход борьбы за власть на местах зависел теперь от двух факторов – позиции и политики центральной власти и соотношения борющихся сил.

Причиной решительного выступления Омского Совета стало решение гарнизонного собрания офицеров Омска переименовать военный отдел Совета рабочих и военных депутатов в Совет военных депутатов и выделить его в самостоятельную организацию. Совет рабочих и военных депутатов решительно воспротивился такому развитию событий, он надавил на Коалиционный комитет, и тот после некоторых колебаний принял поддержать Совет. Одновременно с попыткой создать Совет военных депутатов была предпринята попытка создать войсковой коалиционный комитет Сибирского казачьего войска. Однако против этого выступили сами казаки, обратившиеся в Омский Совет рабочих и военных депутатов с требованием не допустить создания подобного комитета.

Помимо новых органов власти в Омске продолжала действовать Городская дума и Акмолинский губернатор. Дума пользовалась поддержкой Совета. Так, в её ведение перешла организованная Советом милиция. Сам

же Совет закрепил своё влияние в Думе, пополнив её 40 представителями Совета. Несмотря на протесты Акмолинского губернатора, Совет своё решение не изменил и настоял на необходимости переизбрания Думы. Таким образом, Омский Совет стал полновластным органом в Омске, решительно оттесняя Коалиционный комитет от решения ключевых проблем и управления городской и общественно-политической жизнью. Комитет же попытался укрепить свои позиции, приняв 25 марта решение о своей реорганизации «на началах всеобщего представительства».

К числу последних решений Коалиционного комитета следует отнести предложение об организации Западно-Сибирской областной думы. По замыслу Комитета эта Дума должна была завершить систему губернского, уездного, волостного и сельского самоуправления. Местный Совет поддержал инициативу Комитета. Проектируемая Западно-Сибирская областная дума должна была стать промежуточным звеном в Сибири между Временным правительством и местными властями, координируя их работу и блокируя нежелательные для Сибири с их точки зрения решения Временного правительства. Но реализовать эту задумку в полной мере не удалось по независящим от местных Советов и Коалиционных комитетов причинам.

Изменения, которые происходили в сибирских городах, достаточно быстро стали распространяться и на деревню. По инициативе Омского коалиционного комитета по деревням и станицам Акмолинской области были отправлены комиссары, которые помогали крестьянам организовывать новые органы власти. В тех селениях, куда комиссары не доехали, крестьяне сами организовывали местные комитеты. В итоге в деревнях и станицах Акмолинской области установилась «новая» власть. Однако это совершенно не означало, что её позиции были достаточно прочными в деревне: крестьяне, соглашаясь на создание комитетов, вскоре начали диктовать им свои условия, отказываясь от прежних повинностей и податей.

Значимым событием для крестьянства Акмолинской области стал I Западно-Сибирский съезд Советов крестьянских депутатов, на котором присутствовали представители от Омского, Петропавловского, Тюкалинского, Тарского, Павлодарского и Каинского уездов. На съезд явились Коалиционный комитет в полном составе, командующий войсками округа, правительственный комиссар Степного края, члены исполнительного комитета Совета рабочих и военных депутатов. После долгих дискуссий собравшиеся делегаты решили отклонить предложение Совета рабочих и военных депутатов об организации Областной думы. Единственным органом власти в области был признан Совет крестьянских депутатов. Коалиционный комитет был признан органом областной власти и туда было рекомендовано

послать представителей. Вместо Областной думы был создан Западно-Сибирский Совет крестьянских депутатов. Впоследствии на II Западно-Сибирском съезде крестьянских депутатов было решено объединить деятельность Акмолинского областного Совета крестьянских депутатов и Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, создав общий исполком этих Советов.

Региональным органом власти также стал избранный на I Западно-Сибирском областном съезде Советов Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов, деятельность которого распространялась на Акмолинскую и Семипалатинскую области и Тобольскую и Томскую губернии. Важнейшим событием в организации власти в Западной Сибири стало решение Временного правительства о введении земства, что получило поддержку как местного населения, так и местных органов власти. Но в 1917 г. всё ограничилось в основном декларация.

Определяющим моментом в общественно-политической жизни Омска весной – летом стали кризисы Временного правительства. В это время Омский Совет рабочих и военных депутатов добился того, что Коалиционный комитет был не только устранён от фактической власти, но и само его существование было признано нецелесообразным в любом виде, как в сложившемся, так и в реорганизованном. Однако под давлением буржуазных групп Городская дума признала необходимым оставить Комитет. Позицию Городской думы поддержал Западно-Сибирский Совет крестьянских депутатов. Тем не менее, летом деятельность Коалиционного комитета была окончательно свёрнута: дела военного отдела были переданы в Совет рабочих и солдатских депутатов, дела торгово-промышленного отдела – торгово-промышленному союзу; дела остальных отделов также предполагалось передать различным общественным организациям. Но окончательно Комитет не был ликвидирован. Омский Совет предлагал создать объединённый комиссариат – орган, образованный из представителей «революционно-демократических организаций» с задачей контроля действий комиссара Временного правительства и содействия ему в его деятельности. Создать этот комиссариат предлагалось из Советов рабочих и солдатских депутатов, Советов крестьянских депутатов и Советов казачьих и киргизских депутатов, но это предложение не было реализовано.

Летом 1917 г. была переизбрана Городская дума, в которой 74 места из 105 получили представители РСДРП и ПСР, что давало возможность этим партиям полностью направлять её деятельность.

Очередное изменение в расстановке сил произошло после корниловского выступления. На экстренном заседании в ночь на 24 августа соединённое

совещание представителей Западно-Сибирского областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, исполнительного комитета Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, при участии представителей местных комитетов ПСР, РСДРП и городского самоуправления образовало Временный объединённый комитет революционной демократии. Изменение соотношения сил привело к тому, что через неделю Омский коалиционный комитет постановил упраздниться и передал все дела образовавшемуся Западно-Сибирскому объединённому комитету революционной демократии, который объявил себя полномочным органом власти в Акмолинской области и начал осуществлять свою власть через военно-окружной комитет, совместно с которым намеревался организовать новый орган власти в Западной Сибири.

Реорганизация затронула и казачьи органы управления. 27 сентября малый войсковой круг решил организовать Совет казачьих депутатов при военной канцелярии войскового атамана Сибирского казачьего войска. Объединённое заседание Совета казачьих депутатов при военном отделе Омского Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета казачьих депутатов при военной канцелярии войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска 4 октября решило объединить оба Совета в один подотдел в военном отделе Совета рабочих и солдатских депутатов. А 24 октября военный отдел Омского Совета рабочих и солдатских депутатов предложил именовать Совет – Советом рабочих, солдатских и казачьих депутатов, с образованием трёх секций – труда, военной и казачьей. Это решение было реализовано уже после очередного политического кризиса.

Таким образом, в Омске в 1917 г. происходила не только организация органов власти по образцу центральных, но и предпринимались попытки создать региональные органы власти. Их жизнеспособность была связана с различными факторами: соотношением борющихся сил, их организованностью, способностью не только анализировать обстановку, но и мобилизовывать необходимые ресурсы для достижения поставленных целей. А поскольку в разных регионах Сибири сочетание этих факторов не было единообразным, постольку трансформации власти в Омске приобрели свою специфику.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ-БАПТИСТЫ ОМСКА В 1940-Е ГГ.

Оживление религиозной деятельности евангелистов-баптистов развернулось в преддверие и во время Великой Отечественной войны. Основными причинами явились трудности, с которыми столкнулся народ и ослабление атеистической кампании Советского государства. В мае 1944 г. был создан Совет по делам религиозных культов (СДРК). В октябре того же года при содействии органов власти произошло объединение евангельских христиан и баптистов, и образовался Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ).

В августе 1945 г. в состав ВСЕХБ вошла некоторая часть пятидесятников или христиан веры евангельской (ХВЕ). В результате организация ЕХБ явилась крупнейшей по численности протестантской конфессией в стране. В регионах возвращались молитвенные дома верующим, а в отдельных местах заново открывались.

После окончания Великой Отечественной войны в стране возродилось примерно 5 тысяч евангельско-баптистских общин, 1696 из них власти зарегистрировали.¹ Омская община ЕХБ была зарегистрирована в декабре 1945 г.², которая являлась второй по численности после новосибирской в Западной Сибири.

Политика либерализации по отношению к религиозным объединениям со стороны государства в 1940-е гг. ограничивалась выдачей разрешения на легальное существование лишь единичным общинам ЕХБ. Большинство других такой поддержки не получили и продолжали существовать вопреки государственной воле. В соответствии с требованиями советского законодательства о религиозных культах от 8 апреля 1929 г. и Положения об управлении ВСЕХБ от 1944 г. все мероприятия культового характера должны были проводиться в специально молитвенных домах. Местные органы власти постоянно находили нарушения верующими техники безопасности и оформления договора об аренде и купле-продаже помещения.

Религиозные объединения ЕХБ во многих населенных пунктах наполовину состояли из прибывших на спецпоселение в Сибирь бывших

кулаков, немцев, власовцев, оуновцев и другого контингента. Кроме того, в некоторых местах молитвенные собрания ЕХБ иногда посещали лютеране и меннониты, и в отчетах уполномоченные СДРК нередко называли их немцами-баптистами.

Деятельность религиозных объединений находилась под жестким контролем местных органов власти. Выбранных пресвитеров уполномоченные СДРК нередко использовали как своих осведомителей. На день регистрации в омской общине евангелистов-баптистов насчитывалось около 300 верующих. В течение последующих лет численность баптистов заметно увеличивалась, и за 3 года община выросла почти в 3 раза. Пополнение объединений ЕХБ в регионах Западной Сибири шло за счет миссионерской работы на предприятиях и по месту жительства. Пресвитерам зарегистрированных общин приходилось заранее испрашивать разрешение на проведения крещения в местных органах власти и у уполномоченных СДРК. В июне 1948 г. в Омске было крещено около 70 человек, но, по мнению уполномоченного, обряд водного крещения совершило более 100, и многие среди них проживали за пределами областного центра. Исключительное большинство вновь вступивших верующих в объединения ЕХБ являлось близкими и дальними родственниками. Также для женщин могло быть причиной принятия веры запрет в объединениях евангелистов-баптистов употребление спиртных напитков и табака, преследование прелюбодеяния.

В общинах ЕХБ наряду с прибытием имели место выбытия бывших членов в результате физической смерти и переезда некоторых верующих на другое место жительства. Помимо этого, встречались бывшие прихожане, которые разочаровались в баптистском вероучении, или попадали в безрелигиозные семьи и окружение. И они переставали посещать молитвенные собрания и в скором времени выбывали из общины. Из рядов организаций ЕХБ могли быть исключены члены, нарушавшие религиозные заповеди, внутреннюю дисциплину (пьянство, сквернословие, связь с замужней женщиной и другие проступки). Покидали общины в основном молодые верующие в возрасте 18-40 лет. Но в целом в этот период число прибывших членов превышало выбывших.

Необходимо отметить, что в середине 1940-х гг. в евангельско-баптистских общинах возникло течение «совершенников и свободных», которое стремилось выйти из-под контроля советского законодательства о культах и руководства ВСЕХБ, а в 1950-е гг. в связи с развернувшейся атеистической кампанией Советского государства, оно заметно усилило позиции. Особенно активно это течение проявлялось в Омске.

Таким образом, оживление религиозной деятельности евангельских христиан и баптистов в 1940-е гг. привело к созданию ВСЕХБ. И эта церковь являлась крупнейшей по численности среди протестантских направлений.

Примечания:

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва, 1992. С. 141.

2. ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

Н. А. Косенкова

Усть-Каменогорск, Областной историко-краеведческий музей

**СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ
ГОРОДА УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА**

Историко-краеведческий музей г. Усть-Каменогорска располагает большой фото-документальной коллекцией по истории края: более 33 000 единиц хранения. Имеющиеся архивные документы, музейные источники позволяют восстановить как фамилии городских старост и членов общественного собрания, так в цифрах и фактах «увидеть» деятельность городского общественного самоуправления нашего города II половины XIX – начала XX вв.

Один из ранних документов - акт № 706, выданный Усть-Каменогорской городской управой рядовому Дмитрию Позмогову «на вечное и потомственное пользование» земель. Внизу данного документа подпись «кандидат городского старосты».

Занин Егор Михайлович, купец I гильдии, был избран на должность городской управы в 1883 г. и руководил ею в течение 2-х сроков, то есть с 1883 по 1890 гг.¹ Не так давно документальный фонд музея пополнился уникальным документом, датированным 1881 г. Это проектный план, выданный городской управой. В конце текста четкая подпись Константина Артемьевича Некрасова.¹ Предшественник Занина Е. М. руководил управой с 1875 по 1883 гг.

Гласные городской думы избирались на 4 года, из числа достойных и состоятельных граждан города. Наличие собственного капитала и собственных предприятий способствовало тому, что предприниматели становились лидирующей и ведущей группой в органах городского общественного самоуправления в конце XIX века.

С 1891 по 1894 гг. на должности городского старосты состоял Василий Васильевич Локотко. В музейном документе мы читаем подписи городского головы Локотко В.В. и члена управы – Д.Г. Селиванова, купца 2-ой гильдии. Документ датируется «апрель 15 дня 1893 года».²

Следующий этап работы Усть-Каменогорского общественного самоуправления, связанный с деятельностью политических ссыльных, отличался своей активностью и плодотворностью. С 20-х годов XIX века

Усть-Каменогорск становится местом ссылки неугодных царскому правительству лиц, количество их в последующие десятилетия увеличивалось. Появление в малонаселенной отдельном крае людей с образованием и европейской культурой было определяющим событием для культурного развития целого региона. Хотя к определенной категории ссыльных общество относилось с недоверием и опаской, но ни в коей мере нельзя отрицать их положительного влияния на развитие города и края в целом.

С 1895 г. дважды на должность городского старосты избирался Костюрин Орест Федорович, политический ссыльный из Одессы, прибывший в наш город в 1883 г. И дела нового городского самоуправления приняли значительный размах, конечно, в рамках провинциального городка: построены пожарное депо, мариинское училище, народный дом, каменные торговые помещения, скотобойня, сточные канавы по улицам, проводилось укрепление берегов Ульбы и Иртыша и многое другое. Члены городской думы на рубеже двух веков: Федоров А. Н., Емельянцев И. Н., Гинтовт – Дзевлятовский В. Ф., Костюрин О. Ф., Михаэлис Е. П., Иньков В. Л., оказавшиеся в далекой окраине не по своей воле, своей работоспособностью, принципиальностью и честностью снискали почет и уважение горожан.

Социальные взаимоотношения в таких малых провинциальных городках, к коим относился и Усть-Каменогорск имели свои особенности. Деятельность городского самоуправления стала ареной столкновения интересов прогрессивно-настроенной части общества с традиционно-патриархальными. Высказываемые мнения друг о друге получало широкий резонанс, живое обсуждение среди горожан.

Несомненно, успешность и энергичность уполномоченных под председательством Костюрина О. Ф. раздражала и вызывала недовольство прежних «авторитетов» города. В чем это выражалось?! Начиная с подачи «особых мнений» в постановлениях думы до публичных обвинений в «нечистоплотности» на страницах печати.

Начало XX столетия – время политических перемен и катаклизмов по всей стране. Митинги, выступления, забастовки... Такая же нестабильность наблюдается и в общественной власти города. За один 1908 г. дважды меняются городские старосты.

Архивные и музейные источники помогли восстановить имена и фамилии горожан, избранных на должность городского головы с 70-х годов XIX века до 1917 года: Некрасов К. А., Занин Е. М., Локотко В. В., Костюрин О. Ф., Подойников И. В., Усов П. Е., Михайлов И. Н., Шарпетин Л. М., Саенко П. А.

Последнее заседание городской думы состоялось в конце февраля 1918 года под председательством Виктора Дмитриевича Алифанова. Дума закончила свою деятельность и передала полномочия прибывшим из Заульбинки, представителям Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Примечания:

1. Семипалатинский листок, 1905-1906 гг.
2. Областные Семипалатинские ведомости, 1905-1907 гг.

«КАПИТАЛ ПРИШЁЛ В СИБИРЬ.
ОМСК – ЕГО ШТАБ-КВАРТИРА»:
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЕТИ БАНКОВСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В Г. ОМСКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Банковская система во все времена играла огромную роль в социально-экономической жизни нашей страны, ее отдельных регионов. В современных условиях оказываемые банками разнообразные услуги, предлагаемые банковские продукты стали неотъемлемыми факторами жизнедеятельности не только хозяйствующих субъектов, но и населения. В последнее время заметно повысился интерес различных слоев общества к истории банковского дела, которая тесно переплетается с историей страны, ее экономики, развитием отдельных регионов. Хозяйственное освоение Омского Прииртышья непосредственно и тесно связано с формированием и развитием денежного хозяйства имперской России. Изучение истории кредитных учреждений административного центра Степного края позволит обогатить наши представления о городском пространстве в условиях модернизационных процессов второй половины XIX – начала XX вв.

В научной литературе неоднократно указывалось на то обстоятельство, что инфраструктура омских кредитных учреждений к 1914 г. достигла своего пика. В городе действовало отделение Государственного банка, отделения Крестьянского Поземельного банка, 4 отделения акционерных столичных банков, Омский городской общественный банк, Омское общество взаимного кредита, Омское мещанское ссудно-сберегательное товарищество, а так же два агентства Ярославско-Костромского и Нижегородско-Самарского земельных банков. Такого количества кредитных учреждений не было ни в одном сибирском городе. Омск являлся крупным финансовым центром Сибири. «Капитал пришел в Сибирь. Омск – его штаб-квартира», писал журнал «Сибирские вопросы».¹

Первым банком, открытым в Омске, был созданный при местной думе, Городской общественный банк. Он был открыт 28 сентября 1875 г. с основным капиталом в 10 тыс. руб. Деньги на основной капитал были

добровольно пожертвованы общественностью Омска.² К 1896 г. банк увеличил основной капитал до 62 тыс. руб., запасной капитал составил 31 тыс. руб., учет векселей на 1 января 1896 г. составил 210 тыс. руб., ссуды под залог 145 тыс. руб., из них 97 тыс. руб. или 66,8% – ссуды под строения в городе, вкладная операция – 304 тыс. руб., баланс 433 тыс. руб.³ Со временем, в начале XX столетия городской общественный банк имел собственный капитал в размере 100 тыс. руб. и годовой оборот до 2 млн. руб.⁴ Основной капитал Омского городского банка к 1 января 1913 г. превышал сумму 200 тыс. руб., а на 1 февраля 1914 г. основной и запасной капитал равнялся 268571 руб., то есть за 13 лет увеличился в 2 раза.⁵

В целом, не смотря на увеличение своих оборотов, положение Омского городского общественного банка в инфраструктуре кредитных учреждений города оставалось незначительным. Данное обстоятельство объясняется тем, что в конце XIX в. рынок приложения финансового капитала в Омске, вследствие неразвитости торговли и промышленности, был слишком узким. Проще говоря, городскому банку негде было развернуться и окрепнуть как финансовому учреждению, а в начале XX столетия в Омск пришли отделения столичных акционерных банков, входящих в первую пятерку кредитных учреждений России, с которыми Омскому городскому банку конкурировать было не под силу. Но, несмотря на такое положение, ему удавалось находить своих клиентов и держаться на плаву финансового благополучия.

Отделения Государственного банка и столичных акционерных коммерческих банков, которые были организованы в Омске в конце XIX – начале XX вв., являлись основой всей городской кредитной системы. В 1909 г. на них приходилось 94% всего объема учетно-ссудных операций проводивших в Омске (см. таблицу 1). Доля отделения Госбанка, в этой операции, заметно упала с 45% до 13%, но это зависело от увеличения количества отделений акционерных банков в Омске, а также от проводимой политики Госбанка по поддержке частного сектора кредитной системы в целом по империи.

9 декабря 1895 г. в Омске было открыто отделение Государственного банка 3-го разряда.⁶ Сам факт открытия банковского учреждения являлся своеобразным признанием значительного экономического потенциала региона, достигнутого в нем объема хозяйственной деятельности, достаточной зрелости банковского дела.

В первом отчете Омского отделения Госбанка за 1895 г., когда отделение проработало меньше месяца, баланс составил 343 тыс. руб., для сравнения баланс Омского городского банка в 1896 г. – 433 тыс. руб.⁷ Омское

отделение Госбанка постоянно приносило стабильную прибыль. Так в 1907 г. прибыль состояла 62240 руб., в 1912 г. – 348378 руб., в 1913 г. – 424314 руб.⁸ В итоге за 6 лет прибыль возросла в 6,8 раза.

Таблица 1
Учётно-ссудные операции омских банков (в тыс. руб.; %)*

Годы	Отделение государственно- го банка		Частные акционерные банки		Омский городской общественный банк		Итого	
1900	755	—	—	—	667	—	1422	—
1903	1765	45%	1416	36%	752	19%	3918	100%
1906	2012	25%	5069	63%	905	11%	7986	100%
1909	2796	13%	17366	81%	1039	4,9%	21201	100%

* Подшивалов П. Д. Деятельность банков в Степном крае за десятилетие 1900–1910 гг. // Торгово-промышленный путеводитель. Адрес – календарь Акмолинской области. Омск, 1911.

Первым акционерным банком, открывшим свое отделение в Омске, был Сибирский торговый банк. Отделение, основанное в 1894 г., располагалось в центральной части города, в районе Московских торговых рядов. Бессменным руководителем отделения банка с момента его открытия в 1894 г. был П. Д. Подшивалов. Штат служащих отделения к 1913 г. составлял 24 человека.⁹

Омское отделение Сибирского торгового банка по вкладам и текущим счетам среди акционерных банков города постоянно находилось в числе лидеров.¹⁰ Доказательством этому может служить тот факт, что из всех отделений коммерческих банков, только отделения Сибирского торгового банка работало исключительно на местных средствах, а остальные отделения «время от времени», привлекали средства своих правлений.

Отделение Сибирского торгового банка в Омске кредитовало в основном торговлю скотом, хлебом, маслом и другими продуктами сельского хозяйства.¹¹

Следующим столичным банком, открывшим свое отделение в Омске в 1905 г., был Волжско-Камский коммерческий банк.¹² Омское представительство коммерческого банка занимало довольно твердую и устойчивую

позицию в городе среди других банков, что способствовало динамичному росту его оборотов. Так, если в 1905 г. они составили 26095000 руб., в 1914 г. – 130198000 руб., в 1915 г. этот показатель достиг суммы в 206716206 руб., то есть за десятилетие оборот отделения вырос в 7,9 раза.¹³

Учет векселей так же имел динамику роста. В 1906 г. было учтено 1329 векселей на сумму 1023 тыс. руб., в 1913 г. учтено уже 3764 векселей, на сумму 2206 тыс. руб., таким образом, количество векселей возросло в 12,1 раза.¹⁴

Характеризуя ссудную операцию Омского отделения Волжско-Камского банка, нужно отметить преобладание ссуд по специальным текущим счетам над срочными ссудами. Ссуды по специальным текущим счетам отличались от срочных тем, что заемщику открывали счет под залог обязательств, которым он мог пользоваться как текущим, что было гораздо удобнее для клиента. Кроме того, через ссуды по специальным текущим счетам шло открытие аккредитивов торговых компаний занимавшихся экспортом сливочного масла в Омске. Так, если срочных ссуд в 1913 г. было выдано 90377 руб., то ссуд по специальным текущим счетам 2104651 руб.¹⁵ Ссуды по специальным текущим счетам за период 1906–1915 гг. выросли в 13 раз.

Омское отделение Русско-Азиатского банка было открыто в 1908 г.¹⁶ Но более правильным будет указать, что было открыто отделение Русско-Китайского банка. Так как Русско-Азиатский банк был создан только в 1910 г. в результате слияния Русско-Китайского и Северного банков.¹⁷

Основной формой деятельности отделения было краткосрочное кредитование торговли. Валовой оборот отделения за период 1910–1914 гг. вырос в 2 раза, со 116 млн. руб. до 233 млн. руб. в год.¹⁸ Среди всех сибирских отделений банка, Омское отделение, по размерам оборотов (товароссудным и товарокомиссионным операциям), уступало лишь отделению в Новониколаевске. Затраты на операции в этих отделениях в 1915 г. составили 5756 тыс. руб. и 11578 тыс. руб. соответственно.¹⁹

Отделение другого известного столичного банка, Русского для внешней торговли банка было открыто в Омске в 1910 г.²⁰ Интересно, что в 1912 и 1913 гг. отделение сразу заняло лидирующие позиции по учету и ссудным операциям, среди кредитных учреждений Омска (кроме отделения Госбанка).

Общий валовой оборот отделения постепенно увеличивался с 149 млн. руб. в 1910 г. до 186 млн. руб. в 1912 г. Прирост за три года составил 37 млн. руб., в то время как прирост отделений трех других акционерных банков в целом (без Сибирского торгового банка) составил 20 млн. руб.²¹

В 1910 г. открыло свою деятельность Омское общество взаимного кредита.²² Особого развития это кредитное учреждение получить не успело. Так, к 1913 г. учетно-ссудная операция в обществе взаимного кредита составила всего 700 тыс. руб., а вклады и текущие счета достигли только 283 тыс. руб.²³ Выше эти показатели не поднимались вплоть до 1915 г. включительно, можно даже говорить о некотором спаде в этих операциях. Для сравнения средний показатель только по вкладной операции в обществах взаимного кредита, в целом по России составлял 489 тыс. руб.²⁴ И это только вкладов, не считая текущие счета. Основные причины столь незначительны развития общества взаимного кредита в Омске, в основных банковских операциях, нам видятся, в «молодости» общества; узкий круг лиц заинтересованных в развитии данной формы коммерческого кредита. Основной капитал общества складывается из взносов, отсюда зависимость масштабов деятельности общества от количества членов и размеров их свободных денежных средств. Следующей причиной отставания послужила конкуренция других кредитных учреждений действующих в городе, плюс к этому, некоторая степень недоверия к этой форме кредита, как ко всему новому и неизвестному. Ведь в 1910 г. в Сибири действовало всего 3 общества взаимного кредита²⁵.

Переходя к рассмотрению учреждений мелкого кредита в Омске, необходимо отметить старейшее учреждение подобного рода в Акмолинской области, и в Омске в частности, — это Омское мещанское ссудно-сберегательное товарищество. Открытие товарищества состоялось 17 (30) августа 1896 г.²⁶

Характеризуя деятельность товарищества по имеющимся в нашем распоряжении источникам за период с 1907 по 1912 гг. нужно отметить, что деятельность товарищество развивалось довольно вяло. Так, основной капитал товарищества сократился с 36431 руб. в 1907 г. до 31205 руб. в 1912 г. Происходит небольшое увеличение ссудной операции с 450779 руб. в 1907 г. до 52281 руб. в 1912 г., прирост за 5 мес. составил всего 13,7%. Заметно оживилась вкладная операция, за 5 лет она выросла в 6,4 раза, с 775 руб. в 1907 г. до 4984 руб. в 1912 г., но в общегородском значении эти цифры выглядят довольно бледно. При этом число членов товарищества сократилось с 410 в 1907 г. до 361 в 1912 г., но сумма кредитов выросла на 31% с 55120 руб. в 1908 г. до 79660 руб. в 1912 г. Рост баланса составил 14,7% за период с 1907 г. по 1912 г, с 45373 руб. до 53195 руб.²⁷

Предельный размер кредита в Омском ссудно-сберегательном товариществе составлял всего 150 руб. Размер ссудного процента был довольно высок — 8,5%²⁸. В то время как в омских отделениях акционерных банков он составлял 7 - максимум 9%.

Таким образом, в заключении следует отметить несомненный рост, как активных, так и пассивных операций банковских учреждений в Омске²⁹. Активные операции омских кредитных учреждений выросли в 10,6 раз. Пассив, то есть приток в банк местных капиталов в виде вкладов, текущих счетов и прочего вырос в 3,5 раза. Если в 1901 г. пассивы омских кредитных учреждений превышали их же активы на 1 млн. руб., то есть шел отток финансовых средств из омской экономики, то с 1909-1910 гг. происходят кардинальные изменения в этом процессе. Теперь наоборот, идет приток средств в омский регион, и к 1913 г. уже активы банков превышают пассивы на 5,1 млн. руб. Что говорит о том, что Омск рассматривается банками ни как источник финансовых средств, а как регион приложения капитала, новых инвестиций. Долг омских отделений акционерных банков своим правлениям в 1911г. составил 5592 тыс. руб.³⁰ Вкладывая новые инвестиции в омский регион, банки не забывали и о своих интересах. Так, прибыль Омского отделения Государственного банка выросла в 6,8 раза. Прибыль акционерных банков в Омске накануне Первой мировой войны составила около 1 млн. руб.³¹

Примечания:

1. Сибирские вопросы. СПб., 1911. №35-36. С. 3.
2. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее — КУ ИСА). Ф. 3. Оп. 8. Д. 1285. Л. 91.
3. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. СПб., 1897. Т. 2. С. 32-33.
4. Косяков Г. Банки дореволюционного Омска // Коммерческие вести. Омск, 1995. 17 мая.
5. Вестник Омского городского общественного управления. Омск, 1914. №7. С. 31.
6. КУ ИСА. Ф. 23. Оп. 1 Д. 4. Л.16.
7. Отчет Государственного банка за 1895 г. СПб., 1896. С. 80-81.
8. КУ ИСА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 20. Л.17.; Д.87. Л. 15об.; Д. 97. Л. 14.
9. Подробнее см.: Справочная книжка на 1895 г. о должностных лицах, правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. Омск, 1894; Весь Омск. Справочный указатель на 1913 г. Омск, 1913. С. 53-54.
10. Подробнее см.: Государственный банк. Краткие балансы кредитных учреждений за 1912-1915 гг. Пг., 1916.
11. Шиша А. А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922. С. 53.
12. Весь Омск. Справочный указатель на 1913 г. Омск, 1913. С. 53.

13. КУ ИсА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.; Д. 4. Л. 54.
14. КУ ИсА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.; Д. 3. Л. 15.
15. КУ ИсА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.; Д. 3. Л. 23 об.
16. Мартынов Н.Н. Иностранный капитал в дореволюционном Омске (по архивным материалам и воспоминаниям автора) // Известия Омского отдела географического общества Союза ССР. Омск, 1966. Вып. 8(15). С. 62.
17. Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 164.
18. Мосина И. Г. Развитие промышленности и товарно-денежных отношений в Сибири в начале XX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. С. 106.
19. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 277.
20. Весь Омск. Справочный указатель на 1913 г. Омск, 1913. С. 54.
21. Шиша А. А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири... С. 52.
22. Краткий историко-статистический очерк г. Омск. Омск, 1911. С. 69.
23. Подробнее см.: Государственный банк. Краткие балансы кредитных учреждений за 1912-1915 гг. Пг., 1916.
24. Свод балансов Обществ взаимного кредита на 1 января 1914. СПб., 1914.
25. Мосина И. Г. Развитие промышленности и товарно-денежных отношений в Сибири... С. 107.
26. КУ ИсА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
27. КУ ИсА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 59. ЛЛ. 2, 5, 209.
28. КУ ИсА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.
29. Подробнее см.: Омск естественный центр для первого сельскохозяйственного института в Западной Сибири (с агрономическим, лесным, культурно-техническим, ветеринарно-зоотехническим отделениями). Омск, 1914. С. 19; Краткий историко-статистический очерк г. Омска. Омск, 1911. С. 23.
30. Шиша А. А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири... С. 52.
31. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири... С. 288.

Г. Н. Ксенжик

Казахстан, Алматы

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ГОРОДА ОМСКА В XVIII-XIX ВВ.: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В условиях интеграции наук и развития междисциплинарных исследований по широкому спектру вопросов в области истории, исторической географии, этнологии и археологии, предъявляются особо высокие требования. Вследствие данных обстоятельств междисциплинарные исследования требуют глубокой теоретической проработки различных источников с позиции системного подхода, позволяющего многоаспектно использовать и применять все ценнейшие источники для комплексного изучения объекта. Цель публикации - привлечь внимание к некоторым вопросам историко-географического и топографического исследования г. Омска в XVIII - XIX вв. Основан город Омск был в 1716 г. подполковником И. Д. Бухгольцем. Крепость эта находилась на рубеже двух степей - Киргизской (Казахской) и Барабинской, лежащей между берегами рек Иртыша и Оми, которая сыграла для российских исследователей и покорителей степей весьма важную роль, сначала как база при последующих походах вверх по реке Иртышу, а потом - как хорошо укрепленный пункт для усиления русского влияния в казахской степи. Крепость в начале XVIII в. представляла из себя укрепленный лагерь, состоявший из пяти бастионов, связанных между собой частоколом, внутри которых были выстроены деревянная церковь, комендантский дом, дом для инвалидов пограничной линии и церковь шведских пленников. Крепость эта послужила центром для дальнейшего развития города Омска. Развитие нового поселения шло, однако довольно медленно.¹

Омская крепость в 1734 г. стояла на южном берегу Оми, в 50 саженях от берега реки Иртыша и состояла из четырехугольного земляного вала, с длиной стороны 100 саженей, по всем углам имелись небольшие бастионы. В начале 60-х годов XIX в. существование Омской крепости на левом берегу реки было признано нецелесообразным. Построенная в 1768-1771 гг. на высоком правом берегу Оми новая Омская крепость занимала обширную площадь. Побывавший в Омской крепости весной 1771 г. П. С. Паллас

утверждал, что новая крепость имеет «весьма выгодное положение, укреплена прекрасным образом по новым правилам воинской архитектуры».²

Для больных военнослужащих построен госпиталь на каменном фундаменте в 1776 г. по течению реки Иртыша на правой стороне, от крепости в 130 саженьях. В городе имелось 5 провиантных магазинов. Через речку Омь в 1766 г. построен деревянный мост на сваях, который содержался жителями. В Ильинском форштадте находился гостиный двор и мясной ряд. Согласно топографического описания города Омска от 30 августа 1782 г. город разделялся на 4 части: 1-я - Главная крепость; 2-я - Верхне-Омская, находящаяся на нагорной части за крепостью на ровном не горном месте; 3-я - Подгорная, которая находилась от крепости к реке Оми под горой; 4-я - Ильинская по имеющейся церкви Святого пророка Ильи.³ Омск в 1782 г., при открытии наместничества, сделан городом, а в 1804 г. к нему приписан округ. Дальнейшее административное развитие города Омска связано с царским указом о преобразовании сибирских губерний, который был представлен сенату 22 июня 1822 г., в котором предусматривалось реформирование управления территории Среднего жуза территории Казахстана. Генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанским было разработано 10 законов, составивших основу Устава об управлении «сибирских киргизов». В 1839 г. по ходатайству генерал-губернатора князя П. Д. Горчакова, в Омск перенесено главное управление Западной Сибири и резиденция генерал-губернатора.⁴ К середине XIX века население Омска достигло 18729 жителей обоего пола, в том числе мещан 1338 душ, ремесленников 554 душ. Во второй половине XIX века в Омске было 6 площадей, 17 улиц, 26 переулков, 2 общественных сада и небольшой бульвар. Улицы были широкие, но не мощеные. Домов в 1862 г. в городе насчитывалось 2133, из них 31 каменный, имелся небольшой деревянный гостиный двор, 6 церквей и 1 мечеть, 7 учебных заведений. Заводская промышленность имела незначительное развитие и обращена была преимущественно на обработку животноводческих продуктов. С течением времени Омская крепость становилась пунктом меновой торговли с Казахстаном и Средней Азией. Товары доставлялись в город из Западного Китая, Семипалатинска и Петропавловска. Через Омск проходил главный сибирский почтовый тракт. Внешняя торговля Омска была гораздо значительнее внутренней. Через Омскую таможенную из казахской степи вывозился: скот, кожи. Пополнение населения города Омска происходило в основном за счет крестьян-переселенцев. Часть из них переходила в городское сословие, часть становилось обывателями.

Таким образом, Омск в XIX веке - начале XX вв. в силу своего выгодного геополитического месторасположения, являлся центром военного и

административного управления степных областей Казахстана. Междисциплинарные исследования позволяют, комплексно и многоаспектно производить экстраполяцию знаний о прошлом на настоящее и будущее.

Примечания:

1. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край / под общей редакцией В. П. Семенова. С.-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1903. Т.18. С. 370.
2. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI-первой половине XIX века. М: Наука, 1976. С.138-219.
3. Из истории Омска (1716-1917 гг.): Очерки, документы, материалы / Ред. Е. Н. Евсеев. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Омское отделение, 1967. С. 66-80.
4. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М: Издательство общества распространения полезных книг, 1862. С. 153-165.

Ж. Е. Левина

Омск, Государственный педагогический университет

ФЕНОМЕН СИБИРСКОГО ГОРОДА В ОМСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Современная наука рассматривает город как социокультурный феномен. Многомерность объекта исследования, а также участие в этой работе ученых различных специальностей, привели к появлению разноплановых подходов к его изучению. Структурирование достаточно объемного массива публикаций возможно по двум основаниям: метод и проблемы/предмет исследований.

Конец XX в. отмечен активизацией изучения городской культуры в Омске. Своеобразность ситуации того времени состояла в сочетании общего социокультурного кризиса с созданием условий относительного благоприятствования развитию культурологической науки в стране. Создание, эмпирически обеспеченной источниками, публикациями, архивными материалами, базы, в 90-е гг. XX в. дополняется активными поисками новых научных подходов. Среди многообразия публикаций, посвященных городской культуре, достаточно четко выделяются основные проблемные блоки: соотношение форм культуры и связи между ними; содержательные компоненты духовной жизни общества; структурные компоненты духовной деятельности; социокультурные типы; биографика.¹

Еще одной особенностью развития гуманитарной науки в этот период, стало превращение Омска в один из центров, специализирующихся на проблемах культуры и интеллигенции в целом и городской культуры, в частности. Систематически проводившиеся в Омске конференции демонстрировали не просто накопление эмпирического материала, но и появление новых тем, проблем, подходов, нашедших отражение в основном в материалах тезисного характера.² Традиционной, до сих пор наиболее продуктивной, остается позитивистская методология.³ Одновременно развивается и методология «одушевленности» города. Основой городской культуры, при таком подходе, признается его душа. В качестве способа познания души предлагается выявление, изучение, понимание знаков и символов городского пространства. (И. М. Гревс, Н. Анцифоров). Один из первых и самых известных в нашем городе художественный вариант подобного осмысления города принадлежит Л. Мартинову.⁴

© Левина Ж. Е., 2015

Научное развитие эти положения получили в работах омского историка, культуролога В. Г. Рыженко. На основе фундаментального анализа исследований отечественных авторов XX – начала XXI вв. и ряда работ зарубежных исследователей, В. Г. Рыженко разработала концепцию культурно-цивилизационного ландшафта конкретного города («Культура Места», «Дух Места»). Предложенная концепция стала методологической основой изучения автором сибирских городов в контексте советской культуры.⁵ Понимание города, городской культуры в этом подходе совпадает с пониманием культуры в теории О. Шпенглера, считавшего душу основой культуры, а символ – ключом к пониманию этой души. Системы знаков и символов, составляющие мир культуры, являются объектом специального научного анализа в информационно-семиотическом подходе (семиотике культуры), основы которого были заложены еще в XIX в. Ч. Пирсом и Ф. де Соссюра, получили развитие в работах Э. Кассирера, Ю. Лотмана, Б. Успенского, а в начале XXI в. активно применяются культурологами и историками в исследованиях всех сфер культуры.

Темы и сюжеты, заявленные омской гуманитарной наукой в конце XX в., на новом уровне разрабатываются в работах начала XXI в. Обобщаются и систематизируются основные философские и методологические достижения изучения города.⁶

Практическая реализация теоретических построений осуществляется в музейной практике Омска. Один из ярких примеров материализации идей связан с деятельностью В. Ф. Чиркова по созданию городского музея художественно-культурологического типа (1991 г.). В настоящее время музей позиционируется как «культурная микромодель большого города, которая пластически решается через образы места». В числе основных направлений научных исследований значатся «Образы местного культурного и природного ландшафта в произведениях изобразительного искусства, литературе, сувенирной продукции», «Культурология. Омск как культурный текст». Результаты научной деятельности визуализируются в выставочных проектах: «Пыль, или Где-то есть город...» (2014) и др. Основные положения семиотического подхода транслируются, внедряются в сознание широких масс в процессе экскурсионной, лекционной деятельности: «Омск и его гении места», «Омская городская мифология»⁷. Не менее интересными являются обучающие программы и проекты «Либеров-центра»: «Сибирский пейзаж – пространство мифов» (2000), «Сибирский сад – территория мечты» (2002), «Сибирские реки и их образы в динамике природного и культурного ландшафтов» (2005), «Особняк Кабалкиных раскрывает свои тайны. Экскурсия-путешествие по дому».⁸

Примечания:

1. См. подробнее, напр.: Левина Ж. Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры. Омск, 2004.
2. 280 лет Омску: история и современность. Омск, 1996. Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе Отечественной истории.-Омск, 1995. Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, СФ РИК, 1995. Городская культура Сибири: история и современность: Сб. Научных трудов.- Омск, 1997 и др.
3. Алисов Д. А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). Омск, 2002. Девятьярова И. Г. Художественная жизнь Омска XIX – первой четверти XX века. Омск, 2000.
4. Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. Омск, 1985.
5. Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е-1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики. Омск, 2004.
6. Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1870-1914 гг.) Омск, 2006. Горелова Ю. Р. Облик и образ города: теория и практика культурологического анализа. Омск, 2011. Гуменик А. Н. Эклектика в архитектуре Омска второй половины XIX-начала XX веков. Омск, 2011. Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. Омск: Наука, 2014. Кузеванов В. С. Деятельность омских архитекторов по формированию городского пространства 1930-1950-х годов. Омск, 2014. Чуйко Л. Н. Резной декор деревянной архитектуры: Омск и Тара, конец XIX–вторая половина XX в. М., 2005.
7. Городской музей «Искусство Омска». Официальный портал Администрации города Омска. <http://www.admomsrk.ru/web/guest/city/culture/omsk-art>
8. Либеров-центр. <http://liberov-center.ru>

Е. В. Леонтьев

Минусинск, Региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова

МИНУСИНСК: ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Предметом статьи является демография Минусинска, – окружного (уездного) города на юге Енисейской губернии, получившего настоящий статус в 1823 г. в период административной реформы М. М. Сперанского. Мы постарались выяснить, как начавшееся превращение села в город отразилось на состоянии его населения и в частности, показателях естественного прироста жителей. Исследование охватывает первую половину XIX в., и основывается на материалах церковного и фискально-податного учета населения. Среди использованных документов главное место занимают ревизские сказки крестьян села Минусинского, купцов и мещан города Минусинска за 1812, 1816, 1834 и 1850 гг., а также ведомости прихожан Минусинской Спасской церкви 1812, 1820, 1834 и 1847 гг.

В ходе обработки и сравнительного анализа этих источников была составлена персональная база данных жителей Минусинска за 1812, 1834 и 1850 гг. В нее вошли все показанные в селе/городе члены Минусинской приходской общины мужского пола, а также пропущенные в их семьях дети, записанные одновременно при проведении ревизии. Лица, учтенные ревизией (приписанные к селу/городу), но отсутствующие в исповедной ведомости или показанные в ней живущими в других населенных пунктах прихода, учитывались отдельно.¹ Таким образом, сложились три персональных «срезы» обывателей Минусинска (крестьян, купцов, мещан) за разные годы, сравнение которых позволяет детально судить обо всех изменениях, происходивших в составе рассматриваемой микропопуляции в течение около 40 лет. Показатели естественного прироста жителей рассчитывались при помощи таблиц, в которых на основе ревизий отмечалось количество «выбылых» и «новорожденных» душ в каждой семье в периоды между переписями. Их сумма соотносилась со средней численностью населения для получения коэффициентов. Ревизские материалы, как известно, не отражают полного числа смертей и рождений в населении. Множество детей, появившихся на свет после очередной переписи, не доживали до следующей, и не попадали на страницы ревизских сказок. Однако, занимая

абсолютные показатели рождаемости и смертности, указанная особенность учета, что важно, не оказывала влияния на их разность, т.е. величину естественного прироста.²

Произведенные вычисления характеризуют движение купцов, мещан - до 1828 г. крестьян села Минусинского и города Минусинска с 1795 по 1850 гг. Подсчеты делались: а). для всего ревизского (приписного) населения; б). для жителей села/города; в). для лиц, постоянно отсутствовавших по месту своей приписки. При этом, в таблицах не учитывались представители неподатных сословий, а также незарегистрированные жители Минусинска, которые проживали в нем, будучи приписанными к другим обществам. Чтобы уменьшить погрешность, были исключены также семьи, чьи члены меняли в течение данного межревизского периода свое сословное состояние и/или местожительство.³ В итоге размеры изучаемой выборки сократились до 400 – 600 чел. Ограниченное количество наблюдений чревато вероятностными ошибками, но такова уж величина исследуемого объекта.

В середине XIX в. Минусинск представлял собой аграрное поселение с количеством жителей около 1200 чел. – преимущественно бывших крестьян, переведенных в 1828 г. в мещанское сословие. Еще примерно 600 чел. – приписанных к городу купцов и мещан проживали на территории округа и в расположенном неподалеку селении Малая Минуса, которое с 1830 г. формально считалось в черте городской оседлости. Наряду с земледелием, равное по значению место в хозяйстве минусинских обывателей занимало разведение скота. В среднем на двор здесь приходилось до 50-60 голов лошадей, овец и коров.⁴ Торговлей и ремеслом были заняты приблизительно 15 – 25 % жителей. Большинство из них сочетали эти занятия с хлебопашеством или работой по найму. Ремесленниками и владельцами купеческих капиталов в городе являлись преимущественно новоселы, - недавно вошедшие в городскую общину ссыльнопоселенцы,⁵ крестьяне и выходцы из других родов.

Подсчеты показали, что в первой половине XIX в. одновременно с увеличением числа жителей⁶ демографическая ситуация в Минусинске претерпевала негативные изменения. В 1795 – 1850 гг. естественный прирост населения снизился здесь более чем на половину: с 2.57 до 1.23 % в год. Указанная тенденция складывалась исключительно среди городских обывателей и не затрагивала мещан, живших на территории округа.

В течение рассматриваемого периода итоги переписей свидетельствуют, с одной стороны, об относительном сокращении числа «ново-рожденных», записываемых во вновь подаваемые сказки, а с другой, - об

увеличении смертности внесенных в них ранее людей. Причем, влияние последнего из факторов на динамику населения села/города было большим. Это говорит о том, что рост смертности в Минусинске в первой половине XIX в. складывался, прежде всего, среди лиц молодого и зрелого возраста старше 16 – 18 лет.

Установлено наличие связи между показателями естественного движения жителей и структурой семьи; согласно подсчетам, с 1816 по 1850 гг. прирост мужского населения в домохозяйствах, включавших на начало данного периода только одну супружескую пару, сократился на 45.67 % - в 3.3 раза сильнее, чем в семьях из двух и более пар женатых родственников. Причем если среди первых указанное сокращение обуславливалось в основном увеличением коэффициента «ревизской» смертности, то у вторых, - падением аналогичного показателя рождаемости. Очевидно, уменьшение продолжительности жизни мужчин молодого возраста отмечалось в первую очередь в семьях, где каждый из них выступал в роли «единственного кормильца». Сокращение числа выживших детей имело место в обеих группах домохозяйств, но в простых сильнее, чем в сложных (соответственно на 9.06 и 4.74 %).

Примечания:

1. В первой трети XIX в. к приходу Минусинской Спасской церкви относились город Минусинск, деревни Маломинусинская, Потрошилова, Усть-Лугазская (Лугавская), Каменка, заимки Майдашинская (Усть-Абаканская) и Кривая.

2. Рянский Л. М. Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (Опыт количественного анализа по данным Курской губернии) // «История СССР». 1991. № 2. С. 144.

3. Последнее определялось по данным церковных исповедных росписей.

4. Ватин В. А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1916. С. 106.

5. Ссылные и в округе преобладали среди лиц, занятых ремеслом. Щукин Н. Минусинский округ// Журнал Министерства Внутренних дел. Ч. 18. 1856 г. июнь. С. 32.

6. С 1812 по 1850 гг. население Минусинска, согласно нашим подсчетам, выросло с 279 до 615 душ мужского пола.

А. М. Лосунов

Омск, Сибирский казачий юридический колледж

ПОСЕЩЕНИЕ ЦЕСАРЕВИЧЕМ ОМСКА В 1891 Г.: ИЗ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ II

Дневники императора Николая II охватывают период с 1882 по 1918 года. Вести дневник он начал с 14 лет и, не пропуская ни одного дня, закончил его в последний день жизни всей царской семьи. Его дневниковый архив представляет собой около 50 объёмистых тетрадей, отложившиеся в его личном фонде в Государственном Архиве Российской Федерации (г. Москва). В этих записях отражены его юношеские годы, становление личности, быт царской семьи, а так же крупные исторические события, связанные с годами его императорского правления. Какими бы печальными или радостными для него лично ни были эти события: будь то смерть отца Александра III, отречение от престола или, наоборот, помолвка или свадьба, – Николай II всегда находил несколько минут, чтобы сделать запись в тетради. Перед внимательным читателем дневников Николая II проходит вся жизнь 50-летнего человека, вырисовывается его характер, понять который до конца можно только зная и то, что не пишется в дневнике, что рассыпано в архивах в виде резолюций на полях «всеподданнейших» докладов министров и губернаторов, занесены в дневники и воспоминания людей, часто встречавшихся с Государем. После расстрела царской семьи дневники императора Николая II начали активно публиковаться. Публикация документов Николая II и членов царской семьи неразрывно связана и с именем выдающегося отечественного археографа Александра Александровича Сергеева (1886-1935), который стал первым отечественным публикатором дневников Николая II, разработчиком методологических и методических подходов и принципов издания документов периода конца XIX - начала XX в., в частности личных документов членов царской семьи. А.А. Сергеев принимал самое активное участие в публикации документов царской династии Романовых, подготовив свыше 70 научных работ и публикаций документов по различным проблемам.¹ А.А. Сергеев также подготовил к печати в полном объеме текст дневников Николая II за 1882-1918 гг. Трехтомник так и не вышел в свет. К сожалению, до сих пор остаётся неизвестным и местонахождение рукописи издания. Возможно, она была утрачена после смерти археографа, ушедшего из жизни от паралича сердца 19 сентября 1935 г. в Кисловодске.²

© Лосунов А. М., 2015

Ранние дневники по объёму в два раза больше поздних. При этом отметим, что в среднем за последние 10 лет Царствования т.е. с 1907 по 1917 гг. каждый дневник практически укладывается в 100 страниц. В дневниках 1890-х годов часто встречается вставки императрицы на английском языке и ее рисунки. Вряд ли при жизни императора, кто-либо кроме него видел его дневники. Их не так активно, как более поздних дневников, касались руки цензоров и редакторов в советское время. Особенная их ценность, заключается в том, что по отдельным кратким высказываниям цесаревича, а затем и императора создается довольно полное впечатление о процессе формирования его личности, о восприятии им окружающего мира и об увиденном в ходе его кругосветного путешествия. Для нас, омичей, дневник 1891г. представляет исключительную ценность, поскольку именно на его страницах запечатлелся образ нашего города увиденным за три июльских дня наследником российского престола и великим князем Николаем Александровичем. Автор данной публикации изучал цитируемые ниже документы в начале 1990-ых гг., но работа по снятию с них полной рукописной копии была проведена не так давно, по его просьбе, исследователями творчества П.П. Ершова из г. Ишима: Т.П. Савченковой и Г.А. Крамором, за что им, пользуясь случаем, и выражаю огромную благодарность. И так, обратимся к дневнику за 1891 г.:

« [...] 14 июля. Воскресение.

Погода сделалась тёплой; продолжали идти малым ходом, чтобы не быть раньше 4-х в Омске. Пришли сюда с математической точностью. В устье реки Омь на пристани встретил Стенной генерал-губернатор Барон Таубе, его жена и все городские дамы. Мостки от пристани на берег вдруг с треском осели; мне вспомнилось подобное крушение моста в Усть-Ижорском лагере. В особом павильоне принял депутации от городских сословий и Омской станицы. Приятно снова попасть к казакам; между ними множество Георгиевских кавалеров. Вообще Сибирские казаки выглядят молодцами и отлично одеты; форма мне очень нравится. Посетил Ильинскую церковь, откуда пешком прошёл к генер[ал]- губ[ернаторскому] дому, где стояли: почётный караул от Омского резервного батальона, начальствующие лица и депутации от разных городов и киргиз. Отдохнув в своём помещении поехал с бар[оном] Таубе в женскую гимназию; снаружи были собраны все мужские заведения, а в самом здании- женские; получил тут несколько рукодельных работ. Затем посетил Соборо-Воскресенскую церковь внутри бывшей крепости, от которой сохранились двое ворот 1791-1792 годов и часть вала; и «убежище для бедных детей». Сделалось очень жарко, но пекло портило сильно удовольствие. В 6 час[ов] был в ген[ерал]- губ[ернаторском] доме небольшой обед, после отправился

на смотр в 8 ч[асов]-странная мысль назначать парад вечером. Это происходило перед лагерем. Участвовали: Сибирский кадетский корпус (3 роты), Омский кадровый батальон, №№ 4-й и 5-й, второ-очередные конные полки Сибирского каз[ачьего] войска и сводный полк молодых казаков; всего 8 рот и 12 сотен. Все части представились в отличном виде, особенно льготные казаки; лошади и снаряжение безукоризненное.

15-го июля. Понедельник.

Встал в 9 ч[асов] с головной болью над правым глазом. В 10 1/2 в обыкновенной форме пошёл из дому по улице в войсковую Никольскую церковь. Жара была сильная. У церкви стоял казачий поч[етный] караул при 6 старых знамёнах, которые были внесены туда. После обедни и молебна прошёл садом, где были накрыты столы для казачьих депутатов в войсковое хозяйственное правление. Осмотрев поднесённые мне блюда и картины, сел за завтрак в красиво убранной зале. Тут голова разболелась так, что глаз стал закрываться. После завтрака снялся группой с атаманами отделов и вернулся к себе. Поспав с часок, отправился на пароходе вверх по Иртышу к месту кочёвки киргизов. Кроме них была масса публики, ужасно мешавшая мне смотреть то, что интересовало. На пристани киргизские власти и почётные лица встретили кумысом, который пришлось выпить. Влезал в несколько юрт и богатых и бедных; в других была устроена своего рода выставка их вещей и ремёсел; получил тут много подношений; в одной юрте меня встретили местным уморительным концертом. Они показывали свой способ перекочёвки на верблюдах и несчастную охоту с кречетами и беркутами. Толпа страшно мешала этому. Вообще они произвели отличное и приятное впечатление, вроде бурят. Около 6 ч[асов] был у себя; сейчас же и обедал и снова поехал за город на скачки молодых киргизов: 10-вёрстную и 3-вёрстную; лошади замечательно втянуты, мальчики отличные ездоки. Затем посетил кадетский лагерь, где видел полевою гимнастику, хорошо сделанную ими. В лагере резервного батальона пил чай в летнем офицерском собрании в хорошей роще. При выходе из него чуть было не сделался жертвою дам, как и в Иркутске; они отобрали мой платок. Вернулся около 11 часов покрытый пылью.

16-го июля. Вторник.

В 10 час[ов] поехал за крепость к месту закладки нового собора во имя Вознесения Господня. Солнце сильно пекло, но к счастью был поставлен шатёр, более заботливо чем в Иркутске. Всё общество и учебные заведения присутствовали. Простился у себя с почётными киргизами и начальством и одарил всех. После завтрака поехал в 2 1/2 на пристань, где сел на тот же пароход «Николай» и переправился на левый берег Иртыша в

сопровождении другого парохода с массой публики. Вновь познакомился с молоденькой девицей Верёвкиной, с которой танцевал в прошлом году в Петергофе, когда она была ещё институткой. Сейчас же влез в коляску с Таубе и покатил по чудной ровной дороге киргизской степью. Сзади по обыкновению поскакал многочисленный конвой казаков и киргизов, которые на полном ходу пускали своих беркутов за лисицей и уткой. Перепряжки были короткие, заходили в приготовленные для остановок юрты [...]»³

Итак, Цесаревич в дневнике своего кругосветного путешествия отобразил не все моменты своего пребывания в нашем городе, а лишь те, которые произвели на него сильное впечатление. Всё в нашей жизни весьма относительно. И этого нельзя отрицать. Почти невозможно дать истинно объективную и всеобъемлющую оценку тех или иных событий, независимо от того, когда они имели место быть, даже если оценивающий индивидуум является их участником и очевидцем, вряд ли при этом он сможет описать всё происходящее весьма подробно и точно. Так и Цесаревич, к примеру увидел лишь столько крепостных ворот, сколько ему смогло показать по пути его следования местное начальство. Радует также и то обстоятельство, что по сравнению с иркутянами мы оказались более заботливыми (дамы, разумеется не в счёт!). Со страниц дневника перед нами предстаёт 23-х летний молодой человек, который смотрит на жизнь с юмором, восхищается военными смотрами, который то сбегает от дам, а то вторично знакомится с молодой девицей Верёвкиной (о судьбе и личности которой, кстати, выяснить ничего не удалось!). Он ведёт свой дневник с исключительной аккуратностью каждодневно делая в нём записи. В основном это короткие отметки-отчёты о встречах и посещениях им мероприятий за время пребывания в нашем городе. Проанализировав данный источник и сопоставив его с другими, мы можем создать себе определенное мнение как об образе Цесаревича, так и о нашем городе и о том впечатлении которое он произвёл на Августейшего путешественника.

Приложение:

1. Среди них - «Переписка Николая и Александры Романовых», т. 3 (Госиздат, 1923), т. 4 (Госиздат, 1925), т. 5 (Госиздат, 1926), «Дневник Николая Романова (1916-1918 гг.)» (Красный архив. Т. 20. С. 123-152; Т. 21. С. 79-96; Т. 22. С. 71-91; Т. 27. С. 110-138), «Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905-1906 гг.)» (Красный архив. Т. 22. С. 153-209), «Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907-1910 гг.» (Красный архив. Т. 50-51. С. 160-193), «Из переписки С.М. и Н.М. Романовых в 1917 г.» (Красный архив. Т. 53. С. 139-150) и др.

2. Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918-1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1.

3. ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Д.226. ЛЛ.105-111.

«ПОСТИЖЕНИЕ ГОРОДА» И «ЭКСКУРСИИ В КУЛЬТУРУ» В ОМСКОМ КУЛЬТУРОВЕДЕНИИ

Одна из главных проблем наших дней – постижение города в его затейливости и антиномичности. Рассмотрим способы постижения города таких ученых как Н. П. Анциферов, И. М. Гревс и писатель Л. Н. Мартынов. Анциферов Николай Павлович (родился в 1889 г.) отождествлял город с живым организмом, выделяя три компонента «анатомию, физиологию и психологию (душу) городского организма».¹ Нельзя не заметить, что в его работах образы одиночных районов, улиц, различных домов, садов и парков в целом составляли образ города. Предпочитал Анциферов в основном прогуливаться пешком, воображая, как его читатели гуляют по местам, которые он описывал в своих работах. Его метод можно назвать «научно-поэтическим». Он определял два аспекта времени (прошлое и настоящее), по его мнению, они существовали неразрывно друг от друга.

Следующий исследователь Иван Михайлович Гревс (1860-1941), изучал жизнь современников эпохи, часто обращаясь к литературным памятникам. Город, для Гревса – место сохранности культуры и главный признак цивилизации. Существенным признаком экскурсии Гревс выделял «путешественность». Исследователь отметил, что в любом возрасте увлечение путешествием способствует нравственному самосовершенствованию. Также Гревс выстроил классификацию экскурсий: школьные, взрослые, ближние, дальние, городские, музейные, естественные, гуманитарные.

Обратимся к методам проведения экскурсий этих исследователей. Анциферов один из первых попытался понять город как целостность материальных и духовных ценностей. Он утверждал, что прежде чем разработать какую-либо экскурсию надо уметь пережить, прочувствовать неделимый образ города, получить представление о «душе города».

Отметим методику Гревса. По его словам, город является ярким и культурным созидателем, хранителем и популяризатором. В своих работах И. М. Гревс выделяет структуру культуры. Она состоит из четырех компонентов: хозяйство, общество, государство, духовность. Культуру как живой организм описывают и в своих теориях Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, отсюда можно сделать вывод, что Н. П. Анциферов принимает концепцию

О. Шпенглера, о том, что культура – это живое тело духовности, а в этом теле находится душа и поэтому часто цитирует его в своих работах.

Теперь хочется обратить внимание, на то, как эти идеи ученых проявляются в книге Мартынова, опубликованной примерно на двадцать лет раньше. Леонид Мартынов – один из крупнейших русских поэтов XX века. Прочитав стихотворения и новеллы Л. Мартынова, например «Воздушные фрегаты», «Сибирские Афины» и др. можно легко узнать место, где это происходит. Его стихи-рисунки выстраиваются в ряд иллюстраций из омской действительности. Например, из отрывка новеллы «Детские грёзы», мы можем заметить, что главным героем выступает город Омск: «А город – он точно огромный пустырь, / Заборы, заборы, заборы... / И в улицах снежных гуляет сама / Восточная злая пушная зима. / Все ходит, все бродит, все ищет...»

Леонид Мартынов учит нас видеть необычное в обычном. Так привычные географические объекты становятся в его стихах мистическими. Мотив ветра присутствует в стихах Мартынова: «Вспоминаю город азиатский, / Этот северо-восточный ветер, / Проникавший через двойные рамы / В бани, в храмы, в церкви и в мечети».²

Идеи Анциферова, Гревса в последние двадцать лет активно используются омскими исследователями. Особенно благодаря работам Рыженко В.Г. В её работе говорится о том, что фото помогают нам «восстанавливать колорит эпохи, вид городов, получать информацию, создающую основу для интегрированного представления о действительности».³ Они демонстрируют культурные знаки и духовную среду конкретной эпохи.

«Визуальные тексты» помогают выявить общие и индивидуальные признаки культурного участка города, проиллюстрировать специфичность его оформления на различных этапах, рассмотреть его структурные компоненты.

Таким образом, культурологический подход к экскурсиям можно выделить в работах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова. У Л. Н. Мартынова же важно понять экскурсионный объект через переживание понимания произведений искусства. Писатель стремится через различные объекты городской культуры представить особенности конкретного города. Стоит заметить, что во всех трех случаях город выступает как «пучок культуры».

Примечания:

1. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. С. 148.
2. Мартынов Л. Н. Книга стихов. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 352.
3. Рыженко В., Назимова В., Алисов Д. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики. Омск: ИД Наука, 2004. С.181.

ГОРОД В ПЕЙЗАЖНОМ ЖАНРЕ ЖИВОПИСИ

Город эпохи урбанизации полнокровно отразила пейзажная живопись - в силу его преобладающей роли в истории современной цивилизации. По мнению О. Шпенглера: «Народы, государства, политика и религия, все искусства, все науки покоятся на единственном прафеномене человеческого существования, на городе». Он активно меняет среду: прежде «отдавался ландшафту», потом захотел «создавать его сам», и «все более и более обособляясь от земли, наконец, полностью ее обесценил и стал сам определять ход и смысл высшей истории вообще».¹ В мировых столицах, презирующих «материнский ландшафт своей культуры», жители разделяются на столичных и провинциалов. В столицах складываются два меньшинства. Одно ощущает себя «представителем нации», чтобы «вести ее за собой». Другое - «антинациональный элемент». Это «вневременные, внеисторичные, литературные люди», готовые «быть субъектом, а не объектом исторического процесса» и «заменить реальное логическим, власть фактов абстрактной справедливостью, судьбу разумом».²

Для художника - та же дилемма самоидентификации. Городской пейзаж несёт в себе разные смыслы: отражение времени, конкретного локуса, страны, национального колорита и ментальности, идентичности художника, с его эстетическим вкусом, стилем, мировоззренческими приоритетами, непосредственным чувством. В итоге получается портрет города, как часть портрета страны или мира в целом, и портрет самого художника.

В СССР создание художественного образа города подчинялось идеологическим установкам. В 1930-50-е гг. востребовались мотивы классического города, ярко выраженный национальный пейзаж как образ Родины, развивающийся в индустриальный пейзаж, «новое» в архитектуре как запрос строительства «невиданного в мире государства».³ С «оттепели» - установки смягчаются, допуская большую свободу в изображении города.

Каким видится Омск нашим пейзажистам? Он складывается из отдельных локусов. Прежде всего, центра Старого города. Тарские ворота и собор в снежном холоде - у К. Белова - «Старый Омск...», 1982. Губернаторский дворец сквозь решётку обнажённых деревьев у Г. Г. Пилипенко («Музей»,

2002). «Старый Омск» (1925) С. Я. Фельдмана - это низкие строения под снегом с фиолетовыми тенями. Г. Кичигин сопоставляя эпохи, предлагает «Параллели» (2010), разрезая Любинский спуск на две вертикали: стремительно современный, отрешённый (с автомобилями, вывесками, мрачно-зелеными крышами под грязным небом) и неспешный прежний, более светлый (с телегами, сословиями). А в его «Старых рамах» (2015), прислоненных к стене после замены на пластиковые, отражаются лица ушедших поколений, разделённые переплётками по «разные стороны баррикад» как знак истории. Любимый объект - драматический театр: это «Осенняя прогулка у театра» (2008) С. Н. Патрахина, импрессионистический фасад у А. Сапожникова («Омский драмтеатр...», 1984), фасад в тёмном колорите - у Н. Я. Третьякова («Городской пейзаж. Этюд», 1961) и его праздничные, зелёно-голубые этюды. Множатся улочки, скверы, здания, окраины: лирическая «Осень в парке», 1993, А. Н. Либерова - в снежной круговерти; частный сектор в зимнем «Городском пейзаже» (1978) А. Сапожникова; в нежно-зелёном цвете «Весенний город» (2000) и «Красный дом» (1997) А. Шакенова.

Географически Омск предстаёт как порт с иртышским ландшафтом, набережными, мостами, пароходами, кранами, рабочим людом. Панорамный под суровым облачным небом, перерезанный Иртышем «Вечерний Омск» (1968) К. Белова. Скопление кораблей, веселое колыхание реки с их цветными отражениями - «На Иртыше. Этюд» (1961) Н. Я. Третьякова. Скольжение светлых прогулочных судов в пасмурном пространстве «Серебристого дня» (1969) В. Кукуйцева. Почти во весь холст мост в зелёном пространстве - «Устье Оми» (1972) Т. П. Козлова.

Индустриальный Омск представлен в пейзаже стройками заводов, магистралей, газопроводов. «Омский нефтезавод» (1956), «Этюд к картине «Иртышская ГЭС» (1953) К. Н. Щёктова, «Строительство Нефтегородка», 1960 - в размашистой манере и скупом колорите и «Стройка», 1960-х - в суровом стиле и жёлто-болотной гамме - Н. Я. Третьякова. Без всякой мрачности «Омск строится» (1958) М. Ф. Глуздова. Динамичный «Комсомольский мост» (1957) Ю. А. Овчинникова. Башни кранов в грозном небе «Промпейзажа» (1987) Г. А. Штабнова. Механическое соединение мрачной фактуры корпуса и разреза тёмного интерьера у Г. П. Кичигина («Омский нефтезавод. Час обеда», 1983). Зловеще выглядит его «Трасса» (1888) - нефтепровод с заводской панорамой под дымным, ядовито-зелёным небом. Его «Траншея» (1987) - чёрный смрадный провал, с торчащим обрезом толстой трубы и бледное пятно многоэтажки на грязном фоне - как эстетический и экологический протест. Оптимизм советской эпохи отражает

многолюдное шествие колонн – красных от реющих флагов, («Омск. Первой», 1971) В. В. Кукуйцева; романтическое кружение выпускного бала на набережной в «Рассвете» (1967) С. В. Алексеевой. Годовщина Победы отмечена С. К. Беловым суровым «Городом в тылу» (1985) и радостным «Майским утром» (1985).

В это время городской жанр связан с соцреализмом, импрессионизмом, постимпрессионизмом. В трактовке оптимистического, нередко – пафосного видения. В постсоветский период появляются образы актуального искусства: реальность заменяется красочными массами, с какими-то намёками на материальность. «Город в цвете» (2015) Е. В. Бобровой – над многоцветием с преобладанием бело-красного предметно парит лишь луковка часовни. Но в «Городских деревьях» (2015) Т. Д. Татауровой – два чётко изогнутых фиолетовых ствола под ночным небом обрамляют башенку со шпилем и часами знаменитого здания. Минорно-музыкально звучит «Осень на Почтовой» (2015) Е. В. Комаровой: деревянный дом со ставнями среди безмолвия, безлюдия, отрешенности в ореоле красок падающих листьев. В год литературы Г. Г. Пилипенко выставил зимний триптих домов (как знаков судьбы): в центре – бесприютного А. Кутилова (скамейка в парке); по бокам – Л. Мартынова (одноэтажный) и А. Сорокина (особняк в два этажа).

Диапазон городских мотивов расширяется с поездками пейзажистов по стране. В 1960-80-х гг. – увлечение древнерусскими малыми городами, как ностальгическое желание припасть к истокам и насладиться красотой старой архитектуры. С ритмическими куполами и крышами «Кремль. Борисоглебск» (1962) В. Кукуйцева. Яркий, в сиренево-голубом снегу под весенней лазурью «Переславль» (1975), тонкие берёзки с редкими листочками у Софии «Новгорода» (1970) Р. Черепанова. Прорыв к храмовому пейзажу – не только усталость от идеологического давления, но главное – порыв к духовности, к традиции, к красоте, к вечному. Новые образы – дань исторической и культурной памяти и надежда найти опору от разочарований жизни. Целый набор красочно или сдержанно, статично или динамично написанных в 1960-х храмов Борисоглеба, Переяславля-Залесского, Соликамска, Ростова Великого, Старой Ладogi и пейзажей нарядной Старой Ладogi и весёлого Торжка у Черепанова. Маленькие холсты «Торжка, деревянной церкви Вознесения XVII в.» (1987), парящего между небом и водой белокаменного Валдая с Иверским монастырём (1991) В. И. Бичевого. А в «Пейзаже с церковью» (1996) Г. Кичигина лишь маленький тусклый куполок, затерянный среди бесформенных дематериализованных руин. «Голубая мечеть» (2004) В. Г. Бугаева более узнаваема: яркое пятно купола в окружении голубых полос (минаретов).

Тема Сибири звучит в пейзажах Васюгана, Игарки (70-х у В. И. Бичевого). Тобольский Кремль (1964) – самый нарядный из городских пейзажей К. Белова. Деревянный «Ханты-Мансийск» (1978), с пристанью – «Берёзово» (1968), «Берёзово. У рыбозавода» (1970) – Р. Черепанова. Мрачноватый «Город Тара» (1967) В. Белова. Без реального облика в актуальном стиле «Тобольск» (2008) В. Г. Бугаева.

Кого жизнь связала со Средней Азией, отдали дань её колориту, мечетям, базару: яркие полотна развалин самаркандских мечетей, его дивная «Весна в Ташкенте» (1953) и в шатре деревьев – «Чайхана. Ташкент» (1953) Р. Черепанова, «У чайханы» и сочно-красная «Бухара» (1965) В. Кукуйцева.

Южные мотивы отлились в уголках Крыма: Гурзуфа, Ялты. Западные – в городах: с тёмно-красными черепичными крышами и высокими башнями «Старый Таллин» (1963) Г. А. Штабнова, «Люксембургский сад. Париж» (1977) Г. Кичигина; «Вечерний Копенгаген» (2004), «Весна на дворцовой площади Копенгагена» (2004) В. Романова; «Мулен Руж» (1996) и «Посвящение Нью-Йорку» (2001) – силуэты актуального стиля В. Г. Бугаева.

Как видно, у художников – разные отношения с городом. Не всегда его образ совпадает с реальностью. Заметно меняется тональность его видения: от несомненной близости, уюта и любования – до ностальгии по утраченной природе, неприятия и эстетического отрицания урбанизации, когда она враждебна человеку, ради комфортной, здоровой городской среды.

Примечания:

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С 92. 97. www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng_2/index.php

2. Там же. С. 101, 190-191.

3. Неклюдова Т. П. Городской пейзаж как отражение архитектурной культуры России в изобразительном искусстве 1950-х-1980-х гг. Заключение. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/gorodskoi-peizazh-kak-otrazhenie-arkhitekturnoi-kultury-rossii-v-izobrazitelnom-iskusstve-19#ixzz3axsFxdLz>

ИСТОРИЯ ОМСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ М. А. СТОЛПОВСКОГО

Митрофан Алексеевич Столповский приехал в Омск 23 апреля 1912 г. В своих воспоминаниях он писал: «По выходе из поезда [...] Пошел полем до города. При входе в город на Московской ул. стояла арка. Прошел арку и чуть-чуть ни по колено увяз в грязи. Оказалось начало Московской улицы не мощеная.¹ С вокзала в город едва-едва доехали: лошади тонули в грязи [...]». Так начал свои воспоминания о жизни в Омске М. Столповский, которые написал в 1954 г. Эти воспоминания хранятся в личном фонде А. Ф. Палашенкова.² Три тетрадки на 70 листах вместили и описание города 1910-1915 гг. и более поздних событий, историю городского самоуправления со многими подробностями и деталями, о которых уже никто не знает, да и в других официальных документах они не отложились. В этих материалах есть несколько писем к Андрею Федоровичу, из которых ясно, что эти воспоминания он писал не только по своему желанию, но и по просьбе Палашенкова.

В январе 1914 г. Столповский поступил на работу в Городскую управу счетоводом в бухгалтерию. Проработал около 20 дней, но не был утвержден в должности губернатором. В июле 1914 г. он был вызван и нелегально устроен в бухгалтерию управы. Через 3 месяца был назначен помощником зав. арендным отделом. Так проработал он нелегально больше года. В отсутствие губернатора и вице-губернатора был утвержден на должность ст. советником Пухальским.

В тот период уже прошли выборы нового состава думы на 1914-1918 годы. М. С. отметил ее прогрессивный состав – 5 присяжных поверенных, 4 инженера, 2 врача, 14 чиновников, 5 управляющих торговыми фирмами, 1 управляющего банком, 1 генерал, 14 торговцев, 4 заводчиков и фабрикантов, 1 подрядчика, 1 священника и 4 прочих. В ее состав в тот период входили городской голова В. А. Морозов, член управы (до 1915) г. П. Б. Яшеров, он же зам. городского головы, с 1915 г. – В.И. Пантелеев, заменивший его В. А. Суханов, И. А. Яцкин, Н.М. Галкин, с 1915 г. зам. городского головы И.Г. Кузнецов, заменивший его В. В. Чернавин. Секретарь управы – Д. М. Ветохин, ушедший в 1915 г. по болезни. Его заменил А. Н. Гладышев.

М. Столповский в своих воспоминаниях дал не только цифровые данные о деятельности думы этого состава, но и характеристику многим членам управы. Так, например, он писал, что Кузнецов И.Г. ушел с должности из-за конфликта со служащими управы, которые все подали заявление об отставке из-за его грубых высказываний в адрес служащих.

Заведывание разными отраслями городского хозяйства лежало на управе. Все сложные вопросы по городскому хозяйству предварительно рассматривались в подготовительных и исполнительных комиссиях городской управы – по постройке в Омске водопровода, моста через р. Омь, электростанции и трамвая, городской скотобойни, школьных зданий. В эти комиссии входили, кроме членов управы и гласных думы, другие горожане, обладающие избирательным цензом. Также были библиотечная, училищная, театральная, водопроводная, Больничный Совет, по заготовке продовольственных продуктов, по замощению улиц, аптечная, садовая, по заведыванию городскими богадельнями, по постройке каменного торгового корпуса на Центральном базаре, по оказанию помощи семьям призванных на войну, по заведыванию кирпичеделательными заводами.

Члены управы в соответствии с решением Городской думы курировали свои отрасли городского хозяйства. Яшеров, Пантелеев, Суханов ведали благоустройством улиц, площадей, переправ, рабочими обозами, пожарной командой. Кузнецов, Чернавин – оценкой недвижимого имущества, водопроводом, постройками обывателей. Галкин – воинской частью, больницами, учреждениями общественного призрения, кирпичеделательными заводами, народным образованием, медицинскими и санитарными учреждениями, Яцкин – бухгалтерией управы, арендными оброчными статьями, сдачей и продажей земли. Для ознакомления с деятельностью управы Городская дума учреждала постоянную ревизионную комиссию.

Не раз в своих воспоминаниях Столповский пишет о «тяжелом наследстве», которое досталось от предыдущего состава Городской думы 1910-1914 гг. Она была малодетальной, в некоторых случаях – до преступности, так оценивал ее автор воспоминаний. Следующая дума начала наводить порядок с бухгалтерии и канцелярии. Были пересмотрены штаты, увеличены число и оклады служащих управы. Установлено новое распределение отделений управы – распорядительное, хозяйственное, бухгалтерия, налогов и сборов, арендное, воинское, врачебно-санитарное, по делам народного образования, городских предприятий, техническое, земельное, юридическое и статистико-инвентарное.

В 1911 или 1912 г. в городскую управу на работу на должность зав. отделом народного образования, был приглашен лидер омских социал-

демократов А. Н. Гладышев, Столповский оценил его как сильного работника, много сделавшего на этом поприще. В 1915 г. он был назначен секретарем управы, вместо ушедшего по болезни Ветохина. Гладышев много писал в Вестник Омского городского самоуправления, почти в каждом номере было его муниципальное обозрение. В 1916 г. он был избран председателем потребительского общества.

После 1905 г. в городской управе избегали политически неблагонадежных сотрудников. Городской же голова Морозов привлекал «политических» к работе, как более подвижный и добросовестный контингент. В 1915 г. пострадавших за политические убеждения было несколько человек, в т. ч. и сам М. Столповский. В 1915 г. на ответственных постах управы были люди, входившие в разные партии – эсдеки-меньшевики, эсеры, левые эсеры – в воспоминаниях он перечисляет всех пофамильно. После реорганизации штатов главное внимание было обращено на финансовую сторону городского хозяйства. Дума решительно выступила на путь привлечения капитала извне, путем заключения крупного займа. Бюджет города в 1909 г. был 456206, а в 1913 г. – 1310201 руб., в 1916г. – 1533767. Значительно увеличились расходы на благоустройство, народное образование, общественное призрение. Управа принимала ряд мер к повышению доходности. Гласный Кабалкин указывал, что в Омске значительно повысилась квартирная плата, достигнув и иногда превысив уровень столичных цен. За равные квартиры в Омске платили 900 руб., а в Москве – 1000-1200, но в Москве в эту цену входило отопление вода, удобства в виде ванной, электричества и пр., а в Омске нет.

Средств к удовлетворению городских потребностей в Омске не хватало. Чтобы получить бездефицитную смету, из нее не раз исключались расходы на врачебно-санитарное дело, народное образование, благоустройство. На последующих страницах Митрофан Алексеевич подробно описал состояние народного образования, здравоохранения в Омске, и деятельность думы и управы по их улучшению, отдельные общественные события в Омске в 1910 – 1916 гг., в т. ч. и Первую Западно – Сибирскую выставку 1911 года, работу органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны.

Воспоминания М. Столповского являются ценным источником по истории города Омска, который еще предстоит включить в исторический оборот.

Примечания:

1. Так в тексте.
2. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 1883.

С. А. Пахомчик

Тюмень, Государственный аграрный университет Северного Зауралья

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ, СОЕДИНЯЮЩЕЙ ОМСК И ТЮМЕНЬ

Города Омск и Тюмень, отстоят друг от друга на расстоянии немногим более 600 км. Долгое время не имели между собой железнодорожного сообщения. Тюмень была соединена железнодорожным сообщением с Екатеринбургом еще в 1885 году. До Омска железная дорога в виде Транссибирской магистрали пришла в 1894 г. После строительства моста через Иртыш в 1896г весь участок от Челябинска до Оби был принят в постоянную эксплуатацию Министерства путей сообщения. Железная дорога обошла стороной участок: Тюмень – Ялуторовск – Ишим – Называевск – Омск. Только в 1913г было открыто сообщение на участке Тюмень-Омск.

В начале 20-го столетия разгорелась борьба мнений и точек зрения по вопросу о необходимости и целесообразности соединения железнодорожным путем Тюмени и Омска. Несмотря на противоположные точки зрения на эту проблему верх одержала позиция Тюменской городской Думы, с которой были солидарны Екатеринбургская городская Дума и ставшее на их позиции Министерство путей сообщения. Аргументами в пользу строительства дороги послужили доводы о том, что линия пройдет по местности, на которой существуют большее количество ярмарок и торжков, во главе крупнейшей из них Ишимско-Никольской (в г. Ишиме), на которые ввозятся миллионы пудов товаров; достигается 35 верстное сокращение пути до Челябинска, местность производит значительное количество животного масла, которое более успешно будет реализовываться в случае наличия надежного транспортного пути.

Строительство его осуществлялось в 1909 – 1913 гг. Важную роль, на наш взгляд, в положительном решении этого вопроса сыграл депутат Государственной Думы от Тобольской губернии Н.Л. Скалозубов. Принятию решения о строительстве участка Тюмень - Омск Транссибирской железнодорожной магистрали предшествовали серьезные обсуждения в Государственной Думе. Во время обсуждения вопроса о целесообразности строительства железной дороги на участке Тюмень - Омск в Государственной Думе мнения депутатов разделились. В думской комиссии путей сообщения

19 мая 1909 г окончательно обсуждался этот вопрос и происходило голосование по законопроекту постройки железной дороги Тюмень-Омск. Серьезными оппонентами в принятии положительного решения выступили депутаты представляющие интересы Шадринского и Исетского - мукомольных уездов, которые лоббировали постройку ветки по их территории. При этом очень критично отнеслись к перспективам, которые обещало прокладка дороги через Тюмень – Ялуторовск – Ишим – Омск. При этом они утверждали, что местность, где планируется строительство дороги - это сплошные болота и неудобные для использования в хозяйственном отношении земли, пригодные лишь для сбора ягод и грибов. Н. Л. Скалозубов как опытный статистик, проведя скрупулезные расчеты, предъявил неоспоримые аргументы в пользу строительства именно участка дороги Тюмень-Омск. Он обосновал необходимость развития здесь скотоводства, маслоделия и производства других сельскохозяйственных культур. Как показала дальнейшая практика, он не ошибся. Прокладка дороги заметно оживила жизнь этого региона.

Скалозубов неоднократно поднимал эту тему в своих корреспонденциях в Сибирском листке и других сибирских печатных изданиях.¹ Сооружение линии Тюмень - Омск внесло заметное оживление в торгово-промышленную сферу Ялуторовского, Ишимского, Тюкалинского, уездов Тобольской губернии население которых превысило 1,5 млн. чел. Развитие промышленности и торговли сопровождалось ростом городов, поселений, числа предприятий. Так в Тюмени было 37 промышленных предприятий в 1895г, а в 2014 их насчитывалось уже 82. Население увеличилось с 29,6 тыс. до 42,5 тыс. чел. По количеству голов крупного рогатого скота Тобольская губерния превзошла в 1914г. Америку и Германию. Если в начале XX века по железной дороге Курган - Челябинск и частично сухопутным путем через Тюмень вывозилось животного масла на 22млн. руб., то после открытия движения Тюмень-Омск оно достигло 66 млн. руб. Рост объемов вывоза его с территории составил три раза. Общая протяженность участка железной дороги составила по отчетам железнодорожного ведомства 537 верст. Уже весной 1909 года приехавшие из Петербурга инженеры объявили в близлежащих селах о том, что желающие работать могут поступить на стройку железной дороги. В результате упорного интенсивного труда, даже не смотря на отсутствие техники участок железной дороги: Тюмень - Омск был сдан в эксплуатацию в 1913 году. Первый поезд из Тюмени в Ялуторовск, к примеру, пришел 8 мая 1912г.² Архивные и исследовательские материалы свидетельствуют о том, что «выбор трассы новой дороги определен главным образом, кратчайшим расстоянием между станциями Тюмень-Омск,

удобством пересечения больших рек Тобола и Ишима, с учетом их разлива весной, рельефом местности, строением почвы и другими объективными обстоятельствами»³.

Примечания:

1. Скалозубов Н. Л. Тюмень-Омская железная дорога (от собственного корреспондента) // Сибирский листок, 1909, май. С. 86-87, с. 131-132.
2. Зубарев Н. Ялуторовск. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972. 109 с.
3. Коновалов П. С. Из истории проектирования Тюмень-Омской железной дороги // Омская областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию Омска: секция «История Омска и Омской области». Омск, 1991. С.48-50; Коптелов В. Т. Железная дорога // Ишим далекий и близкий. Ишим, 1997. С. 152; Подшивалов П. Д. Нужно ли соединять рельсовым путем Омск с Тюменью // Труды ОО МОСХ. Омск, 1902. Вып. 2. С. 19.

Д. И. Петин

*Омск, Исторический архив Омской области,
Государственный технический университет*

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ «СИБИРСКИХ» ДЕНЕГ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1918-1919 ГГ.

Денежно-эмиссионные мероприятия сибирской контрреволюции в 1918-1920 гг. уже неоднократно вызывали интерес научного сообщества. Исследователи 1920-х гг. А. И. Погребецкий и Л. Н. Юровский приводили сведения об эмиссионной политике «омской» власти. В современной историографии вопроса известен ряд исследований, приводящих статистические сведения о выпуске «сибирских» («омских») денежных знаков (В. М. Рынков, А. В. Алямки, А. Г. Баранов, М. В. Ходяков, И. С. Шиканова). В то же время, рассматривая организацию бумажноденежного производства антибольшевистской властью в Сибири, только В. М. Рынков и М. В. Ходяков указывали о нескольких местах производства денег¹. Раскрытию этой темы посвящены и три наших работы². Продолжая развивать вопрос о местах печатания «сибирских» денег, следует сказать, что работа Екатеринбургского отделения Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ) не представлена в историографии. В этой небольшой публикации данный аспект впервые получает освещение, а публикуемые на основе анализа первоисточника детальные статистические данные впервые комплексно вводятся в научный оборот.

В целях обеспечения антибольшевистской государственности востока России необходимым количеством денежной наличности, а также для равномерного распределения денежных знаков на контролируемых территориях кроме омского эмиссионного центра (который начал работу 10 октября 1918 г.) были созданы дополнительные отделения ЭЗГБ в других городах. Сначала такое отделение открыли в Иркутске (28 октября 1918 г.), где печатанием «сибирских» денег занялся местный военно-топографический отдел; а спустя два месяца начало работу отделение ЭЗГБ в Екатеринбурге (30 декабря 1918 г.).

Для организации бумажноденежного производства в Екатеринбурге были задействованы технические мощности известной в городе хромофотографии А. Н. Судакова. Примечателен факт: эта хромофотография была

достаточно хорошо оснащена технически, поэтому, будучи в Екатеринбурге, Уральский областной совет весной-летом 1918 г. использовал её для производства своих временных бон («уралок»). После оставления советской властью города часть имущества хромофотографии, а также заготовленные бонны были перевезены в Пермь³.

Екатеринбургское отделение ЭЗГБ, использовало, по всей видимости, привозное сырьё. Но проработав порядка полугода, отделение дало весомый объём бумажноденежной продукции и сыграло важную роль в обеспечении антибольшевистской власти денежной наличностью. В частности, до 70% «сибирских» крупных купюр, произведённых за первую половину 1919 г., были отпечатаны в Екатеринбурге⁴. Как видно из анализа документов ЭЗГБ, между временными отделениями существовало «разделение» направлений бумажноденежного производства. В частности, в Екатеринбурге печатались только «сибирские» краткосрочные обязательства Государственного казначейства номиналами 25, 250, 500 и 1000 руб. Причём производство в период острого бюджетного дефицита началось именно с тысячерублёвых купюр (и это в момент не менее острого разменного кризиса).

В мае 1919 г. с Екатеринбургским отделением ЭЗГБ был связан один из первых раскрытых фактов массовой подделки «сибирских» денег. Курьёз был в том, что один из фигурантов уголовного дела являлся сотрудником Екатеринбургского отделения ЭЗГБ⁵.

Прекращение работы екатеринбургского эмиссионного центра (произошедшее по разным данным 4 или 7 июля 1919 г.) в связи с эвакуацией колчаковских учреждений на восток. Эвакуация вновь обострила вопрос с обеспечением антибольшевистской власти деньгами и заставила печатный станок работать интенсивнее. Нагрузку по бумажноденежному производству, резко возросшую с лета 1919 г., взяли на себя мощности ЭЗГБ, расположенные в Омске и Иркутске.

Авторитетный исследователь А. И. Погребецкий, ссылаясь на некие «частные сведения», говорит о выпуске осенью 1919 г. в Новониколаевске и Томске вывезенных из Екатеринбурга напечатанных там «сибирских» денег на сумму до 1 млрд. руб. Но в не менее авторитетных работах В. С. Флёрова и В. М. Рыкова точка зрения А. И. Погребецкого по этому вопросу не подтверждается⁶.

В приводимой ниже таблице мы публикуем статистику сдачи в Государственный банк отделением ЭЗГБ в Екатеринбурге изготовленных им «сибирских» денег. Публикуемые сведения были выявлены в Государственном архиве Российской Федерации в фонде ЭЗГБ (Р-1584)⁷. Документ,

В то же время до сих пор остаётся открытым вопрос о внешних признаках отличия «сибирских» денежных знаков (литеры, серии и даты выпуска) в зависимости от места их производства.

1. Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 109; Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 139.

3. Российский государственный архив экономики. Ф. 2324. Оп. 3. Д. 468. Л. 95–97; Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1006. Л. 219об.–220; Уральские боны // Известия Омского облисполкома (Омск). 1918. 27 марта.

5. Фабрика денег // Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 11 мая. С. 4; Немцы-фальшивокредитчики // Эхо (Владивосток). 1919. 25 мая. С. 3.

7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 2. Л. 5-6.

7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 2. 5-6.

Период	Номиналы									
	25		250		500		1000		ВСЕГО	
	рублей	штук *	рублей	штук *	рублей	штук *	рублей	штук *	рублей	штук *
XII 1918	—	—	—	—	—	—	60 000 000	60 000	60 000 000	60 000 000
I	—	—	—	—	—	—	220 600 000	220 600	220 600 000	220 600 000
9	16 200 000	648000	—	—	—	—	140 000 000	140 000	156 200 000	156 200 000
I	16 200 000	648000	—	—	—	—	142 800 000	142 800	259 000 000	259 000 000
9	50 941 500	2 037 660	25 000 000	1 000 000	458 658 000	917 316	—	—	534 509 500	534 509 500
	21 900 000	876 000	52 500 000	210 000	400 056 000	800 112	17 200 000	17 200	491 656 000	491 656 000
VI **	7 200 000	288 000	—	—	33 500 000	67 000	—	—	40 700 000	40 700 000
ВСЕГО	112 441 500	4 497 660	77 500 000	310 000	992 124 000	1 984 248	580 600 000	580 600	1 792 665 500	1 792 665 500

* Подсчитано автором.

**** Сведений о производстве денег (если таковое всё же было) в июле 1919 г. не выявлено; либо эти данные могли быть включены составителем отчётного документа в показатели июня.**

А. Г. Смирнова

*Москва, зав. кафедрой москвоведения ИАИ РГГУ,
первый зам. председателя Союза краеведов России
и Московского краеведческого общества*

ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ПОДВИЖНИКИ МЕСТНОГО КРАЯ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ. ТРАДИЦИЯ ИМЕННЫХ МЕМОРИАЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Изучение истории края в современной научной практике историко-культурного краеведения невозможно без учета того вклада, который внесли в развитие местной культуры, науки, в сохранение культурного и природного наследия края конкретные люди: краеведы, создатели обществ и музеев, защитники памятников, хранители местных традиций. Не случайно для Союза краеведов России (СКР) эта проблематика сегодня является приоритетной и органически связана с реализацией одной из основных научных программ: изучением истории отечественного краеведения. Большую роль в этом играют именные мемориальные конференции и краеведческие чтения.

СКР с 2007 г. проводит Всероссийские краеведческие чтения – это главный ежегодный краеведческий форум страны. Из девяти прошедших конференций, на шести в числе прочих работали специальные секции, посвященные краеведам и подвижникам края (2009, 2011–2015).

В практике СКР и его регионального отделения Московского краеведческого общества (МКО) есть также разовые научные мероприятия, организованные совместно с отделением краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ и непосредственно посвященные теме персоналий: круглый стол «Николай Павлович Анциферов (1889–1958) – значение наследия ученого в историко-краеведческих исследованиях и развитии отечественного экскурсоведения (к 120-летию со дня рождения) – 2009 г.; научно-практический семинар «У истоков отечественного краеведения, городоведения, экскурсоведения. Наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941)» – 2011 г.; научно-практическая конференция, приуроченную к 150-летию Московского археологического общества (МАО) и к памятным датам его создателей и руководителей гр. С. А. Уварова (1825–1884) и гр.

П. С. Уваровой (1840–1924) «Роль Императорского московского археологического общества в становлении и развитии археологии, охраны культурного наследия, музейного дела и краеведения» – 2014 г.¹

Помимо таких разовых конференций в деятельности МКО есть и регулярные именные мемориальные чтения. С 2000 г. проводятся научно-практические памятникоохранительные Барановские чтения², посвященные выдающемуся ученому-реставратору, знатоку и ценителю памятников отечественной культуры, общественному деятелю, всю свою сознательную жизнь отдавшему защите памятников, организатору и вдохновителю общественно-краеведческого памятникоохранительного движения Петру Дмитриевичу Барановскому (1892–1984). В 2015 г. прошла уже десятая конференция. Программа Барановских чтений традиционно состоит из двух частей: первой мемориальной, посвященной жизни и деятельности П. Д. Барановского, и второй – поднимающей как общие, так и конкретные проблемы изучения, использования, охраны культурного наследия Московского региона.

Сходные задачи выполняет еще одна мемориальная конференция МКО³: церковно-краеведческие Сковорцовские чтения, проходящие раз в 2–3 года начиная с 2007 г. Чтения посвящены памяти священника Николая Алексеевича Сковорцова (1861–1917) – замечательного знатока, исследователя церковных памятников Москвы, председателя Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения, московеда. Программа Сковорцовских Чтений (как и Барановских) предусматривает мемориальную биографическую часть (жизнь и научная деятельность Николая Алексеевича сегодня изучена еще далеко не полностью⁴) и выступления, посвященные церковно-краеведческой тематике. Вторые Сковорцовские чтения (объединенные с Барановскими) прошли в 2009 г., Третьи – в 2011 г. Конференция традиционно организуется конце июня, в дни памяти Н. А. Сковорцова.

Совсем недавно СКР инициировал проведение еще одних именных чтений – Первые Шмидтовские чтения прошли в мае 2014 г. в годовщину памяти со дня ухода первого председателя СКР (1990–2007), Почетного председателя СКР, известного ученого историка С. О. Шмидта (1922–2013). Оргкомитет конференции принял решение проводить ее раз в пять лет, в юбилейные годы, Вторые Шмидтовские чтения планируется провести в 2017 г. в год 95-летия С. О. Шмидта. В Первых чтениях на обсуждение были вынесены темы: С. О. Шмидт как человек и Учитель; как преподаватель МГИИ–ИАИ РГГУ; как руководитель кружка; как общественный деятель; С. О. Шмидт и краеведение. Помимо главной задачи Чтений – собрания,

сохранения и популяризации (публикация) биографических материалов С. О. Шмидта – организаторы планируют расширить тематику за счет изучения тем, связанных с персоналиями краеведов и ученых, внесших особый вклад в развитие отечественного краеведения.

Теперь остановимся на некоторых наиболее заметных именных чтениях, которые проходят с участием местных краеведческих объединений, входящих в состав СКР.

Большой резонанс имеет ставшая уже традиционной Всероссийская научно-практическая конференция «Ядринцевские чтения», носящая имя Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), общественного деятеля, писателя, исследователя Сибири. I Ядринцевские чтения прошли в Омске по инициативе ОГИКмузея и Омского отделения СКР⁵ в октябре 2012 г. II Ядринцевские чтения (2014) были приурочены к 100-летию начала Первой мировой войны. III Чтения, запланированные в ноябре 2015 г., посвящены 300-летию Омска. Характерно, что Омский музей уже неоднократно обращался к теме персоналий: в 2011 г. были организованы Палашенковские чтения – Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры», приуроченная к 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971), уроженца Смоленской земли, краеведа, директора Омского краеведческого музея, чрезвычайно много сделавшего для омского краеведения, для изучения и сохранения культурного наследия Омского Прииртышья.

Из наиболее значимых проектов остановимся также на ежегодных Анциферовских чтениях по истории и культуре Санкт-Петербурга, проходящих под эгидой Союза краеведов Санкт-Петербурга⁶, при поддержке Фонда им. Д. С. Лихачева. В декабре 2014 г. прошли уже Седьмые чтения. Основной задачей Анциферовских чтений является «анализ современного состояния краеведческой работы в городе, обзор сделанного за последние 20 лет, развитие концептуального подхода к краеведческим исследованиям, заложенного в 1920-е гг.»⁷. Особенностью этих Чтений стала традиция поощрения работы краеведов вручением Гревсовского диплома за просветительство в области краеведения.

Вяземский клуб «Краевед» (Смоленская обл.) проводит Межрегиональную научно-практическую конференцию Клетновские чтения, памяти Екатерины Николаевны Клетновой (1869–1937), уроженки Вяземской земли, краеведа, археолога, геолога, литератора и переводчика, внесшей большой вклад в изучение края, в исследование его древностей, автора учебного пособия «Изучение родного края» (1918). Имя Е. Н. Клетновой было надолго незаслуженно забыто (в 1920-е гг. она эмигрировала из СССР). В 1999 г.

к 130-летию со дня рождения Е. Н. Клетновой провели научно-краеведческую конференцию. В 2008 г. прошла конференция «Е. Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности», по итогам которой было принято решение проводить регулярно научно-практические Клетновские чтения. I чтения «Е. Н. Клетнова и современность» состоялись уже в следующем 2009 г. Последующие конференции (в 2015 г. прошли уже IV Чтения) были посвящены различным проблемам краеведения Смоленщины в связи с теми направлениями научных исследований, которыми занималась сама Е. Н. Клетнова: история, археология, этнография, искусствоведение, природоведение края и проч.

Одной из старейших мемориальных конференций, бесспорно, являются Бирюковские чтения (проводятся с 1973 г.⁸ – в 2013 г. Чтениям исполнилось 40 лет) – научно-практическая конференция краеведов Урала, посвященная памяти Владимира Павловича Бирюкова (1888–1971), краеведа, исследователя Урала, музейоведа, архивиста, археолога, историка, уроженца Шадринского уезда Пермской губернии. Одной из основных тем Чтений стало изучение личности и творческого наследия В. П. Бирюкова. В 1973–1975 гг. Чтения были ежегодными, затем стали проводиться раз в 2–3 года. В 2014 г. на родине В. П. Бирюкова в г. Шадринске прошли XXI Бирюковские чтения. Важно отметить, что в программу Чтений регулярно включается тема «Краеведение и краеведы». Одним из основных организаторов Бирюковских чтений является Челябинское областное общество краеведов. С его же непосредственным участием проходят на Челябинской земле еще одни именные чтения, среди основных организаторов которых также Челябинский областной краеведческий музей⁹, – это Региональные музейные Гороховские чтения. Они посвящены памяти основателя Челябинского музея Ивана Гавриловича Горохова (1884–1970), родившегося на Урале в г. Кургане – краеведа, геолога, музейного работника, общественного деятеля. Гороховские чтения проводятся с 2010 г., в 2015 г. прошла уже шестая конференция.

Заканчивая этот краткий обзор именных мемориальных конференций СКР и его региональных отделений, подчеркнем, что их потенциал далеко не исчерпан. Тот исследовательский материал, который вводится в научный оборот авторами докладов, а затем публикуется в сборниках именных чтений, не только в принципе значительно расширяет границы современного краеведческого знания, но и делает историю отечественного краеведения живой, «населенной людьми», личностями, по существу и создававшими эту историю, закладывавшими основы современного научного краеведения и общественного краеведческого движения.

Примечания:

1. Совместно с РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
2. Первоначально организаторами конференции выступили ГНИМА им. А. В. Щусева, Историко-архивный институт РГГУ, Фонд П. Д. Барановского, Государственная академия славянской культуры (2000, 2002), в ряде Барановских чтений соорганизаторами выступали ИЦ «Московедение», Молодежное православное движение, Комиссия «Старая Москва», Историко-краеведческое приходское общество (ИКПО) храма Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами.
3. Проводятся совместно с отделением МКО – ИКПО храма Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами.
4. Одним из первых этой темой стал заниматься председатель СКР В. Ф. Козлов.
5. При поддержке Министерства культуры Омской области и Сибирского филиала Российского института культурологии.
6. Начиная со Вторых Анциферовских чтений в 2008 г. Первые Анциферовские чтения были организованы в 1989 г. Ленинградским отделением Советского фонда культуры, но затем почти на 20 лет эта инициатива прервалась, а ее возрождение стало возможным благодаря созданию в 2008 г. Союза краеведов Санкт-Петербурга.
7. Анциферовские чтения // Фонд им. Д. С. Лихачева: <http://www.lfond.spb.ru/> (дата обращения 15.11.2015).
8. I Бирюковские чтения были проведены в Челябинске по инициативе Челябинского отделения ВООПИиК, Обкома ВЛКСМ, Областной писательской организации, Комиссии по литературному наследию В. П. Бирюкова.
9. В числе организаторов также Министерство культуры и Министерство образования и науки Челябинской области, Челябинской государственный педагогический университет, Челябинский институт повышения квалификации работников образования, Центр историко-культурного наследия Челябинска.

С. А. Соловьев

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ВЛИЯНИЕ ГОРОДА ОМСКА НА БИОРАЗНООБРАЗИЕ ПТИЦ ЛЕСОСТЕПИ

В основу нашего исследования влияния города Омска на биоразнообразие и население птиц южной лесостепи Прииртышья положены фаунистические исследования птиц с 1973 г. по настоящее время. Материалы количественных учетов птиц собраны в 1986-1987 и 1997 гг., 2013-2015 гг. в городе Омске (с 15 мая по 31 августа и зимой в январе, феврале): **селитебной части** (районы старой одноэтажной деревянной застройки, массивы старой кирпичной 2-5-этажной застройки, новые микрорайоны 5-9-этажных домов), **промышленно-техногенной территории** (промышленная зона Омского нефтезавода суходольные луга аэропорта, полигоны утилизации твердых бытовых отходов (городские свалки), строительные площадки, чередующиеся с мелкими осиново-березовыми колками и пустырями), **рекреационной части** (старые городские парки (Парк 30-летия ВЛКСМ), новые пойменные парки (Парк Победы), застроенные сады, городские пойменные низинные болота левобережья Иртыша, кладбища, левобережные озера поймы Иртыша (ООПТ природный парк «Птичья гавань»), бетонированная набережная Иртыша и берега реки Омь в черте Омска.

В селитебной части города максимальное количество видов (22, фоновых - 17), в отличие от суммарного обилия птиц, отмечено в районах одноэтажной деревянной застройки. В районах многоэтажной застройки видовое богатство ниже в 1,5 раза. Во второй половине лета наибольшее количество птиц по-прежнему отмечено в массивах старой кирпичной застройки. В остальных местообитаниях их в 3,2 раза меньше. Зимой повсеместно преобладает домовый воробей, а в массивах многоэтажной застройки, кроме того, сизый голубь. В районах одноэтажной деревянной застройки Омска в список доминирующих видов входит сорока, и птицы, которых привлекают плоды яблони ягодной (свиристель и рябинник).

Наибольшее видовое богатство птиц свойственно наиболее мозаичным местообитаниям - районам одноэтажной деревянной и массивам старой кирпичной застройки. В целом в зимний период видовое богатство сохраняется на уровне второй половины лета.

На промышленно-техногенной территории население птиц промышленной территории нефтезавода в гнездовой период имеет более высокое суммарное обилие, чем в конце лета и зимой, на которой, несмотря на задымленность и загазованность, птицы вынуждены гнездиться в силу отсутствия мест, пригодных для гнездования, хотя на выбор места гнездования неблагоприятные экологические условия не влияют. Грач и полевой воробей используют металлоконструкции для размещения гнезд, но кормятся за пределами нефтезавода. Это позволяет им пренебречь воздействием остальных неблагоприятных условий обитания в этом урочище. Зимой списки доминирующих видов существенно отличаются и, как правило, это оседлые или зимующие виды или такие, как серая куропатка, которая обитает в этой группе местообитаний с зимнего периода с началом XXI столетия и по настоящее время обитает в Омске круглогодично. Максимальное видовое богатство птиц отмечено для наиболее мозаичного местообитания, которое сохраняет остатки природной растительности (строительные площадки с пустырями, карьерами и колками). Минимальное число видов в летний период на наиболее техногенно-трансформированной территории - нефтезаводе, зимой - на лугах аэропорта.

В рекреационной части города Омска во всех местообитаниях доминирует полевой воробей. В новых пойменных парках и на кладбищах в число преобладающих видов наряду с ним входит сорока, и в последнем местообитании - грач. В старых городских парках и застроенных садах в этом качестве отмечен домовый воробей. На открытых низинных болотах состав доминантов иной: светлокрылая крачка и желтая трясогузка. Наибольшее количество встреченных видов и богатство фонового состава характерно для комплексных и мозаичных местообитаний, связанных с поймой Иртыша: молодых парков и открытых пойменных низинных болот (соответственно 51 и 48, из них фоновых по 40 видов). В старых парках и на кладбищах общее количество встреченных видов в гнездовой период меньше соответственно в 1,2 и 1,3 раза, а фоновый состав беднее на 10 и 30%. Самый низкий уровень видового богатства свойствен застроенным садам Омска, что объясняется селитебной спецификой местообитания и распашкой (28, фоновых 24). На кладбищах список дополняется большой синицей, а на болотах преобладают краквя и желтая трясогузка. Число встреченных видов птиц в послегнездовый период уменьшается, также как и число фоновых видов (в среднем в 1,5 раза). Во второй половине лета наибольшее количество видов отмечено в том же, наиболее комплексном, местообитании - новых пойменных парках (43, из них 31 фоновых). В старых парках и на городских низинных болотах

общее количество видов в 1,5, а фоновых соответственно в 1,1 и 1,6 раз меньше. Минимальные показатели свойственны кладбищам (19, из них 17 фоновых). Почти повсеместно доминируют сорока и большая синица, первая не входит в список в старых городских парках, вторая - в новых пойменных парках. Кроме того, свиристель, серая ворона и чечетка входят в число преобладающих видов в парках, полевой воробей - на пойменных болотах, домовый воробей - в садах и старых городских парках. В застроенных садах и кладбищах списки дополняют снегирь и рябинник. Таким образом, половина доминирующих по обилию видов остается прежней. В зимний период посадки хвойных пород привлекают птиц в парки этого типа в Омске. В остальных местообитаниях с древесной растительностью видовое богатство по общему числу видов и фоновому составу в среднем меньше в 1,4 раза. На открытых низинных болотах, лишенных растительности, показатели еще ниже (в 2,7 раза).

Таким образом, формирование трех функциональных частей города Омска, со спектром разнообразных местообитаний созданных за 300-летнюю историю Омска, определили пребывание здесь и в его окрестностях в различных статусах с 1881 года по настоящее время 288 видов птиц.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА С ИНОСТРАННЫМИ СОЮЗНИКАМИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Помощь союзников антибольшевистского движения к осени 1919 г. начинает претерпевать некоторые изменения. Последнее наступление антибольшевистских сил на Восточном фронте (1-30 сентября 1919 г.) оказывается неудачным. 14 октября Красная армия переходит в наступление. Наблюдая за поражениями на Восточном фронте Гражданской войне, союзники всё меньше склонялись к официальному признанию Российского правительства А. В. Колчака, но ещё продолжали оказывать существенную помощь. «Надо сказать, что экономические требования союзников были выполнены, но из-за отсутствия успехов белой армии на фронте признание постоянно откладывалось. Это, однако, никоим образом не сказывалось на снабжении армии А. В. Колчака: Франция, к примеру, послала в белую Сибирь около 200 самолетов, более 600 орудий и другое вооружение, американцы предоставили кредит в 200 млн. долл., японцы на 16 млн. йен»¹.

Тем не менее, положение на фронте сыграло свою роль. В сентябре 1919 г. Верховным советом Антанты были приняты решения о выводе своих воинских формирований из восточных районов России. Таким образом, исчезает последняя надежда о возможности официального признания. Примерно в это же время посетивший Омск посол САСШ в Японии Моррис, в своём отчёте констатировал полный развал хозяйственной системы, потерю связи с органами местного самоуправления и озлобление населения, вызванного неумелой внутренней политикой². Начиная с осени 1919 г. союзники начинают всё больше дистанцироваться от Российского правительства А. В. Колчака.

Что касается легионеров чехословацкого корпуса, то осенью 1919 г. перед ними всё чаще и чаще вставал вопрос о смысле их дальнейшего пребывания в России. Начиная с января 1919 г. они не принимали участия в боевых действиях, занимаясь охраной Транссибирской магистрали. В связи с подобными настроениями за день до падения Омск, 13 ноября 1919 г.

чехословаками выпущен меморандум, в котором критически рассматривалась антибольшевистская государственность Сибири. Кроме этого меморандум без уведомления Российского правительства был вручен представителям всех союзных держав. «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснётся весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадёжности составляют обычное явление, и ответственность за всё перед судом народов всего мира ложиться на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию»³.

Оставление Омска, 14 ноября 1919 г., несмотря на усилия агитации представить это последним успехом Красной армии, лишь показало союзникам бессмысленность дальнейшей активной поддержки. Российское правительство А. В. Колчака предстало перед ними политическим банкротом, на которое можно было не обращать внимания. Так 16 декабря 1919 г., во время совещания в Лондоне, представители пяти держав – САСШ, Великобритании, Франции, Италии и Японии выносят решения о прекращении дальнейшей помощи Российскому правительству А. В. Колчака, правда с существенной оговоркой предоставляющей право САСШ и Японии действовать на территории Сибири и Дальнего Востока в зависимости от своих интересов⁴.

Вскоре, 23 декабря 1919 г. Государственной секретарь САСШ Р. Лансинг писал президенту В. Вильсону: «Правда заключается в том простом факте, что правительство Колчака потерпело крупное поражение. Наступление большевистских армий в Восточной Сибири усиливается с каждым днём... Большевистские армии приближаются к районам, где находятся наши солдаты»⁵. 4 января 1920 г., в связи с указом А. В. Колчака о передаче верховной власти А. И. Деникину, а всей полноты военной власти Г. М. Семенову, Российское правительство прекращает своё существование. Тем не менее, союзники в лице Японии ещё в конце декабря 1919 г. уверяли, что продолжение сотрудничества Г. М. Семенова с Российским правительством А. В. Колчака ускорит помощь с её стороны⁶.

Главное условие продолжения военной помощи было заложено в победах над большевиками. Отсутствие побед выражалось в сворачивании помощи. Но немаловажным оставался и тот факт, что с победой в Первой мировой войне Антанта постепенно утрачивает интерес в поддержке бывшего союзника ввиду усталости населения европейских стран от долгих боевых действий. «Англия и Франция не могли оказать реальной помощи «белым»,

опасаясь роста социальной напряжённости среди собственного населения, прежде всего военных»⁷. Постепенно, из поражения антибольшевистских сил союзники смогли извлечь пользу для себя, ввиду того, что на Парижской мирной конференции стало возможным не выполнять обязательства перед Россией данные в период Первой мировой войны.

Примечания:

1. Жуков В. С. Некоторые аспекты внешней политики А. В. Колчака и его взаимоотношений с союзниками // История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 122.
2. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 352.
3. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918-1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2008. С. 352.
4. История Гражданской войны в СССР: в 5 томах. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г.-февраль 1920 г.). М., 1959. С. 356.
5. История Сибири. Т. 4. Л., 1968. С. 132.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-200. Оп. 1 Д. 121. Л. 101.
7. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 344.

Н. А. Томилов

*Омск, Филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

КРАЕВЕДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОМСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ И В ЖИЗНИ ЕГО СОЗИДАТЕЛЕЙ

Краеведение отдельных регионов страны привлекает значительные слои местных исследователей (как профессионалов, так и дилетантов) к изучению природы, истории населения, хозяйства и культуры и этим самым значительно расширяет источниковую базу и научно-интерпретационные возможности исследовательских работ.

Изучение регионального краеведения и его истории в связи с вышесказанным представляется достаточно актуальным. А поскольку в его функционировании в XX – начале XXI в. в России часто существенную роль играли краеведческие музеи, то характеристика вклада этих учреждений в организацию и проведение краеведческих исследований, а также в распространение краеведческих знаний среди населения является важной составной частью изучения истории научных знаний.

В Сибири в годы советской власти именно краеведческие музеи как комплексные (многопрофильные в научном плане) музейные учреждения в большинстве случаев проводили большую работу по организации и проведению краеведческих исследований. Такую функцию осуществлял и краеведческий музей в Омске. Существенное возрастание роли Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) в руководстве краеведческой деятельностью в Омской области стало особенно осязаемым в конце XX в. – первых полтора десятка лет XXI в. Ведущий лидер в проведении такого рода руководящей работы в сфере омского краеведения директор ОГИКМ П. П. Вибе также считает, что данный музей «... на современном этапе своего развития является одним из основных центров организации краеведческой деятельности в регионе и использует все доступные ему методы для формирования системы краеведческих знаний».

В данной статье нами предлагается общая схема периодизации и краткая характеристика истории краеведческой работы этого учреждения и приводятся также общего характера сведения о его краеведческой деятельности,

почерпнутые в основном из научной литературы и периодической печати, а отчасти из ежегодных отчетов ОГИКМ за последние годы.

Если вести речь о научных работах, связанных с темой нашего исследования, т.е. с изучением истории краеведческой работы ОГИКМ с момента возникновения данного музея по настоящее время, то здесь прежде всего следует назвать публикации П. П. Вибе, И. В. Захаровой, А. П. Михеева, Н. М. Пугачевой, А. В. Ремизова, автора этой статьи и некоторых других ученых. Относительно краеведческих действий и исследований ОГИКМ в 1990-х – начале 2000-х гг. здесь обратим внимание на статью П. П. Вибе «Омский государственный историко-краеведческий музей в системе краеведческих знаний региона», в которой он рассмотрел три формы организации краеведческой деятельности музея – государственное краеведение, школьное краеведение и общественное краеведение.

Первый период истории краеведческой деятельности ОГИКМ приходится на время с момента образования в 1878 г. музея Западно-Сибирского отдела Имперского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) и его деятельности вплоть до вывода его из состава ЗСО ИРГО в 1921 г., завершившегося окончательно лишь в самом начале 1923 г. Краеведческие работы проводились в эти годы в основном, учеными -членами ЗСО ИРГО, которые в музей передавали собранные ими коллекции и некоторые другие материалы. Собственной, т.е. самостоятельной от ЗСО ИРГО краеведческой работы музей в целом не проводил, хотя накопившиеся за 40 лет ценные коллекции использовались как для научных (в т.ч. краеведческих) исследований, так и в области распространения знаний о природе, истории, хозяйстве и культуре населения Степного края и сибирских губерний путем создания постоянной музейной экспозиции и выставок, проведения экскурсий по музею, чтения публичных лекций, участия в краевых, всероссийских и международных выставках в других городах.

Второй период, как нам представляется, охватывает 20-е гг. XX в. и характеризуется активными действиями Государственного Западно-Сибирского краевого музея в краеведческой работе и плодотворными результатами этой работы в связи с поставленными задачами по развитию производительных сил Сибири, а также относительно широкими демократическими проявлениями в краеведении того периода.

В 1923 г. музей стал инициатором по созданию Омского общества краеведения (было создано лишь в 1925 г.) и провел в 1926 г. окружную краеведческую конференцию. В 1924 г. музей провел работу по созданию краеведческой школы, организовал трехмесячные краеведческие курсы. В 1920-е гг. совместно с обществом краеведения организовал чтение

лекций для населения. С 1927 г. стали работать при разных его отделах кружки юных краеведов, в том числе культурно-исторический кружок. В результате проведенных в 1926-1929 гг. музеем экспедиционных работ по собранным материалам было подготовлено несколько публикаций, в связи с чем возникла идея организации местного периодического издания «Краевед Западной Сибири». В 1928 г. музей издал первый выпуск «Известий Государственного Западно-Сибирского музея», в который вошли главным образом статьи сотрудников музея, в том числе и по краеведческой тематике.

Следующий, третий период охватывает все последующие годы советской власти, т.е. 1931-1991 гг. Он характеризуется в целом активной деятельностью и ведущей организационной ролью музея в области краеведения. В нем выделяются несколько этапов.

Его первый этап охватывает годы с 1931 г. по 1942 г. В 1934 г. в связи с образованием Омской области музей приобрел областной статус и стал называться Омским областным краеведческим музеем. В дальнейшем стала наблюдаться тенденция постоянного превалирования просветительного направления работы музея и уменьшения, а затем и сведение до минимума научно-исследовательских занятий сотрудников музея. Второй этап третьего периода истории краеведческих работ музея связан со славным именем его директора А. Ф. Палашенкова, который занимал этот пост с 1943 г. и вплоть до ухода на пенсию в марте 1957 г. За 34 года пребывания в Омске А. Ф. Палашников провел многочисленные экспедиции, написал 104 работы. Самой крупной из них является подготовленная им к 1969 г. объемная рукопись «Памятники древней истории Среднего Прииртышья».

Можно сказать, что на этом этапе, связанном с деятельностью А. Ф. Палашенкова, наступил подъем краеведческих работ в музее. Помимо многих экспедиционных сборов материалов назовем подготовку в 1947 г. к печати «Путеводителя для туристских путешествий, походов и экскурсий», издание в 1948 г. методических рекомендаций для организаторов краеведческих экскурсий, издание в 1949 г. вопросника по регистрации мест находок костей ископаемых животных.

Заложенные А. Ф. Палашенковым традиции краеведческих работ музея продолжались и на третьем этапе третьего периода музейно-краеведческих работ Омского областного краеведческого музея, длившемся с 1958 г. по 1979 г., и на четвертом этапе, начавшемся в 1980 г. с образования в Омске музейного объединения исторического и литературного головного музея и завершившемся расформированием этого музейного объединения, созданием сети самостоятельных музеев в Омской области, в том числе головного

музея – ОГИКМ. Четвертый этап мы предлагаем датировать 1980-1991 гг., хотя окончательно процесс музейных преобразований в Омской области завершился тогда в конце 1992 г.

В 1950-е -1970-е гг. музей постоянно курировал работу общественных краеведческих и народных музеев Омской области, оказывая им помощь в первую очередь в организации экспозиционной и научно-пропагандистской работы. Иногда музей проводил областные совещания музейных работников. В 1958 г., в музее был проведен семинар учителей школ Омска по краеведению. С 1980 г. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (ОГОИЛМ) организует работу областных семинаров.

Новым явлением в работе музея на четвертом этапе третьего периода его краеведческих действий стала организация и проведение научных и научно-практических конференций, в том числе и по краеведческой тематике. Именно 28-30 ноября 1988 г. прошла организованная музеем совместно с Омским государственным университетом (ОмГУ) Омская областная научная конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию ОГОИЛМ. Было издано 7 сборников тезисов докладов этого форума. В 1990 г. в музее состоялась Международная научно-практическая конференция «Мир, культура, экология», в 1991 г. – научная конференция, посвященная 275-летию Омска.

Отметим и тот факт, что в феврале 1988 г. в здании музея состоялось первое заседание Совета краеведения Омского областного отделения Советского фонда культуры. В начале 1989 г. в музее прошли первые краеведческие чтения, возрожденные по инициативе вышеназванного Совета краеведения. С 1986 г. музей совместно с ОмГУ стал издавать каталоги своих этнографических коллекций в многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» - первые тома вышли в свет в 1986 и 1990 гг. и включили в себя научные описания предметов хозяйства и культуры народов Севера Сибири и народов Южной Сибири.

Таким образом, в последние годы советской эпохи омским музеем – ОГОИЛМ были достигнуты существенные результаты в развитии краеведения в Омской области и созданы стартовые площадки для более бурного и более эффективного развертывания краеведческих действий музея в период с 1992 г. по настоящее время.

Четвертый период началом берет 1992 год, продолжается по настоящее время и делится на два этапа. Первый этап (1992-2010 гг.) связан со значительным расширением и углублением краеведческих действий Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) в сотрудничестве

с другими музеями, вузами, научными учреждениями и общественными организациями (в том числе с Советом краеведения Омского филиала Российского фонда культуры, руководителями данного Совета краеведения стали сначала известный археолог, заведующий кафедрой первобытной истории Омского государственного университета профессор, доктор исторических наук В. И. Матюшенко, а позднее директор музея П. П. Вибе и его заместитель Т. М. Назарцева). Музей стал организатором целого ряда регулярно проводимых краеведческих мероприятий – публикации в разделе «История и краеведение» ежегодного издания «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея», ряд краеведческих научных конференций, издание научно-популярного альманаха «Омский краевед», ежегодная областная молодежная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура», областные музейно-краеведческие чтения, детская интеллектуальная игра «Знатоки краеведения» и др.

В 1994 г. был издан «Омский историко-краеведческий словарь», научным редактором которого и составителем стал П. П. Вибе. Выход данной книги в свет был определенным прорывом в краеведческом деле Сибири и выдвинул уже тогда – в середине 1990-х гг. Омск в состав ведущих краеведческих центров России.

Из научных мероприятий со значительным краеведческим уклоном, проведенных прямо ОГИКМ или с его участием в качестве соорганизатора, следует назвать Научную конференцию памяти Николая Михайловича Ядринцева (1992 г.), Областную научно-практическую конференцию «Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения, и использования» (1993 г.), Третью Всероссийскую научно-практическую конференцию «Памятники истории и культуры Сибири» (1995 г.), Всероссийскую научную конференцию «Музей и общество на пороге XXI века» (1998 г.), Сибирскую региональную научно-практическую конференцию «Роль научных учреждений и музеев в деле сохранения, популяризации и использования культурного наследия народов Сибири» (2001 г.), Международную научную конференцию «Электронный век и музей» (2003 г.), Международную научно-практическую конференцию «Музей и общество на пороге XXI века» (1998 г.), Сибирскую региональную научно-практическую конференцию «Роль научных учреждений и музеев в деле сохранения, популяризации и использования культурного наследия народов Сибири» (2001 г.), Международную научную конференцию «Электронный век и музей» (2003 г.), Международный научно-практический семинар по проблеме создания историко-этнографического музейного комплекса под открытым небом «Любино-Малороссы» (2006 г.), Всероссийский научный конгресс «История и культура городов России: от традиции к модернизации» (2006 г.), Международную научную конференцию «Музейные ценности в современном обществе» (2008 г.), Круглый стол «Проблемы сохранения памятников истории и культуры Прииртышья» (2009 г.), Всероссийскую научно-практическую конференцию «Западная Сибирь и

сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII – XX вв.)» (2009 г., Всероссийскую научную конференцию «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)» (2010 г.) и др.

Одной из задач в организации краеведческой работы в регионе стала работа по объединению действий краеведов не только в городе Омске, но и в сельских районах Омской области. С этой целью в 2008 г. был создан и проведен Первый областной слет омских краеведов, организованный Министерством культуры Омской области и Омским филиалом Российского фонда культуры при активном участии в организации этого мероприятия ОГИКМ и ряда общественных организаций.

И далее нами видится второй этап в краеведческих действиях ОГИКМ, который датируем с 2011 г. по настоящее время и связываем его с проведением учредительного собрания по созданию Омского регионального отделения Союза краеведов России в январе 2012 г., которое возглавил директор ОГИКМ П.П. Вибе и тем самым сделал музей основной базой для деятельности этого отделения в последующие годы. Начало этого этапа нами все же датируется 2011 г., т.к. в октябре этого года ОГИКМ в тесном сотрудничестве с Союзом краеведов России провел Всероссийскую научную конференцию «Краеведение как феномен провинциальной культуры», существенно возвысившую ведущие позиции музея в организации и проведении краеведческих работ в омском регионе и усилившую интеграционные позиции омского краеведения в целом в России.

В ОГИКМ многие музейные работники являются состоявшимися учеными. Возглавляет коллектив музея в качестве его директора доктор исторических наук П. П. Вибе (на должность директора он заступил в 1993 г.). С его приходом в музей ежегодными стали экспедиционные работы в Омской области – археологические, историко-культурные, этнографические, естественнонаучные.

Еще одним свидетельством успешной работы ОГИКМ в научной, в т.ч. краеведческой сфере является издательская деятельность и публикации сотрудников музея. С 1993 г. издается периодическое издание – ежегодник «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» (главный редактор П. П. Вибе). Сотрудники музея публикуют свои монографии, научные статьи, каталоги, проспекты музейных выставок и др.

И теперь о научных мероприятиях ОГИКМ в последние четыре года. 27 – 29 октября 2011 г. была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры», в которой участвовали более 100 ученых из 16 городов России, а также стран

ближнего и дальнего зарубежья. Эта конференция была посвящена 125-летию со дня рождения известного сибирского краеведа Андрея Федоровича Палашенкова (1886 – 1971 гг.). Центральным событием в научной жизни ОГИКМ в 2012 г. стала Всероссийская научно-практическая конференция «Первые Ядринцевские чтения», посвященная 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842 – 1894) и проведенная 30 – 31 октября 2012 г. 16 – 18 мая 2013 г. в Омске прошли «VII Всероссийские краеведческие чтения» и мероприятия, посвященные празднованию 135-летнего юбилея Омского государственного историко-краеведческого музея и музейного дела в Омском Прииртышье». И еще одно крупное научное мероприятие в котором ОГИКМ принял активное участие. 16 – 20 октября 2013 г. в Омске прошла Международная научная конференция «Творчество в археологическом и этнографическом измерении», посвященная 95-летию с начала исследования Омской стоянки.

29-30 октября 2014 г. ОГИКМ совместно с Министерством культуры Омской области и Омским региональным отделением Союза краеведов России провел Всероссийскую научно-практическую конференцию «II Ядринцевские чтения», посвященная 100-летию начала Первой мировой войны. В 2015 г. ОГИКМ совместно с Омским государственным университетом, Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН, Научным советом по музеям СО РАН, провел 18-19 марта Всероссийскую научно-практическую конференцию «Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования». Деятельность ОГИКМ в современных условиях российской действительности – пример успешного соединения коммерческого, культуротворческого и созидательного направлений работы. Музей результативно выполняет все социальные функции такого типа учреждения. И главное, что он работает прежде всего в направлении получения новых знаний как на благо российской науки, так и на благо музейной сферы российского общества, и сохраняет тем самым статус научно-исследовательского и научно-просветительного учреждения. Этот опыт важен сегодня особенно для успешной борьбы против линии свертывания научных исследований в российских музеях. И существенно важным в работе музеев в научной и научно-пропагандистской сферах является краеведческая деятельность.

СУДЬБА ОБЛАСТНИКА ШАЙТАНОВА

А. Д. Шайтанов старший из четырех сыновей генерал-лейтенанта Дмитрия Афанасьевича Шайтанова и Веры Ильиничны (урожд. Карбышевой) родился 28 августа (9 сентября) 1843 г.¹ В 1863 г. выпустился из Сибирского кадетского корпуса в чине хорунжего.² В том же году с «Высочайшего соизволения» поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета в качестве вольнослушателя. В марте 1865 г. переехал в Москву и слушал лекции в Императорском Московском университете.³

Александр Дмитриевич был членом областнического кружка, одним из основателей 2-го сибирского землячества в столице. Разделял идеи Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева о будущей независимой Сибирской демократической республики. Отправлял в Сибирь новейшую научную литературу из Санкт-Петербурга и Москвы, в том числе и нелегальную.⁴

В мае 1865 г. А. Д. Шайтанов был арестован в Москве по делу «сибирских сепаратистов». Жандармский полковник Воейков дал ему следующую характеристику: хорунжий Шайтанов «личность весьма замечательная, на все делаемые вопросы к разъяснению найденной у него переписки отвечал уклончиво или отзывался совершенным незнанием».⁵

Из Москвы Александра Дмитриевича перевезли в Омскую тюрьму. 13 мая 1868 г. в Омск поступил вынесенный Сенатом приговор, утвержденный Государственным Советом и императором. Вместе с товарищами по несчастью Н. М. Щукиным и Н. М. Ядринцевым, А. Д. Шайтанов лишился прав состояния и подлежал высылке в отдаленный уезд Архангельской губернии.⁶ Вспоминая этот тяжелейший путь, Н. М. Ядринцев, отмечал, что из всех осужденных Александр Дмитриевич вел себя хладнокровно и ничего не просил: «Шайтанов, казачий офицер, мягкая, симпатичная личность, в ожидании приговора немного страдал нервами, дорогой был апатичен».⁷

В Архангельске осужденные могли выбрать кто из них и куда дальше пойдет по этапу. Александр Дмитриевич решил идти в г. Пинегу.⁸ В ссылке он познакомился со своей будущей супругой – дочерью священника Марией Александровной (урожд. Васильевой), где и женился.⁹ О факте его женитьбы

упоминает Н. М. Ядринцев в письме к Г. Н. Потанину от 20 февраля 1872 г.: «Шайтанов женился на мещанке в Пинеге, изобретает какую-то водку, завел трактир и учит жену на фортепианах».¹⁰ В ответном письме от 28 февраля Григорий Николаевич отвечает: «Если пишете Шайтанову, то передайте ему мой поклон и желание успеха в его изобретении (догадываюсь, что это изобретение есть не что иное, как норвежская водка из оленьего мха)».¹¹

В январе 1873 г. Александр Дмитриевич получил «всемилоостивейшее прощение», но Пинегу покинул не сразу. Благодаря некоторым знаниям промышленных технологий он помог пинежским купцам основать завод для моховки¹² и подбивал их на открытие поташного завода.¹³

По возвращении в Сибирь, А. Д. Шайтанов был восстановлен во всех правах и преимуществах по службе. Обосновался вместе с женой в Усть-Каменогорске, где в то время жили его родители. Отец был уже полковником и Атаманом 3-го военного Отдела СКВ, мать занималась воспитанием детей.

Александр Дмитриевич дослужился до чина есаула, который получил 6 декабря 1881 г.¹⁴ В 1892 г. он служил в управлении Атамана 3-го военного Отдела СКВ в должности заведующего делами по гражданской части.¹⁵ 17 августа 1894 г. есаул 3-го СКП Шайтанов был зачислен в комплект полков по СКВ.¹⁶ Командирован в Офицерскую стрелковую школу, курс которой успешно закончил в 1895 г.¹⁷ 19 апреля 1897 г. – состоящий по СКВ, в комплекте Сибирских казачьих полков есаул Шайтанов уволился от службы по домашним обстоятельствам с мундиром и производством в войсковые старшины.¹⁸

По семейным рассказам, оставшуюся жизнь Александр Дмитриевич занимался общественной работой, писал прошения за малограмотных крестьян, в хлопотах по крестьянским делам обивал пороги местных чиновников. Крестьяне ближних и отдаленных сел видели в нём защитника своих интересов. Являлся попечителем учебных заведений. Так, 8 ноября 1904 г. он был утвержден в должности попечителя Усть-Каменогорского начального училища смешанного обучения 3-го военного отдела СКВ.¹⁹

Умер Александр Дмитриевич, вероятно, после Гражданской войны или в конце ее. Во всяком случае, его младший брат Виктор, заполняя 19 мая 1920 г. в ЧЕКа анкету, написал, что у него имеется родной брат А. Д. Шайтанов, отставной офицер 76 лет, проживающий в Усть-Каменогорске.²⁰

Примечания:

1. См. напр.: Список Генералов, Штаб и Обер-офицеров, классных чиновников и подхорунжих Сибирского казачьего войска. Испр. по 1-е апр. 1894. Омск, 1894. С. 7.

ОМСК НАЧАЛА 1830-Х ГОДОВ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ Ю. КОБЫЛЕЦКОГО

Двухтомное произведение Юзефа Кобылецкого «Известия о Сибири и путешествии, совершенное в 1831, 1832, 1833 и 1834 гг.» является одним из первых польских фундаментальных описаний края, сохранявшим популярность вплоть до середины XIX в.¹ Сочинение относится к жанру романтического путешествия и входит в разряд изящной литературы эпохи романтизма, но одновременно представляет собой научный труд, в котором собраны важнейшие сведения о Сибири, в том числе о крупнейших сибирских городах². На русский язык сочинение Кобылецкого не переведено.

Ю. Кобылецкий (1801–1867), служивший в Варшаве поручик гвардейской конной артиллерии, за отказ участвовать в подавлении Ноябрьского восстания был переведен в Тобольск адъютантом к генералу фон Брилю, командующему артиллерией округа. Инспектируя артиллерийские подразделения, за четыре с половиной года он объездил практически всю Сибирь вплоть до границ с Китаем, познакомившись с жизнью сибирских городов, селений и крепостей. В 1835 г. в Омске Ю. Кобылецкий женился на дочери генерала В. И. де Сен-Лорана, после чего вышел в отставку и вернулся на родину, где через несколько лет возобновил службу чиновником Варшавского губернского правления, выпустив из печати свои «Известия о Сибири». Книга издана под литерами «J.K.» и основывается как на личных материалах автора, так и трудах П. С. Палласа и Г. В. Стеллера; также автор использовал данные, собранные енисейским губернатором А. П. Степановым и военным инженером А. И. Мартосом.

Для истории Омска начала 1830-х гг. описание Ю. Кобылецкого является дополнительным иностранным источником, вполне может добавить новых красок и представляет несомненный интерес. Автор подробно описывает местоположение города, климат, архитектуру, приводит точное количество жителей (11 428), фиксирует четкое деление городского пространства на части (форштадты) и крепость, а также с долей художественности передает атмосферу омской жизни. Приводя географические характеристики Омска,

2. См.: Краткий исторический очерк Первого Сибирского императора Александра I кадетского корпуса 1813 – 1913. М., 1915. С. 395.

3. См.: Потанин Г. Н. Список сибирякам, находящимся в высших учебных заведениях Петербурга // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная, 1865. 15 янв. № 2. С. 3. Потанин Г. Н. Список сибиряков-студентов, слушающих лекции в Московском Университете // Там же. 19 мар. № 11. С. 6-7. Решин Е. Г. Генерал Карбышев. М., 1973. С. 19, 25.

4. См.: Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 72-75.

5. Цит по: Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX–первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 60.

6. Там же. С. 67.

7. Ядринцев Н. М. К моей автобиографии // Русская мысль. М., 1904. Кн. 6. С. 160.

8. Там же. С. 160.

9. См.: Шайтановы. Долженко. Казанцевы. Воспоминания Ю. П. Трофимова, записанные М. Ю. Трофимовым. Рукопись. Омск. 2012 // Семейный архив Трофимовых. С. 7.

10. Ядринцев Н. М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1. (С 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск, 1918. С. 7.

11. См.: Письма Г. Н. Потанина. С. 83.

12. По-видимому, это винокурный завод, использующий мох в качестве сырья, который был сооружен в 1872 г. купцом и выходцем из крестьян И. А. Володиным. См.: Овсянкин Е. Деловые люди архангельских уездов // Лесные новости. 9 апреля 2004 (7) <http://www.arhpress.ru/lesnov/2004/4/9/7.shtml>.

13. См.: Ядринцев Н. М.. Письма... С. 206.

14. См.: Список Генералов, Штаб и Обер-офицеров, классных чиновников и подхорунжих Сибирского казачьего войска. Испр. по 1-е сент. 1895 г. Омск, 1895. С. 43.

15. См.: Адрес-календарь должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного Генерал-Губернаторства. Омск. 1892. С. 61-62.

16. См.: Разведчик. 1894. От 23-го авг. № 203. С. 744.

17. См.: Список Генералов, Штаб и Обер-офицеров... Испр. по 1-е сент. 1895 г. С. 43.

18. См.: Разведчик. 1897. От 29-го апр. № 341. С. 388.

19. См.: ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2269. Л. 89 об.

20. См.: Архив управления ФСБ по Омской области. Д. П-3716. Л. 4.

Ю. Кобылецкий отмечает, что город, удачно расположенный при слиянии двух рек, широко раскинулся в степи, лишь изредка освежаемой березовыми кущами, что предопределяет его открытость всем ветрам как летом, так и зимой. Климатические особенности, напоминающая аравийские пустыни засыпанная снегом омская степь, зимние бураны и летние ураганы, порой сносящие крыши с домов и мосты, придают городу особое суровое своеобразие. Другой отличительной чертой Омска является близость к Киргиз-кайсацкому миру, что сказывается на всем облике города – от повседневности и торговли вплоть до архитектуры³.

«Улицы Омска просты и регулярны, движение на них непрестанно; тут проезжает конный казачий артиллерист на прекрасном аргамаке, там киргиз в остроконечной красной шапке, даром, что среди жаркого лета, одетый в баранью шкуру длинной шерстью наверх, ...тут снова четырехместная карета с семейством губернатора, запряженная четверкой отличных киргизских рысаков», – примерно в таком духе описывает город Ю. Кобылецкий⁴.

Среди важнейших городских зданий Ю. Кобылецкий называет выстроенные из камня на территории Омской крепости православную и евангелическую церкви, помещения казарм, дом генерал-губернатора и в Казачьем форштадте («предместье») изящный собор и войсковое училище. Также в панораме городской застройки автор выделяет мечеть и прилегающий к ней живописный дом для приема и проживания киргизских султанов и их посланников, украшенную колоннадой резиденцию казачьего атамана, а также большую фабрику, производящую сукно для армии. Упомянув о мечети, Ю. Кобылецкий особо подчеркивает, что выстроена она специально для обитателей степей, и далее подробно описывает богослужение мусульман, приводя любопытные для европейского читателя подробности.⁵

Особенной его похвалы удостоивается корпус Омского казачьего училища, который Кобылецкий считает лучшей городской постройкой: «... Четыре коринфские колонны поддерживают прекрасный аттик, во всем здании три этажа с несколькими отдельными павильонами».⁶ Рассказывая об архитектуре, попутно Ю. Кобылецкий характеризует и образование казачьей молодежи, оценивая его достаточно высоко. По сообщению Кобылецкого, будущие офицеры изучают классические науки, артиллерию в полном объеме, важнейшие военные дисциплины, занимаются гимнастикой и танцами. Выпускник корпуса может не только с легкостью исполнить французскую кадрили, но и, посланный с поручением в Киргиз-кайсацкую степь, отлично выполнит задание, снимет план местности, зарисует вид и прилежно опишет все, что вызвало его интерес.⁷

Анализируя описание Ю. Кобылецкого можно заключить, что оно, помимо несомненных художественных особенностей, вполне соответствует критериям объективизма и достоверности, содержит точные факты и статистические данные, призванные служить новым дополнением к истории Омска, заслуживающие введения в научный оборот и серьезного сопоставления с другими источниками. В «Известиях» представлен информативный и позитивный образ города; думается, еще и по этой причине наследие Ю. Кобылецкого займет достойную нишу в источниковой базе омского краеведения.

Примечания:

1. [Kobyłecki J.] J.K. Wiadomości o Syberii i podróże w niej odbyte w latach 1831, 1832, 1833, 1834. Warszawa, 1837. T. 1, 2.
2. Burkot Z. Polskie podróżopisarstwo romantycznie. Warszawa, 1988. С. 122-126, 163-166; Kuczyński A. Syberyjskie szlaki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. С. 244.
3. [Kobyłecki J.] J.K. Wiadomości o Syberii... T. 1. S. 89, 96.
4. Ibid. S. 94-95.
5. Ibid. S. 90-94.
6. Ibid. S. 91.
7. Ibid. S. 92.

Н. Ф. Хилько

Омск, Сибирский филиал института культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачёва

ОТРАЖЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОМСКИХ ФОТОХУДОЖНИКОВ КОНЦА XX в.

Рост увлеченности в сфере фототворчества привел к некоторому *обособлению фотопублицистики и фотолюбительства*, которому свойственны яркость, динамизм в изображении событий, выразительность и стилевое многообразие. Среди самостоятельных фотохудожников можно выделить творчество любителей фотостудии «Юность» Тарского ДК, студийцев Б. Чигишева, отдельных мастеров, таких как Н. П. Грязнова, сумевшего в фотообразах передать творческий накал музыкального подвижничества ансамбля танца «Подснежник» Городского Дворца пионеров. Фотоочерк Грязнова продолжил традиции Б. Чигишева находить поэзию в событиях повседневности, неподкупном детском очаровании.

Середина 80-х годов может быть отмечена как период доминирования студийно-бытовой фотографии. Преобладание этого направления в художественной жизни города было обусловлено возникновением творческой фотостудии «Ракурс» под руководством В. Кудринского. Предполагалось не только превратить эту студию в *школу мастерства*, но и открыть индивидуальное портретирование, основанное на личном творческом контакте фотографа и человека, открыть выставочный зал, фотомузей и т. д. Многие из этого было осуществлено.

Конец 80-х годов знаменует собой наступление нового периода, связанного с общественно-политическими изменениями, происходящими в стране. Это был период появления социально-возрожденческой и экспериментальной фотографии. Графичные, полные жизненного смысла фотокартины появились на вернисаже братьев Шевырновых. Значимость тематики, гражданственность, высокий уровень фотомастерства, стремление понять душу Сибири отличает в эти годы деятельность В. Кудринского. Фотохудожник собрал большую коллекцию фототехники, которая под стать целому музею, большой материал по истории художественной фотографии в Омске. Фотохудожник В. Кудринский с одинаковой степенью полноты

раскрылся в пейзаже, портрете, жанровом снимке. Его снимкам присуща светлая лирическая интонация, добродушно-открытый взгляд на мир. Он очень много снимает на тему детства.

В 1990 г. в Омске состоялась *региональная выставка* работ фотолюбителей «Мир вокруг нас», проводимая Клубом юных техников «Приборист» под руководством В. А. Дьяконова и В. А. Кучковского. На ней были представлены работы из Барнаула, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Минусинска, Енисейска, Норильска. Тематика и содержание работ показали уважительное отношение фотомастеров к фронтовикам, любовь к родному краю, что просматривалось в выстроенности композиций работ, тщательности отбора содержания, продуманности названий, их соответствия патристическим настроениям детей.

Вместе с тем было немало работ *фантастического* содержания, с использованием спецприемов, школьных юмористических сюжетов, «заданных» образов озорного детства, лирических мгновений, неожиданных метафор и сравнений. Фотофестиваль в «Прибористе» показал многообразие детского видения в едином, как капле воды, образе детства, полного ликования и бурного восхищения жизнью доперестроечной Сибири.

В 90-е годы в детском фотолюбительстве Сибири еще сильнее дает о себе знать тенденция к локализации, *регионализации* и индивидуализации творчества. Ослабевают межрегиональные связи, но появляются широкомасштабные экспозиции авторских коллекций. Становится больше *персональных выставок*. На выставках чаще показываются актуальные проблемы социума, и постепенная деятельность фотолюбителей приобретает характер следования за выдвигаемым жизнью социальным заказом. В форме своеобразных социокультурных акций прошли вернисажи: «Семь лет до конца века» (1993), «Ступеньки к храму», ориентированные не на массовость, а на творческую результативность.¹

Распавшийся фотоклуб продолжает существовать в виде различных инициативных движений, организовавших выставку, посвященную 275-летию Омска. Ощущение света, пространства чувствуется на снимках В. Кудринского. В близком ключе работает молодой фотомастер Олег Деркунский, работы которого отличает ощущение фактуры, умение соединить в образе природу и человека, преподнеся их в нерасторжимом единстве. Как отмечалось в прессе, Олег создал город из света и тени. Его снимкам присуща графичность, выдержанность в едином стиле, что придает ей целостность. Выставка мастера - результат восьмилетнего творческого поиска, приведшего к философскому осмыслению Человека в урбанизированной среде. Коллекция работ мастера хранится в Городском музее

«Искусство Омска». Зрители работ О. Деркунского не раз отмечали духоборчество и незримое взаимопонимание лирических настроений автора и его незримое взаимопроникновение лирических настроений автора и его фантазмагорических сюжетов. Работы Олега Деркунского отличаются стиливой выдержанностью и графичностью. Тема города решена в необычном, магическом ключе, при полном отсутствии людей. Свет и тень в чрезвычайно контрастном сочетании передают многогранную гамму переживаний автора.

Примечания:

1. Хилько Н. Ф. Народное фотохудожественное творчество в Сибири // Народная культура Сибири: Материалы к учебному пособию / Отв. ред. Н. М. Генова, Н. Ф. Хилько. Омск, 2002. С. 176-178.

Н. С. Храпова

Омск, Исторический архив Омской области

**РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ XIX ВЕКА
ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ ВЕДОМОСТЯМ
О СОСТОЯНИИ ГОРОДА ОМСКА**

Ведомости о состоянии городов, в том числе хранящиеся в дореволюционных фондах Исторического архива, преимущественно в фондах Главного управления Западной Сибири, Омского полицейского управления, – один из наиболее используемых источников при изучении истории сибирских городов XIX в. Эти статистические документы весьма разнообразны по своим возможностям, в зависимости от того, для каких исследований их привлекают. Как правило, анализируется численность, половой и социальный состав городского населения, численность казенных зданий и жилых домов, церквей, учебных заведений, состояние инфраструктуры, доходы, расходы городской казны и др. – многие стороны жизни городов находят отражение в данных статистических описаниях. Сравнительный анализ ведомостей о состоянии города Омска за разные годы XIX века так же позволяет проследить, как менялся внешний облик города, разрасталось производство, развивалась социально-культурная среда, к которой относятся и доступность жилья, и коммунальное хозяйство, и вопросы торговли и общественного питания, состояние здравоохранения и образования, культуры города и т.п.

Например, наглядно прослеживается, как постепенно административная и повседневная жизнь выходит за пределы крепости, и Омск превращается в полноценный город. К 1822 г. он становится центром первой Омской области, в 1839 г. – центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства, с 1882 г. – Степного края. Одновременно с этим, город был центром Области сибирских киргизов (с 1854 г.), преобразованной в 1868 г. в Акмолинскую область. Все эти изменения вели к увеличению военных и гражданских чиновников разных ведомств, к невозможности совмещать жилые и административные функции в одном помещении, тем самым, к строительству все новых и новых зданий и сооружений, формированию полноценной городской среды.

Согласно отчету городничего, к началу XIX в. Омск состоял из двух частей, каждая из них делилась на два квартала. Всего в городе было 1577 лиц

©Храпова Н. С., 2015

мужского населения, 1632 – женского, 789 домов, многочисленные казармы. Абсолютное большинство жителей города были военными. Из казенных зданий имелись деревянное уездное казначейство и денежная кладовая, два винных магазина, два соляных (один из них для мелкой продажи), четыре питейных дома, тюремный острог.¹

К 1833 г. город состоял уже из шести кварталов, имел 28 улиц и 69 переулков, 19 каменных строений.² К 1835 году число больших улиц возросло до тридцати. Помимо каменных Воскресенского собора и Пророко-Ильинской церкви, появилась Войсковая казачья Николаевская, действовали лютеранская каменная кирха и магометанская мечеть, 16 каменных домов, 2 кожевенных завода, 3 мыловаренных, 1 суконная фабрика, 6 арсеналов, 2 пороховых погреба, 5 провиантских магазинов, 7 питейных домов, 1 гостиница, 2 рынка на 42 лавки, 2 училища, 1 больница.³

В донесении управляющего Омской областью И. Д. Талызина генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову о состоянии жилых домов в Омске на 29 января 1837 г. говорилось, что все казенные здания, находящиеся в Омской крепости, заняты, свободных помещений почти нет. «Значительных сколько-нибудь домов в Омске можно считать не более десяти, а именно: два купцов Бурнакиных, один – купца Чечурова, один – купца Баранова, крестьянина Бумцева, титулярного советника Зеленина, мещанина Грехова, купца Абанина, мещанина Сусллова и титулярного советника Колмогорова... На форштадтах: Кадышевском, Бутырском, Мокром, Ильинском и Воскресенском, – все дома принадлежат или бедным гражданским, или военным чиновникам, или, наконец, солдатам. Все помещения выстроены только «для крайней нужды». На Казачьем форштадте все дома занимают казачьи офицеры и нижними чинами».⁴

К сопроводительным документам, заключениям многих ведомостей о состоянии города на протяжении всего периода отмечалась нехватка жилых помещений, ветхость большинства имеющихся строений, дороговизна материалов. Однако, жизненная необходимость каменного строительства была очевидна, особенно после известных крупных пожаров 1819 и 1823 гг. Только в 1842 г. было начато строительство 25 жилых домов в городе, из них окончено – 15.⁵

Согласно годовому отчету за тот же год, город состоял уже из 99 улиц и переулков, имел три мощенных камнем площади, 785 домов.⁶ К 1853 году город разросся до 31 больших улиц и 82 мелких проулков.⁷ В таблице о состоянии городов Тобольской губернии за 1867 г. количество домов в Омске значится 2330, из них только 40 – каменные. Значительная часть строений в городе по-прежнему принадлежала военному ведомству и казакам. Из

26752 человек, проживающих в городе, 11980 принадлежало военному ведомству, что составляло почти 45 % населения.⁸

Развивалась и промышленность города, помимо суконной фабрики, созданной Сибирским казачьим войском еще в первой половине века, один за другим открывались казенные и частные заводы и фабрики. К 1890 г. действовали четыре салотопленных, три салосвечных и три мыловаренных заводов, винокурный и дрожжевой, два воскосвечных, два маслобойных, два пиво-медоваренных и 29 мукомольных предприятий; семь кирпичных, чугунолитейное и гончарное производство, спичечная фабрика, пять экипажных мастерских и др.⁹

Без сомнения, особо значимым для развития города стало открытие железнодорожного сообщения. В связи с бурным ростом численности населения, неизбежным для лежащих на пересечении транспортных коммуникаций городов, происходит и заметное увеличение общего числа строений в Омске – более чем в два раза, однако, большинство из них по-прежнему оставались деревянными, только 48 домов было каменной постройки, 39 – смешанные. Возводятся многоэтажные здания, увеличивается количество доходных домов и т.д. В конце XIX начале XX вв. Омск заметно меняет свой прежний облик, превращаясь в один из промышленных и общественно-культурных центров Западной Сибири.

Ведомости о состоянии городов, в том числе о состоянии города Омска XIX века являются ценнейшим историческим источником, содержащий обширный материал на разнообразные темы, отражают особенности своего времени.

Примечания:

1. ГИАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об., 71.
2. ГИАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 68. Л. 61-63 об.
3. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1540. Л. 146-153.
4. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1624. Л. 12 -13 об.
5. ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 134. Л. 4 об.
6. Там же. Л. 3-6.
7. ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 251-253 об.
8. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8209. Л. 371-376.
9. ГИАОО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 922. Л. 33.

«ВЫЙДЕТ ЛИ ИЗ БУХТАРМИНСКИХ ВОД НАША ЛОРЕЛЕЯ?»:
ЗАПАДНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОПЫТ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ, НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ТЕОРЕТИКОВ
СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА

Говоря об источниках, определивших более или менее завершённую конструкцию идей сибирского областничества, в том числе репрезентируемых в отечественном колониальном дискурсе, следует признать, что данный процесс представлял собой причудливый «микст» внутреннего российского опыта и западных политических и экономических теорий второй половины XIX века, что, по справедливому замечанию А.В. Ремнёва, в полной мере фиксируется в публицистических статьях, научных трудах и эпистолярном наследии главных идеологов движения.¹

Тем не менее, мы склонны полагать, что в области разработки сибирскими областниками колонизационной программы, именно западные теории и идейные установки, сыграли определяющую роль.

Характерно, что признаки увлечения сибирских сепаратистов либеральными западными идеями, рельефно проявились на раннем этапе их публицистической активности, в дальнейшем эволюционируя и вписываясь в общую идейную канву областнической концепции. Так, Н. М. Ядринцев, размышляя о судьбах Сибири, как части России, с горечью замечает, «что жизнь нашей страны вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, которую вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир...».² В «Новостях нашего Востока», опубликованных в 1873 г., исследователь, помимо традиционных для него апелляций к экспедиционному опыту предшественников – В. Гумбольдта, К. Ф. Ледебура, упоминает одного из теоретиков европейского эволюционизма Э. Тайлора, в контексте его высказывания о своеобразии этнических культур коренных народов Сибири.³ В этот же период, Н. М. Ядринцев, изучая историю областного вопроса в России, активно занимается исследованием трёх типов провинций в различных исторических обстоятельствах: централизации (Франция), конституционного и федеративного устройства (соответственно,

Англия и Америка).⁴ Наконец, в 1893 г., Н. М. Ядринцев, демонстрируя свою приверженность федерализму и увлечение Северо-Американскими Штатами, адресовал Г. Н. Потанину следующий текст: «Пишу вам 4 июля — праздник независимости: представьте мои чувства... Сердце замирает, и боль и тоска за нашу родину. Боже мой! Будет ли она такую цветущей».⁵

Перу адресата Ядринцева, Г. Н. Потанину, между тем, принадлежит рассказ о знаменательном инциденте, произошедшем в одном из столичных учёных обществ, когда высказывания одного из ораторов (Мейендорф) по поводу опасности распространения в Сибири начал гражданственности и просвещения, увеличения численности и плотности населения, ведущей к идеям автономизации, были встречены резонным контраргументом (профессор Бэр), в соответствии с которым, отделение земледельческих колоний от метрополий – естественный исторический процесс.⁶

Дезавуирование западных источников становления идейной доктрины сибирских областников, отчётливо проявилось в российском колониальном дискурсе, начало которому было положено в 1870-е гг., в ходе идейного столкновения сторонников культурной автономии Сибири и теории «большой русской нации» М. Н. Каткова, по сути, провозгласившего лозунг «Россия – для русских». Становление общественно-политического дискурса совпало, а во многом – стало следствием формирования сибирской либерально-народнической интеллигенции, профессиональная консолидация которой проходила в условиях влияния западно-европейских федералистских теорий и передовых концепций колонизации. На этой основе выстраивалась модель колониальности Сибири, в рамках которой адепты сибирского областничества могли озвучить экономические, культурные и, отчасти, политические претензии имперскому центру. Узловым элементом либерального дискурса, в связи с оценкой перспектив аграрной колонизации, являлась идея сибирской региональной идентичности и в целом сибирского регионализма. В результате, в локусе внимания сибирских либералов оказались вопросы, по существу чуждые имперскому пониманию задач, связанных с освоением окраин страны: решение иногородческой проблемы, максимальный учёт интересов всех категорий населения в осуществлении колонизационных мероприятий.

Одним из «агентов» европейского влияния, оказавшим важное корректирующее воздействие на взгляды областников, в контексте оценке ими значения и перспектив колонизации, был известный французский социалист XIX в. П.-Ж. Прудон, в своих трудах противопоставлявший

государственной власти, иерархии, централизации и бюрократии, принципы федерализма, децентрализации, взаимности, свободного договора и самоуправления. Одно из плодотворных положений теории Прудона, заимствованных сибирскими областниками, заключалось в том, что политическая свобода невозможна без экономического обеспечения и без децентрализации управления.⁷

Идеи Прудона, оказались близки и тем централистам, которые предметно рефлексировали вопросы, связанные с колониальным опытом европейских держав.

Так, французские либеральные экономисты Ж. Дюваль и П. Леруа-Болье, именно в 1870-х гг. сформулировали основные принципы, на которых должна основываться любая национальная модель колониационного освоения территорий метрополиями, растиражированные на страницах фундаментального труда П. Леруа-Болье.⁸ По мнению исследователей, колонизация понималась как сложное социальное явление, которое невозможно свести ни к «переселению», ни к «хозяйственному освоению», а общество, основывая колонии, обязано покровительствовать ему, опираясь на профессиональные качества организаторов колоний.

Таким образом, можно констатировать, что постоянно имевший место интерес сибирской либеральной интеллигенции к западным социальным идеям, был обусловлен актуальностью и нерешённостью сибирских вопросов, наличием острого конфликта с консервативно-националистическими представлениями о задачах колонизации и месте сибирского региона в составе России. Не станем утверждать, что приверженность западным социальным идеям и колониальному опыту была сохранена всеми теоретиками областничества, но можно твёрдо говорить о том, что лидер общественного движения Н. М. Ядринцев, особенно в последнее десятилетие своей жизни – периоде путешествий в Европу и Америку, неоднократно это подтверждал. Косвенное свидетельство тому – фраза, произнесённая исследователем на берегах Рейна, на самом деле относившаяся к Сибири: «Выйдет ли из бухтарминских вод наша Лорелея?».⁹

Примечания:

1. Ремнёв А. В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года - лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142.

2. Ядринцев Н. М. Общественная жизнь Сибири // «Я сын девственной и могучей страны...»: Сборник статей, очерков, фельетонов Н. М. Ядринцева. Омск: ОмГПУ, 2004. С. 15.

3. Ядринцев Н. М. Новости нашего Востока // Н. М. Ядринцев. «Я сын девственной и могучей страны...». Сборник статей, очерков, фельетонов Н. М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 33.

4. Кандеева А. Г. Слово о Ядринцеве. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 33.

5. Цит. по: Ремнёв А. В. Указ. соч. С. 142.

6. Цит. по: Сагалаев А. М., Крюков В. М. Потанин, последний энциклопедист Сибири. Опыт осмысления личности. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 17.

7. Прудон П. Ж. Политические противоречия: Теория конституционного движения в XIX столетии (во Франции). Изд. 2-е, доп. М.: КРАСАНД, 2011. 168 с.

8. Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. М., 1877.

9. Ядринцев Н. М. Письма сибиряка из Европы // Н. М. Ядринцев. «Я сын девственной и могучей страны...». С. 176.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ОБРАЗЫ Ф. ВИНКЛЕРА НА ФАСАДАХ ОМСКИХ ЗДАНИЙ: СИБИРЬ В ДИАЛОГЕ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

В конце XIX – начале XX века «лицо» сибирского города составляли две культурные тенденции: тяготение к восточным образцам и европейским ориентирам. Омск не стал исключением, в данной статье мы обратились к «европейской» части нашего города, попытались «прочсть» его скульптурные произведения.

В формировании художественной среды Омска значимую роль сыграл чешский скульптор Франтишек Винклер. Исполненные им скульптуры обогащают сегодня фасады многих зданий: Академического театра драмы, Коммерческого училища, Администрации города Омска, Академии путей сообщения.

Франтишек Винклер родился в Оломоуце, небольшом городе в Чехии. Образование он получил в Пражской Академии художеств, его учителем был Станислав Сухарда, который сам был приверженцем традиций классического искусства.¹ Неоренессансную архитектуру и скульптуру Франтишек изучал на высоких образцах Национального театра и Национального музея в Праге. Известно, что в пору ученичества на будущего скульптора произвели сильное впечатление крылатые фигуры, украшающие здание Национального музея и символизирующие свободу духа и творческое вдохновение.²

После окончания Академии художеств в Праге, Винклер стал самостоятельно заниматься творчеством. Однако Первая мировая война разрушила творческие планы скульптора. В начале 1915 г. Винклер оказался в Омске, и в этом же году Городская Управа поручила ему отделку театра, построенного по проекту архитектора И. Г. Хворина десятилетием ранее.

Именно участие Винклера в ремонтных работах способствовало оформлению фасада театра в неоренессансных формах, но, пожалуй, большая его заслуга в появлении крылатой фигуры над главным театральным подъездом. Сложно говорить о точном истоке омского Гения, возможно, Винклер уловил общеевропейскую тенденцию украшения

фронтонов театров античными образами, однако долгое время генезис омского Крылатого гения возводили к скульптурам Пражского Национального театра.³ В.П. Касьянов утверждал, что после окончания Академии художеств Винклер был приглашен Сухардой к совместной работе над оформлением театра «На Виноградах»,⁴ это здание было построено в 1907 г., особое величие ему придают две огромные аллегорические статуи Истины (с зеркалом) и Смелости (с мечом), и омский Гений – это их «цитата». Однако, на наш взгляд, сопоставлений и аллюзий может возникнуть еще больше: схожие с омским Гением фигуры с середины XIX в. украшали здания Гранд-опера в Париже и Национального музея в Праге, так, к примеру, на фасаде последнего была помещена Богемия (богиня науки и искусства). Кроме того напомним, еще В. Г. Белинский сказал о театре: «Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений!»⁵ Выражение «театр – храм искусства» стало настолько расхожим, что сейчас мы мало обращаем внимание на то, что архитектурные образы, использованные зодчими при строительстве и возведении храмов, очень похожи на храмы родины всех искусств – на строения Древней Греции. Возможно, у омского Крылатого гения нет точной родословной, в его облике Винклер нам напоминает, что существует европейская, унаследованная от Древней Греции традиция считать театр – храмом искусства и увенчивать фигурой божества или иным, семантически близким аллегорическим образом.

Из работ Девятяровой мы узнаем о том, что фигура омского Крылатого гения в начале прошлого века выглядела иначе. По описаниям современников, скульптура была изображена с жезлом в руке и выглядела монументально. Это не может не говорить об обращении Винклера к ренессансным формам. К сожалению, в 1933 г. гения сняли по идейным соображениям с формулировкой «скульптура не соответствует духу времени». Лишь полвека спустя театр вновь украсила женская крылатая фигура с лирой в поднятой руке. Скульпторы С. А. Голованцев и Л. И. Семенов дали свою трактовку старому образу, внося в статую экспрессию новой эпохи, отсылающей к наследию героизированных советских форм.⁶ Крылатая фигура принесла успех ваятелю, а с ним – признание и заказы. В 1916 г. Винклера пригласили оформлять фасад строящегося здания Коммерческого училища (ныне ул. Партизанская, 8).

Проектирование здания было поручено группе местных инженеров: Черноморченко, Лимонову и Хмаре.⁷ Сооружение спроектировано как стиливая «цитата» академического классицизма, который, в свою очередь,

требует четких форм: образцовый стиль классицизма подчинен симметрии и в нем необходимы украшения – барельеф, колонны, лепнина. Стиль классицизма – это воспоминание о классической эпохе античности, поэтому и на фасаде Коммерческого училища обязательно увидим знаки культур Греции и Рима. Так, над окнами верхнего этажа можно увидеть две венецианские раковины с античными масками: «Коммерция» и «Меркурий». В древнегреческом пантеоне римскому Меркурию соответствует Гермес. Недаром на фасаде Коммерческого училища расположился бог торговли – римский Меркурий, образ словно говорил: здесь изучают законы торговли, известно, образ Меркурия был даже помещен на фуражки учащихся Коммерческого училища. Помимо образа Меркурия, запечатленного на фронтоне здания, мы можем увидеть на боковой части строения венки и кадучей со змеями. Возможно, в барельефном тексте перед нами разворачивается целый миф о Гермесе-Меркурии, которого Зевс наделил крылатыми сандалиями (по иным версиям крылатой шапочкой) и примирительным кадучеем. Кроме того, облик Гермеса мог появиться в воображении Винклера и по аналогии с фонтаном Меркурия в чешском городке Оломоуце, городке, который с детства был знаком скульптору. «Цитируя» известные с детства скульптурные образы, воспроизводя их в омском пространстве, Винклер словно знакомил жителей города с мифологией, придавал нашему городу европейский облик.

Примечания:

1. Девятьярова И. Г. Чешский скульптор В. Ф. Винклер в Омске // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: РИО, 1995. С. 49.
2. Касьянов В. П. Одиссея скульптора Винклера. Омск: [б. и.], 2014. С. 13.
3. Девятьярова И. Г. Чешский скульптор В. Ф. Винклер в Омске // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: РИО, 1995. С. 49.
4. Касьянов В. П. Одиссея скульптора Винклера. Омск: [б. и.], 2014. С. 14.
5. Белинский В. Г. Литературные мечтания // Полное собрание сочинений. Т. I: Статьи и рецензии. Художественные произведения 1829-1835. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 79.
6. Девятьярова И. Г. Чешский скульптор В. Ф. Винклер в Омске // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: РИО, 1995. С. 50.
7. Деревянченко Ю. И. История строительства здания омского Коммерческого училища // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: РИО, 1995. С. 142.

Д. С. Шемелина

Новосибирск, Москва

*Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства,
Новосибирская государственная архитектурно-художественная
академия*

ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ

В XVIII в. в соответствии с распоряжением Екатерины II (Инструкция 1763 г.)¹ об усилении обороноспособности Сибири укрепления по сибирским оборонительным линиям подверглись масштабной реконструкции. Проводилась она под руководством начальника сибирских линий генерал-поручика И. И. Шпрингера. В связи с этим в 1765 г. для линейных укреплений была утверждена серия фиксационных планов и проектов перепланировки². Их анализ показал, что с началом реконструкции в процессе формирования планировочной структуры укреплений произошел переход от «псевдобастионной» или смешанной фортификации (угловой в плане и ярусной в профиле) с применением деревянных оград и башен к полноценной бастионной фортификации (угловой в плане и продольно-фланковой в профиле) с использованием земляных конструкций.

С переходом от смешанной фортификации к бастионной стали учитываться разработки европейских военных инженеров. Причем с применением бастионной фортификации планировочные структуры линейных укреплений приобретали черты большей типизации и регулярности. Для долговременных укреплений Иртышской линии этот процесс имел ряд особенностей – если фортификационные решения для крепостей носили индивидуальный характер, то планировочным решениям основных территорий крепостей была свойственна универсальная планировочная схема. В том или ином виде она была применена для всех долговременных крепостей Иртышской линии – Железинской, Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской, а также для главного пункта сибирских линий – Омской крепости.

За три десятка лет до масштабной перепланировки сибирских линий в Париже в 1729 г. вышла в свет работа французского военного инженера Бернара Форэ де Белидора (1693-1761) «La science des ingénieurs dans la

conduite des travaux de fortification et d'architecture civile ...»³ (в 1802 г. она была издана на русском языке в переводе П.М. Карабанова под названием «Инженерная наука в производстве работ при укреплениях, и архитектура гражданская...»⁴). Важное место в своем сочинении Белидор отводит анализу планировки города-крепости Неф-Бризак, созданного *ex nihilo* (т.е. «с нуля») в конце XVII в. знаменитым французским инженером Себастьяном Ле Престром де Вобаном (1633-1707). Неф-Бризак являлся полной реализацией типового проекта планировки, разработанного Вобаном для 9 новых городов⁵. Однако Белидор рассматривает проект Неф-Бризак не просто в качестве типового плана, но как универсальную модель идеального устройства внутренних территорий крепостей. Он возводит проект Вобана в ранг образца, согласно которому средствами архитектуры и градостроительства возможно гармонизировать сосуществование в одном пространстве гражданского населения, военных и духовенства.

Данная модель планировки крепости по Вобану из труда Белидора была весьма популярна в Европе. Так, например, она была описана основателем английской Военной школы в Вулвиче инженером Джоном Мюллером, а также использовалась испанскими военными инженерами⁶. Таким образом, модель Белидора-Вобана была широко известна фортификаторам в разных частях Европы.

С нашей точки зрения, в этом контексте не стала исключением и Россия. Сравнительный анализ модели планировки крепости по Вобану из труда Белидора и универсальной планировочной схемы, использованной для долговременных крепостей Иртышской линии, в том числе и Омской крепости, позволяет сделать вывод о сходстве между ними.

Как и в схеме из работы Белидора на основной территории Омской крепости в ее центре на пересечении двух главных, наиболее широких улиц располагалась близкая к квадрату в плане площадь, ограниченная квартальной застройкой. В схеме Белидора и в проекте Омской крепости 1765 г. близок и состав застройки, формирующий площади.

Интересным отличием планировочной схемы для сибирских крепостей и схемы Белидора является то, что центр площади крепостей Иртышской линии (это верно и для обеих частей Омской крепости) обозначался расположением церкви, в то время как в схеме Белидора церковь включена в квартальную застройку, формирующую площадь и вынесена одним из фасадов на красную линию.

Мы полагаем, что применение для Омской крепости планировочной схемы из труда Белидора позволяет говорить с одной стороны, об универсальности рассматриваемой модели для всего европейского

фортификационного градостроительства, с другой стороны, это говорит о неотъемлемом присутствии Омской крепости в поле европейской фортификации. Это необходимо учитывать в процессе ревалоризации ее территории как объекта историко-архитектурного наследия.

Примечания:

1. Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон: Ист. очерк. Ч. 1 [Царствование Императора Александра I], Очерк 2 [Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска] / Сост. воен. инж. ген.-майор И. Г. Фабрициус. СПб., 1902. 652 с.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 485, оп. 5, ед. хр. 477.
3. Bélidor B. F. de. La science des ingénieurs dans la conduite des travaux de fortification et d'architecture civile... Paris, 1729; Jordan K. Bibliographie zur Geschichte des Festungsbaues von den Anfängen bis 1914... Marburg, 2003. 432 p.
4. Белидор Б. Ф. де. Инженерная наука в производстве работ при укреплениях, и архитектура гражданская / Пер. П. М. Карабанова. СПб, 1802.
5. Roux A. de. Villes neuves. Urbanisme classique. Paris, 1997. 144 p.
6. Pita González M. S. La atención a las necesidades de la población civil en ciudades militares: de Neuf-Brisach a Georgetown (Menorca) // la revista Norba Arte de la Universidad de Extremadura. 2006. Vol. XXVI. Pp. 105-121.

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ ГОРОЖАН НА РАЗЛИЧНЫЕ ГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

В последние десятилетия как за рубежом, так и в России, в условиях нарастающего процесса урбанизации стали проводиться исследования, посвященные изучению влияния городской среды на психику человека. Характеристики современной городской среды такие, как неопределенность, неустойчивость, агрессивность, способны вызывать эмоциональную реакцию у человека и влиять на его психологическое состояние. Актуальность нашего исследования определяет и то, что при проектировании объектов города, как правило, решающую роль играют экономические факторы, а психологические особенности восприятия человеком городской среды остаются неучтенными.

Методика исследования. В исследовании приняли участие студенты-психологи Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) и студенты-архитекторы Новосибирской Архитектурно-художественной академии (НГАХА), всего 120 человек. Ранее нами было установлено, что мнение студентов-психологов относительно городской среды можно рассматривать как мнение типичного горожанина¹.

Методы нашего исследования включали анкетирование, контент-анализ ответов на вопросы и психологическое тестирование. Методикой оценки эмоционального восприятия городской среды являлся архитектурный семантический дифференциал (далее СД), разработанный нами на основе метода СД, созданного для оценки эмоциональных реакций на эстетические объекты (Ч. Осгуд, 1952 г.). Методологическим основанием исследования восприятия пространственно-предметной среды с помощью СД является представление об «образе мира» А. Н. Леонтьева². В «образе мира» отражается как чувственное восприятие, так и ценностно-смысловое поле, а также особенности взаимодействия субъекта с миром. Качества «образа города» (понятие, введенное К. Линчем³) также могут быть выявлены с помощью соответствующего СД.

Существует множество вариантов «пространственных» СД, разработанных российскими исследователями (С. Э. Габидулина⁴, Ю. Г. Панюкова⁵,

Х. Э. Штейнбах⁶). В связи с тем, что к настоящему времени не установлено, какой из вариантов СД является оптимальным, мы использовали два варианта: 1) вариант СД Х. Э. Штейнбах; 2) авторский вариант семантического дифференциала из 28 пятибалльных шкал. Авторский СД Ваниной (Цыганковой) О. Е. - Шемелиной О. С. был разработан с применением контент-анализа и метода факторного анализа. Нами также использовалась методика оценки городских пространств, разработанная по аналогии с тестом тематической апперцепции. Считается, что методика СД позволяет измерять коннотативное значение, которое отражает именно эмоциональные переживания испытуемого по поводу некоторого объекта или процесса. Подбор соответствующих пар антонимов позволяет также использовать СД для анализа денотативного значения, то есть собственно параметров и свойств шкалируемого объекта. Это даёт возможность применять СД для выявления таких объектов, которые приближались бы по свойствам к неким эталонам («идеальным» объектам).

Наша методика заключалась в следующем: испытуемым предъявлялись фотографии с видами города Новосибирска и предлагалось оценить фрагменты городской среды с помощью СД, а затем эти данные сопоставлялись с оценками СД «идеального» объекта – образа города, в котором люди хотели бы жить («города-мечты») и Новосибирска в целом. Для математической обработки использовались коэффициент ранговой корреляции R_s Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования. На первом месте в образе «города-мечты» в оценках испытуемых стоят качества красивый, чистый, ухоженный. Далее следуют качества светлый, добрый, тёплый, уютный. Характеристики образа «города-мечты» похожи на качества родного дома, они отмечаются как более важные, чем качества притягивающий, развивающийся, расцветающий, сильный.

При сравнении образа Новосибирска в целом и образа «города-мечты» в представлении горожан обнаружены следующие достоверные различия: Новосибирск оценивается менее чистым, добрым, приятным и красивым по сравнению с образом города, в котором испытуемые предпочли бы жить (различия значимы на уровне $p < 0.05$). По остальным шкалам образ Новосибирска статистически значимо не отличается от образа «города-мечты». Образу «города-мечты» в представлении горожан соответствуют соразмерные человеку, ухоженные здания, как современные, так и построенные в первой половине или середине XX века, а также исторические объекты. В категорию объектов, соответствующих Новосибирску, попали промышленные здания, современные торговые центры,

жилые многоэтажные здания, культурные объекты, а также жилые здания малой этажности.

В категорию фрагментов, не соответствующих Новосибирску в представлении горожан, попали ветхие, малоэтажные, неухоженные дома. В то же время важно, что уменьшение исторической застройки воспринимается негативно. Оценка городской среды как «старой» приближает образ города к образу «города-мечты», люди хотят жить в городе, который имеет свою историю, в которой гармонично сочетается старое и новое, а объекты городской среды сомасштабны человеку.

Примечания:

1. Шемелина О. С., Ванина О. Е. Образ города Новосибирска в представлении студентов // Сибирский педагогический журнал. 2012. №8. С. 248-255.
2. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: ПЧЕЛ, 2008. 378 с.
3. Линч К. Образ города. М., Стройиздат, 1982. 327 с.
4. Габидулина С. Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта): Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1991. 22 с.
5. Панюкова Ю. Г. Эмпирическое исследование структурной организации психологической репрезентации пространственно-предметной среды // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. №3. С. 111-122.
6. Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. СПб: Речь, 2004. 239 с.

В. А. Шулдяков

Омск, Экономический институт

НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЕЛОМ ПОДПОЛЬЕ ОМСКА В 1918 ГОДУ

Для советской и постсоветской историографии характерно преувеличение роли Партии социалистов-революционеров (ПСР) в создании военного антибольшевистского подполья.

Временем, с которого можно вести отсчет истории омского белого подполья, следует признать декабрь 1917 г. Именно тогда в Омске устанавливается советская власть и резко усиливается приток в город боевых офицеров с фронта. Ввиду репрессий и узости социальной базы омские кадеты заняли пассивно-выжидательную позицию, уповая на интервенцию. Зарождение военного подполья в Омске на рубеже 1917 – 1918 гг. стало результатом самоорганизации части офицерства без политического руководства с чьей-либо стороны. Именно в декабре 1917 г. начал свою конспиративную работу капитан Константин Владимирович Неволин (псевдоним Неофитов), которого современник назвал «пионером и душой этого дела в Омске»¹.

В январе 1918 г. в Омске возникла тайная офицерская организация есаула Ивана Николаевича Красильникова. Тогда же образовались «ядра тайных организаций по свержению советской власти» в пригородных станицах: в Атаманской (под Омском) и Петропавловской².

К апрелю 1918 г. военное подполье Омска состояло из нескольких самостоятельных офицерских и казачьих организаций. Самой крупной из них, насчитывавшей несколько сот человек, была организация, во главе которой стоял коллективный штаб из офицеров и представителей кооперации. Фактическим её руководителем являлся капитан Владимир Эрастович Жилинский (офицер 109-го пехотного Волжского полка старой армии, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. [1915], с 15 января 1918 г. начальник оперативного отдела штаба организации³). Хотя в либеральных кругах Омска говорили об её «эсеровской окраске», правильнее назвать организацию Жилинского внепартийной, но пошедшей ради получения денег от кооперации на некоторые уступки умеренным социалистам. Тем более, материальную помощь она получала не только от кооперативов, но и от «коммерсантов из числа менее крупных». Организация реально работала: «имелся выработанный в

общих чертах план боевых действий», в советские структуры была внедрена агентура, добывалось похищением и тайной покупкой оружие (купили даже пулемет)⁴.

Если организацию И. Н. Красильникова финансировали, видимо, некоторые из крупных предпринимателей Омска (Н. Н. Машинский и др.), то организации В. Э. Жилинского пришлось искать средства у кооперации. Из этого факта не следует делать вывод о её зависимости от ПСР. В Омске в кооперации были сильны позиции правых эсеров-оборонцев (фракция «Воля народа»), которые после Октябрьского переворота, оставшись на позиции коалиции с цензовыми элементами, откололись от Омской организации ПСР в самостоятельную группу. Возглавлял её председатель правления Союза западносибирских кооперативов В. В. Куликов. В кооперации работали не только эсеры. На выборы в Учредительное собрание омские правые социалисты шли одним блоком. В их объединенном списке № 10 кроме эсеров-«воленародовцев» В. В. Куликова и Е. В. Астафьева были и другие кооператоры: председатель Петропавловского союза потребительских обществ народный социалист А. И. Боголепов и член правления Омского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ меньшевик Н. Н. Суслов⁵. Заслуга финансирования тайных военных организаций кооперацией, очевидно, прежде всего, принадлежит именно правым социалистам (энесам, «воленародовцам», меньшевикам-оборонцам), а не эсерам центра.

С 29 марта по 27 апреля 1918 г. в Омске нелегально работала делегация Добровольческой армии во главе с генералом от инфантерии В. Е. Флугом. Она провела кардинальное реформирование омского военного подполья. За основу Омского военного подотдела Добровольческой армии Флуг взял внепартийную организацию капитана В. Э. Жилинского, который согласился принять политическое руководство со стороны местного кружка правых кадетов-монархистов («Каргаловский кружок» – по имени присяжного поверенного Д. С. Каргалова) и подчиниться военачальнику, назначенному Флугом (полковник Сибирского казачьего войска П. П. Иванов, псевдоним Ринов). Через входивших в «Каргаловский кружок» председателя Омского военно-промышленного комитета Н. П. Двинаренко и нескольких предпринимателей Флуг наладил финансирование объединенной военной организации (первый месячный взнос для подпольщиков поступил в размере ста тысяч рублей)⁶.

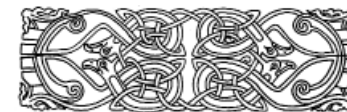
Таким образом, инициатива создания военного подполья в Омске принадлежала не ПСР (эсерам-центристам), а самому офицерству, материально поддержанному местными предпринимателями и, через правых

социалистов, некоторыми кооперативными структурами. На более высокий организационный уровень омское белое подполье было поднято благодаря деятельности посланцев генерала Л. Г. Корнилова.

Примечания:

1. Омский вестник. 1918. №131, 02 июля (19 июня). С. 2.
2. ГИАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.
3. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 438.
4. [Флуг В. Е.]. Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 252-253, 251, 255; ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 24 (229).
5. Вечерняя заря (Омск). 1917. №1, 14 декабря. С. 3.
6. См.: Шулдяков В. А. Делегация в Сибирь от Добровольческой армии и её роль в реорганизации нелегальных военных структур Омска // Вестник Томского гос. университета. 2009. №324 (июль). С. 217-220.

**МУЗЕИ, АРХИВЫ И БИБЛИОТЕКИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

С. Д. Авербух

Омск, Музей просвещения

НАСЛЕДИЕ П. Т. СИГУТОВА –
ЧЛЕНА ОМСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

После кончины известного омского краеведа, географа Петра Тимофеевича Сигутова осталось заметное, в своей области, историко-культурное наследие. Он был не просто краеведом и географом, это был замечательный и выдающийся учитель, преподаватель, педагог. За свою жизнь воспитал огромное количество учеников, живущих в Сибири, России и за рубежом. Преподавательская деятельность в педагогическом институте способствовала передаче огромного педагогического опыта учителям географии Омской области и других регионов. По воспоминаниям коллег и учеников Петр Тимофеевич был очень скромным человеком. Его часто можно было видеть в библиотеках г. Омска, архиве. Он обладал широчайшей эрудицией, интеллектом, мастерством работы с источником, мог глубоко и тонко анализировать научную литературу.

П. Т. Сигутов родился в деревне Тармакла Муромцевского района Омской области в семье крестьянина-середняка. Официальная дата его рождения (по документам) 13 января 1927 г. Но Петр Тимофеевич датой своего рождения считал 2 января. Именно в этот день он отмечал свой день рождения, указывал эту дату в автобиографии.

В 1930-х гг. семья Сигутовых подверглась репрессиям. Его отец с началом коллективизации вступил в колхоз, но в марте 1930 г. вышел из него, был участником крестьянского восстания. За это он был арестован и осуждён на 10 лет, освобождён досрочно в 1935 г. Семья Сигутовых переехала в Якутскую АССР на прииск Самодумовский. Здесь П. Т. Сигутов закончил 7 классов. В марте 1943 г. семья вернулась в село Петропавловка Муромцевского района. Получить среднее образование П. Т. Сигутов смог лишь в годы службы в Советской Армии. В 1951 г. он сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в вечерней школе при Провиденском Гарнизонном Доме Офицеров Советской Армии (Чукотский полуостров). В 1956 г. окончил естественно-географический факультет Омского государственного

педагогического института им. А. М. Горького. Еще в студенческие годы углубленно изучал природу и экономику Муромцевского района. Именно истории населенных пунктов этого района, посвящена большая часть его исследований. В 1958 г. статья «Экономико-географическая характеристика Муромцевского района Омской области» отмечена грамотой Министерства высшего образования СССР.

В 1956-1962 гг. П. Т. Сигутов работал учителем географии, в селах Кондратьево и Петропавловка Муромцевского района. Его тяга к исследованиям, прекрасная спортивная подготовка, не могли не обратить на себя внимания омских ученых-географов. В 1958 г. П. Т. Сигутов стал членом Омского отдела Русского географического общества. Был одним из самых активных его членов на протяжении долгого времени. Много лет был председателем ревизионной комиссии. Неоднократно награждён грамотами Географического общества СССР.

В 1959-1963 гг. Петр Тимофеевич обучался в заочной аспирантуре на отделении экономической географии Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена по теме «Типы сельского расселения в бассейне г. Тары». Но защита не состоялась из-за смерти руководителя.

С 1962 г. П. Т. Сигутов сотрудник пединститута. Работал ассистентом, затем старшим преподавателем на географическом факультете. П. Т. Сигутов много путешествовал и организовывал многочисленные поездки со студентами естественно-географического факультета. Изучал экономику и специфику трудовых ресурсов Омской области, Западной и Восточной Сибири, Чукотки, Урала, Европейской части России и др.

С 1989 по 1995 гг. П. Т. Сигутов являлся сотрудником историко-краеведческой лаборатории при ОмГПИ. Принимал активное участие в выявлении и паспортизации исторических и архитектурных памятников Омской области.

Петра Тимофеевича особенно интересовали экономическая и историческая география, население и краеведение. Свои исследования он посвящал изучению Петропавловского соснового бора, истории заселения Омской области. Особенно уделял внимание изменениям в размещении сельского населения по районам Омской области, современной миграции населения, проблемам исторической демографии, трудовым ресурсам, их использованию и т.д.

П. Т. Сигутов разработал учебный курс «География населения». Им было подготовлено более 30 научных публикаций по географии сельского населения, истории заселения Омской области. На протяжении ряда лет он публиковал статьи в периодической печати по истории отдельных

населённых пунктов Омской области. Он автор и соавтор многих книг по истории районов Омской области. Например, «История Муромцевского района», «Азовский немецкий национальный район». Принимал участие в написании историй Колосовского, Саргатского, Седелниковского, Усть-Ишимского и других районов.

Большое внимание П. Т. Сигутов уделял школьному и вузовскому краеведению. Он активно выступал на курсах учителей географии и краеведения в Омском институте усовершенствования учителей.

П. Т. Сигутов за свой труд был награждён профессиональными знаками «Отличник народного просвещения» (1963 г.), «За творческий педагогический труд» (1982 г.), медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда», «XXX лет Советской Армии и Флота», юбилейными медалями за победу в Великой Отечественной войне. За заслуги перед географией и Омским отделом ГО СССР П. Т. Сигутов удостоен звания лауреата премии имени М. В. Певцова.

Умер П. Т. Сигутов 19 июля 2006 г. в Омске. Похоронен в с. Петропавловка Муромцевского района.

После смерти П. Т. Сигутова его архив был передан в Омский государственный историко-краеведческий музей и в Омский музей просвещения. Это геологические коллекции, карты, тетради и блокноты с записями, фотографии, документы, медали, значки. Всего – более 1000 ед. хранения, из которых около 700 единиц хранятся в Омском музее просвещения.

Я. В. Адам

*Омская область, с. Горьковское,
Муниципальный историко-краеведческий музей*

МУЗЕИ ГОРЬКОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

История малых музеев представляет интерес как в плане развития музейного дела региона, так и обобщения определенного опыта работы по направлениям музейной деятельности. О музеях Горьковского района нет исследовательских работ, поэтому данная публикация внесет некоторое представление об их становлении.

В настоящее время на территории Горьковского муниципального района Омской области сложилась сеть муниципальных и школьных музеев, состоящая из 4 муниципальных музеев и 9 школьных музеев.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры Горьковского района Омской области «Горьковский историко-краеведческий музей» включает головное учреждение - Горьковского историко-краеведческий музей и филиалы: Алексеевский историко-краеведческий музей имени

А. П. Позднякова в с. Алексеевском, Октябрьский историко-краеведческий музей в с. Октябрьском и Серебрянский историко-краеведческий музей в с. Серебряном.

Школьные музеи имеются в селах Астыровка, Георгиевка, Лежанка, Сухое в ауле Бельсенды-Казахский. Эти школьные музеи работают давно, они паспортизированы. В 2014-2015 учебном году в районе открылись еще несколько школьных музеев — это в Новопокровской, Краснополянской, Ударновской, Чулинской средних школах. В Серебрянской средней школе открылась музейная комната, рассказывающая о вкладе серебрянцев в Победу в Великой Отечественной войне. Кроме того, во большинстве школ района в 2015 г. начали работу Залы Боевой Славы.

Горьковский историко-краеведческий музей открыт в 1980 г. Инициаторами выступили ветераны войны и труда во главе с Н. П. Басовой, которые собрали документы, фотографии, воспоминания ветеранов войны и труда, архивные источники. По итогу этой работы была выпущена листовка о Героях Советского Союза – горьковчанах Алексее Федосеевиче Романенко, Иване Ивановиче Ландике, Клавдии Карповиче Краснорове.

16 августа 1983 г. Горьковский районный исполнительный комитет принял решение о создании в с. Горьковском музея на общественных началах

«Музей советской деревни». Был создан совет музея, на котором в октябре 1983 г. утвердили эскиз экспозиции «Ради жизни на земле» художника

С. А. Бринева, учителя Суховской средней школы. Под экспозицию музею предоставили одну комнату в здании районного Дома пионеров. С ноября 1983 г. начался процесс реконструкции и ремонт выделенного для музея помещения. Активно трудились Максим Маталасов, Мария Белых, Лилия Худорожко. В реконструкции помещения приняли участие фактически все организации и учреждения райцентра, особенно большую помощь музею в изготовлении стендов и в выделении пиломатериалов оказал «Межколхозстрой». Транспорт предоставило музею районное отделение «Сельхозтехника», начальник Н. А. Баринов. В работе по созданию музея участвовал практически каждый десятый житель райцентра. Многие жители района принимали активное участие в формировании коллекции музея, это Ефросинья Андреевна Конча (с. Красная Поляна), Прасковья Иосифовна Кислова (д. Алексеевка), Наталья Илларионовна Каташова (д. Согра), Иван Иванович Лавринович (д. Демьяновка) и многие другие.

На заседании совета музея 20 декабря 1983 г. принято решение оформить в музее три раздела: исторический, этнографический, Великой Отечественной войны. В 1984 г. музею дополнительно предоставили еще две небольшие комнаты. В октябре 1984 г. на заседании совета музея принято решение открыть музей к 9 мая 1985 г. В январе 1985 г. в связи с тем, что музей уже почти полностью было решено открыть экспозицию 23 февраля 1985 г., но помешали форс-мажорные обстоятельства – была разморожена система отопления и открытие перенесли на 5 мая 1985 г.

В связи с 40-летием Победы над Германией были разработаны темы первых экскурсий в музей – «Добровольцы – комсомольцы», «Герои-земляки». На открытии музея 5 мая 1985 г. 240 человек, в том числе 50 человек приехали из других мест специально на это мероприятие. Уже за первую неделю музей посетило 498 человек, а за май 1985 г. – 898, было проведено 30 экскурсий, которые проводили Н. П. Басова, Л. В. Люпатрина, Л. М. Рогозина, Ф. И. Свяженина, О. Е. Здор, В. Е. Сербинович и

А. Г. Юрчагина. 22 июня 1985 г. музей провел праздник «Война глазами солдата». Музей работал три дня в неделю – вторник, четверг, воскресенье с 11 до 17 часов. По итогам работы в 1985 г. музей был признан победителем в областном смотре музеев, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и был отмечен дипломом третьей степени.

С 1986 г. сотрудники и совет музея развернули широкую просветительную и выставочную работу. Большой вклад в становление и развитие

музея внесли члены совета музея, наиболее активным из них – Н. П. Басовой, К. П. Лавриновичу было присвоено звание «Почетный гражданин с. Горьковского».

Музей продолжал пополнять фонды материалами по истории района. В июле 1986 г. на совете музея была утверждена фондовая комиссия в составе В. Е. Сербиновича, Ф. И. Свяжениной, К. П. Лавриновича, А. Г. Юрчагиной, председателя Н. П. Басовой.

Активно ведется сбор материалов по истории района в архивах г. Омска и г. Тобольска Н. П. Басовой. В 1987 г. совет музея выступил с инициативой об установлении в с. Горьковском мемориальной доски на улицах, носящих имена героев-земляков – А. Ф. Романенко, И. И. Ландика, К. К. Краснаярова и Г. Ф. Головачева. В центре поселка была установлена стела, рассказывающая о героях-земляках. В 1987 г. проведен музейный конкурс на лучший подаренный музею экспонат. В начале 1988 г. члены кружка юных историков под руководством Н. П. Басовой нашли информацию о двух Героях Советского Союза – горьковчанах Иване Андреевиче Волошине и Константине Савельевиче Алексеенко, о которых не было информации не только в музее, но и в архивах Омской области. Музей активно сотрудничал с районной газетой «За коммунизм» и областной газетой «Омская правда».

В 1988 г. директором музея назначен Я. В. Адам, выпускник биологического факультета ОГПИ В 1989 г. музею передано полностью здание Дома пионеров – одноэтажное деревянное здание постройки 1920-х годов. Была проведена реконструкция и создана новая экспозиция. Работа была выполнена бригадой омских художников под руководством В. Н. Ветрова, экспозиция разрабатывалась при активном участии сотрудников Омского ГОИЛ музея – С. Ю. Первых, А. П. Раковой и Ю. А. Макарова. Новая экспозиция музея открылась 9 мая 1990 г. В экспозиции находится комплекс этнографических материалов по культуре и хозяйству русского населения. Экспонируются исторические материалы 1920-30-х гг., оформлен зал о Великой Отечественной войне. Имеются разделы с послевоенными и современными материалами.

1 января 1991 г. Горьковский музей получил статус бюджетного муниципального музея с утверждением штатов и годового финансирования.

В 1991 г. райисполком с целью сохранения собранного краеведческого материала на базе школьного музея с. Серебряного (действует с 1946 г.) принято решение создать филиал Горьковского районного музея. В филиале при финансовой поддержке колхоза «Иртыш» (председатель Николай Тереньевич Приходченко), кооперативом «Творчество» создана новая

экспозиция. Филиалу передано более 200 квадратных метров площади на втором этаже бывшего школьного интерната. Созданная экспозиция отражает историю села с древних времен до настоящего времени, природу края.

В 1995 г. администрация района присвоила статус филиала школьному музею с. Октябрьского. Экспозиция здесь создана при финансовой поддержке ЗАО имени А. Ф. Романенко и областного комитета по культуре и искусства, оформлена художником В. Р. Маляренко, экспозиционер – Я. В. Адам. Филиал размещается в здании сельского Дома культуры, экспозиция отражает историю с. Октябрьского и ближайших деревень.

В декабре 1995 г. на базе сельского общественного музея открыт филиал в с. Алексеевском. Экспозиция размещается в здании старой школы, создана в 1985 г. и представляет историю совхоза «Алексеевский».

Музей и филиалы продолжают дальнейший сбор материалов по истории района – документов, фотографии разных периодов по истории района.

Э. Р. Ахунова

Омск, Филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЯХ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Музеи всегда привлекали пристальное внимание общества. В России это особенно стало заметно в постперестроечный период. В последние годы в музейном сообществе стали активно обсуждаться вопросы музееведения, формирование экспозиций, научной работы в музеях и т.д. В музейной практике недавно появился новый термин «новое музееведение». Новое краеведение многие музейщики понимают как философию места, т.е. «понимание специфики места, где живешь и про тех людей, с которыми живешь рядом... нас интересует локальная история, частная память. И чаще всего – XX в., поскольку именно через историю конкретных людей, через частные сюжеты можно и нужно сейчас разбираться с болезненной для нас новейшей историей»¹.

Важность изучения краеведения отмечают многие ученые: Д. С. Лихачев, П. П. Вибе, Л. И. Скрипкина, А. В. Шаповалов и др. В советское время краеведческие экспозиции большинства музеев России были похожи друг на друга, сейчас «в условиях глобализации важную роль стала играть региональная идентичность. Во всем мире регионализация связана с усилением своеобразия экономического и политического положения территориальных сообществ, их стремлением к культурной автономии»². Развитие региональных исследований, изучение локальной истории связаны с ростом этнокультурных потребностей населения.

Краеведение комплексно изучает историю, географию и культуру местного сообщества в отдельно взятом регионе. Одной из важной составляющей в деятельности музеев является его просветительская и воспитательная деятельность.

На примере работы двух районных музеев Омской области Тарского историко-краеведческого и Большереченского историко-этнографических музеев покажем просветительскую работу музеев с посетителями. Эти музеи проводят десятки выставок, открытые уроки, праздники различной тематики, но мы рассмотрим только те из них, которые непосредственно

касаются этнографического профиля работы и в которых используется предметы материальной и духовной культуры народов, т.е. этнографические коллекции этих музеев.

Музеи активировали свою деятельность, расширили работу с населением: стали активно применять интерактивную форму работы на различных выставках, открытых уроках. Сотрудники музея практически всегда участвуют во всех народных праздниках, не только выходят с выставками, но еще рассказывают и показывают, как можно пользоваться старинными предметами быта, разыгрывают народные обряды и песни на различных праздниках. Связь с музея с населением не является односторонней. Не только музеи перешли на другие формы работы с населением, но и сами люди принимают активное участие в жизни музея: участвуют в музейных вечерах, приносят для музея старинные предметы, которые у некоторых еще остались. Во многих поселках и селах местные жители по своей инициативе создали небольшие музеи, где с их помощью были собраны этнографические, исторические и другие коллекции. Например, в у Тарского районного музея есть филиалы в селах. Это музей немецкой культуры в с. Литковка, музей в с. Ермаковка с отделами краеведения и этнографией русских и чувашей, музей в с. Екатериновка с отделом этнографической коллекцией русских.

В 2013 г. основной фонд Тарского музея составлял 13704 музейных предмета³. В основной фонд входят коллекции нумизматики, этнографии, документы, редкие книги, естественно-научные коллекции, предметы истории техники, археологии, оружие, изделия прикладного искусства, скульптура, живопись. Наиболее интересную часть музейного фонда составляют коллекции предметов по теме «Этнография», «Иконы», «Оружие», «Редкие книги».

В Тарском краеведческом музее этнографическая коллекция, в основном представлена двумя крупными народами, живущими на территории района – это русскими и сибирскими татарами. Небольшое количество предметов можно найти в разделах по немцам, украинцам, казахам и другим народам. В 2014 г. была частично обновлена экспозиция «Тарское Приртышье в 20 в.».

В последние несколько лет музей стал активно проводить различные массовые мероприятия посвященные изучению традиционной культуры народов, населяющих Тарский район. В 2012 г. в музее было создано 60 выставок⁴. Особой популярностью пользовались выставки, посвященные народному быту, культуре и традициям разных народов с широким использованием этнографического материала. Одной из значимых выставок в 2012 г.

стала региональная выставка «Европа-Сибирь: дорогами переселенцев», действовавшая в Омске в рамках фестиваля «Культура без границ». Данная выставка была организована совместно с Большереченским историко-этнографическим музеем и на ней были представлены предметы быта сибирских татар и немцев. В этом же году в Тарском краеведческом музее были организованы несколько тематических выставок, приуроченных к знаменательным датам, или созданные по заявкам педагогов. Это следующие выставки: «В мире народной игрушки», «Русская баня», «От сандыка до шабадана» (выставка сундуков, шкатулок, чемоданов XX в.), «Платка диковинный узор», «Свеча горела на столе» (выставка осветительных приборов XIX–XX вв.). По сведениям из отчета работы музея в 2012 г. мероприятия музея посетили 6800 человек. Статистика посещаемости музейных мероприятий по итогам года: 45% – школьники, 30% – студенты, 20% – взрослые. Так как большая часть посетителей музея составляет учащаяся молодежь, сотрудниками музея велась разноплановая работа, направленная на культурное, нравственное и патриотическое воспитание молодого поколения. Так в течение всего года проводились музейные уроки из цикла «Крестьянский быт», «История древней Тары» не только в музее, но и в школах. Сотрудники музея используют новые формы и методы работы: интерактив, инсценировки, экскурсии-представления и т.д. Например, 18 мая 2012 г. была проведена экскурсия – представление «Ambulareinmuseum» (прогулки по музею). Для проведения экскурсии по залам музея использовались интерактивные методы, где соответствующие персонажи в традиционных костюмах встречали гостей в интерьерах крестьянской избы, купеческой гостиной и т.д.

Большереченский историко-этнографический музей, также, как и Тарский музей, активно принимает участие в культурно-массовой работе с посетителями. На 1 января 2014 г. музейная коллекция насчитывала 15064 ед. хр., предметов этнографии в музее было 61 ед. хр., быта – 221 ед. хр., текстиль – 31 ед. хр.⁵. Последние годы Большереченским музеем ведется активная выставочная работа. Главное событие 2013 г. года было участие Большереченского музея в выставочном проекте «Европа-Сибирь: Дорогами переселенцев». Большое значение для повышения статуса музея имело также проведение двух выставок – одной в Березовском краеведческом музее Ханты-Мансийского автономного округа, а другой в Национальном археологическом памятнике природы (НАПП) Большереченского района «Батаково»: «У истоков шаманства», которые пользовались у посетителей большим успехом. Всего в 2013 г. Большереченским историко-этнографическим музеем было проведено 45 выставок на территории музея

и 11 внемузейных выставок, из них 38 выставок было открыто в отчетном 2013 г. Сотрудниками музея было проведено 322 музейных урока для учащихся и студентов⁶.

Проанализировав работу этих двух музеев за последние несколько лет, мы видим, что количество выставок остается примерно на одном и том же уровне или незначительно увеличивается, но содержание выставок меняется. Они становятся разнообразнее, интереснее, интерактивными для посетителей разного возраста и проходят с большим успехом. Особенный интерес вызывает у всех посетителей этнокультурные выставки, лекции, которые все чаще музеи стараются проводить в населенных пунктах в дни национальных праздников. Именно на таких мероприятиях люди все больше узнают, как жили их предки, какими вещами пользовались, во что одевались, лучше понимают истоки национальных традиций и обычаев. Многие жители на таких национальных праздниках приобщаются к культуре своего народа, узнают традиции и обычаи, общие и различные черты в культуре другого народа, учатся толерантности. Музеи сегодня являются мостом не только между прошлым, настоящим и будущим, но также и мостом между всеми народами, живущими рядом.

Примечания:

1. Гений места. Новое краеведение // Музей, №4. 2015. С. 6.
1. Скрипкина Л. И. Краеведение, регионоведение, локальная история // Музей, №4. 2015. С. 14.
3. Отчет о работе музея 2013 г. (рукопись). С. 1.
4. Годовой отчет за 2012 год МБУК «Тарский историко-краеведческий музей». Рукопись. С. 5.
5. Отчет Бюджетного учреждения культуры Омской области БУК «Большереченский музей» за 2013 год. Рукопись. С. 6.
6. Там же. С. 7.

Ю. Н. Белоглазова

Омск, Государственный историко-краеведческий музей

ЛИЧНЫЙ АРХИВ М. А. УЛЬЯНОВА В ФОНДАХ ОГИК МУЗЕЯ

С Омском связано имя Михаила Александровича Ульянова, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии. Можно еще долго перечислять все звания и награды, которые получил М.А. Ульянов за свою долгую творческую жизнь, но несмотря на все свои заслуги, он оставался простым человеком, который очень любил свою малую родину - Муромцево, Тару, Омск. Здесь он родился, здесь прошло его детство и юность, и именно здесь он нашел свое призвание, и сделал свои первые шаги к сцене.

Несмотря на то, что из нашего сибирского края М. А. Ульянов уехал в далеком 1946 г., сибиряки считают его своим и относятся с большой любовью и уважением, стараясь сделать все возможное для сохранения памяти о талантливом актере.

В Омске на здании Драматического театра в 2007 г. установлена памятная доска М. А. Ульянову. Весной имя Ульянова было присвоено Северному театру в г. Таре. 14 ноября 2012 г. в Таре около театра был торжественно открыт памятник Михаилу Александровичу.

26 июля 2014 г. в Таре был открыт мемориальный музей М. А. Ульянова. «Дом-музей М. А. Ульянова» стал филиалом Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИК музей). Музей был открыт в доме, в котором семья Ульяновых проживала с 1930-х гг., здесь прошло детство и юность Михаила.

Основную работу по созданию экспозиции в мемориальном музее сделали сотрудники ОГИК музея, под руководством главного научного сотрудника Назарцевой Т. М. Была проведена большая работа по выявлению и сбору материалов, касающихся жизни и творчества М. А. Ульянова.

В первую очередь сотрудники обратились к собственным фондам ОГИК музея. И оказалось, что несмотря на всю масштабность личности М. А. Ульянова, его связь с нашим регионом в музее не было выделенного личного архива актера. Было выявлено небольшое количество материалов, которые хранились в разных коллекциях.

В коллекции «Фото и негативы» хранится 3 фотографии с изображением М. А. Ульянова (ОМК 14688/1, 3-4). Эти фотографии были сделаны в Омске в 1977 г., когда М. А. Ульянов вместе с театром им. Е. Вахтангова приезжал в Омск на гастроли. На первой фотографии запечатлен момент открытия на здании Омского драматического театра памятной доски театру им. Е. Вахтангова, который в годы ВОВ 1941-1945 гг. был эвакуирован в наш город и играл свои спектакли на сцене омского театра. Две фотографии сделаны уже в г. Тара: М. А. Ульянов вместе с тарской администрацией на берегу реки Тара; актеры театра им. Е. Вахтангова в гостях у рабочих Тарской МТС. Эти фотографии были переданы в музей в 1998 году в «День дарения» Н. Н. Бревновой, работавшей в 1960-1980-е гг. начальником управления культуры Омской области.

В коллекции «Личные архивы» удалось найти еще две фотографии с изображением актера. Среди личных документов в архиве Петра Васильевича Бударкина, одного из директоров Омского шинного завода, были найдены фотографии, на которых П. В. Бударкин запечатлен с актером М. А. Ульяновым. Фотографии сделаны фотокором газеты «Советская культура» Н. Самойловым и датированы 1990 г.

В коллекции «Документы» хранится 5 театральных программ к спектаклям театра им. Е. Вахтангова, которые поступили в музей в разное время (ОМК 15168/8-11; ОМК 10970/1). В этой же коллекции находятся материалы, которые поступили в музей от омского коллекционера И. Н. Турянского. Он на протяжении нескольких десятилетий собирал автографы известных людей, артистов кино и театра, эстрадных исполнителей. Среди этих материалов были найдены театральная программка театра им. Е. Вахтангова к спектаклю «Три возраста Казановы» с автографом М. А. Ульянова и почтовая карточка с портретом М. А. Ульянова на лицевой стороне и с дарственной надписью коллекционеру от актера.

Активное пополнение музейной коллекции личными вещами М.А. Ульянова началось в 2014 г. после открытия филиала ОГИК музея «Дом-музей М.А. Ульянова». Директор ОГИК музея П. П. Вибе в период работы над созданием филиала наладил дружеское общение с дочерью актера Е. М. Ульяновой, которая в последствии подарила музею личные вещи и документы отца.

В июле 2014 г. на открытие «Дома-музея М.А. Ульянова» Е. М. Ульянова привезла в дар музею большую подборку материалов отца. Среди них - театральные программки и буклеты к спектаклям театра им. Е. Вахтангова; пригласительные билеты на спектакли на имя М. А. Ульянова в другие театры на премьерные показы. Большим блоком можно выделить Дипломы о

награждении М. А. Ульянова различными премиями и званиями. Перечислю лишь некоторые из них: «За высокое служение актерскому искусству» (Премия Российских деловых кругов); «За честь и доблесть» (Главная Всероссийская премия «Российский национальный Олимп»); «Хрустальная Турандот» (Ассоциация деятелей культуры); «Лучшая мужская роль» за 1998г., 1999 г. (Национальная премия «Золотой Овен»); «За высокое служение искусству» (Премия «Альфа-банка»).

Среди документов есть поздравительные открытки и адреса М.А. Ульянову от коллег и друзей, от политических и общественных деятелей; ксерокопии личных документов М. А. Ульянова. Также были подарены виниловые пластинки с записью М. А. Ульянова; газетные вырезки со статьями самого М. А. Ульянова и о нем; книги М. А. Ульянова.

Наибольший интерес и ценность для музея представляют «сибирские» материалы. Е. М. Ульянова специально в архиве отца подобрала документы, связанные с нашим краем: После открытия «Дома-музея М. А. Ульянова» общение с Еленой Михайловной не прекратилось. Она принимает активное участие в жизни и деятельности музея. Уже в ноябре 2014 г. главный хранитель ОГИК музея Белоглазова Ю. Н. везла из Москвы новые предметы для личной коллекции М. А. Ульянова. Это была дубленка и вязаный шерстяной шарф Михаила Александровича. По словам дочери, в этой дубленке актер зимой приезжал в Омск и в Тару. Также была передана деревянная трость, которую М. А. Ульянову подарили в Муромцево в один из его приездов. Трость ручной работы с дарственной надписью: «Ульянову М. А. от земляков-муромчан. 6.04.2001 г.».

Пополнение личного архива М. А. Ульянова велось не только за счет материалов, передаваемых дочерью. Активно принимали участие в поиске материалов и сами тарчане. Конечно, мемориальных вещей М. А. Ульянова у них не было, но для создания жилой комнаты 1930-40-х гг. многие жители Тары подарили музею типовые бытовые вещи того периода; кто-то у себя нашел автографы М. А. Ульянова, фотографии, сделанные на творческих встречах во время визитов актера в Тару.

Ценный подарок для музея сделал Павел Юрьевич Исаев, председатель благотворительного фонда «Сибирская глубинка» памяти М. А. Ульянова. Музею был подарен сценический костюм Ричарда III, в котором М. А. Ульянов более 10 лет играл в одноименном спектакле по пьесе В. Шекспира в государственном академическом театре им. Е. Вахтангова. Костюм хранился в театре, благодаря переговорам руководство театра в лице директора К. Крока решило передать его в дар «Дому-музею М. А. Ульянова». 27 ноября 2014 г. П. Ю. Исаев привез костюм в Омск и торжественно передал

музею. Автором сценического костюма является Рачия Каплянян. Костюм сшит из ткани и кожи, в комплект входит длинная королевская мантия красного цвета.

К сожалению, костюм поступил не в полном комплекте. Рассматривая снимки сцен из спектакля, можно увидеть, что М. А. Ульянов играл в короне, на шее висел медальон на толстой цепи. Началась работа по поиску недостающих деталей. Выяснилось, что корона от костюма была подарена самим Михаилом Александровичем на одном из торжественных мероприятий руководству «Сургутнефтегаза», кампании которая долгие годы была спонсором театра им. Е. Вахтангова. И вновь большую работу проделал П. Ю. Исаев. Он написал официальные запросы, в которых просил передать в музей корону и руководство «Сургутнефтегаза» пошло навстречу и приняло положительное решение.

В апреле 2015 г. П. Ю. Исаев появился в музее с короной в руках. В дар «Дому-музею М. А. Ульянова» ее передал В. Богданов, генеральный директор предприятия «Сургутнефтегаз». Корона сделана из металла, с орнаментом и камнями, весит более 1,5 кг. Кроме короны, нефтяники подарили музею несколько фотографий М. А. Ульянова, сделанных на 25-летие «Сургутнефтегаза» в 2002 г. Также была передана карта с отметкой «Ульяновского месторождения». Дело в том, что еще в 1997 г. одно из своих месторождений в Сургутском районе предприятие назвало именем Ульянова.

Также в музей П. А. Исаев передал переписку фонда «Сибирская глубинка» с ОАО «Сургутнефтегазом» по вопросу передачи короны в музей.

Таким образом сценический костюм Ричарда III был практически собран. К сожалению, найти медальон пока не удалось, но поиски не останавливаются и возможно в скором времени в музее появится еще один ценный предмет.

О том, что в музее появился сценический костюм Ричарда III, узнала Е. М. Ульянова и сообщила, что в квартире отца хранится меч, с которым он играл в спектакле, и она готова передать его в музей. В мае 2015 г. меч был привезен в Омск. Вместе с мечом Елена Михайловна подарила музею рукописный дневник отца.

Личный дневник, который попал в музей, Михаил Александрович вел с 1.01.1945 г. по 12.10.1946 г. Дневник - это обычные листы писчей бумаги, прошитые по центру. Листы от времени пожелтели, в некоторых местах появились потертости и разрывы, но в целом хорошо сохранился, все записи читаемы. Записи в дневнике сделаны от руки чернилами разных цветов и грифельным карандашом. Что же записывал в свой дневник будущий

актер? На этот вопрос очень точно отвечает первая дневниковая запись, сделанная в первый день 1945 года в Омске: «1/I-1945 г. Итак, я открываю свой дневник, в нем я хочу записывать то, что позволит мой разум, рука и перо. Итак, с этого дня я веду записи событий, фактов, случаев в моей жизни. Но кроме того я буду выписывать мысли великих людей, афоризмы и все, что мне понравится. Итак, дневник открыт. 2 часа ночи».

В 1945 г. записи делались довольно регулярно. В 1946 году записей становится уже намного меньше. Последняя запись датирована 12.10.1946 г. и сделана уже в Москве. Этот дневник еще нужно изучать, внимательно вчитываясь в каждую строчку, и думаю, что он потребует отдельной статьи и публикации.

В этом году в музее появились фотографии, сделанные в квартире М. А. Ульянова в его рабочем кабинете, в котором после его смерти ничего не меняли и все вещи остались лежать на своих местах, так как их разложил и расставил хозяин.

Сегодня в музее уже собралось достаточно много интересных и ценных документов, фотографий, личных вещей М. А. Ульянова. Большая их часть экспонируется в «Доме-музее М. А. Ульянова» в Таре, а часть находится на экспозиции в ОГИК музее, чтобы и омики могли увидеть подлинные предметы и документы, связанные с жизнью и творчеством нашего земляка Михаила Александровича Ульянова.

РЕСТАВРАЦИЯ КИТАЙСКИХ ЛЬВОВ ШИ-ЦЗЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОГИК МУЗЕЯ

В фондах ОГИК Музея хранится обширная коллекция декоративно-прикладных предметов из металла. Каждый из них является материальным воплощением сознания и физического труда одного или нескольких людей. Отдельным предметам повезло и они несут на себе имя того или тех, усилиями которых они были созданы и в благодарность сохраняя их в истории. Люди не всегда с должным пониманием относятся к предметам искусства, доводя их до разрушения или уничтожения, не щадят предметы и время. Дважды повезло предмету, когда на его жизненном пути встречается человек, который вводит его в музейный мир, где он попадает в чуткие руки хранителей, исследователей, реставраторов. Общеизвестно, что в музейном мире работают заинтересованные люди, любящие свою работу. Чем труднее, сложнее проходит рабочий процесс, тем больше удовольствия от результатов и мыслей, что «победа над трудностями у тебя за плечами» и «неужели это сделано?». О некоторых таких, маленьких победах, и пойдет речь далее. В ноябре 2001 г., после получения предложения от руководства ОГИК музея, в лице директора Вибе П. П. начались работы по реставрации и реконструкции китайских львов Ши-Цзы. Площадь утрат и разрушений на обеих скульптурах львов Ши-Цзы составила 173,76 кв. дм. Предстояло реконструировать на скульптуре льва-самки 6 фрагментов, на скульптуре льва-самца 12 фрагментов поверхности. У льва-самки были утрачены: морда, часть левого уха, часть задней панели постамента, спины, участки передней и задней части левой панели постамента. У льва-самца пришлось восстанавливать переднюю правую, заднюю левую части постамента, фрагменты хвоста, головы. Были отколоты, но сохранились 4 фрагмента центральной части постамента (фрагмент под левой лапой, фрагмент правой части передней панели постамента и два фрагмента верха - начало правой панели постамента). Трещина, проходившая по углу задней панели вверх, до отверстия в хвосте, могла привести к отколу задней части скульптуры льва-самца, что привело бы к разрушению и утраты скульптуры льва-самца в целом. Необходимо было понять, как стабилизировать и зафиксировать их состояние и сохранность, первоочередность и последовательность

мероприятий по реставрации и реконструкции скульптур. В процессе визуального осмотра было выявлено, что отлиты скульптуры из металла серого цвета (предположительно чугуна), который находится под многослойными слоями окислов серого, черного, охристо-коричневого цветов. Экспертиза, проведенная в аналитическом центре «АНСЕРТЭКО» при Московском Институте стали и сплавов, показала, что материал, из которого отлиты скульптуры львов – чугун, не соответствующий по своим качественным и количественным характеристикам ни одному из ГОСТов, используемых и применяемых на сегодняшний день в металлургии и металлообработки. Вопросы, связанные с местом и с отливкой утраченных фрагментов, в материале близким к оригиналу, их сварки между собой и соединение в местах утрат со старым материалом, оставались без ответа. Это приводило к выполнению работ в тупик. Полная неясность была и по реконструкции утраченных фрагментов. Сохранилось всего 2 фотографии, на которых были видны скульптуры львов. Качество и размерность изображения позволяло лишь в общих чертах составить представление о выражении морды льва-самки, детали, которые позволили бы успешно выполнить реконструкцию с фотографий не просматривались. В результате проведенных реставрационных советов, консультаций с коллегами, экспертиз, поисков, была выработана программа реставрационных работ. Работы по реконструкции утраченных фрагментов, их изготовление, способ установки, основывались и следовали из проводимых реставрационных мероприятий. В процессе проводимых реставрационных работ пришло понимание, что в целях сохранения целостности скульптур и выполняемых реставрационных работ необходимо изменить принцип экспонирования. Были изготовлены внутренние каркасы на колесиках, что позволило снять нагрузки на постаменты скульптур и перемещать, в случае необходимости, сами скульптуры. Найдено художественное решение оформления постаментов скульптур. На всех этапах проведения реставрационных работ со стороны руководства и сотрудников музея оказывалась всесторонняя поддержка и понимание необходимости и важности этих работ. Уникальность этих скульптур находится в сочетании факторов: создания (памятник воинской славы в честь победы императорских войск в войне за сохранение целостности страны, отлит на пожертвования офицеров, участвовавших в сражениях), указанного конкретного места их нахождения, нетрадиционных для искусства Китая размеров и материала, используемых для изготовления, причин появления скульптур на территории России.

О том, как из Китая они попали в Омск, повествует сохранившаяся записка Управляющего канцелярией Степного генерал-губернатора,

действительного члена ЗСОРГО В. С. Лосевского от 1 марта 1896 г. «Две чугунные статуи львов, доставленные в Омский музей Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества – транспортной конторой Агентства «Надежда» по квитанции за №329758 находились при Чугучакском Консульском помещении и принесены в дар Музею Императорским Российским Консулом в Чугучаке Надворным Советником Борнемоном по моей просьбе, во время пребывания минувшим летом в г.Чугучаке. Перевозка означенных статуй от Чугучака до г.Омска принята, по приказанию Его Высокопревосходительства, на экстрординарный кредит канцелярии генерал-губернатора.

Об этом имею честь уведомить Ваше Высочество, присовокупляя, что в сообщении «истории» упомянутых статуй – мною сделано сношение с Надворным Советником Борнемоном. Примите уверение в отличном почтении и искренней преданности. Владимир Степанович.»

Постаменты статуй опоясывают иероглифы, перевод которых в 1903 г. выполнил выпускник факультета восточных языков С.-Петербургского университета А. Н.Вожелаский. Перевод звучит так: «Львы, Ши-Цзы, поставлены у храма в провинции Гань-су в городе Баркюле, по-китайски Ба-ли-кунь, в благодарность за усмирение народа хой-кой, т.е. китайских магометан, в девятый месяц года под циклическим знаком жэнь-чэнь, царствования императора Дао-гуана».

Проект по реставрации львов Ши-Цзы благополучно завершен более 10 лет назад, но как он проходил остается ярко и свежо в памяти. В январе 1998 г. начался проект по реставрации фрагментов басменного оклада с иконы Михаила Архангела, предположительно датированной XVIII в. Поверхность басменных накладок была покрыта органическими загрязнениями, неравномерной и разновременной патиной. Поверхности накладок деформированы. В результате реставрационных работ поверхность басменных накладок расчищена от загрязнений, устранена деформация, обратная сторона поверхности накладок расчищена и продублирована на микалентную бумагу. Поверхность накладок законсервирована. Работы по реставрации фрагментов басменного оклада выполнены в полном объеме, согласно реставрационного задания. Удалось одержать маленькую победу над привратностями времени в отношении фрагментов оклада. Но остались вопросы о происхождении, истории фрагментов басменного оклада. В результате проведенных консультаций среди сотрудников, реставраторов Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль», Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Государственной Третьяковской галереи, Серпуховского

историко-художественного музея установлено, что время изготовления басменных накладок относится ко второй половине XVI-начало XVII вв. Прямых аналогов по рисунку и орнаменту на басменных накладках на данный момент обнаружить не удалось. Экспертиза шрифта и расшифровка текста на накладках, проведенная в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева определяет время изготовления и написания второй половины XVI-начало XVII вв. Текст на накладках относится к образу «Архангела Михаила». Версия о принадлежности данных басменных накладок и накладок с текстом к более ранней, почитаемой иконе «Архангел Михаил» и перенос их на икону, написанную в XVIII в. имеет под собой логическое объяснение и поддерживается большинством, проводивших экспертизу.

Хочется надеяться, что время и люди сложатся благожелательным образом и помогут прояснить поставленные и затронутые темы в этих тезисах.

АРХИВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ

В 1914 – 1916 гг. на волне патриотического подъема представителями местной интеллигенции была выдвинута и реализована идея создания Архива Великой войны. Инициатива нашла поддержку у частных лиц и общественных организаций, что обусловило приток в архив значительного числа документальной информации (циркуляров и писем с фронта). На 1916 г. было запланировано приобретение официальной документации, касавшейся войны (манифесты, приказы, воззвания), напечатанные в приделах Омска, а также воззваний, выпущенных общественными организациями края, карты военных действий, жетоны и фотографии, распространявшиеся в городе в связи с войной, письма с фронта от частных лиц, местные литературные произведения на тему войны и программы благотворительных концертов и вечеров, устроенных для сбора средств в пользу фронтовиков и их семей¹.

В условиях начавшихся революционных действий архивы многих учреждений оказались в упадке, в разрозненном состоянии и нуждались в сохранении и систематизации. Прежде всего, это касалось документов государственных учреждений прежней политической системы (жандармского управления, канцелярии генерал-губернатора, Объединенного Комитета Революционной Демократии и т.д.). Не меньше эта ситуация коснулась и Архива войны, начавшего пополняться с 1917 г. материалами по текущим политическим событиям и получившего наименование Архива войны и революции. Идея сохранения и систематизации документов оказалась востребованной как представителями властных структур (будь то Временное правительство, правительство Верховного правителя России или Советское руководство), так и интеллектуальной общественностью края.

Собираемые материалы необходимо было вывести из помещений ведомств, в которых они прежде располагались, и сосредоточить в одном месте для удобства их описания и распределения. В связи с этим представитель центральных архивных учреждений для работы в комиссии по охране архивов Н. В. Яковлев обратился в октябре 1918 г. к руководству

ЗСОИРГО. По его мнению, дело комплектования архивов следовало доверять исключительно представителям научной и культурной элиты края. От правительственных комиссаров и чиновников МВД требовалось только контроль за передачей типографиями печатных изданий в региональные отделения палаты². Началась передача документов в здание генерал-губернаторского дворца.

13 октября 1918 г. заработала комиссия «Архива войны» при ЗСОИРГО. Председателем выступил приехавший из центра специалист И. И. Ульянов, имевший уже опыт комплектования аналогичного архива первой мировой войны, товарищ председателя Я. Д. Гусев, секретарь – Г. А. Вяткин. Комиссия считала себя единственной научной организацией, выполнявшей во всероссийском масштабе программу комиссии «Архива войны» при Центральном географическом обществе в Петрограде и Архива войны при Академии наук. Комиссия собирала материалы по трем направлениям:

1) начало войны, война 1914 – 1917 гг., начало революции, переход к Советской власти, борьба за новую власть и освобождение; 2) отражение войны на народной психике, 3) быт и состояние войск, душевное состояние солдат на службе, в тылу, в боевой обстановке на фронте, во время самих боев и т. д.³ Пик работы комиссии пришелся на 1919 г. Планировалось организовать военно-полевые отделения в армии. Деятельность комиссии получала отклик, многие учреждения предоставляли документы. Члены президиума временного центрального совета Русского географического общества были приняты А. В. Колчаком. Главный штаб армии поддержал работу комиссии. В момент смены власти остро встал вопрос о дальнейшей судьбе архивов, собранных комиссией. Идея перевоза всех коллекций ЗСОИРГО, включая документальный фонд, была вынесена на голосование, но не была одобрена большинством. Архив войны и революции оставался в Омске и перешел в ведение представителей новой власти. Н. В. Яковлев, осуществлявший контроль за сбором и обработкой документов, сохранил свои функции после смены политической обстановки и в начале 1920-х гг. выехал в Петроград. Существенная доля материалов, имевших общесоюзное значение, была направлена центр⁴. По мнению ряда исследователей, документы, касавшиеся колчаковского периода в Омске, были уничтожены как содержавшие компрометирующую информацию о деятельности большевистского подполья и красном терроре местного населения. Остатки архива в виде отдельных документов сохранились в фондах Исторического архива Омской области и Омского историко-краеведческого музея.

Примечания:

1. Ф. 86. Оп. 1. Д. 129. Л. 5-5 об.
2. Молчанов Л. Деятельность антибольшевистских правительств Поволжья и Сибири по собиранию и хранению архивных документов // Эхо веков. 2011. № 3/4. С. 49
3. Там же. С. 54.
4. Омский историко-краеведческий словарь / Сост. П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. М.: Отечество, 1994. С.19

Г. Б. Буслаева*Омск, Государственный историко-краеведческий музей***КОЛЛЕКЦИЯ В. И. КОЧЕДАМОВА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ГОРОДА ОМСКА**

В 2013 г. фонд персональных коллекций Омского государственного историко-краеведческого музея пополнился коллекцией личного происхождения (архивом) В. И. Кочедамова, известного советского архитектора и историка архитектуры, специалиста по истории архитектуры и градостроительству Санкт-Петербурга, Сибири, Бухары и Самарканда, профессора, декана архитектурного и скульптурного факультетов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, уроженца города Омска. Документы и материалы были переданы в музей его внуком, юристом, специалистом в области авторского права, ведущим экспертом в сфере защиты интеллектуальной собственности В. Б. Наумовым, проживающим в Санкт-Петербурге. Коллекция насчитывает более 2000 ед. хранения и находится сейчас в процессе научной обработки и постановки на государственный учёт. Общие хронологические рамки — 1940-е - 1971 гг. По видовому составу источников в основном представлены рукописные материалы (выписки из книг, архивных источников, газет, журналов, рукописи), фотографии (портретные, видовые, сюжетно – видовые), негативы. Имеются карандашные наброски, зарисовки, чертежи, акварельные рисунки. Большая часть материалов использовалась учёным при подготовке монографий, статей. Есть и неопубликованные рукописи, вспомогательные материалы, не вошедшие в работы В. И. Кочедамова. В настоящее время завершена научная обработка документов, имеющих отношение к Омску. Их насчитывается более 700 ед. хранения основного фонда. Эти материалы, представленные в архиве, являются важным источником по изучению истории города. Виктор Ильич любил Омск и гордился тем, что был его уроженцем. Он не терял связь с земляками, вёл активную переписку с ними, часто приезжал в родной город, интересовался его историческим прошлым, настоящим, перспективами развития. Кочедамова, как историка архитектуры, особенно интересовал процесс возникновения и становления одного из старинных сибирских городов. Результатом его многолетней работы в библиотеках, центральных и местных архивах, музеях, стала книга «Омск. Как рос и

строился город», излагающая историю города Омска с момента основания первой Омской крепости до превращения его в крупный индустриальный центр Сибири в 50-х годах XX в. В коллекции хранятся материалы, использованные им при работе над данным изданием. Значительная часть из них – это фотографии и негативы, много фотокопий архивных источников: планы города, чертежи различных сооружений. Среди материалов есть фотокопии и негативы почти всех известных планов Омска XVIII - XX вв. Часть из них включена в выше названную книгу, некоторые изображения есть только в виде стеклянных или плёночных негативов, но нет их позитивных вариантов. Например, план Омской крепости 1785 г.¹

Знакомясь с застройкой города, учёный изучал чертежи планов различных строений. Не все они включены в его издание. Так, не вошли в книгу фотокопии чертежей планов таких сооружений, как ямской станционный дом и кордегардия². Исследуя раннюю историю Омска, В.И. Кочедамов делает выписки из архивных источников. Интересен документ, датированный 1755 г. «Опись Омской крепости...»³. В документе говорится, что: «...Вокруг всей оной крепости палисад пришед в ветхость и весьма мало годного по большей части погнил во многих местах обвалился...». Далее описываются строения и укрепления Омской крепости, которые подлежат ремонту и восстановлению и описывается проект восстановления обветшалых сооружений. В выписках из документа 1760 г. приводятся данные о количестве строительного леса, необходимого для строительства и починки крепости: «...На заплаты вокруг всей крепости також и на куртину с полубастионом новым от ямышевской стороны к киштимским воротам на равелины по мере 596 сажень бревен длиною двух сажень толщиной в отрубе семь дюймов — 5066...»⁴. В рукописи 1765 г. «Опись какое число имеется при крепости Омской в разных местах строений...», перечисляются постройки, имеющиеся в первой Омской крепости, описывается её устройство⁵. Далее следуют выписки из документа 1767 г. - «Из военно-походной гр. Орлова канцелярии в таковую же генерал - инженера Муравьева о рассмотрении и построении Омской крепости»⁶, где дается описание первой Омской крепости и делается вывод о необходимости ее переноса на другой берег: «...Нынешняя крепость состоит в пяти бастионах на горе немного скатно к реке Иртышу, а вниз к берегу ... , где по большей части живут пахотные казаки, а за рекою Омью три роты и резервные команды и им построены казармы и конюшни: все сие забрано деревянным заплотом с выкопанием малого рва и обнесено рогатками, провиантские же могозейны построены на берегу реки Оми, за крепостью, со обнесением заплотом, под дефензии... Крепость перенести на др[угой] берег...». Представляют интерес выписки

из рапорта генерал-поручику И. И. Шпрингеру от инженер-майора Мальма, датированного 1769 г.⁷ Мальм пишет, что «...при рапорте городской Омской крепости усмотрено им назначено вновь построить под № 7-м гауптвахту не в удобном месте против самой проезжающей большой улицы, где проезду из оной великое помешательство чиниться будет, посему от него того ж году декабря 18 числа к его Превосход[ительству] инж[енеру] ген[ерал]-майору Гербелю в наиглавнейшее рассмотрение и представлено было, не повелено ли будет ту гауптвахту построить в другое место... Решено построить на месте № 6, а школу перенести на место № 16...».

В середине 1960-х гг., в связи с подготовкой к празднованию 250-летия Омска, возрос интерес краеведов и учёных к изучению первой Омской крепости. В архиве В. И. Кочедамова сохранился черновик его рукописи «Ещё раз о первой Омской крепости», датированной сентябрем 1965 г.⁸ Автор вступает в полемику с А. Д. Колесниковым, написавшим статью «Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья» и утверждавшим, что первая Омская крепость имела четырехугольную форму. В. И. Кочедамов пишет: «В «Известиях Омского отдела географического общества Союза СССР», выпуск 7(14) за 1965 г. в статье т. Колесникова А.Д. «Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья», оспаривается высказанное мною суждение о форме Омской крепости 1716 г. Учитывая, что вскоре город будет отмечать свое 250-летие и в юбилейные дни многие пропагандисты выступят с докладами по истории г. Омска, важно установить истину в этом вопросе...». Ссылаясь на различные источники, В. И. Кочедамов доказывает, что первая Омская крепость имела форму правильного пятиугольника. Работая над книгой об Омске, автор в 1958 г. познакомился с А. Ф. Палашенковым, который помог Кочедамову в его исторических изысканиях, а затем высоко оценил новую книгу об Омске. Между ними завязалась переписка, свидетельствовавшая о том, что они были единомышленниками. В письме от 2 ноября 1959 г. Палашенков сообщает: «...Скоро выйдет 3-й выпуск «Известий Географического общества». Конечно, вышлю Вам. Я не удовлетворен помещенной в них заметкой о планах Омска, есть неувязки. Ничего не сохранилось от крепости 1716 г. ... Вместе с нами порадуйтесь и Вы, дорогой Виктор Ильич! На днях открывается мост через Иртыш. Это большое событие для города. Приятный вид приобретает ул. Карла Маркса. Вообще, Омск хорошеет с каждым днем. Будьте счастливы. Искренне уважающий Вас А. Палашенков.»⁹. Кочедамов поддерживал связь и с известными омскими фотографами И. П. Дрейлингом и М. И. Фрумгарцем. Они по его просьбе делали снимки улиц Омска, некоторых зданий и сооружений. Многие фотографии были включены

автором в книгу «Омск. Как рос и строился город». Но есть в коллекции видовые снимки Омска 1950-х гг., не вошедшие в книгу и не представленные в фотоколлекции музея. Интересны изображения деревянных домов, так как многие старинные деревянные постройки не сохранились до наших дней. Вот, например, фотография «Старый дом на углу улиц Больничного переулка и Краснофлотской»¹⁰. А на снимке «Вид на улицу В. И. Ленина со стороны сквера имени Масленникова» видна огромная клумба с цветами¹¹. Детально изучая современную ему застройку города, Виктор Ильич познакомился с архитекторами М. А. Мискевичем, М. Н. Слотинцевой, работавшими над воплощением проекта по сооружению городка Нефтяников, разработанного в архитектурно-планировочной мастерской им. академика В. А. Веснина. Сохранилась краткая запись его беседы с М. Н. Слотинцевой от 9 октября 1958 г.¹² Мария Николаевна говорила о перспективах строительства на берегу Иртыша парковой зоны. М. А. Мискевич в письме от 20 октября 1959 г. изложил идеи по озеленению городка Нефтяников и привел схему зелёного кольца вокруг этой территории. Среди материалов переписки имеется письмо от архитектора Государственного проектно-исследовательского института «Гипрокоммунстрой» В. Н. Антонинова. Тщательно прорабатывая документы, публикации, архивные материалы по Омску, Кочедамов ищет интересные сведения о его прошлом. Он обращается к экономисту и географу Феликсу Михайловичу Листенгурту с просьбой сообщить о судьбе рукописей профессора Р. М. Кабо, относящихся к сибирским городам. Листенгурт пишет ему в ответ: «К сожалению, выяснилось, что сколько-нибудь подготовленного материала по вопросу о географии западно – сибирских городов в капиталистический период после смерти проф. Кабо не осталось...»¹³. Бесценными для Кочедамова были сведения, предоставленные ему заведующим отделом сельского хозяйства и зелёного строительства Омского горисполкома Г. Г. Шкуловым, директором Омского лесхоза А. Ильковским, секретарём Омского промышленного обкома КПСС по агитации и пропаганде А. Д. Чистяковым. В архиве хранятся письма от них, в которых они пишут, что с нетерпением и интересом ждут выхода книги об Омске. Большую помощь автору книги оказали статистические сведения по г. Омску, составленные начальником Статистического управления Омской области Б. П. Сергеевым¹⁴.

В собрании известного архитектора имеются копии экспертных заключений по проектам планировки строительства различных сооружений города Омска.

Хранятся в архиве и статьи известных омских краеведов В. В. Берникова, Д. Н. Фиалкова, А. Ф. Палашенкова, А. Д. Колесникова. Оценивая

значение вклада В. И. Кочедамова в изучение истории города Омска доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского В. Г. Рыженко, выступая на Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные исследования в области архитектуры, искусства, дизайна и медиатехнологий», состоявшейся 16-17 декабря 2012 г., сказала: «История градостроительства и архитектуры одного города вписана в контекст социальной истории страны... Это был своеобразный период «пионеров-одиночек», шедших непроторенными путями. Причем особо значимым концептуальным прорывом стало авторское представление процесса возникновения и развития Омска в единстве его общей истории (дореволюционной и советской), отраженной в динамике архитектурно-планировочного каркаса и знаковых сооружений»¹⁵. Из выступления другого известного омского ученого, профессора, выпускницы Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина А. Н. Гуменюк: «Омичам – студентам Академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, который традиционно именовали Академией художеств, не раз приходилось слышать от своих педагогов фразу: «Вы из Омска? Наш Виктор Ильич Кочедамов тоже из Омска. А вы читали его книгу об архитектуре вашего города?». И всем поступающим в знаменитую Академию, если они были хоть как-то причастны к Омску, по цепочке передавали, что необходимо обязательно прочесть книгу В. И. Кочедамова «Омск. Как рос и строился город»¹⁶. Автор планировал переиздать ставшую такой популярной среди омичей книгу. Об этом свидетельствует письмо от начальника Управления по печати при исполкоме Омского областного Совета депутатов трудящихся И. И. Ведькала от 26 марта 1966 г., в котором он сообщает, что книга «Омск. Как рос и строился город» намечена к переизданию в 1967 г.¹⁷ Несмотря на то, что книга вышла в свет более пятидесяти лет назад, она по-прежнему пользуется большой популярностью у жителей нашего города. Материалы, содержащиеся в коллекции личного происхождения (архиве) известного архитектора, хранящиеся в фондах ОГИК музея, являются важным источником по истории Омска, позволяют проследить, как учёный работал над изданием, какими источниками пользовался. Они будут интересны исследователям, изучающим возникновение и развитие старинного сибирского города.

Примечания:

1. Архив В.И. Кочедамова. ОМК-15697/515
2. Там же. ОМК-15697/20; ОМК-15697/431

3. Там же. ОМК-15697/517
4. Там же. ОМК-15697/678
5. Там же. ОМК-15697/678
6. Там же. ОМК-15697/618
7. Там же. ОМК-15697/608
8. Там же. ОМК-15697/303
9. Там же. ОМК-15697/59
10. Там же. ОМК-15697/573
11. Там же. ОМК-15697/419
12. Там же. ОМК-15697/249
13. Там же. ОМК-15697/62
14. Там же. ОМК-15697/254
15. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные исследования в области архитектуры, искусства, дизайна и медиатехнологий», посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Кочедамова. Интернет – ресурс: <http://www.russianlaw.net/art/kochedamov/>
16. Там же.
17. Архив В.И. Кочедамова. ОМК-15697/341

С. Е. Григорьева

Томск, Государственный университет

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА
ТОМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМ. М. Б. ШАТИЛОВА В 1930-Е ГГ.:
ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВ

Рубеж 1920-1930-х гг. стал переломным в деятельности Томского районного (городского) музея как учреждения по изучению местного края, собиранию, хранению и презентации объектов природного и культурного наследия.

Официальными решениями исследовательская работа музеев подразделялась из внемузейную и внутримузейную. Согласно методическим разработкам 1930-х гг., внемузейная работа была направлена на сбор и обработку материалов других исследовательских учреждений, ведомственных, литературных и архивных материалов, то есть включала элементы фондовой работы. Планировалось также такое «непосредственное изучение объекта», как «полевая работа». Внутримузейная работа состояла «в дальнейшей научной обработке фондов и экспозиционных материалов»¹.

Такое понимание исследовательской работы сужало пространство музейной деятельности, принижало значение научно-фондовой работы, наносило ущерб таким важнейшим функциям музея, как комплектование музейных фондов, учет и хранения музейных предметов. Тем не менее, в 1930-х - начале 1940-х гг. пополнение фондов Томского музея продолжалось, хотя и в гораздо более сокращенных объемах.

Выработанные в предыдущее десятилетие формы комплектования фондов сохраняли свое значение и в рассматриваемый период, ведущую роль продолжали играть экспедиции различного характера. Но после закрытия в 1931 г. Общества изучения производительных сил Сибири число проводимых Томским районным музеем экспедиций по отдаленным территориям заметно сократилось. Тем более что в сентябре 1930 г. Томский музей подвергся критике Сибирского краевого отдела народного образования за «сбор редкостей, а не материалов, отражающих опыт крестьянина, активиста по выращиванию новых сортов злаков и корнеплодов, опытное кормление скота, сбор полезных ископаемых, классовую борьбу в деревне»².

В начале 1930-х гг. появился новый «жанр» собирательской деятельности Томского музея - обследование промышленных предприятий, различных учреждений.

В 1930-х гг. поддерживалась и такая распространенная форма пополнения музейных фондов, как дарение (безвозмездная передача), но количество дарителей заметно уменьшилось (едва ли не в 10 раз по сравнению с 1920-ми гг.): согласно имеющимся данным, их насчитывалось всего 14 человек. И дары их были достаточно редки и случайны³⁻⁴.

К дарениям, точнее безвозмездному предоставлению, следует отнести и передачу в распоряжение Томского музея образцов продукции, различных фотографий, диаграмм и др. подобных материалов с промышленных предприятий, различных учреждений и учебных заведений Томска, которая производилась по распоряжению президиума Томского городского совета от 7 апреля 1939 г.⁵

В музейные фонды поступали и достаточно случайные экспонаты. Так, в результате ликвидации Томского филиала Ассоциации художников революционной России часть его имущества были передана в 1931 г. Томскому музею. Точно так же в 1933 г. в распоряжении Томского музея оказалось имущество распущенного к тому времени Томского отделения Общества изучения производительных сил Сибири, а в 1935 г. – Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев⁶.

В 1931 г. сектор науки Наркомата просвещения создал комиссию по распределению фондов центральных музеев между провинциальными музеями, в число которых был включен и Томский музей⁷. В Томск были присланы списки картин и скульптур, выделенных Государственным музеем изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), Государственным Русским музеем, Государственной Третьяковской галереей⁸. В 1932 г. после определенных согласований из Государственного музея изящных искусств были получены резные детали западноевропейской мебели XVII-XIX вв., гравюры французских, английских и русских художников, а также скульптурные произведения XVII-XIX вв.: мрамор, бронза, камень, кость, дерево, мастика, мозаика, всего - 115 предметов искусства⁹.

Таким образом, после 1-го музейного съезда фондовая работа рассматривалась лишь как обеспечение экспозиционной работы, бывшей, по сложившимся в рассматриваемый период представлениям, основной в музее.

Примечания:

1. Цит. по: О научно-исследовательской работе краеведческого музея // Советский музей. 1935. №3. С. 114.
2. Архив Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова (ТОКМ). Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
- 3-4. Октябрьская И. В., Асташкина Т. А. Из истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея: коллекции и персоналии // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 8. С. 86-87; Галкина Т. В. Дары и дарители (Из истории формирования фондов Томского краеведческого музея) // Труды Музея г. Северска. Вып. 1: Музей и город. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 15-16.
5. История Томского краеведческого музея языком архива / Публ. Е.А. Андреевой // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. статей. Томск, 2002. Т. 11. С. 117-118.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 369. Л. 106; Д. 574. Л. 67.
7. Постановление ВЦИК 1 января 1934 г. «О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР» РСФСР // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т.3: 1930-1934 гг. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1949. С. 433.
8. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 31-36.
9. Красное знамя. 1932. 1 мая.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ КАК НОСИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В постиндустриальный период для формирования и поддержания «картины мира» современного индивида все более востребованными и значимыми становятся социальные институты и процессы, поддерживающие его культурную идентичность. В этой системе особое место принадлежит музеям, деятельность которых непосредственно связана с аккумулярованием и трансляцией социально-исторической памяти, с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению¹. Традиционно хранителем и транслятором социально-исторической памяти выступает этнографический музей, но наш скромный опыт позволяет судить, что и художественный музей вполне способен выступить в этой ипостаси, добавляя к фактическому материалу еще и эмоциональную интерпретацию художника.

XXI в., в связи с невероятным и быстрым развитием технологий и огромным количеством разнообразной информации, часто не дает возможности и времени для ее переработки, то есть для развития ума. Багаж знаний современного школьника – главного нашего посетителя, удивительно мал. Виновата ли в этом система образования или легкость узнавания любого факта посредством обращения к всемирной сети? Скорее всего, и то, и другое. Характерный пример приводит Марк О'Нилл: «В национальной галерее Лондона один из посетителей спросил однажды экскурсовода, указывая на изображение Мадонны: «Почему у нее на руках всегда мальчик? Мне кажется, этот вопрос как нельзя лучше обнажает проблему. Музейные сотрудники транслируют подчас специальные, слишком глубокие, знания, полагая, что люди что-то знают, но порой оказывается, что они не знают ничего»².

Постоянно сталкиваясь с недостаточным знанием темы школьниками, да и взрослыми тоже, мы стараемся использовать простой язык, рассчитанный на неподготовленного зрителя. Кроме этого дети с большим трудом способны просто услышать экскурсовода, легко отвлекаются, порой

слушают, но не слышат. Для улучшения восприятия и повышения интереса обязательно использование цифровых технологий, так как современные люди именно так привыкли получать информацию.

Музейная экскурсия превращается в рассказывание историй с использованием слайдов, видео, звука, того немногого, что доступно региональному малому музею. Англичане называют это «сторителлингом». Марк О'Нилл далее пишет: «Истории – это то, как человек открывает для себя мир. Мы рассматриваем сторителлинг как способ работать с воображением людей. Он стимулирует задавать вопросы, генерирует диалог, и отвечает разнообразию аудитории»³.

Каждая экскурсия-в Большерецненской картинной галереи — это история обязательно связанная с определенной картиной, слайдом или предметом, находящимся перед глазами. Картина может выступать как иллюстрация, но чаще всего картины подбираются и располагаются в экспозиции, как помощники в рассказывании истории. При этом не особо важны техника и уровень работ. Рассказ постоянно сопровождается быстрыми вопросами экскурсовода и ответами детей, подобно мячу, перекидываемому друг другу. В зависимости от подготовки слушателей, а скорее участников, история каждый раз рассказывается по-разному. Нет твердо установленного текста, как во время обычной экскурсии, экскурсовод обязан досконально знать тему и уметь легко подстраиваться под восприятие детей. Рассказ становится эмоциональным, клиповым, то есть состоит из коротких по времени, но завершенных по смыслу кусков, обязательно содержащих новую и интересную информацию.

Вначале мы использовали картины лишь как эмоциональный фон для наших историй, как, например, в выставках «Искусство, рожденное революцией», «К. П. Белов – по страницам воспоминаний», «Женщина и война», «Родной Иртыш», «Большерецненская тишь». Главное внимание обращалось на использование фото и видеоматериалов, музыки, музейных предметов. Но в марте 2012 г. буквально «родилась» большая экспозиция на два зала, названная «Меняющийся человек в меняющемся мире». Концепцией выставки стала идея об отражении в художественном творчестве социальной эволюции человека и его восприятия окружающего мира. Наша история, рассказанная в музее, стала более глубокой и философской, но вполне доступной разновозрастной публике. Самое интересное, что эту выставку неожиданно и удачно дополнила экспозиция традиционной и авторской куклы в соседнем зале, что позволило проводить экскурсии-истории не только для школьников, но и для воспитанников детского сада. Затем появилась идея рассказать о труде и его роли в развитии общества, так появилась

выставка «Труд создал человека». Неожиданно тема оказалась сложной для восприятия современных детей. Отношение к труду, как к созиданию, творчеству и самой главной ценности для человека мало знакомо современным детям. На вопрос – зачем нужно трудиться, они чаще всего отвечают, чтобы заработать больше денег. Поэтому музейные сотрудники постарались рассказать о человеке-созидателе, о разных профессиях, подчас совершенно неведомых или непонятных, например, геолог или инженер.

В этом году коллектив сотрудников музея начал разрабатывать тему нравственно-духовных устоев общества и назвали выставку «Право Славы». От традиций и устоев язычества, политеизма до монотеистических религий и современного права проведут слушателей картины художников, иконы, духовные книги, дополненные современными видеоматериалами.

Примечания:

1. Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти// [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/8\(35\)/grusman_8_35_92_99.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/8(35)/grusman_8_35_92_99.pdf). С. 93
2. Марк О'Нилл Перегрузка// Музей. №5 2015. С.68
3. Там же.

А. А. Давыдова

Омск, Государственный историко-краеведческий музей

ГЕРБАРНЫЕ СБОРЫ П. Н. КРЫЛОВА В КОЛЛЕКЦИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Интерес к изучению флоры Омской области проявляли многие выдающиеся ботаники (Семёнов, Сиязов, Федченко и пр.), в том числе Порфирий Никитич Крылов – профессор ботаники из Томска. Он родился 13 августа 1850 года в Минусинском уезде Енисейской губернии. Не имея средств для окончания гимназии, поступил учеником в аптеку Перми, где стал изучать лекарственные растения. Переехав в Казань, Порфирий Никитич начал готовиться в провизоры, но в 1879 г. перешел на должность ученого садовника при Ботаническом саде. В 1885 г. был приглашен в Томск для организации при Университете Ботанического сада и Ботанического музея. Сначала работал ученым-садоводом, затем хранителем Ботанического музея и кабинета. Через некоторое время занимает должность приват-доцента, а затем профессора ботаники. В эти годы совершает многочисленные экскурсии, начинает работу по созданию гербария сибирской флоры при университете. С 1927 г. приступил к печатанию крупной работы «Флора Западной Сибири»¹.

П. Н. Крылов совместно с В. Ф. Семеновым изучал растения в окрестностях Омска. В 1912 г. и позже собирал гербарий по Славгородскому, Калачинскому и Тарскому уездам. Гербарий был передан в Томский университет. В 1926–1927 гг. Порфирий Никитич, находясь в экспедиции к западу от Иртыша, он многократно пересекал Омский округ.

В 1926–1929 гг. П. Н. Крылов работает вместе с Л. П. Сергиевской. Они объехали западные области Западной Сибири. Их 4 экспедиции прошли по территории Западной Сибири, Северного и Северо-Восточного Казахстана. В течение 4 лет они исследовали Омскую, Тюменскую, Курганскую, Челябинскую, Петропавловскую, Семипалатинскую и Восточно-Казахстанскую области.

Маршруты его путешествий, а всего П. Н. Крылов совершил 36 экспедиций, охватили горы Урала, Алтая и Саян, сибирские степи от Предуралья до Даурии, долины сибирских рек – Оби и Иртыша, тайгу и болота Томского севера, пустынные степи, пески и горы Казахстана.

Знаменитого сибирского ботаника интересовали древесные растения семейства ивовых (Salicaceae), произрастающие на территории Сибири, в том числе и Омской области. Ярким доказательством этого является гербарные образцы, хранящиеся в ботанической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея, которые были переданы.

Имеются образцы, собранные в 1920–1930 гг. на территории Омской и Томской областях П.Н. Крыловым (совместно с А. М. Жарковой) – *Salix rosmarinifolia*.

На территории Омской области в 1928 г. им были собраны образцы *Salix dasyclados* и *Salix myrtilloides*. Точное место сбора неизвестно, но есть предположение, что это были окрестности г. Тары, так как в этот год П. Н. Крылов работал в данной местности, и в музее хранятся образцы, собранные им в этом районе.

Salix rosmarinifolia L. – 10 экз.: Омская область, Тарский район, разнотравно-вейниковая западина, 13.06.1927, А.М. Жаркова, П.Н. Крылов; Томская область, 1920–1930, П. Н. Крылов.

Salix dasyclados Wimm. – 1 экз.: Омская область, согра в верховьях р. Еланка, 11.06.1928, А. М. Жаркова, П.Н. Крылов.

Salix myrtilloides L. – 1 экз.: Омская область, р. Омь, к северу от п. Баевского, гипновое болото, 1928, А. М. Жаркова, П. Н. Крылов.

В гербарной коллекции имеются сборы 2-х видов осок: *Carex praecox* и *Carex intermedia*. Они были собраны П. Н. Крыловым на территории Омской области в 1927 г.

Carex praecox Schreb. – 1 экз.: Омская область, 1927, П. Н. Крылов.

Carex intermedia Good. non Retz. – 2 экз.: Омская обл., солончак, 05.VI.1927, П. Н. Крылов.

Примечания:

1. Куприянов А. Н. Арабески ботаники. Книга вторая: Томские корни. Кемерово: Вертоград, 2008. 224 с.

И. Г. Девятьярова

Омск, Областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1915 ГОДА В ОМСКЕ. К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ МЕЦЕНАТОВ (на материалах фондов Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля и Омского государственного историко–краеведческого музея)

Начиная с 1907 г. художественные выставки, организованные местными творческими силами, проходили в Омске ежегодно. Выставка 1915 г. стала очередным свидетельством наличия в городе плодотворно работающих художников, а также впервые представила омичам любителей искусства, готовых поддержать начинания в развитии городской культурной сферы.

Организатором выставки явился Акмолинский Временный комитет помощи призванным на войну чинам ведомства и их семьям. Активно и доброжелательно о выставке отзывалась пресса¹. Об особом внимании к ее организации свидетельствует издание каталога, редкий экземпляр которого хранится в документальном фонде Омского областного музея изобразительных искусств (далее – ООМИИ) имени М.А. Врубеля². Небольшой по формату, на восьми страницах, он содержит простой перечень художественных предметов, и, тем не менее, значительно дополняет сведения, почерпнутые из газет.

Благодаря газетам и каталогу известно, что выставка была открыта 26–29 марта в двух залах нового Городского торгового корпуса. Экспозицию составили около 400 произведений двадцати трех авторов. В газетах с удовлетворением отмечалось отсутствие картин с тенденциями кубизма, футуризма и прочих измов. На выставке, имевшей успех у публики, бойко шла распродажа картин, и чистая прибыль составила около 600 рублей.

Большую историко-культурную ценность представляет хранящийся в ОГИК музее альбом с фотографиями фрагментов экспозиции, поступивший из музея Западно-Сибирского Отдела Русского Географического общества (ОМК-4046/Ф-8789-8799). Выполненные на высоком техническом уровне, 10 фотографий позволяют составить впечатление о решении пространства в залах, а также детально рассмотреть произведения и, соотнеся, их с названиями в каталоге, даже определить их автора.

Среди местных художников на выставке выделялся значительным числом работ И. В. Волков. Преподававший во многих учебных заведениях Омска, живописец всегда находил время для творческой работы, отдавая предпочтение пейзажу. На фотографии № 4 запечатлены его многочисленные, написанные с натуры этюды, среди которых два находятся сейчас в ООМИИ имени М. А. Врубеля («Старая водокачка у пристани», 1914; «Семипалатинский киргиз, 1915).

В составе экспонентов особенно интересен В. Н. Бутузов, деятельность которого нуждается в дальнейшем изучении. Из ряда публикаций известно, что в 1915 г. подполковник В. Н. Бутузов, занимавший должность начальника военно-дорожного отдела Управления военных сообщений Юго-Западного фронта, предложил проект знаменитого бронированного мотовоза «Заамурец» (после 1918 г. – «Орлик»)³. Инженер и художник, ученик Альберта Н. Бенуа, в 1914 г. он приезжает в Омск и проявляет глубокую заинтересованность в развитии его культуры. В марте 1914 г. газета «Омский телеграф» сообщала о том, что инженер Бутузов приступил к организации художественного кружка имени М. А. Врубеля⁴. Широкий географический диапазон представленных им на выставке работ говорил не только об обусловленном производственной необходимостью маршруте инженера, но и о чуткости его как художника-пейзажиста. Фрагмент экспозиции с его произведениями запечатлен на фотографии № 9. Речной пейзаж с пароходом имеет слева внизу отчетливо читаемую подпись: «В. Бутузовъ». Справа на мольберте, на самом его верху, экспонируется, судя по названию в каталоге, его же «Этюд с натурщицы (при верхнем свете)».

Произведения местных коллекционеров обогатили экспозицию, познакомили омского зрителя с оригинальными произведениями русских и зарубежных художников, вызвали у публики интерес к собирательству. Шесть владельцев частных коллекций указаны в каталоге первыми буквами имени, отчества и фамилии: А. М. Р., П. П. А., А. Я. С., С. Л. Л., В. А. Л., П. Ю. А. Удалось расшифровать имена исследователя лесов Сибири

П. Ю. Арндта и жены омского предпринимателя С.Х. Рандрупа Александры Михайловны Рандруп. Последней по числу представленных произведений (более двадцати) принадлежит первенство среди омских коллекционеров. Из ее собрания – картины зарубежных художников Брюни «Венеция» (фотография № 7) и датчанина Огюста Торслофа «Купающиеся дети» (фотография № 6; обе – в ООМИИ имени М. А. Врубеля), русских художников Н. А. Мартынова, В. А. Ватагина, Г. Ф. Ярцева, М. М. Гермашева. Указанные в каталоге этюды, выполненные самой А. М. Рандруп, и довольно большая коллекция работ Н. А. Мартынова (фотография № 7)

говорят в пользу того, что А. М. Рандруп могла учиться в его московской студии и получить в дар или приобрести его пейзажи и жанровые работы.

Успешное проведение выставки воодушевило ее участников, и они вновь подняли вопрос об организации в городе художественного объединения⁵. В созданном через год Обществе художников и любителей изящных искусств Степного края деятельно проявили себя омские меценаты, впервые выступившие на выставке 1915 г.

Примечания:

1. См., напр.: Художники – жертвам войны // Омский телеграф. 1915, 27 марта; Выставка картин // Омский телеграф. 1915, 28 марта; Выставка // Омский телеграф. 1915, 29 марта; Итоги выставки картин // Омский телеграф. 1915, 2 апреля.

2. Главное управление земледелия и землеустройства. Акмолинский временный комитет помощи призванным на войну чинам ведомства и их семьям. Каталог экспонатов художественной выставки в г. Омске. С. 26–го по 29 марта 1915 г. В помощь пострадавшим от военных событий. Омск, 1915.

3. Бронепоезда Первой мировой войны. Отрывок из книги «Крепости на колесах: История бронепоездов». URL: // <http://ww1.milua.org/bronepoezd.htm> (дата обращения 16. 09. 2015).

4. Хроника. Об организации художественного кружка в Омске им. Врубеля // Омский телеграф. 1914. 8 марта.

5. Среди художников // Омский вестник. 1915. 1 октября.

РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В КОЛЛЕКЦИИ ОГИК МУЗЕЯ

В русской традиционной культуре головной убор занимает особое место. Он является не просто утилитарным предметом материальной сферы, но и несет дополнительно значительную знаковую функцию, занимает особое место в обрядах и ритуалах, прежде всего жизненного цикла. Особо значимы были женские головные уборы, они демонстрировали половозрастной статус носителя, вследствие чего данные традиционные элементы костюма сохранялись длительное время без изменений. Следует отметить, что на территории Сибири этот процесс происходил еще медленнее, чем в европейской части страны.

Коллекция традиционных женских головных уборов в ОГИК музее формируется в основном в первой трети XX в., когда предметы перестают использоваться в быту. Она содержит предметы, характеризующие как культуру местных этнографических групп — старожилов, старообрядцев, казагов, горожан г. Омска, так и областей европейской части России. Один из первых сборов был сделан Батеневым в 1911-12 гг. в Кокчетавском уезде Акмолинской области. В 1912-14 г. А. Е. Новоселов привез коллекцию, собранную у старообрядцев- «поляков», которая содержала и женские головные уборы. Значительное пополнение коллекции составляют сборы И. Н. Шухова 1928 г. Примерно в это же время, в 1927-28 гг. коллекция музея пополнилась уникальными экспонатами — русскими женскими головными уборами XVIII — начала XIX вв., полученными из Государственного музейного фонда. Интересными, пусть и единичными, являются закупки и дарения омских горожан. Кроме того, фонд музея пополнялся благодаря экспедиционной деятельности за последние два десятилетия.

Рассматривая коллекцию женских традиционных головных уборов, в первую очередь можно выделить девичьи головные уборы и головные уборы замужних женщин. Кроме того, эти типы головных уборов имеют существенные территориальные отличия.

Еще Д. К. Зеленин отметил основное отличие девичьего и женского головного убора у славян: девицы, в отличие от замужних женщин, носили волосы открытыми — коса или косы опускались на спину, а макушка

головы должна была оставаться непокрытой. Исследователи выделяют семь типов девичих головных уборов у русских: полотенечные, обруч, лента, венец, венок, платок и колпак, которые бытовали на территории различных русских регионов. На территории Западной Сибири, в т.ч. Среднего Прииртышья бытовали платки и ленты. Впрочем, эти виды головных уборов были распространены повсеместно. В коллекции ОГИК имеются ленты, бытовавшие в Кокчетавском уезде Акмолинской области д. Максимова в семье выходцев из Орловской губернии. Интересно, что у старообрядцев-поляков девушки вплетали в косы бисерные кисти, которые могли носиться вместе с лентами. Такие кисти тоже имеются в коллекциях музея. Но самым зрелищным среди девичьих головных уборов является венец или коруна, поступивший в наш музей из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда. Этот головной убор был распространен на русском Севере, носился девушкой после сватовства и во время свадебных торжеств.

Платок в русской традиции мог носиться и девушкой, и женщиной. Как вид головного убора в русской традиции он генетически связан с более архаичной формой головного убора, характерной еще для восточнославянской общности — головным полотенцем — «убрусом». Его набрасывали поверх головного убора так же, как и «платно» из куска ткани. К середине XIX века платки Барановской, Трехгорной и Павловопосадской мануфактур почти вытеснили все остальные головные уборы. В коллекции ОГИК музея имеется очень интересный образец павлово-посадского платка, бытовавшего у сибирских казаков. В современных каталогах есть аналогичные предметы, значащаяся как изготовленные по старинному рисунку. В основе рисунка платка лежат восточные мотивы, что характерно для ранних изделий мануфактуры. К концу XIX в. павловопосадские мастера разрабатывают цветочные рисунки, которые на протяжении XX в. были основными при производстве продукции.

Еще один экспонат — покрывало невесты из коллекции старообрядцев. Таким покрывалом покрывали голову невесты во время свадебного обряда. Его можно рассматривать как ритуальный головной убор, который демонстрировал переходный статус девушки-невесты. Покрывало изготовлено из ситцевого платка, произведенного Барановской мануфактурой в технике набойки.

Головные уборы замужних женщин можно подразделить на полотенчатые, кичкообразные, кокошники, повойники, чепцы, колпаки и шапки. Платками дополнялись и традиционные на территории Прииртышья шамшуры — головные уборы замужних женщин. Этот вид головного убора

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ К ИСТОРИИ ОМСКИХ МОСТОВ (по материалам фотофонда ОГИК музея)

В жизни Омска, расположенного по берегам Оми и Иртыша, всегда важную роль играли мосты. Самые первые из них были наплавными и соединяли крепость с правым берегом Оми. На месте расположения наплавных мостов в 1790 г. был построен деревянный мост, который перестроили в 1826 г. Этот мост — Ильинский — прослужил до начала XX в. и оказался запечатленным на ряде фотографий с видами старого Омска. Самый ранний вид датируется примерно 1862 г. Концом 1880-х — 1890-ми годами можно датировать снимок из альбома И. П. Дрейлинга. К тому же времени относится фотография, автором которой предположительно является Г. Е. Катанаев; мост здесь снят с левого берега Оми, со стороны Иртыша. Только в виде фотокопий сохранился ещё один вид на мост, который датируется 1893 г.; в центре композиции этого снимка — Ильинский собор, перед ним — сад у генерал-губернаторского дома. Мост виден на среднем плане слева. Две фотографии с видом Ильинского моста принадлежат авторству Н. А. Крекова. На первой из них запечатлён въезд на мост со стороны Любинского проспекта; второй снимок сделан с левого берега Оми, со стороны городской думы. Таким образом, Ильинский деревянный мост оказался запечатлённым на фотографиях из музейного фонда в шести видах.

В восемнадцати видах сохранили фотографии железный («парижский», «французский») мост, который был сооружён на месте деревянного в 1903 г. и просуществовал до 1966 г. Первый снимок этого моста был сделан в день открытия; это единственный в нашем собрании сюжет, показывающий мост разведённым. Один из первых снимков моста попал на открытку издательства А. Шевелина с названием «Новый железный разводной мост на р. Омь»; изображение на ней можно датировать 1903-1904 гг. С левого и правого берегов снял мост фотограф Виссарионов; в первом случае за металлическим сооружением открывается вид на Ильинский собор и здание механико-технического училища, во втором — на восточную сторону Любинского проспекта. На последующих снимках 1907-1910-х гг.

был распространен на русском севере, у старожилов Сибири, а кроме того головной убор с аналогичным названием существовал у саамов. Значительная часть коллекции шамшур была собрана И. Н. Шуховым во время экспедиции в Крутинский район в 1928 г. - шесть предметов. Кроме того, еще три были приобретены в Омске у Алгозиной А. В. Они четко датируются второй половиной XIX в., две из них отличаются хорошей сохранностью. Такие предметы бытовали как у крестьян-старожилов, так и среди старообрядцев Алтая. Еще одним видом головного убора замужних женщин, распространенным в Сибири, был кокошник. Форма русских кокошников очень разнообразна. В коллекции ОГИК музея есть как кокошники европейской части, так и два сибирских. Они одинаковы по конструкции и очень похожи по декору, но один аннотирован в книгах поступлений как старообрядческий, а второй принадлежал к коллекции Сибирского казачьего войска.

Кокошники, поступившие из государственного музейного фонда, датируются XVIII в. имеют разнообразные формы - «шелом», «бархатка», гребневидные, «моршень».

С кокошниками носили повойник, который был нижним головным убором. Такие предметы также имеются в коллекции ОГИКМ. Они бытовали в среде крестьян-старожилов, что может свидетельствовать о том, что в Западной Сибири кокошники носили все группы русского населения. Также поверх повойника могла надеваться косынка с вышитыми золотной нитью углами. Такая косынка была передана в фонд в 1952 г. жительницей Омска Е. А. Прудниковой, а принадлежала ее матери, жившей в Таре.

Еще один вид традиционного убора — кичка — представлен предметами из Государственного музейного фонда и сборами А. Е. Новоселова. Однако кички старообрядцев являются только нижней частью, волосником, а украшенный верх, к сожалению, отсутствует.

Особую группу образуют накладки или файшонки, бытовавшие в казачьей среде. Такие головные уборы носили только на причёске, таким образом закрывая волосы лишь частично. Появление подобных уборов свидетельствовало об исчезновении древнейших традиционных представлений о магическом значении волос женщины. Накладки характерны для сибирских казачек, но и в старожильской среде такие головные уборы в начале XX в. были уже достаточно распространены. Это свидетельствует об постепенном исчезновении традиционных женских головных уборов в быту сибиряков уже к концу XIX в.

мост предпочитали снимать так, чтобы в поле зрения попала и нарядная Серафимо-Алексеевская часовня. Особенно интересна из этой серии видов стереопара «Сибирь. Омск. Вид через мост на крепость и Любинский проспект». Издателем серии стереопар с видами Омска стала известная немецкая мануфактура Генриха Эрнемана.

И. С. Шульпин в 1935-1936 г. снял железный мост вместе с соседствующим с ним трамвайным мостом, который возвели специально для соединения трамвайной линии между левым и правым берегом Оми; официальной датой открытия трамвайной линии, а значит, и моста, является 15 ноября 1936 г. В коллекции музея есть ещё только один снимок, на котором видна стена закрытого со всех сторон решетчатым ограждением деревянного трамвайного моста. И. П. Дрейлингом в 1950-е гг. была снята широкая панорама центра Омска по левому и правому берегам Оми; на третьей части виден железный мост и справа от него конструкции, предположительно оставшиеся от моста трамвайного. Последняя по времени фотография (в фондах музея) с видом на железный мост была сделана фотокорреспондентом газеты «Омская правда» Б. И. Злобиным из окна редакции, которая располагалась в 1960 г. на улице Ленина; это также панорамный снимок с видом моста и прилегающих к нему территорий.

На смену железному мосту пришёл ныне действующий железобетонный мост «Юбилейный», который часто встречается на снимках, отражающих жизнь Омска: демонстрации, шествия во время празднования Дня города, спортивные соревнования и др. Устье Оми со скверами по берегам, левобережные и правобережные исторические постройки не раз привлекали внимание В.Ф. Кудринского. На его панорамах мы можем увидеть «Юбилейный» в городском контексте разного времени: 1982, 1996, 1998 гг. Главным героем композиции мост через Омь стал в панорамном художественном снимке «Два берега», выполненным уже в XXI столетии.

Ильинский мост был не единственным на Оми. Известно, что в 1857 г. был построен второй мост, соединивший улицы Омскую и 1-й Взвоз (современную Краснофлотскую). Его называли Николаевским или просто Деревянным. В 1870 г. он был заменен новым; этот мост сносился наводнениями в 1892 и 1928 гг., но восстанавливался. После наводнения 1947 г. Николаевский мост прекратил существование. Деревянный мост не часто попадал в объективы фотоаппаратов; его дореволюционные копийные снимки сохранились лишь в альбомах

И.П. Дрейлинга под названиями «Наплавной мост через Омь»; первый снимок датируется 1897 г., второй — 1906 г. Из-за плохого качества копий и разного ракурса съёмки трудно судить, одно и то же место зафиксировано

на снимках или нет, но очевидно, что мосты выглядят по-разному. На первом снимке деревянный настил кажется лежащим на воде, на втором хорошо видны пять опор. На снимках, которые датируются в альбомах Дрейлинга 1926-м - 1930-м гг., Николаевский мост выглядит уже одинаковым: четыре высоких опоры в воде, две прибрежных, ровный выезд с моста в обе стороны, деревянные перила. Судя по всему, по мосту осуществлялось только пешеходное движение. Сохранился в фондах музея и уникальный снимок омского фотографа В. А. Сбруева, где запечатлён этот мост (точнее, то, что от него осталось) после наводнения 1928 г.

Кроме того, в коллекции И. П. Дрейлинга есть снимки, которые позволяют утверждать, что в разное время через Омь делались и временные наплавные мосты для пешеходов. Такой мост зафиксирован на двух снимках 1926 г. и на одном 1930 г. Хорошо видно устройство моста 1926 г.: настил неширокий, лежит низко у воды, перила отсутствуют.

В настоящее время в черте города работают, кроме уже упомянутого Юбилейного, ещё четыре моста через Омь: Комсомольский, Фрунзенский, Октябрьский, железнодорожный. В фондах музея пока не отложились фотографии железнодорожного моста; Октябрьский, или «Горбатый», мост постройки 1962 г., зафиксирован лишь на негативе Е. П. Кармаева во время реконструкции 1992-1996 гг. Открытый 5 ноября 1988 г. Фрунзенский мост и территория вокруг него были сняты в 1989 г. музейным фотографом А. В. Коробовым; этот же мост в створе улицы Березовского и Школьного переулка запечатлели в 1995 г. Е. С. Кузнецов и в 1997 г. В. Ф. Кудринский.

Первые фотографии Комсомольского моста, введённого в эксплуатацию в 1953 г., относятся к 1956-1958 гг. На одной из них мост снят с правого берега Оми. На передний план следующего снимка попал недавно заложенный сквер по правому берегу Оми с большой круглой клумбой в центре. Октябрьский сквер (современная Театральная площадь), сквер вдоль набережной по левому берегу Оми также привлекли внимание фотографов, спешащих запечатлеть Омск — город-сад. На заднем плане, за скверами, сохранился и вид нового моста, на котором после долгого перерыва соединились трамвайные линии двух берегов Оми. Новый мост не мог не попасть и на панораму центральной части Омска, выполненную не ранее 1956 г. И.П. Дрейлингом. Виды Комсомольского моста и скверов возле него привлекли в 1950-е гг. Э. И. Савина, в 1995 г. — Е. С. Кузнецова; момент реконструкции моста в 1997 г. зафиксировал Е. П. Кармаев.

Через Иртыш в городской черте сейчас работают пять мостов: железнодорожный, Ленинградский, имени 60-летия ВЛКСМ, метромост имени

60-летия Победы и Южный; с 1937 до конца 1950-х гг. существовал также понтонный мост.

Самое большое количество снимков было сделано по истории строительства железнодорожного моста. Этим мы обязаны главным образом преподавателю Сибирской военной гимназии и фотографу-любителю Л. С. Буланже. 202 его фотографии под общим названием «Строительство Западно-Сибирской железной дороги» хранятся в фондах музея; большая часть снимков посвящена сооружению моста и датируется 1894-1896 гг. Буланже запечатлел все этапы строительства моста: изготовление быков, кессонов, установку пролётов, устройство струнаправляющей дамбы и другие работы. Регулярное движение поездов по мосту началось 31 марта 1896 г.

Железнодорожный мост в процессе строительства запечатлел на одном из своих снимков и Н. А. Креков; в коллекции Дрейлинга есть также фотокопии двух открыток 1900-х гг. с видом моста и фотография того же периода. Этот мост привлёк внимание фотографов и после взрыва, устроенного белогвардейцами при отступлении из Омска 14 ноября 1919 г., когда были разрушены две фермы со стороны правого берега. Восстановление моста было завершено 15 апреля 1920 г. Два снимка, на которых видно строительство правобережной фермы моста в феврале 1920 г., оставила фотограф А. А. Антонова; на её третьем снимке — большая группа людей на уже поднятом пролёте 5 апреля 1920 г.

В 1937 г. между двумя районами Омска - Ленинском и Кировским — был построен понтонный мост, который просуществовал до конца 1950-х гг. В 1974 г. в музей В. И. Селюком был передан альбом с фотрепортажем о строительстве моста. В альбоме есть портреты руководителей, строительных бригад и передовиков, виды общежития строителей и конторы моста. Фотографии дают представление о конструкции моста и основных этапах его сооружения; последние снимки посвящены приёмке моста и его открытию.

6 ноября 1959 г. в Омске был торжественно сдан в эксплуатацию первый сталебетонный мост - Ленинградский. У инженера по техническому надзору за строительством моста Л. Ф. Минина музей приобрёл 57 снимков, которые отразили технические приёмы и этапы строительства в 1955-1956 гг. от агрегатов для бурения скважин под сваи опор моста до установления первого пролёта. Фотохронику сооружения Ленинградского моста оставила и музейный фотограф К. А. Савина, которая неоднократно и с разных ракурсов фиксировала процесс. Новый мост через Иртыш не мог не привлечь внимания и омских фотокорреспондентов того времени: на снимках

Э. И. Савина мост виден уже действующим, а его коллега Б. И. Злобин снимал и первые опоры Ленинградского, и торжественный митинг по случаю его открытия.

Следующим по времени сооружения стал мост имени 60-летия ВЛКСМ, соединивший новые левобережные микрорайоны Омска с правым берегом в районе телецентра; открытие его состоялось 3 ноября 1978 г. Один из моментов сооружения этого моста и его виды оказались в коллекции музея в связи со сбором материалов о Мостоотряде № 63, который строил второй коммунальный мост через Иртыш. Четвёртый и последний по времени (2010-е гг.) снимок моста у телецентра принадлежит авторству фотографа А. А. Кузовкова.

Мостоотряду № 63 было доверено строить и самый молодой омский мост, сданный в эксплуатацию в 2005 г. и получивший имя 60-летия Победы. В фондах музея в настоящее время хранится пять снимков, где двухуровневый мост представлен в разных ракурсах. Это работы А. В. Голубева, Ю. А. Кафанова, Е. П. Кармаева, И. В. Николаенко, М. А. Самариной.

Таким образом, музейное собрание фотографий позволяет достаточно полно и разнообразно проиллюстрировать историю омских мостов и переправ через Омь и Иртыш. Вместе с тем, если строительство таких «первенцев», как железнодорожный и Ленинградский мосты, вызвали большое внимание к самому технически сложному процессу их сооружения, то остальные мосты интересовали фотографов прежде всего как часть общегородского пейзажа, а порой являлись источником вдохновения и помогали создать автору желаемый художественный образ.

МАТЕРИАЛЫ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941-1945 гг. В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Коллекции основного и научно-вспомогательного фондов Музея истории Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского насчитывают свыше 7 тыс. единиц хранения¹. Из них более 4,5 тыс. экспонаты основного фонда, отражающие историю ОмГУ: его создание, первые шаги становления университета и дальнейшее его развитие.

В музейном фонде имеются материалы, связанные с темой Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В разное время здесь работали преподаватели и сотрудники, участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Профессор, доктор юридических наук М. С. Гринберг (род. 1925) в годы войны участвовал в боях на Северо-Западном, 2 Прибалтийском, Дальневосточном фронтах. Профессор, доктор исторических наук А. Д. Колесников (1919-2010) сражался в Крыму, под Сталинградом и Курском, в Польше, боевой путь завершил в Берлине. Профессор, доктор юридических наук В. Н. Скобелкин (1924-2003) принимал участие в боях на территории Венгрии, Австрии, Чехословакии. Профессор, доктор философских наук В. Н. Типухин (1921-2010) воевал на Ленинградском, 1 Белорусском фронтах, прошел дорогами войны до Берлина. Сражался под Москвой П. А. Максаков (1921-2000), трудившийся в университете столяром, инженер Н. И. Баранцев (1924-2013) в годы войны был командиром артиллерийского взвода, участвовал в освобождении Польши. Преподаватель кафедры гражданской обороны В. А. Богачев (1916-2000) участвовал в боевых действиях на Карельском фронте. В фондах музея хранятся фотографии всех перечисленных выше участников Великой Отечественной войны².

В 2008 г. в музей поступила коллекция личного происхождения (архив) В. Н. Скобелкина, насчитывающий 51 ед. хранения³. Среди них – фотографии, тексты научных работ, дипломы, грамоты за успехи в научной, педагогической, общественной работе, поздравительные адреса в связи с празднованием Дня Победы, семь поэтических сборников с дарственными надписями автора. Тема войны нашла широкое отражение в стихах

В. Н. Скобелкина. В одном из поэтических сборников «Любовь и жизнь тебе, Россия», вышедшем в Омске в 1993 г., цикл стихов «И жизнь...» посвящен военным событиям. В стихотворениях «Война», «Отважные», «Последний», «Мальчишка», «Всегда живые», «Фронтовики» и во многих других своих стихах В. Н. Скобелкин вспоминает события военных лет: бои, невосполнимую потерю друзей-однополчан⁴. Композитор В. Н. Киселев написал ряд песен на стихи В. Н. Скобелкина, объединенных в нотный сборник «Фронтовики» (Омск, 2005). В личном фонде В. Н. Скобелкина хранится этот сборник с автографами авторов⁵.

Материалы других участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. представлены фрагментарно. Так, помимо фотографий А. Д. Колесникова, в фонде имеются его книга «Тверже гранита. Сибиряки в боях за Сталинград», которая была издана в 2008 г. в Омске. Книга написана на основе ставших ныне известных документов, а также собственных воспоминаний А. Д. Колесникова. Дарственная надпись гласит: «Музею Омского университета от автора – участника описанных событий, первого историка, зачисленного в штат открывающегося университета в Омске. 10.09.2009. А. Колесников»⁶.

Единичны в фондах музея подлинные экспонаты военного времени. Среди них – плакат с призывами к военнослужащим Красной Армии «Бейте немецко-фашистских разбойников! 1942 г. должен быть годом полного разгрома врага!», источник поступления которого неизвестен. Карта «Германия. 1944 г.» с пометками, офицерский дорожный чемодан первой половины 1940-х гг., фляжка, полевая форма командного состава Красной Армии того же времени поступили в музей в 2010 г. от Н. И. Баранцева⁷. Участник войны С. П. Болок передал в музей свою гармонию⁸.

Богатейшим источником сведений об участниках Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. является газета «Омский университет». На протяжении многих лет, к юбилеям Победы, на страницах газеты публиковались статьи, интервью с участниками военных событий⁹.

Имеющиеся в фондах музея материалы по Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. дают возможность создавать выставки, проводить экскурсии по военной тематике, использовать эти материалы в патриотическом воспитании студентов, устанавливая связи между различными поколениями людей, работавших и обучающихся в университете.

Примечания:

1. Университет в истории и история университета. К 40-летию Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Омск: Наука, 2014. С. 291.

2. Фонды Музея истории Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. МИ – 206/1-6.
3. Там же. МИ - 173, 174.
4. Там же. МИ – 173/2.
5. Там же. МИ – 213.
6. Там же. МИ – 214.
7. Там же. МИ – 204, 205.
8. Там же. МИ – 215.
9. Завтра была война // Омский университет. 1995. № 3, 17 февраля. С. 3; Да не прервется связь времен... // Омский университет. 1998. № 15, 8 мая. С. 2; Война без выстрелов // Омский университет. 2000. № 16, 5 мая. С. 1; Тот, кто выстоял в боях // Омский университет. 2005. № 7, 18 марта. С. 2.

Д. В. Ерошевская

Омск, Государственный историко-краеведческий музей

ТЕВРИЗСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ К. П. КОШУКОВА: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта молодых ученых ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (МУ-2/2015)

Тевризский район расположен на севере окраинной части Омской области. Площадь района составляет 9,8 кв. км., численность населения района - 15485 человек, п.г.т. Тевриз – 6986. Центр района п.г.т. Тевриз значительно удален от г. Омска, находится на расстоянии 453 км.¹.

Тевризский историко-краеведческий музей им. К. П. Кошукова был открыт 4 ноября 1977 г.². Однако начало ему было положено еще в 1950-х гг. Об этом времени имеются отрывочные сведения. Известно, что в 1950-е гг. в Тевризской средней школе № 1 действовал исторический кружок под руководством учителя истории Константина Петровича Кошукова. В районе был организован экспедиционный отряд под названием «Изучай свой край». Ученики во главе с К. П. Кошуковым совершали походы в населенные пункты района и собирали различные предметы старины. Впоследствии их выставили для обозрения в школе в период весенних каникул в 1950-е гг.

Фактически этой выставкой и был открыт школьный музей, но в документах Тевризской школы нет официального приказа на его открытие, а о точной дате создания выставки в источниках имеются разные сведения, среди которых встречаются 1954 г.³, 1956 г.⁴ и 1959 г.⁵. Основатель музея К. П. Кошуков тоже приводит разные сведения о дате открытия выставки – 1956 г.⁶ и 1959 г.⁷. Ввиду сложившихся обстоятельств, условимся считать датой открытия школьного музея 1950-е гг. Вопросы, связанные с его деятельностью, обсуждались на педагогических советах школы, позднее эти функции на себя взял совет музея, созданный в 1961 г. В середине 1960-х гг. в нем были выделены группы, которые осуществляли работу по следующим направлениям: поисковые – занимались сбором предметов; фондовые – отвечали за хранение предметов; экскурсионные – проводили экскурсии; пропагандистские – организовывали и проводили массовые мероприятия.

© Ерошевская Д. В., 2015

Фондовая работа доминировала над всеми остальными видами деятельности и заключалась преимущественно в поиске и сборе предметов для музея, число которых неуклонно росло, поэтому вскоре для их хранения понадобилось дополнительное помещение. Оно было выделено в 1969 г. Основной фонд музея в это время составлял около 1000 единиц хранения. Преимущественно это были предметы по палеонтологии, этнографии, бонистике, нумизматике. Комплектование происходило за счет ежегодных экспедиций в населенные пункты Тевризского района и дарений местных жителей. Сбор предметов не был тематическим, лишь к важным юбилейным торжествам шел строгий отбор.

В деятельности музея значительное место занимала исследовательская работа. Школьники изучали биографии участников партизанского отряда, ветеранов Великой Отечественной войны, труженников тыла, комсомольцев. В 1960-1970-е гг. ежегодно организовывались экспедиции в села района. Ученики встречались с ветеранами войны, вели переписку с краеведами из других городов.

Экспозиционно-выставочная деятельность ограничивалась созданием выставок в читальном зале школьной библиотеки. Преимущественно это были выставки по истории школы, ее выпускниках, истории Тевризского района, а также выставки, посвященные важным юбилейным датам.

Научно-просветительная деятельность музея состояла, в основном, в пропаганде краеведческой деятельности среди сверстников, проведении экскурсий в рамках учебных планов, организации встреч с участниками войн, а также школьники неоднократно принимали участие в районных, областных, всесоюзных туристско-краеведческих слетах, начиная с 1960 г.

Обозначился и круг проблем музея, главной среди которых стал недостаток площадей, предназначенных для хранения фондов, в результате чего предметы размещались в разных школьных комнатах, на лестничной площадке черного хода, а также дома и в кабинете К. П. Кошукова. В результате, общественность и отдел культуры райисполкома в середине 1970-х гг. заговорили о создании районного музея в Тевризе. В 1975 г. бюро районного комитета коммунистической партии и исполком Тевризского районного совета постановили открыть на базе школьного музея народный музей в Тевризе. На должность заведующего утвердили К. П. Кошукова.

Для организации работы были образованы совет и актив музея из числа сподвижников краеведческой работы⁸. Изначально для музея предполагалось выделить половину здания районной детской библиотеки. Активисты просили отдать всю левую его часть. Спустя год вопрос положительно так и не решился. В местной печати выражены опасения по поводу создания

музея и реализации его деятельности, предложен вариант дальнейшего развития: «... это может привести к тому, что богатейший музей превратится в комнату боевой и трудовой славы, так как большая часть выставочного пространства будет отдана под советский период, а палеонтология и краеведение, материалы досоветского периода истории негде будет разместить. Не будет места в дальнейшем собирать предметы. Но и здесь можно разместиться, стоит только отделу культуры потеснить библиотеку, выделить для музея все левое крыло и реконструировать его под музей... Медленно идет ремонт имеющихся комнат. Не решен вопрос с приобретением необходимого оборудования и инвентаря. В зале убрана сцена и проведена сигнализация и все»⁹.

Ситуация изменилась в лучшую сторону в середине октября 1977 г., когда на заседании исполкома районного совета было принято решение о выделении другого здания и дополнительных средств на ремонт, а также на оформление и оборудование районного музея. Помощь в его создании Тевризский райком партии просил оказать студентов и преподавателей Омского государственного университета и Омского педагогического института¹⁰. Методическую помощь в создании музейной экспозиции оказали сотрудники областного краеведческого музея¹¹. Помогали старожилы и учащиеся школ, педагоги-краеведы и ветераны войны. Теперь музей расположился в 4-х комнатах одноэтажного деревянного здания бывшей школы крестьянской молодежи постройки конца 1920-х гг., общая площадь его составляла 90 кв.м. Здесь были оформлены выставочные залы по археологии и этнографии, зал боевой и трудовой славы. А в ноябре 1977 г. в торжественной обстановке открыли народный музей в Тевризе, который теперь начал полноценно вести краеведческую работу в районе.

Примечания:

1. Тевризский район // Энциклопедия Омской области: в 2 т. Т. 2. М.-Я. Омск: Омское книжное изд-во, 2010. С. 411-413.
2. Есть музей // Правда Севера. 1977. 12 ноября.
3. Шевелева Т. Открытие музея // Правда Севера. 1985. 23 июля; Новикова А. Музей имени К. П. Кошукова // Там же. 2001. 10 июля; Пизелкина Н. Музей. Его история, значимость и проблемы // Правда Севера. 2003. 16 мая.
4. Кошукова А. А. Юность наша вечная: история Тевризской средней школы № 1. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. С. 222; Полуянов А. Наш музей // Правда Севера. 1989. 8 августа.
5. Борисенко М. В., Филипенко И. К. К. П. Кошуков и Тевризский краеведческий музей // Тарское Прииртышье и проблемы сохранения историко-культурного наследия малого исторического города России: материалы III научно-практической

ОГОНЬ ИМ. А. С. ПУШКИНА К 300-ЛЕТИЮ ОМСКА

В августе 2016 г. Омск будет отмечать 300-летие со дня основания города. С приближением юбилейной даты повышается интерес к краеведению: всё чаще на газетных и журнальных страницах появляются статьи, на телевидении и радио – сюжеты, на научных конференциях – доклады, посвящённые истории Омска, его предприятиям и организациям, а также судьбам замечательных людей, связанных с городом. Естественно, что в такой ситуации возрастает значимость и активизируется краеведческая деятельность Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Из всего её многообразия мы выделим два долговременных проекта, реализуемых библиографами «Пушкинки».

Первым из них (в хронологическом порядке) является издание «Время и город: Омск XVIII – начала XX вв. в описаниях современников»¹. Первый выпуск издания был приурочен к 280-летию г. Омска и вышел в 1996 г. Составитель сборника «Время и город» Е. Н. Турицына, взяв за основу публикацию А. Ф. Палашенкова, расширила её хронологические рамки до 1917 г., значительно дополнила новыми именами и высказываниями, ранее неизвестными широкому кругу исследователей. Главным критерием отбора материала стали историческая и познавательная ценность сообщений, стремление показать разнообразие взглядов и мнений об Омске, его облике, достопримечательностях, нравах жителей. Издание «Время и город» постоянно используют в учебных и научных целях как серьёзные ученые, так и учащаяся молодёжь. За прошедшее время сборник стал библиографической редкостью. Наряду с этим выявлены новые интересные высказывания об Омске, многие из которых не известны широкому кругу читателей, а также опубликованы или переизданы недоступные ранее по идеологическим соображениям воспоминания, дневники и иные документы, дающие характеристику города колчаковского периода. В силу вышеперечисленных причин Е. Н. Турицыной подготовлен второй выпуск сборника «Время и город». Объём издания значительно вырос, в основном за счёт расширения хронологических рамок. В сборник включены высказывания людей, оставивших свои воспоминания или описания Омска за три века его истории (до середины XX столетия). Расширен и список имён – к 55-ти документам

конференции, посвященной памяти А.В. Ваганова, 29-30 марта 2006 г. Омск, 2006. С. 183; Страницы истории музея // Правда Севера. 2008. 11 августа.

6. Кошуков К. П. Тевризский музей // Правда Севера. 1991. 18 мая.

7. Муниципальный архив Администрации Тевризского муниципального района Омской области. Ф. 138. Д. 31. Л. 1.

8. Зимницкий С. С. Музей – история района // Правда Севера. 1980. 10 апреля.

9. Поварницын А. Каким быть районному музею // Правда Севера. 1977. 20 января.

10. Письмо ректору ОмГПИ им. А. М. Горького В. М. Самосудову о помощи студентов исторического и художественно-графического факультета в оформлении народного музея от 10 мая 1977 г.; Письмо ректору Омского государственного университета В. В. Пластинину о помощи студентов исторического факультета в создании экспозиции народного музея от 18 октября 1977 г. // Архив ТИКМ им. К.П. Кошукова;

11. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области». Ф. 1076. Д. 26. Л. 17.

из первого выпуска добавлено свыше 70 новых описаний. Надеемся, что издание будем прекрасным подарком всем омичам и гостям нашего города. Второй проект – электронный ресурс «Город многоликий» – представлен на сайте библиотеки. Работа над ним началась в 2005 г., когда библиотека приступила к разработке стратегии своей деятельности в рамках подготовки к 300-летию г. Омска. Ресурс был отмечен в работах ведущего научного сотрудника РГБ С. П. Бавина, как пример перспективного направления рекомендательной библиографии². Его бессменным составителем является заведующая сектором краеведческой библиографии Н. Н. Дмитренко. Ресурс представляет собой сочетание фактографической и библиографической баз данных. На главной странице размещаются сведения, знакомящие с его задачами и структурой. Цель фактографической базы – дать общее представление об Омске, его истории, достопримечательностях. Поэтому фактографическая база включает законодательные акты органов власти различного уровня о подготовке к юбилею; символику г. Омска (изображение герба и флага г. Омска и их описание, текст гимна), паспорт города (общие сведения об Омске: год основания, административное устройство, географическое положение, климат, уровень развития экономики и культуры, сведения о населении); справку об истории Омска с момента его основания до начала XXI в. с иллюстративным материалом; сведения о памятниках и храмах (фотографии, текстовая справка, список литературы); подборку наиболее интересных стихотворений известных поэтов, посвящённых городу.

Библиографическая база электронного ресурса «Город многоликий» значительно отличается от фактографической по объёму и периодичности пополнения. Цель её создания – регулярная (ежемесячная) информация всех заинтересованных лиц о наиболее интересных печатных и электронных изданиях, посвящённых Омску и поступивших в фонд библиотеки, поскольку областная библиотека, получая местный обязательный экземпляр, обладает наиболее полной коллекцией краеведческих изданий. Информация представляется в следующем виде: обложка книги (или иного документа) и развёрнутая рекомендательная аннотация на издание. Мы планируем, что в дальнейшем сможем представить полный текст документа. Создание базы началось с регулярного отражения на сайте информации о текущих поступлениях в библиотеку, посвящённых истории Омска, его культуре, деятельности органов власти, учреждений, организаций, предприятий. На сайте представлены также книги об омичах и людях, чьи судьбы связаны с нашим городом. В процессе создания библиографической базы нам показалось интересным дополнить её ретроспективной информацией. Поэтому на основе строгого отбора постепенно начали включаться наиболее

интересные книги об Омске, изданные как до 1917 г., так и в советский и постсоветский периоды истории. Фактически, эта часть электронного ресурса стала претендовать на статус краеведческого рекомендательного указателя «Что читать о городе».

Библиографическая база включает следующие разделы: справочно-энциклопедические издания об Омске; история; население; экономика; здравоохранение; образование; спорт; искусство; литература; религия. В процессе пополнения библиографической базы происходило усложнение её структуры, появились новые разделы и подразделы. Например, составителю пришлось выделить раздел «Языкознание», так как в Омске появились издания по документной лингвистике (новое направление в языкознании, в котором работают омские учёные), публикации о разговорной речи носителей массовой городской культуры в Омске и др. В дальнейшем, по мере накопления материала, предполагается создание путеводителя по библиографической базе (поиск по авторам, заглавиям, персонам). Надеемся мы и на оформление ресурса профессиональным дизайнером.

Основой этих проектов является краеведческий каталог, который ведётся у нас в карточной и электронной формах. На сегодняшний день объём карточного каталога превышает 800 тыс. карточек, половина из них продублирована в электронном виде (и доступна на сайте библиотеки). Являясь крупнейшим хранителем и транслятором краеведческой информации о городе и области, «Пушкинка» предлагает свои ресурсы (фонды, каталоги, сайт, мероприятия) для исследователей истории г. Омска, а также всех интересующихся прошлым и настоящим Омской области.

Примечания:

1. Время и город: Омск XVIII - начала XX вв. в описаниях современников: к 280-летию г. Омска / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина, Информ.-библиогр. отд.; сост. Е. Н. Турицына. Омск, 1996. 106 с.

2. Бавин С. П. Реалии виртуальной реальности // Мир библиографии. 2009. № 3. С. 11-18; Бавин С. П. Рекомендательная библиография: как это делается сегодня. М., 2011. С. 38, 125

А. А. Кильдюшева, Г. М. Патрушева, Н. А. Томилов

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

МУЗЕЙНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (К 40-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Становление и развитие Музея археологии и этнографии и Музея истории ОмГУ неразрывно связано с открытием в Омске в 1974 г. первого университета, отметившего в 2014 г. 40-летний юбилей.

В сентябре 1974 г. коллектив кафедры истории СССР ОмГУ обратился к д.ф.-м.н., проф. В. В. Пластину, первому ректору ОмГУ (1974-1979 гг.), с предложением о создании историко-этнографического музея. На заседании Ученого совета ОмГУ 4 ноября 1974 г. было принято решение о создании исторического музея с отделами по археологии, этнографии Западной Сибири и по истории Омского государственного университета (протокол № 2). Музей должен был стать учебным, научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждением.

В ноябре 1974 г. шли подготовительные работы по созданию экспозиции, и 3 декабря 1974 г. состоялось ее открытие в первом учебном корпусе вуза. Первая экспозиция объединила этнографические материалы и данные по организации и становлению университета в Омске. Этнографический блок включил материалы по хозяйству, культуре и быту тарских татар, собранные участниками совместной омско-томской этнографической экспедиции, а также предметы из фондов Омского областного краеведческого музея по хозяйству и культуре казахов, русских, украинцев и шорцев. В 1975 – 1976 гг. осуществлялось дополнение экспозиции новой информацией, был создан раздел по археологии нашего региона.

У истоков музея стояли с 1974 г. Н. А. Томилов (в тот период к.и.н., старший преподаватель кафедры истории СССР), курировавший этнографическое направление в музее и с 1976 г. В. И. Матющенко (1928-2005 гг.) (в тот период д.и.н., проф., зав. кафедрой всеобщей истории), отвечающий за археологическое направление музейной работы.

В 1977 г. музей переехал в третий учебный корпус ОмГУ, и историческая часть экспозиции музея была демонтирована. Фактически произошло

разделение на два музея – Музей археологии и этнографии и Музей истории ОмГУ, каждый из которых стал развиваться собственным путем.

Официальный статус Музей археологии и этнографии получил в 1980 г. в соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР № 297 «Об организации музея археологии и этнографии в Омском университете» от 27 мая 1980 г. Заведующей музеем стала

Г.М. Патрушева. В музее активизируется изучение музейных фондов, создана новая археолого-этнографическая экспозиция во втором учебном корпусе ОмГУ.

Развитие Музея истории ОмГУ после разделения шло в направлении комплектования и хранения его фондов, что осуществлялось Т. П. Мордкович (в тот период зав. методическим кабинетом исторического факультета ОмГУ), которая на протяжении многих лет проводила поисковую работу экспонатов, составивших ядро фондовых коллекций и последующих экспозиций 1994 г., 1999 г., 2004 г.

Официальный статус музей получил в 2005 г., когда приказом ректора № 05/95 от 16 августа 2005 г. Музей истории ОмГУ был утвержден в качестве самостоятельного структурного подразделения университета (заведующей музеем стала канд. культурологии А. В. Смелякова).

О становлении и развитии вузовских музеев, страницах их истории, активных участниках процесса (студентах, преподавателях), музейных экспозициях и выставках, накоплении и использовании фондов и т.п. неоднократно писали в своих работах М. А. Жигунова, Т. П. Мордкович, Г. М. Патрушева, В. Г. Рыженко, А. В. Смелякова, Н. А. Томилов и др¹.

В конце 20 - первом десятилетии 21 вв. в государственных вузах наметилась тенденция к созданию музейных комплексов (центров, объединений и т.п.), в состав которых входили уже ранее существовавшие или вновь созданные университетские музеи. Смысл создания вузовских музейных комплексов научному сообществу виделся в сохранении научно-культурного наследия университетов, координации деятельности музеев, включении их в учебный процесс, использовании научно-образовательного потенциала музеев для развития инновационной образовательной среды, популяризации научных знаний и достижений, доступности фондов вузовских музеев, формировании кадров – специалистов музейного дела.

Не исключением стал и Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, где также функционирует Музейный комплекс (директор канд. культурологии А. А. Кильдюшева), объединивший Музей истории ОмГУ (заведующая музеем Л. Г. Ермолина); Музей археологии и этнографии; Омский региональный научно-исследовательский центр изучения

© Кильдюшева А. А., Патрушева Г. М., Томилов Н. А., 2015

творчества Ф. М. Достоевского (директор д. фил. н, проф. Е. А. Акелькина). Решение о создании комплекса было принято на заседании Ученого совета ОмГУ 28 сентября 2012 г., и приказом ректора от 10.10.2012 г. № 01-08.01/16 было создано новое структурное подразделение, составной частью которого с 1 января 2013 г. стали музеи и центр.

Среди функций комплекса: координация деятельности музеев; внутренний информационный обмен; планирование и отчетность по вопросам научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, научно-исследовательской, культурно-просветительской, образовательной и другой работы; взаимодействие и сотрудничество с подразделениями университета; информационное присутствие в СМИ, в т.ч. и ОмГУ (сайт, газета); реализация внутренних и внешних проектов, направленных на сохранение историко-культурного наследия региона; повышение роли музеев в научной, учебной, внеучебной и информационной деятельности университета; обеспечение материально-техническим и хозяйственным оснащением и др.

2014 год можно считать начальной точкой в становлении в развитии Музейного комплекса ОмГУ².

Таким образом, развитие музейных процессов в классическом университете связано с созданным в 1974 г. в ОмГУ историко-этнографическим музеем, как единым целым, но развивавшимся в последующие годы как два самостоятельных музея, вновь к 2013 г. объединенных в рамках Музейного комплекса ОмГУ.

Стоит отметить, что Музей археологии и этнографии за период своего существования активно развивал научно-исследовательское, экспозиционно-выставочное и научно-фондовое направления работы, в то время как Музей истории ОмГУ был больше ориентирован на экскурсионно-просветительскую работу.

В рамках Музейного комплекса ОмГУ все виды музейной работы признаются равными и необходимыми для функционирования музеев как учебных, научно-исследовательских и культурно-просветительских учреждений. Специфика Музейного комплекса ОмГУ и в том, что он объединил два направления – музейное и культурологическое, связанное с научным исследованием нероманного творчества Ф. М. Достоевского. Перспективы развития Музейного комплекса ОмГУ видятся в интенсификации всех направлений работы, включении в состав комплекса новых вузовских музейных подразделений, увеличении штата сотрудников, реализации различных проектов и др.

Примечания:

1. Жигунова М. А. Музей археологии и этнографии ОмГУ // Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского: очерки. Омск, 2014. С. 259-262; Кильдюшева А. А., Томилов Н. А. К 40-летию Музея истории ОмГУ им. Ф. М. Достоевского // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования: Сб. науч. тр. Омск, 2015. С. 106-110; Мордкович Т. П. История создания музея Омского государственного университета // Музей и общество на пороге XXI века: Сб. науч. тр. Омск, 1998. С. 155-156; Патрушева Г. М. История создания и характеристика этнографических фондов Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний: Тез. докл. Омск, 1987. С. 48-49; Патрушева Г. М. Этнографическая экспозиция Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Проблемы музееведения и народная культура. Новосибирск, 1999. С. 254-265; Рыженко В. Г. Музей истории ОмГУ: миссия сохранения и трансляция ценностей университетского сообщества // Университет в истории и история университета: к 40-летию ОмГУ имени Ф. М. Достоевского: очерки. Омск, 2014. С. 287-294; Смелякова А. В. История создания и деятельность Музея истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. С. 106-111; Томилов Н. А., Патрушева Г. М. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (к 25-летию со дня образования) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2000. №2. С. 12-16; Томилов Н. А., Патрушева Г. М. 30 лет Музею археологии и этнографии Омского государственного университета // Этнографическое обозрение. 2005. №5. С. 116-127; Томилов Н. А., Патрушева Г. М. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (краткий исторический очерк) // Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX-начала XXI века. Омский этнографический центр. Омск, 2007. С. 327-360; Томилов Н. А., Кильдюшева А. А., Патрушева Г. М. Музею археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского – 40 лет // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования: Сб. науч. тр. Омск, 2015. С. 245-255;

2. Кильдюшева А. А. К вопросу о вузовских музейных комплексах // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования: Сб. науч. тр. Омск, 2015. С. 100-105.

А. В. Клименков

Новосибирск, Филиал музея города Новосибирска Музей «Заельцовка»

**ИНТЕРАКТИВНАЯ ПРОГРАММА «ИСТОРИЯ ГОРОДА ЧЕРЕЗ
ИСТОРИЮ АВТОМОБИЛЯ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ ГОРОДА
У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
(из опыта работы Музея «Заельцовка»)**

«...Такого названия, наверное, больше нет в России. Наш район, вообще, во всем специфичен – это и сердце электронной промышленности, это и кузница кадров для сибирских железных дорог, это и земля мастеров – обувщиков и кожевников, это и любимое место отдыха горожан – Зоопарк – лучший в стране, Заельцовский бор – легкие города.» – это слова Главы Администрации Заельцовского района П. И. Прокудина, произнесенные им еще в 2005г. ярко характеризуют особенности того района, в котором работает Музей «Заельцовка», который занимается поиском, хранением и популяризацией истории Заельцовского района города Новосибирска. Для многих людей музей остается на долгие годы скучным местом образования или источником получения информации, поэтому с момента окончания обучения в школе или в ВУЗе и до того момента, когда возникает необходимость уже собственных детей (или внуков) вырастить людьми образованными они в музей без особой причины не заглядывают. Но так нельзя сказать о Музее «Заельцовка» (далее – Музей).

Благодаря сотрудничеству Музея с многочисленными организациями и учреждениями района, музеем удается постоянно обновлять свои фонды и организовывать интересные выставки.

Апробируя новые формы работы, была организована экспериментальная экспозиция старинных и военных автомобилей, которая пользовалась огромным успехом у посетителей. Понимая, что желающих осмотреть экспонаты и пообщаться не меньше, чем тех, кто пришел с познавательными целями, Музеем принимается решение организовать постоянно действующую выставку «История города через историю автомобиля». На выставке представлены уменьшенные копии 1:43 автомобилей, которые имели непосредственное отношение к развитию нашего города, в том числе и пассажирский транспорт. В коллекции представлены копии автомобилей

от начала и до конца 20 века, на которых жители города передвигались по улицам города. Кроме этого в постоянной экспозиции органично вписаны образцы авто-мототехники разных периодов. На базе выставки, и по постоянно действующей экспозиции, проводятся не только экскурсии, но и интерактивные занятия. Программа составлена таким образом, что информация подается в доступной, интересной форме, и кроме этого посетителю дается возможность узнать новые факты из истории города и транспорта. Например, где еще можно узнать, что дороги в прежние века ремонтировались не асфальтом, а навозом. Об этом писала газета «Обская жизнь» в 1910 г., в одной из заметок сообщалось, что на многих улицах намыло глубоких рвов вдоль и поперек проезжей части. Их заравнивали навозом – неизменным бесплатным материалом.

Основываясь на воспоминаниях председателя Новосибирского облисполкома В. И. Егорова, о его поездке в молодые годы в дореволюционный Новониколаевск, который так описывал городскую дорогу: «То была не дорога, а какая-то дикая смесь ухабов и грязи, тьмы и зловоний... По совети говоря, только добравшись до города, я понял извозчика, который тогда отказывался везти меня даже за хорошую плату», мы обсуждаем с детьми вопрос о значении и необходимости дорог, почему появился городской транспорт.

В работе со школьниками музей делает ставку на представление детей о мире, способности наблюдать, ведь для маленького человека реальная повседневность легко переходит в сказку, мифологическое воображение. Поэтому фантазия без трудностей переносит детей в другие времена.

Первые сведения о попытке осуществить в Новониколаевске автобусное сообщение относятся к июлю 1923 г. Областная газета писала: «Недавно губкоммунотдел организовал автомобильное сообщение на автобусе по городу между вокзалом, Базарной площадью и районом Закаменки. Плата за проезд по линии установлена в 10 рублей. В недалеком будущем начнет ходить по городу еще один автобус по тем же линиям». Эта публикация позволяет не только изучить малоизвестный вид транспорта (автобус), но и сделать вывод о важности городского транспортного сообщения, в период становления советской республики после Гражданской войны¹.

Еще один малоизвестный факт: в Новониколаевске единственном городе в России были разноцветные маршруты автобусов².

Первые автобусы были раскрашены в разные цвета — в зависимости от маршрута: зеленые, голубые, фиолетовые, оранжевые. Это было связано с неграмотностью населения, народу было легче запомнить цвет автобуса,

чем его номер. Обсуждая этот интересный факт, мы разговариваем с детьми о таком явлении как всеобщая безграмотность и её ликвидация.

Организуя отношения музея с образовательными учреждениями, важно понимать, что музей - это место для неформального образования, где пробуждается интерес и обретаются знания, через фактическое соприкосновение с историей. А это содействует проникновению, осмыслению образно-символической сущности музейной экспозиции, возникновению чувственных отношений к истории. Поэтому проводить занятия в музее более эффективно, чем просто рассказывать про историю, тем более что информация, которая не относится к детям непосредственно, ими плохо воспринимается и быстро забывается.

Одна из главных задач, которая стоит сегодня перед работниками учреждений культуры и образования - воспитание национально-сознательного человека, осведомленного в вопросах истории и культуры Отечества, небезразличного к наследию своих предков. Систематическое посещение музеев на протяжении обучения в средней школе содействует пропаганде историко-культурного наследия.

Примечания:

1. История города: Новониколаевск-Новосибирск: Исторические очерки. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 133-220.
2. Рекорды и достижения Новосибирска. Новосибирск, 2008. Вып. I. С. 52

А. А. Козьмин

Москва, Межобластное научно-реставрационное управление

ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИКИ БЕРЁЗОВСКИХ ИКОН ИЗ ФОНДОВ ОГИК МУЗЕЯ

Данное сообщение является продолжением изучения коллекции из 26 икон, хранящихся в Омском историко-краеведческом музее и объединённых своим происхождением из старинного сибирского поселения Берёзова. Известно, что иконы были спасены и вывезены А. Ф. Палашенковым из опустошенного Воскресенского собора (первая деревянная церковь построена в 1605 г., в 1800 г. построен(?) новый каменный собор с резным иконостасом, работы тобольских мастеров). Экспедиция Палашенкова побывала в Берёзове в 1939 г. и обследовала также церковь Рождества Богородицы (к тому времени приспособленную под пекарню). Эта церковь была построена по инициативе и с непосредственным участием сосланного светлейшего князя А. Д. Меншикова в 1728-1729 гг. Важно отметить, что в Берёзове была еще и соборная церковь Богоматери Одигитрии, разрушившаяся в конце XVIII в., и имущество которой, частично перешло в Воскресенскую церковь. Именно в Одигитриевскую церковь воевода Василий Моисеев в апреле 1755 г. «приложил» икону «Богоматерь Всех Скорбящих Радость», к счастью сохранившуюся и вошедшую в группу Берёзовских икон.

Учитывая большое культурное, историческое и художественное значение данного комплекса, в настоящее время есть все основания и потребность, в более глубоком анализе стилистических особенностей икон. Это должно привести исследователей к их более точной датировке, «привязке» к конкретному архитектурному памятнику, выявлению возможных прототипов, аналогов, принадлежности тем или иным традициям, школам, мастерским и, быть может, выявлению авторства некоторых из них. Совершенно очевидно, что такая работа должна быть подкреплена специальными лабораторными исследованиями.

Представляется, что для такого анализа, плодотворным может стать, во-первых, распределение икон на группы, исходя из их стилистических особенностей. Кроме того, особую группу должны составить датированные, подписные иконы и иконы с известным происхождением.

Первая группа икон с датой создания и известным провенансом:

1. **Архангел Михаил Архистратиг. XVII в. (?)**, дерево, левкас, темпера, поновление маслом, 53,5 x 43,5 x 4, инв.№ОМК-1363.

2. **Богоматерь Владимирская. 1731 г.**, дерево, левкас, темпера, поновление маслом, 118 x 96,5 x 3,5, инв.№ОМК-2027.

3. **Богоматерь «Всех Скорбящих Радость». 1755 г.**, Дмитрий Мамонтов. Дерево, левкас, темпера, 93 x 78 x 4, инв.№ОМК-2046.

4. **Господь Вседержитель. 1800 г.**, г. Тобольск. Холст, темпера, масло, 226 x 211, инв.№ОМК-4629/1.

5. **Успение Богоматери. 1800 г.**, г. Тобольск. Холст, темпера, масло, 250 x 211, инв.№ОМК-4629/2.

6. **Святитель Николай Чудотворец. 1881 г.**, Иван Козлов, г. Берёзов. Дерево, левкас, масло, 53,5 x 41,5 x 2,3, инв.№ОМК-2037.

Ко второй группе следует отнести иконы, объединенные стилем и техникой живописи, сюжетной линией конфигурацией и пропорциями основы:

1. **Гибель Содома. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 34,7 x 40,5 x 2,5, основа со сложным силуэтом, инв.№ОМК-2042.

2. **Потопление фараона в море. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 35 x 54 x 2,5, основа с закруглёнными углами, инв.№ОМК-2034.

3. **Грехопадение. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 35 x 54 x 2,5, основа с закруглёнными углами, инв.№ОМК-3575.

4. **Извержение Ионы из китовой утробы. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 35 x 54 x 2,5, основа с закруглёнными углами, инв.№ОМК-1364.

К третьей группе следует отнести иконы, объединенные стилем, техникой живописи, сюжетной линией, конфигурацией и пропорциями основы:

1. **Искушение Христа дьяволом. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 37,5 x 41 x 2,3, инв.№ОМК-2029.

2. **Пророк Моисей перед купиной. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 43,5 x 54,6 x 2,2, инв.№ОМК-2038.

К четвёртой группе следует отнести иконы, не имеющие общих стилистических, технических, технологических особенностей и созданные в разное время:

1. **Иоанн Богослов. XVII в.**, дерево, грунт, темпера, 71,8 x 55,7 x 2,2, инв.№ОМК-2047.2.22

2. **Рождество Богоматери. XVIII в.**, дерево, грунт, темпера, 30,5 x 25,5 x 2, инв.№ОМК-2040.

3. **Спас оплечный. XVIII в.**, дерево, левкас, темпера, 28,5 x 25 x 2,5, инв.№ОМК-2039.

4. **Священномученик Власий. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 35,5 x 26,8 x 3,2, инв.№ОМК-2041.

5. **Священномученик Антипий епископ Пергамский. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 35,5 x 26,8 x 3,2, инв.№ОМК-2041.

6. **Ноев ковчег. XIX в.**, дерево, грунт, масло, 27 x 41 x 2,3, инв.№ОМК-2029.

7. **Богоматерь Живоносный Источник. XIX в.**, дерево, грунт, масло, 30,3 x 26,3 x 2, инв.№ОМК-2064.

К пятой группе следует отнести семь икон, объединённых общим стилем, техникой живописи, технологическими особенностями и, что самое главное, редким по качеству художественным уровнем:

1. **Мученик Федор Стратилат. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 106,5 x 43,5 x 3,2, инв.№ОМК-2043.

2. **Пророк Илья. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 106,5 x 43,5 x 3,2, инв.№ОМК-2043.

3. **Видение Иаковом Божественной лестницы. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 67,5 x 34,7 x 3, инв.№ОМК-2032.

4. **Пророк Илья убивает жрецов идольских в царствование Ахава. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 71,8 x 55,7 x 2,2, инв.№ОМК-2047.

5. **Страдание Мученика Федора Стратилата. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 71,8 x 55,7 x 2,2, инв.№ОМК-2047.

6. **Иоанн Богослов. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 92 x 34 x 2,5, инв.№ОМК-2035.

7. **Жёны-мироносицы. XVIII в.**, дерево, грунт, масло, 79 x 61 x 3, инв.№ОМК-2026.

Выдающиеся художественные качества икон пятой группы являются, несомненно, редким примером иконописи России XVIII века. Очевидно, также, что эти иконы выполнены высокопрофессиональным, сложившимся мастером, опирающимся на устойчивую традицию, школу. Возможное определение истоков создания этих икон станет событием в истории искусства не только Сибири, но России в целом.

Именно поэтому их изучение является наиболее интересным и необходимым для определения общей картины иконописного искусства Восточной Сибири в XVIII веке, а также для изучения культурных связей и взаимовлияний западноевропейской и русской живописных традиций.

Предлагаемый обзор возможных истоков живописного стиля выбранных произведений в иконописи Украины и Белоруссии демонстрирует отсутствие убедительных аналогов их живописного стиля.

Автор предлагает в качестве наиболее близкого аналога, найденного на сегодня, живопись росписей соборов двух монастырей в регионе Фрушка Гора в Сербии.

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РЕГИОНА
(1920-е–1930-е гг.)

Именно на решение задачи представить прошлое города так, как его помнят и переживают местные жители, по распространённому мнению, должна быть нацелена работа музейщиков, занимающихся городским краеведением. Данная мысль укоренилась еще в 1920-х гг., однако музейные книги отзывов межвоенного периода нередко отражали разочарование посетителей, которые констатировали, что «в музее нет ничего краевого»¹. К таким парадоксам музея приходили в силу особых условий, сложившихся в музейном деле в 1920–1930-х гг. Цель данной работы – охарактеризовать музейные репрезентации истории городов Западной Сибири в выставочно-экспозиционной деятельности краеведческих музеев региона на фоне музейной политики и советской политики памяти этого периода.

Этап между Гражданской и Великой Отечественной войнами был очень трудным и противоречивым для музеев страны и Сибири, в частности. В начале 1920-х гг. хозяйственная разруха больно ударила по сохранности фондов, негативно сказалась на возможностях заниматься научной и выставочно-экспозиционной деятельностью. Жесткие идеологические требования разрабатывать социально-экономические темы отвлекали музейщиков от занятий историей Сибири и городов региона в последующие годы. Эксперименты в музейном деле, последовавшие за Первым музейным съездом 1930 г., преследовавшем цель подчинить деятельность музеев идеологическим задачам, сделать их рупорами пропаганды, обычно заканчивались неудачами. Одновременно усиливались политические репрессии, сказавшиеся на судьбах ряда западносибирских музейщиков. С середины 1930-х гг. музеи были вынуждены активно участвовать в формировании героических культов Сталина, Кирова и Куйбышева, что также оставляло им мало возможностей заниматься собственно краеведением, изучением истории городов, в которых они жили и работали.

Начало 1920-х гг. было связано с музеефикацией культурно-исторического наследия. Этот процесс охватил все города региона, однако наиболее

продуктивно с обозначенными задачами справлялись томичи. В 1920 г., в условиях разрухи, художник и архитектор

А. Л. Шиловский инициировал успешный проект по изучению архитектуры старого Томска. Группа художников выполнила серию рисунков, изображавших старинные деревянные постройки, отдельные оригинальные архитектурные элементы и панорамы старых томских улиц. Параллельно начался процесс активного формирования коллекций, тематически связанных с «томской стариной». В экспозиции середины 1920-х гг. существовал специфичный для Томска отдел, который в отчетной документации был назван «Стариной Томского края» и «Старым городом»².

При том, что местная периодическая печать, следуя советской политике памяти, стандартно очерняла дореволюционное прошлое западносибирских городов, томским музейщикам во главе с директором музея М. Б. Шатиловым удалось уклониться от предвзятого взгляда на историю Томска. Наоборот, экспозиция томского музея отражала сентиментальное любование «томской стариной». В 1925 г. в экспозиции появился также и отдел, посвященный военно-революционному периоду. Он строился в логике хроники революционных событий в Томске, составленной сотрудниками музея. Известно, что там экспонировались отснятые Н. В. Татауровым фотографии конспиративных квартир и тюрьмы³. Однако острая, обусловленная политическими мотивами, критика музейной экспозиции со стороны инспектора научных учреждений Западносибирского Краевого отдела народного образования С. С. Черникова привела к ее полному демонтажу. Перестройка экспозиции на основе марксистской методологии затянулась на годы. Можно констатировать, что предвоенные репрезентации истории Томска в музейной экспозиции почти целиком были связаны с мемориализацией С. М. Кирова, который в Томске начинал свою революционную деятельность. Материалы, относящиеся к «большому» историческому нарративу революции, являлись не контекстом репрезентации томских материалов, а доминировали над ними. Подчеркивалась «захолустность» дореволюционного Томска и его социально-экономические проблемы.

Первая серьезная попытка музейщиков приступить к изучению истории Новосибирска относится к 1928 г. Соответствующую программу разработала Е. Н. Орлова, видевшая специфику истории Новосибирска в ее «молниеносности». При том, что в ее отношении к дореволюционному Новониколаевску чувствуется влияние советской пропаганды, Е. Н. Орлова предлагала обратить внимание на такие оригинальные, собственно новониколаевские сюжеты, как «жизнь улиц, площадей, базаров», «знаменитая Закаменка, Нахаловка, Ельцовка, Татарская слобода, старое кладбище,

РАЗВИТИЕ МЕЖМУЗЕЙНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ
(на примере Крымского этнографического музея)

На сегодняшний день музейная сеть Республики Крым насчитывает 15 государственных музейных учреждений, в том числе 8 музеев-заповедников и 23 муниципальных музея. Помимо этого, на территории Республики Крым функционирует более 250 музеев, действующих в составе предприятий.

Музеи Крыма – своеобразная визитная карточка нашей Республики, важная оставляющая в культурно-образовательной деятельности и развитии культурного туризма.

О развитии музейных учреждений Республики Крым, решении первоочередных задач и развитии межмузейного обмена в последнее время говорится немало. В Республике Крым за последний календарный год произошло несколько серьезных совещаний, направленных на эти решения, например, 9-11 ноября 2014 г. в г. Судак в рамках конференции «Вопросы инновационного развития и информации отрасли культуры», 23 июня 2015 г. на выездном совещании Комитета Государственной Думы Российской Федерации по культуре в Крымском федеральном округе. Теме межмузейного выставочного обмена посвящены и ряд региональных круглых столов, например, круглый стол «Актуальные вопросы выставочной деятельности российских музеев» с участием Омского государственного историко-краеведческого музея, Ростовского областного музея краеведения, Центрального музея Тавриды, Симферопольского художественного музея, Крымского этнографического музея, Музея истории города Симферополя, Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия, Историко-археологического музея заповедника «Неаполя Скифский», Министерства культуры Республики Крым на базе Крымского этнографического музея (23 сентября 2015 г., Симферополь).

Организация выставочной деятельности регламентируется приказом №1944 от 9 июня 2015 г. Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении Порядка организации выставочной деятельности в

Кирпичные сараи». В целях проекта начали собирать мемуары, дневники, открытки, частные письма и фото⁴. Но, к сожалению этот проект имел слишком короткую историю. Лишь перед войной музей вновь обратился к истории города. Была открыта временная выставка по истории Новосибирска, включавшая три раздела, соответствовавшие советской схеме периодизации отечественной истории: «Новосибирск дореволюционный», «От Февраля к Октябрю и после Октября», «Новосибирск социалистический». Для организации этой выставки работникам музея пришлось пользоваться старыми газетами и устными воспоминаниями, что осложняло достижение требовавшейся схематизации и идеологической выстроенности выставки⁵.

Нами найдены свидетельства наличия в экспозиции Омского краеведческого музея первой половины 1920-х гг. отдела, посвященного истории этого города. В 1920-х гг. омские музейщики активно боролись за сохранение историко-культурного наследия города, представленного, прежде всего православными храмами. Но на рубеже десятилетий в адрес омского музея прозвучало немало критических замечаний со стороны контролирующих органов, которые требовали более очевидной идеологизации репрезентаций прошлого. Это привело к тому, что экспозицию свернули. Омичи, как и новосибирцы, вернулись к теме истории своего города лишь в 1941 г. Согласно экспозиционному плану омичи размышляли о возможности включения в экспозицию фото старинных омских крепостных ворот и знамени сибирских казаков⁶. Но новейшая история Омска была разработана в новом плане совсем невнятно. В этом музее, как и везде за основу построения исторической части экспозиции был взят «Краткий курс ВКП (б)», большое внимание уделялось успехам современного экономического развития, а репрезентациям исторического прошлого города предавалось второстепенное значение.

Примечания:

1. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 163.
2. Шатилов Б. М. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея (1922-18 марта 1926 г.). С. 26.
3. ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 12-15 об.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-217. Оп. 1 Д. 116.
5. ГАНО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 1 б.
6. ИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 3. Д. 6. Л. 5-6.

малых и средних городах субъектов Российской Федерации во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». В данном документе рассматривается схема финансирования, механизм организации и проведения выставок, предлагаются две Федеральные целевые программы «Информационное общество (2011-2020 гг.)» и «Культура России» (2012-2018 гг.), из которых финансирует выставки Министерство культуры Российской Федерации, создается передвижной фонд ведущих российских музеев федерального подчинения, рекомендуются выставочные площадки субъектов Российской Федерации.

Одним из главных стимулов развития выставочного обмена в Республике Крым является Государственная программа «Развитие культуры и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым на 2015-2017 годы», принятая Постановлением Совета министров Республики Крым от 9 февраля 2015 г. № 32, где в разделе «Модернизация и развитие музейной сети Республики Крым», выделены мероприятия – «Проведение централизованных культурно-массовых мероприятий» с финансовым обеспечением из бюджета Республики Крым. За счет средств бюджета Республики Крым, а именно программы, в процентном соотношении преимущество отдается выставочным проектам, реализованным в долевом участии 50/50. Реализация выставочных проектов является важной составляющей в развитии межрегионального и межмузейного сотрудничества, важной составляющей в популяризации историко-культурного наследия многонациональной России. Несомненно, в настоящее время крымчанам важно ощущать себя единой семьей граждан Российской Федерации и реализация культурных проектов прямое подтверждение этому.

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации в музейных учреждениях республики активизировалась работа по выставочному обмену. Первые выставки открылись в Симферополе в мае 2014 г. – Симферопольский художественный музей и Центральный музей Тавриды. Немаловажную роль в этой работе сыграла площадка Международного фестиваля музеев «Интермузей-2014», когда 4 июня представители музеев Крымского федерального округа подписали рамочные межмузейные соглашения о сотрудничестве (Государственный Эрмитаж и Керченский историко-культурный заповедник; Российский этнографический музей и Крымское республиканское учреждение «Этнографический музей», Дом-музей А. П. Чехова в Ялте с Государственным литературным музеем и Государственным центральным театральным музеем им. А. А. Бахрушина и др.), а также установление личных контактов руководителей учреждений,

например, уже в апреле 2014 г. директор ОГИК музея Вибе П. П. высказал идею организации в Крыму выставки «Азиатская Россия», в мае состоялся визит директора Российского этнографического музея Грусмана В. М. в Симферополь в Крымский этнографический музей, который также принял участие 16 мая в торжественном мероприятии VI Республиканского конкурса музеев Крыма, в рамках Международного дня музеев.

Согласно информации министерства культуры Республики Крым, за период 2014-2015 гг. (9 месяцев) в республиканских музейных учреждениях организовано 36 передвижных выставок, в том числе: федеральные музеи (9); региональные музеи (13); творческие и производственные объединения (8); частные лица (6).

Географически выставки представлены из следующих регионов и городов Российской Федерации: Москва – 13 выставок; Санкт-Петербург – 5 выставок; Челябинск – 3 выставки; Тюмень – 2 выставки; Великий Новгород (Новгородская область) – 1 выставка; Владимир (Владимирская область) – 1 выставка; Вологда – 1 выставка; Екатеринбург – 2 выставки; Златоуст (Челябинская область) – 1 выставка; Краснодар – 1 выставка; Омск – 1 выставка; Республика Ингушетия – 1 выставка; Ростов-на-Дону – 1 выставка; Софрино (Московская область) – 1 выставка; Таганрог – 1 выставка; Тула – 1 выставка.

Ведущую роль в приеме передвижных выставок занимают республиканские музеи, расположенные в Симферополе, из 36 выставок 22 проходили в 3 республиканских музеях (из 5) столицы Республики Крым.

Из общего количества указанных выставок в республиканских музеях за период 2014 г. – 9 месяцев 2015 г. 12 выставок проходили в Крымском этнографическом музее. В первую очередь, интерес у крымчан и гостей Симферополя вызвали выставки из федеральных и региональных музеев Российской Федерации:

Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки – интерактивная выставка «Гимн России».

Выставка «ГИМН РОССИИ» была открыта в марте 2014 г. в Центральном музее музыкальной культуры Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Выставка имела огромный успех и награждена Дипломом «Лучший патриотический проект Года культуры» Международного фестиваля «Интермузей -2014».

С 31 октября по 28 ноября 2014 г. в рамках Года культуры в России в Крымском республиканском учреждении «Этнографический музей» (Симферополь) состоялось открытие интерактивной выставки «Гимн России». В музейном пространстве была масштабно представлена история

Государственного гимна Российской Федерации и его предшественников – гимнических и торжественных мелодий разных столетий.

Организаторами выставки в Республике Крым выступили: Министерство культуры Российской Федерации, Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки, Министерство культуры Республики Крым и Крымский этнографический музей.

В Российской Федерации, как и в других государствах, гимн-главный музыкальный символ страны. В нем сосредоточена вся суть политической и культуры жизни народа, который его исполняет. Какие ценности отражены в российском гимне, как он создавался показывалось на выставке. В процессе исторической мультимедийной «прогулки» с виртуальным гидом посетители совершили музыкальное путешествие во времени с XVI в. до наших дней. Гости выставки почувствовали себя участниками далеких событий, познакомились с торжественными и гимническими мелодиями разных эпох и получили ответы на множество вопросов: к примеру, какова история гимна России, почему гимн является государственным символом, в каких случаях он должен исполняться. Видеоматериалы на экранах и аудиовизуальные эффекты погрузили посетителей в мир исторических артефактов.

На выставке в одном экспозиционном пространстве соединились современные мультимедийные технологии с подлинными документами разных эпох и редкими экспонатами, предоставленными крупнейшими государственными музеями, архивами и частными коллекционерами.

Кульминация выставки – рассказ об истории современного Гимна России, после которого каждый посетитель смог стать участником большого виртуального хора, исполняющего Государственный гимн Российской Федерации.

За время экспонирования выставку посетило 3036 человек, количество музейных предметов, экспонируемых на выставке – 74 единицы.

Российский этнографический музей – выставка «Народы Крыма», проходила в Крымском этнографическом музее с 12 декабря 2014 г. по 15 апреля 2015 г.

Собрание Российского этнографического музея по этнографии народов Крыма не является обширным, но оно представляет коллекции, где собраны редчайшие экспонаты, характеризующие быт и культуру этого региона. Подобные предметы, особенно по культуре греков, крымчаков, караимов, крымских татар и др. гораздо меньше сохранились в музеях Крыма, собрания которых пришлось фактически восстанавливать.

На выставке «Народы Крыма» демонстрировались предметы быта, музыкальные инструменты, документальные фотографии XIX–начала XX вв.

и традиционные костюмы XVIII–XX вв., из собрания РЭМ по этнографии народов Крыма (крымских татар, караимов, крымчаков, крымских греков, цыган), а также были представлены материалы, связанные с российским периодом в истории Крыма – это экспонаты, принадлежавшие переселенцам (болгарам, гагаузам, русским, украинцам, белорусам, евреям и молдаванам).

За время экспонирования выставку посетило 2011 человек, количество музейных предметов, экспонируемых на выставке – 368 единиц.

Значительным итогом прошедшей выставки стала передача специального выставочного оборудования, компьютера, ТВ и специального освещения Крымскому этнографическому музею, которое в дальнейшем используется в проведении временных выставок.

Музей кружева Вологодского государственного музея-заповедника – выставка «Кружева вологодские, ненаглядные...», проходила в выставочном зале Крымского этнографического музея (Симферополь) с 26 декабря 2014 г. по 13 апреля 2015 г.

«Кружева вологодские, ненаглядные» – выставка о наиболее известном традиционном промысле Вологодской области – искусстве кружевоплетения. Кружевной промысел сложился на Вологодчине в начале XIX в. В этот период организуются первые кружевные фабрики, а мода на кружево охватывает все сословия. С каждым десятилетием XIX в. насчитывается все больше и больше кружевниц, в 1912 г. их уже 39 тысяч. Неслучайно гостям Вологды казалось, что кружева плетет весь город. После 1917 г. кружевной промысел переживал разные периоды – были свои взлеты и падения, к 1950–60 гг. он сложился в самобытное художественное явление, относящееся к сфере декоративно-прикладного искусства. Ажурные панно, предметы одежды, дорожки, скатерти были представлены на выставке «Кружева вологодские, ненаглядные...». Эти кружевные предметы из коллекции Музея кружева демонстрировались на многих выставках в России и за рубежом – совсем недавно ими восхищались посетители международной выставки «Живое наследие» во французском Лувре.

В целом, выставка вологодского кружева поразила не только содержанием, но и масштабами кружевных изделий. Крупные скатерти, дорожки, предметы одежды создали на выставке атмосферу кружевной страны, волшебной сказки.

Нужно отметить, что 16 октября 2014 г. главой Республики Крым Сергеем Аксеновым и губернатором Вологодской области Олегом Кувшиниковым было подписано Соглашение и культурном сотрудничестве. Выставка «Кружева вологодские, ненаглядные» была запланирована в рамках этого соглашения.

За время экспонирования выставку посетило 2023 человека, количество музейных предметов, экспонируемых на выставке составило 88 единиц.

Омский государственный историко-краеведческий музей – межрегиональный музейно-выставочный проект «Азиатская Россия», проходил в музее с 25 июня по 23 сентября 2015 г. Выставка была организована за счет средств Омского государственного историко-краеведческого музея и Крымского этнографического музея в рамках предоставления субсидии из бюджета Республики Крым в рамках Государственной программы Республики Крым Развитие культуры и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым на 2015-2017 гг.».

Выставочный проект «Азиатская Россия» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея начинает новый этап взаимодействия в сфере культуры между нашими регионами. Между ОГИК музеем и КЭМ существуют давние творческие связи, а города Омск и Симферополь являются городами-партнерами.

В конце октября 2014 г. между музеями подписано соглашение о намерениях, направленное на расширение научных и выставочных связей. 20 марта 2015 г. между музеями подписан договор о предоставлении музейных предметов на временную выставку «Азиатская Россия».

На торжественном открытии выставки присутствовало более 50 гостей. Из высоких гостей Крымский этнографический музей посетили Председатель комитета по культуре и вопросам охраны культурного наследия Государственного Совета Республики Крым С. Савченко, Министр культуры Республики Крым В. В. Новосельская, Глава администрации города Симферополя Г. Бахарев. Председатель Государственного совета Республики Крым В. Константинов посетил выставку «Азиатская Россия» совместно с Председателем Общественной палаты Республики Крым Г. Иоффе 2 июля 2015 г. На торжественном открытии выставки приняли участие более 10 представителей СМИ, в том числе телевизионный канал - «Первый крымский» и ИТВ, газеты и интернет-издания.

23 сентября 2015 г. состоялось закрытие выставки «Азиатская Россия», заключительную экскурсию по выставке провела главный хранитель ОГИК музея Белоглазова Ю. Н. для студентов-историков Таврической академии Крымского Федерального университета (30 человек). На закрытии присутствовали директор ГБУРК «КЭМ» Лаптев Ю. Н. и директор ОГИК музея Вибе П. П.

За время экспонирования с 25.06.2015 г. по 23.09.2015 г. выставку посетило 2010 человек, из них индивидуальных посетителей – 1574 человека, с экскурсионным обслуживанием – 436 человек. Количество публикаций

в прессе о выставке составило 21, ТВ сюжетов – 5, выступлений на радио – 2, ряд интернет-изданий Республики Крым и Омской области обратили внимание на проект. Количество экспонируемых предметов составило 239 единиц.

Реализованный проект «Азиатская Россия» заслужил высокой оценки со стороны министра культуры Республики Крым Новосельской В. В. и Губернатора Омской области Назарова В. И.

25 сентября губернатор Омской области В.И. Назаров в бюджетном послании на 2016 г. отметил состоявшуюся выставку: «И еще об одном важном направлении. Об отдыхе омичей. В этом году состоялась весьма любопытная акция. Наш краеведческий музей с успехом организовал выставку «Азиатская Россия в этнографическом музее города Симферополя. Я считаю, что важно и нужно продолжить установившийся контакт. И использовать его для создания системы образовательного семейного туризма для жителей нашей области. Пользуясь теми возможностями, которые предоставляет Крым. Нужно начать договариваться с Правительством Крыма о взаимных условиях. Наши министерства должны взяться за этот вопрос» (портал Правительства Омской области – www.omskportal.ru).

Мемориальный комплекс жертвам репрессий (Республика Ингушетия) – выставка «Связь времен» в рамках проекта «И похожие, и разные...».

В ГБУРК «Крымский этнографический музей» с 18 сентября 2015 г. по 18 октября 2015 г. проходила выставка «Связь времен» в рамках проекта Мемориального комплекса жертвам репрессий «И похожие, и разные...».

Задача проекта - наиболее ярко показать национальное своеобразие каждой из культур и подчеркнуть общие черты народов России. В рамках реализации проекта были проведены выставки совместно с Национальным музеем Кабардино-Балкарской республики и Ингушским государственным музеем краеведения им. Т. Мальсагова, Карачаево-Черкесским историко-культурным и природным музеем-заповедником, Дагестанским музеем изобразительных искусств. Главная цель выставки «Связь времен» - дать возможность получить более полное и достоверное представление о традиционной культуре ингушского народа и ощутить его национальный колорит. На выставке представлены предметы обихода: посуда, ковры, одежда, которые познакомят с культурой Ингушетии, начиная с XIX в. и до сегодняшнего времени. Выставка будет состоять из следующих разделов: «Дерево», «Металл», «Ковры», «Одежда», «Фотогалерея». Количество музейных предметов экспонируемых на выставке – 188 единиц, за время экспонирования выставку посетило 560 человек.

С 22 сентября по 11 октября 2015 г. в Крымском этнографическом музее прошла выставка графики Чахирьяна С. П. «Город моего детства (Нахичевань-на-Дону)» из собрания Ростовского областного музея краеведения. За время экспонирования выставку посетило 192 человек.

Как мы видим, межмузейный выставочный обмен играет значительную роль в работе КЭМ и ряде республиканских музеев Крыма. Несомненно, данное направление в работе крымских музеев будет развиваться и в дальнейшем. Важную роль в этом играет исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». В планах КЭМ на 2016-2017 гг. запланирована организация выставок из фондов Музея истории русского платка и шали (Павловский Посад, Московская обл.), Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова (Ростовская обл.), организация выставки «Народы Крыма» в рамках проведения 300-летия основания г. Омск, а в 2017 г. – в год 25-летия основания Крымского этнографического музея планируются выставки из Российского этнографического музея, Свердловского областного краеведческого музея, Национального музея Республики Татарстан.

Л. А. Лупинас

Омск, Музейный комплекс воинской славы омичей

ОМИЧИ - УЧАСТНИКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАН ЕВРОПЫ ОТ НАЦИЗМА (ПО ФОНДАМ МКВСО)

Время стирает не только боль утрат, стирает имена, фамилии, даты. Но в музее не забыты подвиги солдат, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В фондах Музейного комплекса воинской славы омичей хранятся документы и фотографии, награды, фронтовые письма и воспоминания наших земляков, принимавших участие в боевых операциях на территории Европы. Нелегким был заключительный этап войны. Свыше года около 7 миллионов советских воинов вели упорные бои с гитлеровцами на территории Европы. Более 1 миллиона воинов погибло при освобождении европейских городов и сел.

Длительной и кровопролитной была Будапештская операция (октябрь 1944 г.-февраль 1945 г.). Венгрия до конца войны оставалась верной союзницей Германии. Немецкие и венгерские войска отчаянно сопротивлялись, чувствуя свой неизбежный конец.

В освобождении Будапешта принимали участие омичи:

Н. И. Яценко – гв. майор, командир 214 ордена Хмельницкого стрелкового полка. Герой Советского Союза.

С. П. Кондаков – гв. старший сержант, разведчик 32-го гв. стрелкового полка 12 гв. стрелковой дивизии. Передал в музей фронтовые фотографии, благодарности Верховного Главнокомандующего, пилотку красноармейца и финский нож.

Н. П. Кутузова – гв. лейтенант, участница освободительного похода по странам Европы.

С. И. Ермолаев – командир огневого взвода, комсорг батареи. Герой Советского Союза. 11 января 1945 г. в районе г. Секешфехервар вступил в единоборство с 16-ю танками противника, пять из них он уничтожил. Спасая жизнь своих товарищей, бросился под танк со связкой гранат.

Хранятся в фондах и частично представлены в экспозиции музея архивы омичей, принимавших участие в Висло-Одерской операции, которая длилась с 12 января по 3 февраля 1945 г.

П. Е. Кочергин – механик-водитель танка Т-34. Закончил свой боевой путь в Берлине.

© Лупинас Л. А., 2015

П. П. Дядичкин – снайпер. Закончил школу снайперов в Калачинске, во время войны приобрел новую военную специальность – механик-водитель танков и самоходных орудий. В музее хранятся его воспоминания и фронтовые фотографии.

И. С. Козин – ст. лейтенант, командир батальона связи.

А. В. Поляков – военный водитель. При форсировании р. Одер подвозил боеприпасы и продовольствие.

С. П. Кондаков – воевал на Курской дуге, был 1-м номером пулемета «Максим». В сентябре 1943 г. форсировал Днепр. Со своим «максимом» 10 дней отбивал непрерывные атаки фашистов. Войну закончил командиром отряда разведчиков, в музее хранятся фронтовые фотографии и благодарности Верховного Главнокомандующего.

В. И. Струнин – водитель танка Т-34. Передал на вечное хранение в музей фронтовые письма, открытки из Европы.

И. И. Меньшиков – командир батареи 7 гаубичного артиллерийского полка 2-й артиллерийской бригады, воевал в составе Войска Польского, передал в музей свои фронтовые фотографии, польские награды, медаль «За взятие Варшавы», компас и немецкую карту Берлина.

Восточно-Прусская операция проходила с 13 января по 25 апреля 1945 г. В этой операции тоже принимали участие омичи, которые передали свои архивы на вечное хранение в музей:

Н. А. Цуканова – радист 32-го отдельного дивизиона бронепоездов. За участие в штурме Кенигсберга награждена медалью «За взятие Кенигсберга». На экспозиции музея представлены: обмундирование, в котором она принимала участие в штурме Кенигсберга, благодарность Верховного Главнокомандующего и медаль «За взятие Кенигсберга».

В.В. Бачинин – старший сержант, начальник Поста ПВО, передал в музей фото, карманные часы, портмоне, иконку, которую мать надела на него перед уходом на фронт и патрон к стрелковому оружию (этот патрон он пронес через всю войну, хранил для себя, если попадет в плен).

К. Я. Сериков – сержант, сапер 17-го отдельного саперного батальона, в архиве нашего земляка фотографии, награды и удостоверения к ордену Красной Звезды, медалям «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией».

А. П. Чернобаев – автор книги «История штурма города-крепости», он передал в музей свою книгу, фотографии и камни с того места крепости, где насмерть стоял вместе с бойцами.

Многие омичи были участниками Берлинской операции, которая началась 16 апреля 1945 года.

В. А. Москаленко – водитель танка Т-34. Участвовал в форсировании Одера, одним из первых ворвался в Берлин, награжден медалью «За отвагу», передал в музей фотографии, благодарности Верховного Главнокомандующего, гармонь-двухрядку, с которой он дошел до самого Берлина.

Э. А. Эфрос – рядовой, участник 1-й Мировой войны и Великой Отечественной войны. Передал в дар музею фото, документы, солдатский котелок, полевой планшет, с которым он воевал еще в годы первой мировой войны, самодельный портсигар с надписью «9 мая 1945г. Э. Пантофель».

П. Л. Степаненко – майор зам. командира дивизиона по материальному обеспечению 364-й стрелковой дивизии. Передал в музей фотографии, документы, китель с наградами, портсигар с надписью «Даешь Берлин!».

Н. Д. Шумилин – младший лейтенант, участник сражения на Кюстринском плацдарме 16 апреля 1945 г.

Н. В. Кузнецов – гв. ст. лейтенант, зам. командира авиа-эскадрильи 70-го гвардейского штурмового авиационного полка 6-й Воздушной армии, Герой Советского Союза. Погиб в боях за Зееловские высоты 14 апреля 1945 г. Во время боя самолет Н. В. Кузнецова был подбит и загорелся, и он направил свою горящую машину на вражескую артиллерийскую батарею.

В. И. Войцешук – подполковник, командир авиа-эскадрильи 445 бомбардировочного авиаполка, участник штурма Берлина. В музее хранятся – фронтовая летная книжка, награды, квитанция о внесении в фонд обороны страны 100 тысяч рублей (на постройку самолета, деньги внесли Войцешук и два его друга), телеграмма Сталина на имя В. И. Войцешука с благодарностью за такой взнос в фонд обороны страны.

Последней и самой кратковременной операцией советских войск была Пражская (с 6 по 11 мая 1945г). В фонды музея передали свои архивы:

В. В. Барабанов – майор, старший уполномоченный контрразведки «СМЕРШ» 140 стрелковой дивизии 60-й Армии, фотографии, воспоминания.

Н. А. Клименко – майор, командир 29-го кавалерийского полка: фотографии, фронтовые письма, воспоминания.

Фонды Музейного комплекса воинской славы омичей постоянно пополняются новыми архивами омичей-участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Новые поступления будут представлены посетителям музея на экспозиции и новых выставках.

**НОВЫЕ ФАКТЫ В ИСТОРИИ
ОСНОВАНИЯ СЕЛА ЗНАМЕНСКОЕ**
(по материалам архивных документов)

Первое письменное упоминание о селе Знаменском обнаружил омский краевед А. Д. Колесников в архиве Тобольска. В документе 1666 г. говорится, что крестьяне Г. Холкин и Н. Корнильев дали обязательство пахать на монастырской земле в деревне около о. Изюк, сеять там озимое и яровое поле. На основании этих данных А. Д. Колесников делает вывод, что село уже существовало или только заводилось. В другой своей работе он указывает, что год основания Знаменского – 1663. Название село получило благодаря иконе Божьей Матери «Знамение», в честь которой в 1700 г. была построена часовня¹. На данный момент 1663 г. считается официальной датой образования села Знаменское. Между тем, анализ архивных документов опровергает сложившееся мнение и, с большой степенью вероятности, позволяет утверждать, что начало образования села было положено жителями деревни Прокудина. Самый ранний графический документ, подробно отображающий географию нашего региона, чертеж реки Иртыш, составленный С. У. Ремезовым в конце 17 в. и вышедший в свет в атласе «Хорографическая книга Сибири». В нем (лист 92) находим интересное нас место. При озере Изюк – Изюцка, Прокудина, Павлова, погост Изюцкой, Киселева. Изучение чертежа реки Иртыш (лист 92) ставит ряд вопросов, один из них – очертания озера Изюк. Сравним его с очертаниями на современной карте. В современных очертаниях на месте, где должно находиться оз. Изюк, в 17 в. расположено 3 озера – Имшитык, Изюк, Кавинское. Основание так считать дает сравнение расположения деревень на озерах (Прокудина – у оз. Имшитык, Киселева – Киселево и п. Изюцкого – Знаменское) и речных притоках. Что это? Ошибка Ремезова или нет?

Наложение карт явно указывает на изменение русла р. Иртыш. Ранее оно проходило возле деревни Малая Кова, где в него впадала р. Кова. Сейчас эта речка впадает в озеро. А в районе старого русла Иртыша находятся озера Сухое, Саратовское и ряд озер без названия, что указывает на их недавнее происхождение. Месторасположение д. Изюцка совпадает

с современным Пристанским (п. Заготзерно), а ранее было возле оз. Изюк. Данная деревня находилась в полутора километрах от с. Изюцкого (Знаменского), поэтому имеет лишь косвенное отношение к его образованию. Местом расположения д. Прокудина может быть исток речки Кольчак у оз. Имшитык. Первое свидетельство о ней можно найти в книге П. Л. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», впервые изданной в 1889 г.

«По дозору Василия Тыркова в Тарском уезде в 1624 г. были следующие деревни служилых людей: При Имшитике – Прокудина 1 дв.»².

К 1666 г. деревня просуществовала уже 42 года, сменилось целое поколение, естественно были умершие. Кладбища принято устраивать на возвышенном месте, такое место как раз и находилось на горе, метрах в 300 от деревни (место расположения первого кладбища и первой церкви с. Знаменское). Не исключена возможность нахождения на горе и жилых строений. Кладбище было общим для островных деревень Крестьяне Г. Холкин и Н. Корнильев возвели часовню для поминовения усопших, это и стало началом погоста. А так как кладбище – часть населенного пункта, погост Изюцкий является частью д. Прокудина.

«В 1669 г. в конце сентября в г. Таре вспыхнул пожар. Большая часть города выгорела, и погорельцам пришлось выехать на свои заимки, в деревни и слободы. В Знаменский погост выехали боярский сын Александр Чередов с пятью сыновьями, семьи казаков Седельниковых и Репиных. Впоследствии Седельниковы переехали за оз. Изюк и основали старообрядческую д. Островную. В Аевскую слободу переехали беломестные казаки Зензин и Бутаков»³.

В результате природных катаклизмов изменяется русло Иртыша и происходит это между 1684 и 1701 гг. Жители островных деревень переселяются на возвышенности. В Тарской дозорной книге 1701 г.⁴ находим: д. Москвина над Имшитыком (современная д. Солдатка), с. Изюцкое (современное с. Знаменское) над Изюком, д. Островная (Павлова) над Изюком. Нет деревни Изюцкой (переселились в д. Москвина – 0,5 км.). Нет д. Прокудина (переселились в Изюцкий погост – 0,3 км.).

На такие выводы наталкивает изучение данных о населении с. Изюцкого. В 1701 г. в с. Изюцком было 45 дворов, из них 17 дворов, хозяева которых родились в этом же селе. Возраст их детей позволяет утверждать, что 6 семей с разными фамилиями проживали в данном поселении до 1663 г.

«Стрелец Андрюшка Панфилов. Сказался родом де он Андрюшка Изюцкого села стрелецкой сын. У него дети Микитка дватцати лет, Васка осмнатцати лет, Якушко шеснатцати лет... Стрелец Стенка Назарев сын

Белозеров. Сказался родом де он Стенка села Изюцкого стрелецкой сын. У него дети Митка дватцати пяти лет, Володка дватцати лет, Ивашко пятнатцати лет... Казачей сын Власко Иванов сын Черниголовин. Сказался родом де он Власко села Изюцкого конного казака сын. У него дети Мишка дватцати пяти лет, Ивашко осмнатцати лет, Максимко семнатцати лет, Федка девяти лет»⁵...

А. Панфилов родился в Изюцком и имеет сына 20 лет. Произведем расчеты: $20 + 20 = 40$ – это его минимальный возраст, 1701 г. – $40 = 1661$ г. – предположительный год его рождения. Белозеров и Черноголовин родились не позже 1655 г. Анализ по возрасту и месту рождения позволяет утверждать, что родились они в данном поселении, которое существовало ранее 1655 г.

Таким образом считаю, что годом образования с. Знаменское (д. Прокудино, п. Изюцкий, с. Чередова) следует считать 1624 г.

Этот же документ опровергает и то, что 1700 г. была построена часовня из него следует, что это была церковь.

Географические уточнения интересны не только сами по себе, но и позволяют разобраться более подробно в вопросах истории образования деревень и заселения района.

Примечания:

1. Портал Правительства Омской области – www.omskportal.ru. Дата обращения 03.09.2015.
2. Бучинский П. Л. Заселение Сибири и быт её первых ее насельников. С-Петербург, 1889.
3. Костина Т. Г. Здесь Родины моей начало. Омск, 2004.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Л. 291-322.
5. Там же.

Т. М. Назарцева

Омск, Государственный историко-краеведческий музей

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ИМЕНИ. М. А. УЛЬЯНОВА В ТАРЕ

Открытие мемориального Дома-музея М. А. Ульянова 26 июля 2014 г. в г. Тара на правах филиала ОГИК музея стало значительным событием в культурной жизни региона. Это первый и пока единственный музей мемориального профиля в государственной музейной сети Омской области¹. Очень важно, что музей открылся в сибирской глубинке, где учреждений культуры не так уж много. Это событие имело большой общественный резонанс, охватывало не только в местных, региональных, но и во всероссийских средствах массовой информации. Проект по созданию экспозиции в Доме-музее М. А. Ульянова в 2014 г. стал победителем грантового конкурса ОАО «Газпромнефть-Восток» – «Родные города». Грант позволил создать мобильную экспозицию с целью популяризации творчества М. А. Ульянова среди жителей Тарского района воспитания чувства сопричастности к судьбе знаменитого соотечественника. Экспозиция включала художественно оформленные стенды, на которых представлены копии фотографий и документов об актере. Материалы размещены по темам: «Истоки» – биография М. А. Ульянова от рождения в с. Бергамак до переезда семьи в Тару; «Тарские мостки» – о жизни в Таре, школьных годах, первых актерских шагах; «К вершинам мастерства» – об учебе в Омской театральной студии и училище им. Щукина в Москве; «Служение театру» – о ролях в театре им. Вахтангова; «Роли, роли...» – начало работы М. А. Ульянова в кино; «Великие образы» – самые известные роли М.А. Ульянова в кино; «Семья» – о родственниках и близких великого артиста; «Общественная жизнь» – о работе на посту председателя Всесоюзного театрального общества; «На Родине» – о поездках в Тару с гастрольями и к родителям. В рамках грантового проекта мобильная экспозиция побывала в 6 селах Тарского района: Ермаковка, Екатерининское, Вставское и Орлово. Сотрудники филиала начали работать над внедрением различных форм работы с посетителями, чтобы проводить не только обзорные, но и тематические экскурсии, беседы, вечера.

В. Н. Носкова разработала беседу «В детстве я жил счастливой мальчишеской жизнью», в которой в увлекательной форме представила жизнь

ребят городской окраины конца 1930-х – 40-х гг. Методист филиала Е. А. Шахматова стала автором выездного урока «Мой Михаил Ульянов», который успешно проводится в школах г. Тары.

За время работы, музей посетило: 2857 человек, проведено 97 обзорных экскурсий и 66 – тематических. На первый взгляд это скромные показатели, но это только первые шаги музея, который имеет хорошие перспективы развития.

В 2015 г. вторично был выигран грантовый конкурс ОАО «Газпром-нефть-Восток» – «Родные города». Проект получил название «Мишкино детство», состоял из 2-х разделов. Первый – включал создание экспозиции под открытым небом «Амбар» и «Подворье», второй – предусматривал разработку интерактивных детских игр и занятий на основе экспедиционного материала, собранного в Тарском районе². Проект «Мишкино детство» направлен на создание особого музейного пространства для вовлечения посетителя в историко-культурную среду малого города, через призму повседневных будней жителей городской окраины 1940-х гг. Вот как писал о жизни тарчан в 1930-40-е гг. М. А. Ульянов в своей книге «Работаю актером»: «В нашем маленьком городке люди жили своим трудом, сами себя в основном кормили. Почти в каждом дворе за высоким забором были огород и корова. Летом все выходили на покос. На зиму запасались мясом, выращивая поросят и телят. И самым уважаемым человеком считался работающий человек»³. Именно эта среда повседневного труда, ответственности воспитала актера, шагнувшего с окраины провинциального города в большое искусство.

Презентация проекта «Мишкино детство» состоялась в дни празднования Дня города Тары, 25 июля 2015 г. в рамках программы праздника улицы Ульянова. Новый комплекс включает экспозиционную и игровую площадки. Центром экспозиционной зоны стал сохранившийся во дворе амбар, который был построен одновременно с домом. Во время встречи с сестрой Михаила Ульянова – Маргаритой Александровной в 2013 г. мною были записаны воспоминания, которые легли в основу экспозиции: «Каждое лето, даже будучи студентом как Омской студии так и Щукинского театрального училища, Михаил Александрович проводил дома – в Таре. Как только тепло приходило в Тару, в одной части амбара выставлялась кровать со столом для Михаила, где он мог в свободное время заниматься, а с зорькой уходить на рыбалку и никого не беспокоить. В другой половине амбара была оборудована столярная мастерская отца». В амбаре воссоздано место отдыха актера и мастерская отца, включающая в себя верстак и типовые столярные предметы ручного изготовления, которыми пользовались в тот

период. Также экспозицию в амбаре дополнили предметы быта кустарного изготовления, которые были собраны в результате экспедиции 2015 г. у жителей города и района. За амбаром сооружен навес, где разместились крестьянские средства передвижения. Часть транспортных средств экспонируется на обширной территории бывшего огорода. Этот экспозиционный комплекс также навеян воспоминаниями М. А. Ульянова: «Зимой сугробы в Таре поднимались выше заборов, и не было ничего лучше, чем, идя утром в школу, прицепиться к розвальням едущего за сеном обоза. Правда иногда попадались недобрые дяди, приходилось спасаться от кнута, оставляя так резко визжащие на поворотах полозья»⁴.

Вторая площадка, оборудованная в рамках проекта – игровая и выглядит достаточно просто – это пространство перед амбаром, где можно проводить подвижные игры, в которые играли дети в 40-50-е гг. XX столетия.

Дом Ульяновых расположен далеко не на центральной улице и её благоустройство не позволяло достаточно комфортно добраться до музея. Особенно проблематично это было в весенне-осенний период, в дождливую погоду. С открытием музея произошли позитивные изменения в благоустройстве микрорайона: обновлено освещение улицы, на дороге уложен асфальт, обустроены пешеходные дорожки, возле музея оборудованы площадки для автотранспорта.

Уже на начальном пути создания музея было ясно, что в том виде, как музей был открыт он имеет слабые перспективы для развития, комплектования и хранения музейных предметов. Директор ОГИК музея П. П. Вибс с первых дней существования Дома-музея М. А. Ульянова в Таре говорил о необходимости строительства дополнительного здания на территории музея, идея была поддержана представителями Тарской администрации и руководителем благотворительного фонда «Сибирская глубинка» П. Ю. Исаевым. В связи с отсутствием бюджетного финансирования заказчиком проектно-сметной документации для нового строительства выступил благотворительный фонд «Сибирская глубинка». Сотрудники музея разработали рекомендации для проектировщиков, в которых предложили опираться на особенности местной архитектуры – использовать кирпич и дерево, главное условие – бережное отношение к подлинным памятным строениям и сохранение исторической среды улицы. Хотелось видеть здание не выше 2-х этажей из кирпича и дерева, со скатной крышей, с использованием традиционного северного декора на фронте, наличниках и др. фрагментах. Внутренние планировки должны включать выставочные залы, кино-лекционный зал, хранилище, кабинеты сотрудников, инфраструктуру для посетителей. Разработку проекта выполнили архитекторы проектного института

«Горстройпроект» Р. В. Воробьев и А. Р. Воробьев. В августе 2015 г. проект «Историко-культурный музейный комплекс имени М. А. Ульянова», был завершен и представлен на обсуждение. На этом этапе выяснилось, что авторы не приняли во внимание пожелания сотрудников музея и спроектировали здание в стиле конца 1960-х–нач. 70-х гг. из бетона и стекла с элементами авангарда и скульптурой актера на фасаде, в стеклянном колпаке на уровне 2-го этажа. Примерная стоимость строительства – 30 млн. руб., в эту сумму включена выкупная стоимость соседнего земельного участка, поскольку на имеющейся площади спроектированное здание построить невозможно. Данный проект вызвал неприятие сотрудников музея. Как оказалось, проект не был согласован с дочерью М. А. Ульянова – Еленой, которая при знакомстве с ним очень резко высказалась против и обратилась с письмом к Министру культуры Омской области В. П. Лапухину о недопустимости реализации проекта в таком виде. Директору ОГИК музея П. П. Вибе было поручено провести общественную экспертизу проекта. Первое обсуждение состоялось 7 октября 2015 г. на заседании Ученого совета музея, на котором большинство членов совета выразили несогласие с проектом. Наиболее четко претензии сформулировала А. Н. Гуменюк, кандидат искусствоведения, член Союза архитекторов России. Она отметила, что строительный объект доминирует объемом и цветом над своим окружением; при условии разработки здания в современной стилистике желательна историческая ретроспектива, деликатное отношение к мемориальному зданию⁵. Проект был направлен для обсуждения в Омское отделение Общества охраны памятников, откуда также пришел отрицательный отзыв. Рассмотрели проект и на заседании архитектурного Совета Омской организации Союза архитекторов России. Ведущие архитекторы Б. С. Мрыглод, В. П. Паровышний, А. И. Лунин, А. В. Бегун, Л. К. Маслова, А. М. Каримов, В. А. Проскурин и др. высказали множество замечаний: «Объемно-планировочное решение здания музея принято без учета сложившейся застройки, характера и масштаба окружающей среды, местоположения участка в системе города. В формировании объемного решения принят агрессивный прием с наличием крупных форм, выполненных в бетоне в сочетании с большими остекленными плоскостями. Постройка доминирует над всеми существующими зданиями, предполагается применение чужеродных материалов и архитектурных форм...»⁶. Жители Тары также приняли проект неоднозначно. На сайте газеты «Тарское Прииртышье» прошло обсуждение проекта, были высказаны самые полярные мнения – от «...инициатива фонда приветствуется конечно, но в Таре есть и иные проблемы, более необходимые для жителей!» до «...не понимаю, зачем ставить такое здание на огороде с видом на банно-прачечный

комбинат»⁷. В Тарской районной библиотеке 14 октября 2015 г. было проведено общественное обсуждение проекта, в котором приняли участие архитекторы-проектировщики, музейные работники, представители районной и городской власти, члены благотворительного фонда «Сибирская глубинка» и общественной организации «Тарский уезд», преподаватели Тарского филиала ОМГПУ. Из Москвы прилетели Е. М. Ульянова и автор памятника М. А. Ульянову в Таре А. В. Балашов. Состоялась достаточно жесткая дискуссия. Глава администрации г. Тары Е. Г. Михеев настаивал на принятии проекта без изменений, аргументируя тем, что, если проект принят не будет, Тара потеряет возможность федерального финансирования строительства. С этой точкой зрения согласились председатель фонда «Сибирская глубинка» П. Ю. Исаев, местные архитекторы и журналисты. Однако большая часть выступавших: представители театра, преподаватели, краеведы, музейные работники. Е. М. Ульянова обращали внимание проектировщиков на необходимость изменения внешнего вида здания, чтобы новостройка не была доминантой на музейной территории. Наиболее компромиссным было выступление скульптора А. В. Балашова, который предложил переработать фасад здания за счет некоторых архитектурных приемов, которые сделают новое здание более нейтральным при полном сохранении функционала. Установка скульптуры М. А. Ульянова на фасаде здания была отклонена. Обсуждение проекта в Таре должно принести свои положительные плоды. При доработке проекта архитекторы учтут основные замечания.

А. В. Балашов выразил согласие стать консультантом проекта и поработать с проектировщиками основные архитектурно-художественные приемы, которые изменят внешний вид здания и позволят создать в Таре достойный музейный комплекс имени М. А. Ульянова.

Каким будет новое здание, покажет время.

Примечания:

1. Назарцева Т. М. О создании в Таре мемориального музея М. А. Ульянова // Культура городского пространства: власть, бизнес, гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России. Омск, 2013. С. 283-286.
2. <http://sibmuseum.ru/news/puteshestvie-v-mishkino-detstvo.html>, дата обращения 27.08.2015.
3. Ульянов М. А. Работаю актером. М., 1987. С. 38.
4. Там же. С. 27
5. Архив ОГИК музея. Протокол заседания Ученого совета музея от 7 октября 2015 г.
6. Архив ОГИК музея. Выписка из протокола заседания архитектурного Совета Омской организации Союза архитекторов России от 8 октября 2015 г.
7. <http://www.tp-tara.ru/item>, дата обращения 27.08.2015 г.

А. В. Неретин

*Москва, Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина*

РЕСТАВРАЦИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИКОНОГРАФИИ ИКОНЫ «БОГОМАТЕРЬ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ» ИЗ ФОНДОВ ОГИК МУЗЕЯ

Иконография и реставрация иконы «Богоматерь Всех скорбящих Радость» из Омского государственного историко-краеведческого музея.

Икона «Богоматерь Всех скорбящих Радость», дерево, левкас, яичная темпера, 93 x 78 см., 1755 г., инв. № ОМК-2046, поступила в музей из города Березова в 1939 году.

Реставрация иконы проводилась в ОАО «Купина» по договору с Омским государственным историко-краеведческим музеем от 9 апреля 1993 года.

При поступлении в реставрацию икона находилась в аварийном состоянии: доски основы разошлись, в верхней части на правой доске отщеп древесины, на изображении одежды Богоматери в нижней части на левой доске ожог от свечи, нижнее поле опилено, по всей поверхности местами отставания и утраты грунта и красочного слоя, живопись под слоем потемневшей олифы, поверхностных загрязнений и влипших в олифу фрагментов бумаги.

На нижнем поле в изображении картуша надпись: «По обещанию приложена в соборную Одигитриевскую церковь бывшим в городе Березове майор воевода Василием Моисеевым 1755 года месяца апрель 15 дня. Малевал изограф церкви Дмитрий Мамонтов».

Иконографический тип «Всех скорбящих Радость», «Всех скорбящих Радосте и обидимых Заступнице...» - наименование иконы Богородицы, почитаемой в Русской православной церкви чудотворной. Известна в различных списках. На иконе изображена Богоматерь в сиянии мандорлы, окруженная людьми, обуреваемыми недугами и скорбями, и ангелами, совершающими благодеяния от ее имени. Икона «Всех скорбящих Радость» изображает Богородицу с Младенцем, над которыми парят два ангела с рипидами. Еще шесть ангелов изображены среди страждущих людей и два парят над ними. Над Богородицей помещено изображение Отечества (один

из иконографических вариантов икон Святой Троицы, запрещенный на Большом Московском соборе 1667 года), а под ногами картуш, заключающий в себя текст богородичной стихир.

Обе иконы изображают один и тот же иконографический сюжет, отличаясь несколько колоритом, композиционным решением и стилистикой письма.

Икона «Богоматерь Всех скорбящих Радость» пользовалась исключительным почитанием, но иконографические черты извода были чрезвычайно неустойчивы. под одним названием в этом случае объединилось несколько вариантов изображения Богоматери, восходящих к различным западным источникам. Поэтому Богоматерь могла быть представлена в простых одеждах или в царском одеянии, прямолично или в легком повороте, с Младенцем или без него, стоящей на облаках или на полумесяце, восседающей на троне, с жезлом, платом, свитком, с распростертыми руками. В верхней части иконы изображались Бог-Отец, Христос, Новозаветная Троица в разных izvodaх. «Скорбящие» с помогающими им ангелами по сторонам Богоматери также выглядят различно, хотя обычно они сгруппированы «по скорбям» (алчущие, жаждущие, плачущие, нагие и т.п.). Разнообразие этой иконографии обусловлено, по-видимому, конкретными историческими обстоятельствами.

В рассматриваемой нами иконе Богоматерь изображена в центре, в рост, с Младенцем. Внизу, по сторонам - две группы больных и страждущих, жаждущих помощи от небесной Покровительницы. Традиционная иконография сочетается с яркими интонациями, характерными для украинской живописи. Великолепие роскошной одежды Богородицы, мерцание позолоты, контрастные цветовые пятна (крупные яркие цветы на фоне бирюзового фона) придают образу особую праздничность и оптимизм.

Согласно заданию, на реставрацию на иконе выполнены следующие процессы: соединены и склеены доски основы, удалены поверхностные загрязнения и фрагменты влипшей в олифу бумаги, укреплены грунт и красочный слой, утоньшен потемневший, неравномерный слой олифы, подведен реставрационный грунт, выполнены тонировки, нанесен защитный слой лака. Икона приведена в экспозиционное состояние.

НАХОДКИ КРУПНЫХ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ В КРУТИНСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ОМСКИХ МУЗЕЕВ

На территории Среднего Прииртышья известен ряд местонахождений крупных плейстоценовых млекопитающих. Как в пределах Омской области, так и в прочих Прииртышских регионах России и Казахстана, территории, удаленные от Иртыша палеонтологически охарактеризованы слабо. Исключением на сей день является долина р. Ир, притока Иртыша второго порядка, правого притока р. Ишим. Первые отрывочные сведения о палеонтологических находках в р. Ир приводятся А. Ф. Палашенковым¹. В своей статье он упоминает о нескольких точках обнаружения древней фауны: д. Лазоревка, д. Мысы, д. Моторово, п. Никольск, п. Троицк, д. Красный Яр, д. Степаниха (костные остатки бизона, мамонта, носорога, лошади). До настоящего времени из сборов середины XX в. прослеживается судьба только черепа бизона из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея (ОМК-4535, ПК 4).

В 2004-2005 гг. на территории Крутинского района Омской области, в том числе на территории долины р. Ир, прошли комплексные геоэкологические экспедиции, в ходе которых были обнаружены представительные обнажения неоген-четвертичных толщ, описана богатая фауна крупных млекопитающих плейстоцена².) Спустя почти десятилетие, в 2013 г в долине р. Ир А. В. Кленовым обнаружено скопление костей плейстоценовой фауны, которые впоследствии были переданы в Омский государственный историко-краеведческий музей. В тот же год экспедицией студии «Архаика» проведены дополнительные сборы костных остатков плейстоценовых млекопитающих, расширившие представление о фауне и природной обстановке плейстоцена современного Крутинского района и Среднего Прииртышья в целом.

Долина р. Ир врезается на 5-12 м в окружающую слабоволнистую равнину. Коренной берег долины сложен отложениями, отнесенными к нижне-среднемиоценовой бещеульской свите, эоплейстоцен-неоплейстоценовой смирновской толще, карасукской свите среднего-верхнего неоплейстоцена³. Смирновские и карасукские отложения перекрываются плащом лессовых и

покровных элювиальных, делювиальных, пролювиальных отложений толщиной до 3-4 м. Позднеплейстоценовая первая надпойменная терраса р. Ир не прослеживается в верховьях реки. В низовьях она узкая, развита по обоим берегам в виде прерывистых полей шириной до 400-500 м. Уступ террасы к пойме четкий, высотой 0,5-6 м. С окружающей равниной терраса сочленена сглаженным уступом высотой до 3 м. Мощность аллювия террасы 2-12 м. Терраса сложена песками, супесями, суглинком, глинами⁴. Распространены современные пойменные отложения небольшой ширины и мощности.

Почти все находки костных остатков млекопитающих находятся во вторичном залегании в русле реки, образуя локальные скопления на некоторых меандрах между сс. Красный Яр и Паново. В черте с. Паново скопления костных остатков состоят из костей современных домашних животных. В первичном залегании найдены единичные остатки мамонта в покровных отложениях и быка в голоценовом торфянике. Совокупный видовой состав исследованных в разное время выборок составляет 10 видов крупных млекопитающих: бобр, пещерный лев, бурый медведь, шерстистый мамонт, лошадь, шерстистый носорог, лось, марал, бизон, тур.

Общий облик фауны долины р. Ир наиболее вероятно соответствует второй половине позднего плейстоцена, обстановке холодного, мозаичного, преимущественно открытого ландшафта, но, по всей вероятности, костные остатки накапливались длительное время в различных условиях захоронения (субаэральных, в том числе в результате деятельности хищников, субаквальных, без существенного переноса). Имеющиеся лесные (бобр), более теплолюбивые (тур) также могут иметь голоценовый возраст, как впрочем и некоторые виды, в целом характерные для плейстоценовой фауны. Полученные данные расширяют знания о природной среде Среднего Прииртышья в эпоху позднеплейстоценовой ландшафтно-климатической перестройки и ранних этапов освоения региона человеком, уточняя видовой состав и спектр биотических взаимоотношений видов плейстоценовой мегафауны.

Примечания:

1. Палашенков А. Ф. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск, 1957. С. 101-124.

2. Бондарев А. А., Кассал Б. Ю. Териофауна и природные комплексы Верхне-омской палеодолины // Труды Зоологической Комиссии. Ежегодник. Вып. 1: Сб. науч. тр. Омск: Академия, 2004. 158 с.

3. Русаков В. Н. (отв. испол.) Информационный отчет о результатах геоэкологической экспедиции по изучению природных ресурсов Крутинского района Омской области 09-22.08. 2004 г. Омск, 2005.

4. Там же.

Г. М. Патрушева, П. В. Глушкова, Т. И. Кимеева

*Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Кемеровский государственный университет культуры и искусств
Кемеровский государственный университет*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА У ШОРЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Предметы традиционной культуры шорцев тюркоязычного народа юга Западной Сибири хранятся в коллекциях практически всех краеведческих музеев Кемеровской области, музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и в музеях других регионов Сибири: Новосибирском областном краеведческом музее, Омском государственном историко-краеведческом музее, Томском областном краеведческом музее, Музее археологии и этнографии Томского государственного университета им. П. А. Флоренского, Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Главная задача музея как хранителя и транслятора культурного наследия заключается в раскрытии этого унаследованного потенциала¹. На основе исследования музейных предметов представляется возможной актуализация наследия, значимость которой обусловлена утратой традиций их воспроизводства. В настоящее время в условиях исчезновения подлинных памятников народной культуры воссоздание аутентичных ремесел происходит на перекрестке традиционных и модернизированных культур. Так, результаты исследования воссозданных образцов традиционного прикладного искусства в рамках деятельности национальных творческих коллективов шорцев показали, что происходит выбор иноэтничных, более аттрактивных, чем шорские, элементов. В качестве «традиционных» в шорском искусстве появляются, например, украшения в виде меховой розетки, характерной для культуры Севера Сибири – чукчей, коряков, либо элементы декора костюма южных алтайцев². Реконструкция же (научно обоснованное восстановление утраченного или руинированного культурного объекта)³ позволяет воссоздавать подлинные элементы культуры. В связи с этим становится чрезвычайно актуальной деятельность по изучению и использованию музейных предметов, способных служить подлинными образцами

при реконструкции народного искусства. На основе анализа собраний музеев России в статье реконструируются основные техники и приемы, используемые в изготовлении традиционного костюма.

Для изготовления нательной и верхней одежды шорцами традиционно применялся домотканый текстиль – кендырная ткань, изготовленная из пряжи конопля и крапивы на архаичном горизонтальном ткацком станке. В начале XX в. одежда шилась также из других хлопчатобумажных тканей – дабы, нанки и бязи. Материалом для сшивания деталей одежды служили кендырные нити, реже – сухожилия копытных животных⁴.

Элементы шорского костюма еще в нач. XX в. сохраняли самый древний крой – туникообразный, при котором сотканное полотно использовалось без остатка. Станом служило согнутое поперек по линии плеч прямоугольное полотнище ткани. Для обеспечения удобства при ходьбе подол расширялся за счет пришитых к стану треугольных клиньев длиной от места соединения основы с рукавом до края подола, в целях устранения ограничений в подвижности рук под мышками пришивала ластовицы – квадратные лоскутки ткани, перегибаемые по диагонали, что позволяло им растягиваться и не сковывать движения рук. Такой крой соблюдался как при шитье рубах, так и халатов. С тем отличием, что рубаха имела округлую горловину и прямой пазушный разрез до середины линии груди, а халат был распашным.

Особый интерес в костюме представлял декор. Нательная рубаха украшалась нашитой вдоль подола рубахи оборкой, оконтуренной узкими полосками яркой цветной ткани. Воротник, изготавливаемый автономно от рубахи, затем пришивался к горловине косыми стежками, выкраивался в виде узкой прямоугольной полосы и был двухслойным: лицевая сторона из сатина или плиса, тыльная – из той же ткани, что и сама рубаха. Вдоль края воротника по всему периметру нашивался узкий кант, а его концы украшались трех- и четырехлучевыми розетками из перламутровых бусин или мелких пуговиц, иногда использовались и те, и другие.

Распашная одежда декорировалась вдоль края и по углам в технике аппликации и вышивки. Воротники халатов также были накладными, длиной до середины линии груди. Их шитье и декорирование производились самостоятельно от халата, а затем они пришивались к пройме ворота так, что могли быть спороты с износившейся одежды и пришиты на новую.

Дополнительными нашивными элементами декора халата у шорцев служили карманы, украшенные вышивкой, которые изготавливались, как и воротники, в качестве самостоятельных деталей. Они были двухслойными: лицевая часть из плиса, манчестера или бархата, подклад из

хлопчатобумажной ткани. Вышивка по своим мотивам могла не сочетаться по используемым мотивам с орнаментом на других деталях халата.

Нашивными декоративными элементами были также детали, имитирующие нагрудник, в виде двух прямоугольников со скругленными краями, нашитых на правую и левую полки. Их декор составляет аппликация из нашитых вертикальных полос цветной ткани и пришитые пуговицы.

Еще одним элементом костюма, который неизменно декорировался, была шапка *пүрүк* с тульей в виде цилиндрического мешка с присборенным вдоль края верхом и орнаментированным околышем из ткани фабричного производства темного цвета с ворсовым или гладким фоном из манчестера, атласа или сатина. Вышивка, выполненная цветными шерстяными или хлопчатобумажными нитями, выгодно оттенялась темным фоном околыша.

Одежда подпоясывалась поясом *кур*, которые шились двухслойными с наружной поверхностью из плиса или сатина и подкладкой из кендырной ткани. Вдоль края пояса выполнялась обшивка узким декоративным кантом. Такие пояса не завязывались на талии, а, охватывая ее широкой полосой, застегивались с помощью пуговиц и воздушных петель.

Исследование материалов музейных собраний позволило исследовать технику вышивки у шорцев. Широко применялся тамбурный шов для выполнения различных контурных линий, вышиваемых по предварительно намеченному рисунку. В тамбурной вышивке использовалась разнообразная цветовая гамма, никогда не наблюдалось монохромности. Тамбуром выполнялся один из широко распространенных мотивов шорцев – зигзаг с петлей в изломе, который может рассматриваться как орнамент из чередующихся элементов символа почитаемой горы со светилом в вершине.

В технике тамбурного шва также декорировались женские нагрудные украшения серповидной формы из кендырной ткани *мунчук*. На котором выделяются мотивы арки, зигзага, круга, антропоморфного изображения, креста и многолепестковой розетки⁵.

Наряду с тамбурным использовался стежковый шов, встречающийся в шорском декорированном текстиле в разных вариантах. Это мог быть ряд стежков и пропусков одинаковой длины, либо стежки были длиннее пропусков, либо стежки укладывались мастерицей зигзагообразно, либо стежки располагались так, что образовывали различные фигуры.

Шорцам была известна также техника плоской глади, выполняемая на воротниках халатов прямо по основной ткани следующим образом: предварительно стежковым швом намечались параллельные линии вдоль лицевых сторон воротника; далее пространство между этими линиями заполнялось вышивкой в технике плоской глади. Вышивка гладью на музейных

предметах зафиксирована на воротниках и поясах как декор по кендырной ткани, вероятно, по той причине, что ткань полотняного переплетения позволяла четко определять длину и ширину выполняемых прямоугольников, исходя из счета уложенных в каждый из них гладьевых стежков.

В шорских текстильных изделиях также представлен крестообразный шов, известный у хакасов как *орбе*, а в современной литературе, посвященной вышивке, – «козлик». Такая вышивка выполнялась на деталях прямоугольной формы – воротниках халатов и поясах. Швом *орбе* на верхней одежде составлялись четкие геометрические орнаментальные композиции из зигзагов, арок, выполненные цветными нитками по темной основе.

Широко распространенной у шорцев было декорирование текстиля раковинами *каури*. По археологическим сведениям, *каури* появились на территории Южной Сибири еще в Карасукскую эпоху. По своему внешнему виду раковина неправильной овальной формы с зубчатой щелью на своей выпуклой стороне напоминает голову змеи и изображение мифического существа *Кар-Балык* на бубне шорских шаманов.

Раковинами *каури* у шорцев украшались воротники халатов. Они нашивались на полотно, располагаясь боковыми сторонами одна к другой. И протягивались рядами по всей длине его концов, опускающихся на грудь. На поясе раковины формировались в четырехлепестковые розетки, напоминающие мотив креста.

Другим типом декора у шорцев была аппликация в виде нашиваемых на полы верхней одежды и подол полосок яркой ткани. Четкими линиями они повторяли очертания полок халатов из фабричных тканей, выгодно выделяясь контрастным цветом на темном фоне. Декоративные полосы традиционно подчеркивали линию подола на женских и девичьих рубахах, где они нашивались в виде одной или двух параллельных полос. Е. Г. Федорова выделяет два варианта нашивания аппликативных полос на полки и подол женских халатов шорцев: две параллельные полосы с незаполненным пространством между ними; с аппликативным зигзагом между параллельными полосами, выполненным из ткани иного цвета. Кроме того, двумя цветными параллельными полосками отмечали угол левой полы, которая при характерном для шорцев левом запахе оказывалась поверх правой⁶.

Костюм дополнялся кожаной обувью *одук* домашнего производства. Сами кожаные сапоги не декорировались, но под отогнутым краем голенища они подвязывались декоративными шнурками. Для изготовления подвязок плели шнурки ручной работы из кендырных, либо хлопчатобумажных ниток. Шнурок складывался пополам и скреплялся так, что на одном конце образовывалась длинная петля, а на противоположном производилась

обмотка цветными нитками, оставляющая свободными концы тесьмы с пришитыми на концах кистями из разноцветных полосок хлопчатобумажной ткани. Подвязки с петлей обматывались вокруг края голенища, конец с кистями продевался в петлю, шнурок затягивался. Верхний край голенища отгибался наружу поверх подвязки, а кисточки спускались вдоль голенища сапога, украшая его.

Таким образом, материалы музейных собраний позволяют воссоздать подлинный традиционный костюм. Реконструкции с ориентацией на этнические традиции могут быть использованы как в рамках музейной культурно-образовательной деятельности, так и фольклорными коллективами. Воссоздание традиционного костюма позволит обеспечить его актуализацию, включение в современное культурное пространство. Также материалы по реконструкции могут быть использованы как материал для конструирования новых традиционных форм.

Примечания:

1. Мастеница Е. Н. Интерпретация культурного наследия в музее: гуманитарный дискурс [Текст] // Вестник СПбГУ. 2011. №3. С. 6.
2. Абалар пайрам // Кузбасс регион согласия. Вып. 1, ноябрь, 2008. С. 17; Чубарова Л. И. Народные художественные ремесла корякского автономного округа // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. С. 79 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://artex.ru/books/item/f00/z0000039/index.shtml> Дата обращения 6. 05 2015
3. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. Загл. с экрана.
4. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории [Текст] / Л. П. Потапов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 100.
5. Кимеева Т. И. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Одежда и украшения: статья и тексты коллекционных описей [Текст] / Т. И. Кимеева. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Ч. 4. С. 136.
6. Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Украшения народов Сибири [Текст] / Е. Г. Федорова. СПб: МАЭ РАН, 2005 [Электронный ресурс]: электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/ Загл. с экрана.

А. В. Ремизов, А. П. Сорокин

Омск, ОГОНБ имени А. С. Пушкина

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АРХИВ ПРОФЕССОРА Д. Н. ФИАЛКОВА В ФОНДАХ ОГОНБ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

В региональных музеях и универсальных научных библиотеках нашей страны зачастую находятся на хранении документы (как печатные, так и рукописные), представляющие значительный интерес не только для краеведов, изучающих местную историю, но и для историков России. Личные библиотеки, поступающие в фонды научных библиотек, представляют в этом плане особый интерес, поскольку формируются зачастую бессистемно, чаще случайно, чем по воле владельца. Значительная часть этих документов остается не введенными во всеобщий научный оборот; в силу их труднодоступности, отсутствия публикаций они редко используются исследователями.

Фонд редких и ценных книг собственно ОГОНБ имени А.С. Пушкина включает в себя основные сохранившиеся собрания библиотек дореволюционного Омска (свыше 40 тыс. экз.), на базе которых были сформированы три основные тематические книжные коллекции Центра книжных памятников: «Книжная память России» (1638-1925), «Книжная память Европы» (1660-1925), «Книжная память Сибири» (1854-1925).

В составе фонда редких книг библиотеки находится пять основных личных коллекций известных омичей. Это личные библиотеки профессора П. Л. Драверта (1879-1945), краеведа, директора областного музея А. Ф. Палашенкова (1886-1971), врача, брата известного омского писателя Е. С. Сорокина, а также одно из последних дарений – библиотека профессора Д. Н. Фиалкова (1909-1995), поступившая в библиотеку в 1996 году. В настоящее время ведется работа по передаче личных библиотек писателя-краеведа И. Ф. Петрова (1920-2012) и профессора-гидролога В. С. Мезенцева (1914-1998).

Эти коллекции-библиотеки включают в себя некоторое количество рукописных документов, в том числе личного происхождения; так, в фонде Е. С. Сорокина - это личные документы и удостоверения, в фонде Драверта – записки, конверты и квитанции, в фонде Палашенкова – рукописные

заметки. Их общее количество незначительно и не позволяет сформировать отдельный полноценный рукописный фонд ОГОНБ. И только в одной коллекции присутствуют уникальные рукописные документы XVII – XVIII веков. Это – личная библиотека профессора-геодезиста, географа и краеведа Д. Н. Фиалкова.

Дмитрий Николаевич Фиалков (30 сентября 1909 - 17 июня 1995) – доктор географических наук, профессор (1966). В течение двадцати лет с 1960 по 1980 год он был 16-м председателем Омского отдела Географического общества СССР.

Личный фонд Фиалкова сформировался ещё при жизни владельца и в несколько этапов передан на хранение в два основных учреждения, занимающихся сохранением и изучением книжного и документального наследия: ОГИК музей и ОГОНБ имени А.С. Пушкина. В 1995 году сам Д. Н. Фиалков передал Омскому государственному историко-краеведческому музею основную часть своего архива личных документов, состоящую из личных документов 1929-1992 гг. (133 единицы хранения). После кончины Дмитрия Николаевича его жена Таисия Андреевна Фиалкова (1912-2001) передала ОГИК музею по завещанию и собственным дарением еще 270 предметов. *Всего личная коллекция Д. Н. Фиалкова в ОГИК музее насчитывает более 400 ед. хранения - это документы, фотографии, мемориальные предметы.* Из десяти раритетных документов фонда музея шесть относятся к истории европейских государств (Пруссия, Польша, Франция, Швеция) с XIV по XIX вв., четыре документа — к истории России последней четверти XVIII столетия.

Основная часть личной научной библиотеки Фиалкова в количестве 140 экз. по его завещанию была передана в Омскую государственную областную научную библиотеку имени А. С. Пушкина и составила одну из коллекций Центра книжных памятников. В составе этой коллекции имеется несколько уникальных печатных и рукописных документов. Среди них два документа личного происхождения. Это – рукопись Д. Н. Фиалкова «Ссылки на мои научные работы в трудах и журналах» (май 1969-1976) на 2 листах и альбом газетных вырезок Фиалков Д. Н. «Жизнь моя иль ты приснилась мне: Я в периодической печати и обо мне» за 1933 -1984 гг. (113 листов, в том числе 223 вырезки, 3 газеты). Четыре листовых материала представляют собой картографические документы. Среди них – «Карта Байкала, моря, озера, или Ангарского провала в Иркутской губернии состоящего, со всеми его окружностями, который математическим измерением окончен и приведен в совершенную известность в 1806 году», а также три астрономических карты-схемы, составленных профессором математики И. Г. Доппельмайером и

опубликованных издателем И. Б. Хоманном в Нюрнберге в начале XVIII века (не позднее 1708-1713 гг.): «Эфемериды планет, показывающие положение внешних планет на орбите и их проекцию на небесную сферу: Марса с 1 января 1708 по 1 января 1710 г., Юпитера по 1719 г., Сатурна по 1757 г. в соответствии с гипотезой Коперника»; «Эфемериды планет, показывающие положение внешних планет на небесной сфере в XVIII веке: Марса в 1712 – 1713 гг., Юпитера в 1708- 1719 гг., Сатурна в 1701 – 1730 гг. в соответствии с гипотезой Тихо [Браге]» и «Карта движения внутренних планет (Венера и Меркурий) по спиралям на 1712 и 1713 гг. в соответствии с гипотезой Тихо [Браге]».

Ещё одним уникальным рукописным документом последней четверти XVIII века является снабжённая предположительно в XIX веке библиотечной обложкой нотная рукопись-альбом на 4 листах «№ 34. Kyrie a cinque con diversi Canoni di Wolfg. Mozart. Kyrie und Stabat Mater»: mus. ms. autogr.: K. V. 89. - [Rom : [1770 ?]. Рукопись нотная эпохи В. А. Моцарта по некоторым предположениям может оказаться его автографом.

В коллекции Фиалкова, хранящейся в библиотеке имени Пушкина имеются четыре документа, характеризующие внешнюю политику России и европейских государств XVII – XIX веков, дополняющую аналогичные документы в собрании ОГИК музея. Среди них «Протокол обмена ратификационными грамотами между королями Пруссии и Нидерландов по соглашению о допуске прусских консульских работников в главные порты нидерландских колоний, подписанный в Гааге 16 июля 1860 г.». Протокол подписан 16 июля 1860 г. в Гааге послом Пруссии и Министром иностранных дел Нидерландов; текст ратификации Императрицей Всероссийской соглашения между российскими и прусскими полномочными посланниками, заключенного в Санкт-Петербурге 4 января 1772 г. и ратифицированного 13 марта того же года (на французском языке, бумага с водяными знаками).

И наконец – три рукописных документа на пергаменте: грамота на лат. языке эпохи римского папы Пия VI (1775-1799) (с вислой свинцовой печатью с эмблемой, крестом и надписью «PIUS PAPA VI»), а также соглашение («Секретная статья») между представителями короля Карла II Английского и курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского, совершенного в Лондоне 20 июля 1661 года, утвержденного и скрепленного подписью Карла II 10 ноября 1662 г. (2 листа, на латинском языке, буквы на первом листе выписаны золотом) и Текст мирного договора, заключенного в г. Олива (Польша) между королём Польши и великим князем Литвы за его королевство, маркграфом, курфюрстом Бранденбурга и Императором

Священной Римской империи (Австрия) – союзники - с одной стороны и королём Швеции с другой 3 мая 1660 г. при посредничестве Франции, ратифицированного и скрепленного подписью Людовика XIV в феврале 1661 г. (пергамен, рукопись на латинском языке, преамбула и заключение на французском языке; опломбировано и прошито через середину тесьмой с полоской пергамена; лл. 15, 15об., 16 без текста).

О происхождении уникальных экспонатов своей коллекции Д. Н. Фиалков писал: «...Мы шли по Бранденбургской провинции. Кругом были трофеи. Солдаты обзавелись аккордеонами, фотоаппаратами, велосипедами... Американцев «барахло» не интересовало, их привлекало золото, валюта, современные технологии. А «братья-славяне» по щиколотку ходили по чертежам разгромленных секретных лабораторий и институтов, не понимая всей ценности этих материалов... Передвигаясь со своей частью, я продолжал отмечать свой путь на картах, накапливая памятные мне чем-то предметы: то подберу с земли листовку на немецком языке, то рисунок с пейзажем, напоминающий наш, а то возьму да отклею этикетку с водочной бутылки, которую опорожнили с товарищем, да положу на сохранение в свой вещмешок. Как-то увидел брошенную библиотеку, порылся, нашел кое-что интересное для себя... Сунул в вещмешок: авось довезу до дома, там пригодится...» (Фиалков Д. Н., 1995. - С. 45-48). По словам Таисии Андреевны Фиалковой, Дмитрий Николаевич иной раз серьезно рисковал: так попытка собрать и сохранить коллекцию агитационных листовок с фашистской символикой едва не обернулась политическим доносом, когда приехавший в отпуск в Омск из советской оккупационной зоны в Германии, Фиалков попытался их переплести на Омской картографической фабрике. Возможно именно этим случаем объясняется та скрытность источника происхождения ряда уникальных документов из его личных фондов, которая теперь уже и не может быть разрешена.

Коллекция поступила в библиотеку и прошла первичную обработку и описание благодаря Т.Ф. Бурмистровой (ныне главного библиотекаря отдела Абонемента), Л. Г. Пономарёвой (заведующей Центром книжных памятников) и Л. Н. Старовойтовой (заведующей сектором редкой книги). В 2014 г. она была описана и с уточнением информации как архивный фонд и будет представлена в Музее книги и доступна для дальнейшего изучения.

М. И. Саврушева

Омск, Государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

КРУГ ЧТЕНИЯ Н. М. ЯДРИНЦЕВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ УЧЁНОГО ЛИТЕРАТОРА ПУБЛИЦИСТА, ИСТОРИКА

Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях писал о Николае Михайловиче Ядринцеве: «Чем только он не был для своей Сибири? Он был и издатель, и публицист, и статистик, и фельетонист, и рассказчик, и сатирик, и этнограф, и археолог»¹. В статье освещается круг чтения выдающегося сибирского писателя, публициста, учёного Н. М. Ядринцева, будет определён ряд книг, которые оказали наибольшее влияние на формирование его личности.

Книги с самого детства окружали будущего писателя, чтение поощрялось родителями, которые сами, шагнув из тьмы неграмотности, понимали ценность печатного слова и просвещения. «Дедушка был человек неграмотный... Отца он выучил часослову и этим закончил образование его. Но отец мой был любознателен, он учился тайком. Рассказывал он, что по ночам на чердаке он при сальном огарке читал книги и рисовал картины»². Отец - Михаил Яковлевич Ядринцев - много читал, а в его библиотеке были произведения Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, А. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. В. Булгарина, Н. В. Кукольника. Ядринцев старший выписывал журналы – «Сын Отечества», «Библиотеку для чтения», «Современник», в том числе и редкие на тот момент для тогдашнего Омска – «Отечественные записки». Ядринцев писал в своих воспоминаниях: «Отец мой отличался умом и любил литературу. Он имел порядочную библиотеку и выписывал все новые книги. В детстве я познакомился по иллюстрациям со многими деятелями. Помню, что меня занимал Суворов. Книги ранее привлекали моё внимание, я увлекался рассказами и стихами»³.

Мать – Февронья Васильевна – бывшая крепостная. Уже замужем она выучилась грамоте, читала А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и лучших русских авторов, тогдашние романы доставляли ей удовольствие и особенно нравились романы Жорж Занд. Впоследствии она считалась светскою приятною женщиною и играла важную роль в обществе в губернских городах Сибири⁴.

Воспоминания о Томской гимназии, где Н. М. Ядринцев проучился с 1854 до 1858 г., были не всегда радостными: золотое детство проходило в

условиях суровой адаптации к окружающей, не всегда дружелюбной, среде. Публицист вспоминал: «Жизнь этих детей народа была богата опытом, они видели многое. Это была жизнь грубой среды, но, тем не менее, цельная жизнь с её нуждами, страданиями, радостями и печальями»⁵. Учителя «...были люди, случайно занесённые в Сибирь из старого педагогического института и из старых университетов»⁶. Ядринцев приводит не один пример, когда «одна часть опускалась и сходила с ума; оставались люди, примирившиеся с обыденной обстановкой»⁷.

Среди ленивой казённой обстановки учебники теряли привлекательность, но любознательность и страсть к наукам, генетически заложенные в Ядринцева, привели его к книге. Публицист вспоминает своего соученика Николая Ивановича Наумова⁸, который много читал и обладал даром рассказывать. По его рассказам подростки «прочитывали» романы А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», исторические сюжеты аббата Милога. Ядринцев писал: «...мы садили его на стол и целым классом его слушали. Тогда среди буйной толпы слышно было, как пролетит муха»⁹.

Ядринцев сделал гимназическим достоянием богатую библиотеку своего отца, принося товарищам - Наумову и Поникаровскому¹⁰ - журналы, книги с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Г. Р. Державина и др. Николай Михайлович вспоминал: «Скоро у нас образовался литературный кружок. Я вёл дневник, записывал детски воспоминания и начал упражняться в стихах. Наумов подражал то Брамбеусу¹¹, то Гоголю, Поникаровский – Тургеневу. Помню, как мы собирались и читали свои произведения, и припоминаю, как меня обидел ядовитый Наумов, написавший стилем Брамбеуса, который его в это время увлекал, злую критику на какое-то моё стихотворение»¹².

Поворотным моментом, ставшим открытием огромного мира художественной, публицистической, философской литературы второй половины XIX в. стало знакомство Ядринцева со студентом из Петербурга Н. С. Щукиным¹³. Публицист вспоминал: «На нас хлынуло всё разом: европейская жизнь, история и идеи, волновавшие Европу полвека. Руссо и Вольтер, Дидро и Д'Аламбер, Кондорсе¹⁴ – всё для нас было ново, и всё это разом вторглось к нам, как и в жизнь России»¹⁵. Томскими гимназистами по-новому было осознано творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, М. А. Добролюбова. «Мы проводили целые ночи в беседе и поглощали новую литературу...Пред нами сверкал в будущем настоящий свет жизни и науки. Иногда страстный трепет, под влиянием прочитанного, охватывал всё существо», - пишет Ядринцев¹⁶.

Землячество и университетская жизнь явились отдельной яркой страницей в жизни Ядринцева: «Явившись в Петербург, нас сразу обдало литературным движением и охватило страстью к литературе. Мы с величайшей жадностью читали всё, выходившее из-под пера тогдашних писателей. Я сейчас же приобрёл избранную библиотеку из всех лучших произведений русской литературы. Мы читали, спорили, философствовали, многих писателей знали в лицо»¹⁷. Здесь в товарищеских разговорах, развивалась мысль о необходимости подготовки к будущей деятельности в Сибири, о необходимости изучать край, читать о нём сочинения, являлась мысль составить библиографию сибирских книг¹⁸. Ядринцев читал произведения многих сибирских авторов – Г. Н. Потанина, И. В. Фёдорова-Омулевского, П. П. Ершова, И. И. Завалишина, С. С. Шашкова.

Книги, входившие в круг чтения Н. М. Ядринцева, наложили отпечаток на его личность. Каждая книга дала публицисту нечто дорогое и ценное, что впоследствии претворилось в его собственном художественном строе, в характере научных исследований. Николай Михайлович высоко оценил влияние литературы на него, на его поколение: «Она проложила дорогу и научила общество интересоваться книгой, повестью, романом, критикой, поэзией. Мы увидели самую тесную связь литературы с жизнью. Литература же в нас затронула стремление к знанию и любознательность, ...уважение к литературе и науке проникло в нашу душу вообще... мы...искали здесь подкрепления, утешения и веры в человеческий прогресс. Эта вера осталась на целую жизнь»¹⁹.

Примечания:

1. Потанин Г. Н. Верный друг // Литературное наследие Сибири. Т. V. Новосибирск, 1980. С. 335
2. Ядринцев Н. М. Воспоминания. Детство // Литературное наследие Сибири. Т. IV. Новосибирск, 1979. С. 251-341
3. Там же.
4. Ядринцев Н. М. Воспоминания. Детство. С. 251
5. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии (К 50-летию юбилею Томской гимназии посвящает учение её) // Литературное наследие Сибири. Т. IV. Новосибирск, 1979. С. 269
6. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии. С. 273
7. Там же. С. 275
8. Наумов Николай Иванович (1838-1901) – писатель-народник, получивший широкую известность после выхода его книги рассказов «Сила соломой ломит» (1874)
9. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии. С. 269
10. Поникаровский Дмитрий Алексеевич (1841-1918) – чиновник, друг Н. М. Ядринцева, переписывался с ним много лет, оставил «Воспоминания о

Н. М. Ядринцеве» («Сибирский сборник», вып. 2, 1896), выступал со статьями в «Записках Зап.-Сиб. отдела Императорского Русского географического общества»

11. Брамбеус – псевдоним Сенковского Осипа Ивановича (1800-1858) – переводчика, журналиста, учёного востоковеда, редактора популярного журнала «Библиотека для чтения»

12. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии. С. 278

13. Щукин Николай Семёнович (1836-1870) – писатель, общественный деятель, осуждён по делу «сибирских сепаратистов» и около трех лет просидел на Омской гауптвахте. Помешался в ходе следствия. Был отправлен в ссылку в Пинегу, уездный город Архангельской губернии, где и скончался и больнице

14. Руссо Жан-Жак (1712-1778), Вольтер Франсуа Мари (1694-1778), Дидро Дени (1713-1784), Д'Аламбер Жан Лерон (1717-1783), Кондорсе Жан Антуан (1743-1794) – выдающиеся французские писатели, просветители, философы, учёные

15. Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии. С. 280

16. Там же. С. 280-281

17. Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследие Сибири. Т. IV. Новосибирск, 1979. С. 306

18. Там же. С. 301.

19. Там же. С. 311-312.

И. И. Сильванович, Е. В. Шахматова

*Тара, Филиал Омского государственного историко-краеведческого музея
Дом-музей М. А. Ульянова*

ДОМ-МУЗЕЙ М. А. УЛЬЯНОВА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГОРОДА ТАРЫ И ТАРСКОГО РАЙОНА

Развитие культуры в современной России является одним из приоритетных направлений работы Правительства Российской Федерации. В целях привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире в 2013 г. президент России В. В. Путин подписал указ «О проведении в Российской Федерации Года культуры» в 2014 г.¹ Именно в этом же году при поддержке Министерства культуры Омской области, компании «Газпромнефть-Восток» был осуществлен проект по созданию и развитию на территории Тарского района мемориального Дома-музея М. А. Ульянова, который принял первых посетителей 26 июля 2014 г. За непродолжительный период работы филиал ОГИК музея стал одним из знаковых учреждений культуры на территории Тарского района и города Тары. Музей стал притягательным местом для туристов и горожан. За год работы Дом-музей М. А. Ульянова посетило около 3 тыс. человек. В стенах музея и за его пределами было проведено более сотни тематических мероприятий и экскурсий. Значительную часть посетителей музея составляет молодежь.

В рамках гранта, полученного от компании «Газпромнефть-Восток» в 2014 г., музей с мобильной экспозицией, иллюстрирующей жизненный и творческий путь актёра, побывал в сёлах Екатериновка, Ермаковка, Вставское и Орлово. Для жителей этих отдаленных населенных пунктов были организованы увлекательные экскурсии, проведены вечера с показом лучших киноработ знаменитого земляка.

В октябре 2014 г. и ноябре 2015 г. Дом-музей М. А. Ульянова принял участие во Всероссийской акции «Ночь искусств», представив интересные программы, участниками которых стали как жители района, так и области². В рамках 87-летия со дня рождения М. А. Ульянова 20-21 ноября 2014 г. в стенах музея прошло ряд тематических экскурсий, освещающих тарский период жизни Михаила Александровича. Одной из самых посещаемых стала экскурсия о детстве и юношеских годах актера «В детстве я жил счастливой мальчишеской жизнью». Именно этими словами Михаил

Александрович всегда вспоминал свои ранние годы, прошедшие в небольшом сибирском городке Тара.

В 2015 г. одним из самых крупных и значимых мероприятий стала презентация проекта «Мишкино детство», которая состоялась в рамках празднования Дня города³. Это экспозиция под открытым небом, в которую вошли надворные постройки: навес и амбар. Для реализации этого проекта была организована экспедиция, в результате которой на подворье появились крестьянские средства передвижения — телеги, сани, также были собраны столярные инструменты 1940-50-х гг., кустарные предметы домашнего обихода.

26 июля 2015 г. Дом-музей М. А. Ульянова посетил Глава Администрации Омской области В. И. Назаров. Он поддержал инициативу создания на базе усадьбы музейного центра имени М. А. Ульянова.

Дом-музей М. А. Ульянова осуществляет работу по различным направлениям. Одним из ключевых направлений работы музея является сотрудничество с другими учреждениями города и района. Так, Дом-музей М. А. Ульянова активно сотрудничает с учреждениями культуры города Тары:

– Общественный музей истории культуры Тарского района. Сотрудничество с данным учреждением является одним из ключевых. Благодаря общественному музею во главе с Нечаевой Г. К. были собраны экспонаты, датируемые 40-50-ми гг. XX в. Они стали основной базой для создания первой постоянной экспозиции Дома-музея М. А. Ульянова.

– Северный драматический театр им. М. А. Ульянова. Взаимодействие с театром и проведение совместных мероприятий позволяет более полно осветить жизненный и творческий путь Михаила Александровича, а также способствует введению новых форм в работе музея. За год работы были проведены совместные мероприятия: открытие постоянных экспозиций в Доме-музее М. А. Ульянова, Всероссийская акция «Ночь искусств – 2014», к 87-летию со дня рождения М. А. Ульянова для школьников проводилась тематическая экскурсия «В детстве я жил счастливой мальчишеской жизнью» и встречи с актерами театра.

– Парк культуры и отдыха. За год работы в Доме-музее М. А. Ульянова были организованы крупные мероприятия, проведение которых было невозможно без использования современной звуковой аппаратуры. Администрация городского парка неоднократно предоставляла свою технику для крупных мероприятий Дома-музея. Благодаря совместной работе Дом-музей М. А. Ульянова стал участником всероссийских акций «Ночь искусств — 2014», «Ночь искусств — 2015», «Ночь в музее — 2015», которые посетило более тысячи жителей Тары и гостей города.

Таким образом, за время работы филиал Омского государственного историко-краеведческого музея «Дом-музей М. А. Ульянова» добился плодотворного сотрудничества и развития социального партнерства с рядом учреждений культуры Тарского района. Совместное проведение мероприятий городского уровня позволяет привлечь внимание, не только местных, но и иногородних жителей, и тем самым развивать новый бренд Тары – родного города М. А. Ульянова. Теперь Тара не просто сибирская глубинка, а город, связанный с именем всемирно известного актера.

Примечания:

1. Указ Президента РФ от 22 апреля 2013 г. N 375 «О проведении в Российской Федерации Года культуры» [Электронный ресурс]//Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70264302/> (дата обращения: 6.07.2015)

2. «Ночь искусств» в Омске [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: <http://www.omsk.aif.ru/culture/1373148> (дата обращения: 1.07.2015).

3. Путешествие в «Мишкино детство» [Электронный ресурс] // Омский государственный историко-краеведческий музей. URL: <http://sibmuseum.ru/news/puteshestvie-v-mishkino-detstvo.html> (дата обращения: 4.08.2015).

КОЛЛЕКЦИЯ ТЕКСТИЛЯ ИЗ ФОНДОВ СУРГУТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

За полувековую историю Сургутского краеведческого музея в его фондах сформировалось 17 коллекций. Изначально фонды комплектовались бессистемно, и лишь со временем определилось главное направление – краеведение.

Русская старожильческая культура является одним из важнейших элементов культурной панорамы Сургутского Приобья. Для изучения этнографии коренного и русского населения рассматриваемой территории важная роль отводится коллекции костюма и текстиля Сургутского краеведческого музея составляющей 1899 единиц хранения¹.

Первые поступления были случайными и единичными, но в настоящее время коллекция весьма разнообразна и подразделяется на следующие коллекционные блоки: атрибутика, костюм и домашний текстиль². Наиболее объемной является коллекция домашнего текстиля – 760 ед. хранения. Это предметы, изготовленные в период с конца XIX – второй половины XX вв. К домашнему текстилю отнесены: полотенца (77 ед.), вязаные края (19 ед.), салфетки с вышивкой (164 ед.), салфетки вязаные (119 ед.), накомодники (8 ед.), скатерти из ткани и с вышивкой (40 ед.), скатерти вязаные (22 ед.), занавески (54 ед.), шторы (59 ед.), покрывала (13 ед.), подзоры (55 ед.), наволочки (46 ед.), простыни (12 ед.), лоскутные одеяла (2 ед.), заготовки для вышивки (5 ед.), ковры (8 ед.), накидки (34 ед.), домотканые половики (17 ед.), круглые половики (6 ед.).

При изучении коллекции возникает ряд проблем, прежде всего, это связано с тем, что часто предметы поступают в музей без указания истории бытования и создания предмета. В описании многих изделий не указаны время и место их изготовления, поэтому невозможно определить был ли предмет привезен из другого района страны или изготовлен на месте. Возникают трудности с определением авторства вышивки, самостоятельно она была выполнена или приобретена готовой.

При изучении коллекции выделены следующие мотивы орнамента: растительный, геометрический, геометрический вместе с растительным, зооморфный (изображающий птиц и животных), эпиграфический (с

буквенными обозначениями). Узоры всех мотивов вышитых на изделиях второй половины XX в., а именно этот период в основном представлен в коллекции домашнего текстиля, утрачивают свое семантическое значение и изображаются только с целью украшения³.

С середины XX в. для вышивки активно использовались шаблоны и специальные заготовки для вышивки (5) с растительным орнаментом, а ручная вышивка заменяется машинной. Образцы вышивки музейной коллекции можно разделить на одноцветную, двухцветную и многоцветную (по использованию цветовой гаммы нитей). Самое часто встречающееся сочетание нитей на изделиях - многоцветие (167 ед.), красное с черным (20 ед.), красное с зеленым (16 ед.), красное (9 ед.), красное с серым (5 ед.). Что касается вышивки белой нитью по белому полотну, если не считать изделия, выполненные в технике «ришелье» (51) и «мережка» (15), то это самое редкое сочетание коллекции. В коллекции всего одно полотенце датируемое первой пол. XX в. вышитое растительным орнаментом.

Одним из самых распространенных растительных мотивов является орнамент в виде мелких и крупных цветов с листвой и ветвями. Данный узор часто встречается на изделиях конца XIX–второй половины XX вв. Это полотенца (31 ед.), подзоры (15 ед.), наволочки (19 ед.), накидки (2 ед.), скатерти из ткани и с вышивкой (14 ед.), незавершенная скатерть с вышивкой на пятах (1 ед.), полотно ткани с вышивкой для скатерти (10 ед.), салфетки с вышивкой (129 ед.), накомодники (6 ед.), шторы (28 ед.), простыни (2 ед.), занавески (32 ед.), покрывала (4 ед.).

Наряду с растительным орнаментом на изделиях конца XIX–сер. XX вв. часто встречаются и простейшие геометрические узоры – полосы, ромбы, кресты, квадраты, круги, розетки. Такой орнамент содержат: полотенца (19 ед.), подзоры (3 ед.), наволочки (3 ед.), накидки (1 ед.), скатерти (15 ед.), салфетки (8 ед.), простыни (4 ед.), шторы (3 ед.), домотканые половики (17 ед.), лоскутные одеяла (2 ед.), занавески (3 ед.), покрывала (1 ед.).

В коллекции текстиля Сургутского краеведческого музея, присутствуют изделия с эпиграфической вышивкой, на которых присутствуют имена владельца. Это полотенца (5 ед.), занавески (2 ед.) и скатерть (1 ед.). Рисунок на них в виде переплетений букв в сочетании с растительным орнаментом. При выполнении вышивки использованы нити полностью красного или черного цвета, а так же оба эти цвета в сочетании. Одним из уникальных предметов в коллекции текстиля Сургутского краеведческого музея с эпиграфическим орнаментом является фрагмент полотенца, датируемый 1920-ми гг. с буквами «УБ», которые являются начальными буквами имени автора – Ульяны Бушуевой. Происхождение данного изделия известно, в

музей он попал не от владельца, но с информацией о том, что полотенце пострадало от пожара и удалось спасти маленький фрагмент. Старейшими представителями этого мотива вышивки коллекции являются полотенце с монограммой «ЕЕ» и занавески с монограммами «ВН» и «ФНД» датировка изготовления, которых конец XIX – начало XX вв. На занавеске с монограммой «ФНД» помимо растительного узора присутствует зооморфный орнамента в виде вышитых уточек. Самыми немногочисленными видами орнамента в коллекции текстиля является зооморфный вид вышивки и геометрический совмещенный с растительным. К зооморфному можно отнести наволочку с изображением двух котят, полотенца с изображением двух петухов (3 ед.) и птиц. На одном из полотенец и салфетках (4 ед.) изображены птицы с расправленными крыльями. К геометрическому вместе с растительным орнаментом можно отнести полотенца (4 ед.), шторы (8 ед.), покрывала (1 ед.), салфетки (11 ед.), наволочки (2 ед.). В коллекции имеется 20 изделий, вышитых многоцветными нитями. Это сюжеты с картин, изображающих пейзажи (3 ед.), натюрморты (1 ед.), детей с животными и птицами (5 ед.), животных и птиц (4 ед.), женщин в платьях (3 ед.), воспроизведён сюжет картины А. В. Васнецова «Сестрица Аленушка», портреты В. И. Ленина (2 ед.), М. А. Горького (1 ед.)⁴.

Кроме тканых изделий в коллекции представлены предметы, связанные крючком. Большая часть изделий, изготовлена в период с сер. – второй пол. XX вв. Для их изготовления применялись хлопчатобумажные и льняные нити разных цветов. Таковыми являются подзоры, низ которых украшался вязаным кружевом, наволочки со вставными прошивами, ажурные салфетки, полотенца, концы которых тоже украшались кружевами.

Вязаные изделия так же можно подразделить по орнаменту: растительный – салфетки вязаные (59 ед.), накомодники (2 ед.), скатерти вязаные (16 ед.), подзоры (18 ед.), шторы (13 ед.), края (1 ед.), простынь (2 ед.), накидки (16 ед.), занавески (8 ед.), покрывала (4 ед.); геометрический – полотенца (8 ед.) концы (9 ед.), скатерти вязаные (3 ед.), салфетки вязаные (45 ед.), половики кружки (6 ед.), подзоры (16 ед.), занавески (3 ед.), наволочки (7 ед.), накидки (2 ед.); геометрический вместе с растительным – салфетки (3 ед.), концы (2 ед.), скатерти (3 ед.), покрывала (1 ед.), занавески (6 ед.), подзоры (5 ед.), наволочки (8 ед.), накидки (7 ед.); зооморфный – салфетки вязаные (2 ед.), концы (2 ед.). [1]

Таким образом, можно отметить, что в музейной коллекции наибольшее количество предметов домашнего текстиля составляют изделия с растительным орнаментом. Предметов с геометрическим и одновременно растительным узором намного меньше. Изделий с зооморфным орнаментом

мало, и отсутствуют предметы с антропоморфным мотивом. Также следует обратить внимание на вышивки, выполненные белой нитью по белому полотну и красной нитью – по белому полотну, которых мало представлено в коллекции.

Предполагается дальнейшее изучение коллекции домашнего текстиля с целью его более точной классификации и систематизации.

Примечания:

1. Здесь и далее числовые данные приводятся из учетной Комплексной автоматизированной музейной системы КАМИС 2000. ЗАО «Камис», ООО «Элмуз» Санкт-Петербург. 1991-2015.
2. Архив музея. План комплектования коллекции костюма и текстиля фондов Сургутского краеведческого музея.
3. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 173
4. Архив музея. Указ. документ.

РОЛЬ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Создание благоприятных условий для укрепления единого культурного пространства и сохранения культурного наследия Омской области, развития культурного и духовного потенциала населения, обеспечения свободы творчества и прав граждан на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, развития туризма в Омской области является одним из приоритетных направлений развития региона¹.

Омский государственный историко-краеведческий музей» (далее ОГИК музей) – один из старейших музеев Сибири, его деятельность направлена на сохранение традиций, быта, свидетельств жизненного уклада предшествующих поколений, популяризацию историко-культурного наследия и приобщение широких слоёв населения к процессам его сохранения. ОГИК музей играет важную роль в развитии туристской деятельности региона, являясь не только самостоятельным привлекательным объектом показа для туристов, но и формируя собственный туристский продукт. В структуру музея входят два филиала: Музейный комплекс воинской славы омичей (далее филиал МКВСО) и Дом-музей М.А. Ульянова в г. Тара. В музее существует отдел научно-просветительской деятельности и музейного туризма, который призван развивать данное направление.

ОГИК музей и его филиалы предлагают широкий перечень туристских услуг. Выгодное расположение в центральной части города дает возможность организации пешеходных и автобусных обзорных экскурсий, раскрывающих историю Омска, его отдельных улиц, выдающихся личностей, чьи судьбы связаны с городом. В 2015 г. в рамках программы «Омские истории» стартовали автобусные обзорные экскурсии по городу, которые пользовались большой популярностью среди жителей и гостей города, экскурсии осуществлялись как для групп, по предварительной записи, так и для индивидуальных посетителей каждое воскресенье. Несмотря на растущую популярность таких экскурсий, главной проблемой остается отсутствие собственного транспорта для обслуживания посетителей, что существенно затрудняет организацию и вызывает удорожание услуги.

С 2009 г. в ОГИК музее разрабатывается программа развития музейного туризма, основной целью которой является создание на базе ОГИК музея, его филиалов и муниципальных музеев в районах Омской области комплекса музейно-туристических услуг для жителей региона, России и иностранных граждан. Программа призвана способствовать развитию туристической и музейно-выставочной деятельности в крае, дальнейшему изучению и сохранению его историко-культурного наследия, расширению аудитории муниципальных музеев, формированию позитивного имиджа всего региона в целом. Были выделены основные направления музейно-туристических маршрутов (город Исилькуль, Ачаирский женский крестовый монастырь, р.п. Большеречье, г. Тара, р. п. Большие Уки), определены объекты показа, осуществлен экономический расчет маршрутов. Кроме того, были разработаны маршруты с посещением Свято-Никольского мужского монастыря в д. Большекулаче Омского района Омской области, фермы по разведению страусов в Сибири и др. Как правило, дальнейшее развитие программ сталкивается с проблемой отсутствия собственного транспорта, а также большой конкуренцией со стороны туристических фирм города.

Ежегодно ОГИК музей привлекает жителей и гостей города крупными праздничными мероприятиями – «Ночь музеев», «Ночь искусств», «День города в музее», «День знаний», «День любви, семьи и верности», «День защиты детей» и др.

Большое значение для развития туризма в регионе могут сыграть филиалы ОГИК музея, так в 2014 г. в г. Тара был создан единственный в Омской области мемориальный Дом-музей М. А. Ульянова. В перспективе он может и должен стать той точкой роста, которая позволит создать принципиально новое для Тары современное учреждение культуры историко-культурный музейный центр имени М. А. Ульянова, который мог бы способствовать формированию туристического кластера на севере Омской области.

В 2004-05 гг. был разработан проект историко-этнографического музейного комплекса под открытым небом «Любино-Малороссы». Комплекс будет размещаться в 50 км от города Омска в п. Политотдел. В целях реализации данного проекта выделено 25 га земли, разработана концепция создания музея, проведены хозяйственные работы в административном здании. Создание комплекса позволит поднять развитие музейной сети Омской области на принципиально новый уровень, будет совершенствоваться инфраструктура области для развития туризма. На территории будущего комплекса ежегодно размещается палаточный лагерь школьников Любинского

района «Туристский калейдоскоп», сотрудники музея выезжают в лагерь для проведения различных мероприятий. В рамках проекта в ближайшей перспективе намечена организация выставок и мероприятий на базе административного здания и прилегающей территории, а также создание экологических троп, которые охватят самые интересные ландшафтные и естественно-природные объекты.

В 2015 г. была создана рабочая группа по развитию и продвижению туристских маршрутов Омской области при совете по развитию туризма в Омской области, куда вошел директор ОГИК музея П. П. Вибе. В результате работы группы была разработана Программа «Туристские маршруты Омской области» для разных категорий населения. В программу, в том числе, вошли экскурсионные маршруты, предлагаемые ОГИК музеем и его филиалами. Автобусная обзорная экскурсия по городу «Омск многоликий», автобусно-пешеходный маршрут «Воскрешенные из забвения», включающий посещение храмовых построек разных религиозных конфессий. Пешеходные экскурсии: «Омская крепость», «Прогулка по улице Дворцовой», «Третья столица (по местам пребывания А.В. Колчака)», «По следам Ф.М. Достоевского». Экологическая тропа на территории урочища «Политотдел» - пешеходный маршрут, проходящий в сосново-березовом лесу по территории будущего историко-этнографического музейного комплекса под открытым небом «Любино-Малороссы». Дом-музей М.А. Ульянова в г. Тара предлагает экскурсионные маршруты: «Историко-архитектурное наследие города Тары» и «По ульяновским местам г. Тары».

Для дальнейшего успешного развития музейного туризма в ОГИК музее необходима работа по следующим направлениям: расширение тематики экскурсий по городу для групповых и одиночных посетителей; предложение нестандартной тематики экскурсий («Омск. Мифы и легенды», «Омск для молодоженов. Традиции русской свадьбы» и т.п.); создание новых туристических маршрутов, включающих музеи-филиалы ОГИК музея; приобретение музеем специально оборудованного автобуса (пассажирской газели) на 15-20 мест, что позволит мобильно решать проблемы работы с филиалами и реализовывать туристические маршруты; расширение связей с туристическими фирмами города, гостиницами, конкретными организациями, связанными с приемом российских и иностранных делегаций.

Таким образом, в новых экономических условиях музейный туризм является одним из перспективных и определяющих направлений в работе музеев. Музейный туризм - это средство внутренней мобилизации и

адаптации к условиям рынка, возможность выстроить внешние отношения, выработать новую политику музея, открытого окружающему миру. ОГИК музеев играет важнейшую роль в формировании образа территории, обеспечивающего ее конкурентные преимущества на рынке туризма.

Примечания:

1. Государственная программа Омской области «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 годы (Постановление Правительства Омской области от 15 октября 2013 года № 251–п)

М. Н. Тихомирова

Омск, Филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНДА I МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ОмГУ
ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

В рамках работы по систематизации накопленных полевых материалов и созданию бумажного варианта обзора фондов с этнографическими материалами Музея археологии и этнографии МК ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (до 2012 г. – МАЭ ОмГУ; далее в тексте мы будем использовать старое наименование музея, как наиболее используемое в научных трудах этнографов) на протяжении нескольких лет сотрудниками сектора исторического музееведения ОФ ИАЭТ СО РАН А. Н. Блиновой и М. Н. Тихомировой проводилось изучение, анализ документов, хранящихся в Ф. I «Этнографические материалы», который является одним из крупнейших собраний этнографических сведений – за сорокалетнюю историю было накоплено около 700 дел в основном по этнографии XX в. Больше всего хранится полевых материалов, собранных у татар (более 200 папок), русских (более 100 папок), немцев (более 60), прибалтийских народов (латышей, эстонцев), казахов, украинцев и менее десяти дел: по истории и культуре чувашей, селькупов, шорцев, телеутов, челканцев, манси.

География полевых исследований, и, соответственно, материалов, хранящихся в ф. I, обширна и охватывает большинство областей Западной Сибири (Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская, Алтайский край, Тюменская, в том числе Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) и некоторые области Северного Казахстана.

Наиболее ранние записи из хранящихся в этом фонде относятся к 1969–1973 гг. Это сборы студенческих экспедиций и практик Томского государственного университета под руководством Н. А. Томилова, преподававшего в этом вузе до открытия университета в Омске (Д. 69-1, 70-1, 72-1–72-3, 72-5–72-14, 114–123 и др.). С 1974–1975 гг. и по настоящее время основным фондообразователем является ОмГУ, а в 1990–2000-х гг. – также Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. – ОФ ИАЭТ СО РАН).

Все документы, хранящиеся в ф. I – это в основном результат полевой работы собирателей с одним из трех источников: 1) с информаторами, 2) с

© Тихомирова М. Н., 2015

объектами материального мира (предметами: орудия труда, утварь, одежда и крупными объектами: поселениями, усадьбами и кладбищами), 3) с документами сельских Советов народных депутатов и других учреждений.

В количественном отношении документы, хранящиеся в ф. I МАЭ ОмГУ можно разделить на две группы:

Самой многочисленной группой документов являются тематические карточки. Основной целью их написания было упорядочение и систематизация материала, записанного в полевой описи собирателя. Сведения бывают получены либо в ходе беседы с одним информатором, либо в результате научного описания объектов материального мира, который выступает основным носителем информации. Тематическая карточка, как правило, имело так называемую «шапку» (из подзаголовка и таблицы), содержащую устоявшийся перечень необходимых сведений для последующей идентификации полевых материалов.

Вторым, по численности, видом документов, хранящимся в описываемом фонде являются опросные листы, анкеты, бланки. Они также, как и описанные карточки, тематические. Как правило имеют определенную структуру из титула и логически выстроенных вопросов и ответов на них. Они отличаются от тематических карточек тем, что построены в большей степени на принципах формализации. В отличие от тематической карточки, они применялись для сбора массового материала.

В ф. I хранятся опросные листы по нескольким темам: этническое самосознание русских, белорусов, татар, казахов (Д. 31-1, 145-1, 217-1), современные этнические процессы у немцев (Д. 104-1), религия и семейные отношения татар (Д. 143-1, 158-8).

Анкеты в делах фонда собирались по следующим темам: архитектурные элементы жилища (Д. 6-3), промысловые и производственные культы у татар (Д. 113-5), межэтнические отношения латышей и эстонцев, чувашей (Д. 141-1), религиозные отношения немцев (Д. 157-1), роль народных инструментов и гитары в городской среде (216-1, 216-2).

Бланки были собраны по трем темам: поселенный бланк, по жилищу и усадьбе, хозяйственным постройкам (Д. 1-21, 1-25).

Выписки из похозяйственных книг – это предпоследняя группа из многочисленных документов ф. I. Похозяйственные книги – это формы первичного учета хозяйств для сельских Советов народных депутатов (Д. 158-9). В зависимости от задач, которые ставились перед сборщиками информации, из похозяйственных книг брались максимально полные сведения по домохозяйствам, но чаще всего информация фиксировалась выборочно, прежде всего, интересовали сведения о членах домохозяйства, потому что

этот документ один из источников получения генеалогической информации. Кроме того, похозяйственные книги являются основным источником предоставления информации о ведении гражданами личного подсобного хозяйства.

Закрывают многочисленные документы, хранящиеся в ф. I отчеты, выполняемые студентом или группой студентов на основе вышеописанных документов, которые уже были сданы преподавателю другими сборщиками. Ценность этнографических отчетов велика, потому что они представляют собой первичное обобщение всего собранного материала. Отчеты писались студентами еще в поле под первым впечатлением от материала. В памяти сборщиков еще сохранялись детали, которые не нашли отражение в карточках, но могли быть ими включены в отчет.

В ф. I «Этнографические материалы» есть довольно большая группа документов, которые мы определили как единичные материалы. В количественном отношении они уступают вышеописанным документам, а самое главное, что их роль в научном исследовании скорее вторична, так как на их основе невозможно выполнить полноценного самостоятельного исследования.

Рассмотрим в порядке убывания:

1. Списки разного содержания (жителей населенных пунктов, адресов жителей, участников Великой Отечественной войны, погибших в Великой Отечественной войне), и выписки (из актов о браках и разводах из ЗАГСА, из итогов переписей населения, из списков избирателей); описи (коллекций музеев, фотоописи).

2. Фотографии. Обычно поступали в другие фонды, но в зависимости от решения руководителя экспедиции они могли помещаться в дела, которые потом сдавались в ф. I. Обычно в таких случаях к фотографии прилагается информация о дарителе, в редких случаях сделано описание сюжета собирателем. Иногда в качестве фотографии хранится не оригинал, а копия, сделанная на ксероксе.

3. Карты и планы (например, «Карта отвода земель Муромцевского района Омской области» и «План сада Бергамак, 1968 г. в Д. 93-7, «План усадьбы» в Д. 145-2).

4. Полевые описи – важнейший, первичный, документ, включающий большую часть работы сборщика в поле (Д. 97-6, 130-1, 136-1, 137-2, 154-1).

5. Рефераты по краеведению, написанные студентами ОмГУ и школьниками (Д. 110-3, 189-1).

6. Черновики, оставшиеся в результате работ над планами усадеб, подсчетов при этносоциологических опросах (Д. 26-5, 84-5, 114, 129).

7. Рисунки (копии с изобразительных источников из коллекций музеев, рисунки предметов, подготовленные для монографий) (Д. 2-15, 202-1).

8. Газетные вырезки и газеты (Д. 2-12, 43-2, 151-1).

9. Выписки из различных печатных изданий (Д. 2-18 – из Тобольского архива ГУТО ГАТ).

10. Фото пленки с материалами отснятых предметов из музеев, 3 шт. (Д. 109-1) и др.

Итак, мы рассмотрели документы, хранящиеся в делах ф. I «Этнографические материалы» МАЭ ОмГУ. Как видно из обзора, материалы фонда разнородные – не только по этнографии, а также по истории, экономике, культуре и пр. Не смотря на цели полевых исследований, наличие специальных тематических программ и вопросников, сборы этнографических экспедиций чаще всего носили всеобъемлющий характер, поэтому в фондах музея накапливались не системные материалы.

Как мы писали во введении для автора данной статьи изучение документов ф. I было связано с работой по созданию указателя, который поможет исследователям ориентироваться в документах этнографических экспедиций МАЭ ОмГУ.

Б. С. Токмурзаев

Омск, Государственный педагогический университет

**СТЕПНОЙ КРАЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ
И ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗСОИРГО
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)**

Учреждение в Омске в 1878 г. Западно-Сибирского отдела Русского Императорского географического общества, обозначило пути сотрудничества общества и власти, послужило началом детального исследования естественно-географических условий степных территорий, в том числе и в контексте земледельческого освоения. В период с 1878 по 1890 гг. обществом было организовано в общей сложности 8 крупных экспедиций (Шмидт Ю. А., Путилов П. В., Балакшин Н. Н., Анзимилов Г. Г. и др.), в число задач которых входило изучение пространств Степного края в природно-географическом и климатическом и земледельческом отношении¹. Активная деятельность учёных-экспедиционеров, позволила развеять многие мифы о бескрайности территорий, пригодных для земледельческой обработки, и как следствие, неограниченных возможностях по расселению в регионе мигрантов.

Соотнесение практики научных изысканий с проведением землеотводных работ, убедило значительную часть администрации, включённой в организацию водворения переселенцев, в том, что обширные пространства Степного края лишь ареально пригодны для размещения земледельцев.

С начала 1880-х гг., в связи с эскалацией нелегитимных переселений в Степной край, прежде всего в Акмолинскую область, ЗСОИРГО фактически взяло на себя функции переселенческого управления в отсутствии специальных учреждений, предназначенных для координации миграционных процессов в регионе. В этой связи, ключевыми темами, разрабатываемыми исследователями по результатам экспедиций, становятся проблемы колонизационной ёмкости территорий Степного края, а также состояния и перспектив кочевого хозяйства в местах, включаемых в орбиту переселенческого движения.

Предварительные изыскания в этой области, зафиксировавшие оценочные суждения исследователей, начинают производиться в конце 1870-х гг. с

целью составления программ по исследованию производительных сил Западной Сибири и её степных территорий.

Доскональные исследования различной направленности были проведены И. А. Словцовым и Ю. А. Шмидтом (естественно-исторические условия края), П. Г. Игнатовым и Г. Е. Катанаевым (гидрология и земледелие), П. В. Степановым, Н. Лебедевым, В. Ф. Королёвым (сельское хозяйство), А. Я. Гордягиным, Г. Г. Анзимиловым, К. Л. Гольде (растительность, геология, почвенно-ботанические условия), М. А. Шестаковым (этнография) и др.²

Именно в системе координат деятельности ЗСОИРГО были предприняты в этот период первые попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала локальных сообществ Степного края: представителей коренного населения, казачества и переселенцев из Европейской России.

Так, чиновником особых поручений Н. Н. Балакшиным, в 1878 г. командированным в Степной край и выполнявшим «политический заказ» генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, при оценке будущего номадических общин региона, была высказана мысль о сомнительности верноподданнических чувств кочевников, а также озвучена идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения³.

Н. М. Ядринцевым разработана и опубликована в 1880 г. скрупулёзная программа исследования инородцев Западной Сибири⁴, положения и методики которой, легли в основание фундаментальной монографии «Сибирь как колония в историческом, географическом и этнографическом отношении»⁵. В результате, уже в середине 1890-х гг. в центре внимания части деятелей ЗСОИРГО, оказываются проблемы инородческого сегмента населения Сибири, которые по своей сложности выходили за рамки сугубо этнографических, природно-географических и историко-экономических описаний. Внешним фактором, ориентировавшим исследователей на написание работ «на злобу дня», с использованием новых методологических приёмов и аналитических обобщений, стал рост крестьянских переселений в Степной край, вносивший видимые коррективы в организацию хозяйственной жизни, быта и повседневного опыта коренных жителей региона.

Воспоследовавшая реакция научного сообщества отдела, выразилась в репрезентации на страницах печатных изданий учреждения, широкого спектра тем, отразивших актуальность инородческого вопроса. В статьях В. Владимирского, Н. Зеланда, Г. Е. Катанаева, Н. Максимова, обсуждались проблемы перехода коренных народов Степного края в оседлое состояние,

пригодности степных участков к организации культурного земледелия, правового устройства, семейных отношений и быта кочевого населения⁶.

Инородческая проблематика, заявленная и разрабатываемая в трудах исследователей ЗСОИРГО, корреспондировала с авторским осмыслением переселенческого вопроса, что свидетельствовало об обретении мигрантами из Европейской России статуса основного субъекта колонизации, а также формировании имперских переселенческих практик в Степном крае, активно вовлекавшимся в процесс аграрной колонизации. В работах А. А. Морозова, П. Подшивалова, И. Савенкова, В. М. Лыщинского и др., поднимались вопросы не только организации переселенческих участков и учёта природно-географических условий мест водворения мигрантов, но и проблемы имперской инкорпорации степных районов Западной Сибири, что выражалось, например, в постановке и обсуждении проектов железнодорожного строительства в границах земледельческих местностей Степного края⁷.

Подводя итог, следует отметить, что экспедиционная и научно-исследовательская деятельность ЗСОИРГО, осуществлялась не только в русле экспертизы слабоосвоенных территорий Западной Сибири, но и представляла собой вариант научной рефлексии колонизационных мероприятий имперской власти России.

Примечания:

1. Записки ЗСОИРГО. Т. XXXIX. Омск, 1927. С. 81-83.
2. Словцов И.Я. Путевые записки за поездку в Кокчетавский уезд в 1878 г. // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXI. 1897. С.1-198; Шмидт Ю.А. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Там же. Кн. XVII. 1894. С.1-149; Игнатов П.Г. Обследование озёр Акмолинской области летом 1899 г. Юб. Сбор. 1902. С.112-113; Катанаев Г.Е. Несколько данных по вопросу о пригодности киргизских степей к земледельческой культуре // Записки ЗСОИРГО. Кн. XVII. 1894. С.27-28; Степанов П.Ф. О поездке в 1889 г. в голодную степь // Там же. Кн. VIII. 1898. С.17-18.; Лебедев Н. К вопросу о почвенно-сельскохозяйственных условиях Акмолинской области // Там же. Кн. XXXIV. 1908. С.1-121; Королёв В.Ф. Описание нескольких образцов почв Акмолинской области // Там же. Кн. XXIV. 1898. С.1-12; Гордягин А.А. О Кокчетавских лесах // Там же. Кн. XXII. 1897. С.1-18; Анзимилов Г.Г. Геологический материал из Кокчетавского уезда Акмолинской области. Юб. Сбор. 1902. С.63-64; Гольде К.Л. Наблюдение над появлением растений, заносимых в г. Омск и его окрестности из других мест // Записки ЗСОИРГО. Кн. X. 1889. С.11-15; Шестаков М.А. Краткие сведения об этнографических исследованиях 1886 г. в Омском уезде. Отч. 1885-1886, С.9.
3. Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб., 1887

4. Ядринцев Н.М. Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. издание.

5. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

6. Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Отч. 1898. С.22-27; Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк // Записки ЗСОИРГО. Вып. VII. 1885. С.1-78; Катанаев Г.Е. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их хозяйственной и домашней обстановке // Там же. Вып. XV. 1893. С.1-38; Максимов Н. О необходимости приступить к составлению сборника киргизского обычного права // Отч. 1897. С.9-12; Седельников Т.И. О киргизской нормальной семье по исследованиям Щербины. Доклад – Отч. 1902. С.21

7. Морозов А.А. Переселенческие посёлки Омского уезда в 1897 г. // Записки ЗСОИРГО. Вып. XXVII. 1900. С.1-23; Подшивалов П. Нужно ли соединять Омск с Тюменью рельсовым путём. Доклад. Отч. 1902. С.6-7; Савенков И. К вопросу о проведении рельсового пути от Тюмени до Омска. Доклад. Отч. 1902. С.12-13; Лыщинский В.М. Постановка дела снабжения питьевой водой переселенцев Акмолинской области. Доклад. Отч. 1911. С.35-39.

«ОМСКИЕ» АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
В ФОНДАХ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Приближается 300-летие Омска. К этой важной дате приурочено много проектов. Одним из них может стать создание обновленной археологической карты г. Омска. Напомним, что первая попытка составления подобной карты связана с именем известного краеведа А. Ф. Палашенкова¹. Она разрабатывалась в 1940-50-е гг. и, естественно, требует дополнения. Омские археологи уже начали двигаться в этом направлении². Для составления такой карты необходима работа с «омскими» археологическими коллекциями, хранящимися в музее города. Что же может представить ОГИК музей? В его археологическом собрании находятся довольно интересные коллекции и единичные находки, полученные в ходе раскопок, разведок и случайных сборов на территории Омска.

Начало «омской» археологической коллекции ОГИК музея положено еще учеными Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества³. Один из его членов, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Степного края А. П. Плахов, в 1893 г. начал исследование группы курганов под селом Николаевским Кулачинской волости Тюкалинского района (совр. Николаевка в границах Омска)⁴. В настоящий момент в музее хранятся два глиняных сосуда из материалов разведок и раскопок этого исследователя.

После работ А. П. Плахова археологические изыскания в пределах Омска были свернуты, и находки здесь делались случайно. Например, известным краеведом А. Н. Седельниковым в 1909 г. на Проломной улице Омска (сейчас - ул. Н. Яковлева) был обнаружен каменный топорик⁵. К сожалению, археологи ЗСОИРГО не заинтересовались могильником бронзового века, на месте которого возводился дом страхового общества «Саламандра» (ул. Музейная). При строительстве здания были найдены найдены несколько черепов, бронзовые нож, бляха, наконечник стрелы. Предметы поступили в музей ЗСОИРГО стараниями его члена, гласного Омской Городской Думы И. П. Лаптева в 1912 г., когда могильник уже

был уничтожен⁶. Сейчас эта коллекция состоит из двух бронзовых ножей и точильного бруска.

Как ни парадоксально, профессиональные раскопки памятников на территории Омска возобновляются в самый разгар Гражданской войны, в 1919 г., когда в Омске появляется А. В. Попов, врач по профессии, ранее возглавлявший Ученую архивную комиссию в Оренбурге. Его избрали в члены ЗСОИРГО и поручили провести раскопки близ Омска⁷. Из материалов этих раскопок происходит один из сосудов археологического фонда ОГИК музея, найденный в с. Захламино.

История изучения комплекса археологических памятников «Омская стоянка» также начинается в годы Гражданской войны и также со случайных находок. Памятник был открыт в 1918 г. врачом и краеведом С. А. Ковлером; позже, независимо от Ковлера, его вновь открыл ассистент кафедры минералогии и геологии Омского сельскохозяйственного института П. Л. Драверт⁸. В разные годы этот памятник привлекал внимание многих специалистов - археологов: В. П. Левашевой, Е. Н. Липеровской, В. Н. Чернецова, В. И. Мошинской, В. И. Матющенко, Н. Л. Членовой, Б. А. Коникова, М. А. Корусенко, М. А. Грачева и др., а также краеведов - П. Л. Драверта, А. Ф. Палашенкова, Э. И. Корти, С. Р. Лаптева, В. И. Мороза, В. Н. Касаткина⁹.

В ОГИК музее находится несколько коллекций с «Омской стоянки» общей численностью более 6,5 тыс. единиц хранения. Они содержат материалы от эпохи каменного века до средневековья - посуду (целую и во фрагментах) екатерининской, андроновской, кулайской и др. археологических культур, костяные изделия (гарпуны, проколки), металлические изделия (ножи, шилья, подвески), фрагменты костей животных, каменные предметы (множество отщепов, ножевидных пластин, песты, скребки, ножи).

Стоит сказать, что первооткрыватель «Омской стоянки» С. А. Ковлер передавал в музей археологические материалы, обнаруженные им в других частях Омска, например, на территории бывшего пивоваренного завода Юргенсона (территория современного торгового комплекса «Каскад»)¹⁰. Это средневековое ожерелье, поясные бляхи, бронзовые топоры, наконечники стрел, шилья, удила, точильный брусок, бронзовый наконечник копья с изображением пантеры на втулке и другие предметы, многие из которых представлены в археологической экспозиции ОГИК музея.

История формирования археологического фонда краеведческого музея неразрывно связана с именем советского археолога В. П. Левашевой, жившей в Омске в 1926-1929 гг. Одним из направлений ее недолгой, но плодотворной работы в Западно-Сибирском краевом музее была разведочная

деятельность. Некоторые памятники, обследованные В. П. Левашевой, находились в то время в Омском районе, а сейчас эти территории оказались в границах Омска. Так, в 1926 г. Левашева собрала подъемный материал эпохи ранней - развитой бронзы у с. Захламино (совр. территория Советского округа)¹¹.

В фонде ОГИК музея есть несколько тюркских каменных изваяний раннего и развитого средневековья. Два каменных изваяния найдены В. П. Левашевой на правом берегу Оми, между железным мостом и ЦЭС. В 1927 г. изваяния были перевезены в Областной музей. В 1951 г. еще одна каменная баба обнаружена А. Ф. Палашенковым на территории крепости, близ здания Судебной медицинской экспертизы¹². Если рассматривать другие коллекции, собранные А. Ф. Палашенковым на территории Омска, то стоит упомянуть находки против ул. 19-я Лния (керамика эпохи бронзового и раннего железного веков), предметы эпохи позднего средневековья (керамика, кость животного со следами обработки и железный нож), собранные на стоянке на острове у правого берега Иртыша в 1 км от оз. Поганое, керамику времени первых русских поселенцев, собранную на ул. 5-й Армии А. Ф. Палашенковым и учеником школы №20 Борей Драчковым.

В 1930-60-е гг. археологические коллекции краеведческого музея пополнялись нередко за счет случайных находок омичей, далеких от археологии. Среди материалов, принесенных в музей, немало тех, которые были обнаружены непосредственно в Омске, например, наконечники стрел позднего средневековья, найденные на ул. Веры Засулич (ныне - Ильинской) на огороде д. №14 С. И. Рысевым (Рысьевым) в 1937 г. или металлическое украшение из круглых бляшек, найденное художником Я. Я. Авотиным в 1940 г. на левом берегу Оми¹³. Украшением коллекции культового литья археологического фонда музея является антропоморфное изображение, обнаруженное на правом берегу Иртыша школьником Анатолием Арцибасовым «вблизи затона на берегу оврага на глубине 70 см» в 1949 г.¹⁴.

Стоит отметить, что еще один знаковый для Омска археологический памятник - городище Большой Лог, расположенный на правом берегу р. Оми на Восточной окраине Омска (напротив 5-ой ТЭЦ), также открыт школьником Игорем Калугиным в 1937 г. В ОГИК музее хранятся «большеложские» коллекции, содержащие материалы раскопок 1949 г. В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской, и археологические коллекции (в основном керамический материал позднекулайского времени), полученные в ходе раскопок экспедиции Омского педагогического института под руководством И. В. Морева в 1990 г.

В 1990-е гг. в археологический фонд ОГИК музея продолжили поступать случайные находки омичей. Из самых интересных можно отметить

тесло из кости животного, найденное в Омске на берегу р. Иртыш в воде в районе Тобольских ворот Г. В. Поварницыным и коллекцию, собранную при проведении теплотрассы у «Дома Кабалкина» (совр. Либеров-центр) по ул. 10 лет Октября.

В июне 2004 г. при строительстве павильона вокзала пригородных путей сообщения было обнаружено древнее захоронение. В ходе совместных спасательных работ сотрудников Отдела охраны памятников Министерства культуры Омской области, ОГИК музея, ОмГУ, Фонда охраны археологического наследия было выяснено, что это погребение VIII-IX вв. н.э., оставленное одним из тюркских племен - кимаками¹⁵. Полученная коллекция, состоящая из костяных накладок на лук, наконечников стрел, ременной и подпругной пряжек, а также останки кимакского воина были переданы в фонды ОГИК музея. Сейчас захоронение воссоздано в его археологический экспозиции.

В 2005 г. началось восстановление разрушенного в 1935 г. Свято-Успенского кафедрального собора. Этому событию предшествовали археологические раскопки на месте разрушенной святыни. Они проводились Фондом охраны археологического наследия; руководителем работ стал омский археолог И. Е. Скандаков. Часть материалов этих раскопок (фрагменты ткани, напольных плиток, подсвечники, фрагменты декора, гвозди, стамеска, крючки) поступила в фонды краеведческого музея в том же 2005 г.

Коллекция из Успенского собора - не единственная из материалов «церковной» археологии города. В 2009 г. Б. А. Конилов начал археологические изыскания на территории снесенного в 1958 г. Военного Воскресенского собора и передал часть материалов (фрагменты кирпичей и напольных плиток) в ОГИК музее.

Долгое время территория Первой Омской крепости (1716-1768 гг.) была обойдена вниманием археологов. И только в 2013 г. ОГИК музей и ОмГУ им. Ф. М. Достоевского начали совместные исследования на месте ее расположения. Руководителем работ стала молодая омская археолог Н. В. Беликова. Были заложены несколько разведочных раскопов в границах крепости. Получены предметы как XVIII, так и XIX вв.: гвозди, фрагменты подков, скоб, берестяные изделия, фрагменты глиняной и стеклянной посуды, фрагменты кожаных изделий. Сезон 2014 г. дал еще более интересные находки: пушечное ядро, ножи, «бабки», точильные бруски. Сейчас коллекция находок насчитывает около 100 предметов.

Подводя итоги, можно сказать, что в археологическом фонде ОГИК музея хранятся около 50 коллекций с различных археологических объектов г. Омска. К сожалению, большая часть указанных на ней памятников

никогда не исследовалась, и многие из них безвозвратно погибли. Но артефакты представляют собой предметы всех эпох: от каменного века до нового и новейшего времени. Археологических коллекций, полученных в ходе целенаправленных раскопок памятников, немного. Надеемся, что при создании базы данных для этой карты археологические коллекции ОГИК музея будут учтены, а археологические изыскания в Омске продолжатся.

Примечания:

1. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества СССР. Омск: Омское книжное изд., 1960. С. 3-23.
2. Татауров С. Ф. Перспективы создания электронной археологической карты исторических центров гг. Омска и Тары // История и культура городов России: от традиции к модернизации. Омск, 2006. С. 263-266.
3. Федотова И. В. Археологическая коллекция музея ЗСОИРГО // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2013. №18. С. 209-215.
4. Плахов А. П. О результатах раскопок в 1893 г. восьми курганов в окрестностях Омска // Отчет о деятельности ЗСОИРГО за 1897 год. Омск: Тип. Окр. Штаба. 1899. С. 58-63.
5. Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. Вып. 4. С. 9.
6. Жук А. В. История археологического изучения... С. 10
7. Жук А. В. История археологического изучения... С. 11.
8. Конилов Б. А. Археологический комплекс «Омская стоянка»: в поисках тысячелетий (научно-популярные очерки). Омск: Золотой тираж, 2014. С. 37.
9. Федотова И. В. Археологические коллекции с комплекса памятников «Омская стоянка» в Омском государственном историко-краеведческом музее // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сборник научных трудов. Омск: ИД Наука, 2013. С. 40-44.
10. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте... С. 11.
11. Петров А. И. Научный паспорт на археологическую коллекцию ОМК-4495. Омск, 1979.
12. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте... С.17.
13. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте... С. 11-12.
14. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте... С. 11.
15. Матвеев А. В. и др. Погребение тюркского времени у павильона пригородных сообщений Омского железнодорожного вокзала // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск: ОГИК музей, 2005. С. 41-48.

С. Ю. Чередова

Омск, Государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ПРОШЕНИЕ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕНТРА И СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Во властных взаимоотношениях центра и региона, несмотря на высокую степень централизации государственного аппарата Российской империи нередко складывались конфликтные и напряженные ситуации. Увеличение числа ведомственных учреждений на протяжении XIX в. вело к рассредоточению власти и порождало дополнительные конфликты на местном уровне. Казалось бы, в идеале центральная власть должна была выражать интересы страны в целом, а региональная в лице генерал-губернаторов интересы сибирской окраины, соблюдая при этом устойчивый баланс интересов. Но на деле, министры стремились, прежде всего, защищать ведомственные интересы¹, а генерал-губернаторы больше заботились о расширении своей власти² и удовлетворении личных амбиций³. При этом страдали интересы сибирского общества, которое при отсутствии четкого разделения компетенции между властными структурами не могло воспользоваться и так небольшими социальными правами. Одним из источников информации об особенностях отношений между центром и сибирским регионом могут являться прошения от различных лиц и институтов поданные в Министерство Внутренних Дел о разрешении на издание периодической печати.

Во второй половине XIX в. выпуск новых периодических изданий регулировался Уставом о цензуре и печати, который содержался в XIV томе Свода законов Российской империи. Устав о цензуре и печати состоял из 302 статей. Он включал нормы Устава 1826 г., Устава 1828 г., Временных правил 1865 г. и ряда отдельных указов⁴. Для возникновения печатных изданий Устав создавал определенные трудности. Согласно статьям 117, 118, 119, 126, 127 и 130 для этого требовалось получить разрешение министра внутренних дел. «Каждый желающий выпускать в свет новое повременное издание, в виде газеты, журнала или сборника, вне городов Империи, обязан испросить на то разрешение Министра Внутренних Дел, от которого зависит дозволить выпуск в свет такого издания или без цензуры, или под условием предварительной цензуры»⁵. Для того, чтобы легче было

контролировать местные периодические издания прошение на выпуск новой газеты или журнала обязательно должно было содержать в себе: «1) название или заглавие издания, программы оно, сроков выхода в свет и подписной цены; 2) имена и места жительства издателя, и ответственного редактора, а если их несколько, то каждого из них; 3) типография, в котором издание будет печататься»⁶. Поменять название или программу издания нельзя было без дополнительного разрешения из Департамента, на это необходимо было тоже письменное разрешение. О благонадежности издателя и редактора запрашивался департамент полиции, только при наличии документа, заверяющего в добропорядочности той или иной личности, прошение проходило дальше по инстанциям. Сведения о наличии типографии в той или иной местности, так же были необходимы, особенно в сибирском регионе. За Уралом количество типографий даже во второй половине XIX века было мизерным, и все они использовались на всю мощность⁷. Даже ради увеличения числа официальных газет в сибирском регионе центральная власть не желала финансово участвовать в деле дополнительного оснащения типографий. Помимо выше перечисленного к прошению должно было прилагаться «1) документы о личности, как издателя, так и ответственного редактора или, если таковых несколько, то всех их; 2) письменное, за собственноручное подписью, заявление ответственного редактора, что он принимает на себя заведыванием изданием или частью оно и какою именно. Если издателем и ответственным редактором будет одно и то же лицо, то сие должно быть сказано в прошении»⁸.

Простение достаточно часто дополнялось объяснением, почему необходимо то или иное издание в данный момент и в данном регионе. Обоснование необходимости выпуска того или иного печатного издания было связано с программой будущей газеты. В простении А. Адрианова по поводу издания журнала «Сибирское обозрение» указаны были такие причины как «доставления сибирской публике возможно более популярно-научной работы по изучению Сибири... Небольшой сибирский журнал подобного рода был бы полезен, что вызвал бы массу сибирского читающего люда на сообщение тем своих наблюдений над природой и жизнью Сибири, которые могут составлять весьма ценный материал для изучения этой малоизвестной страны»⁹. В простении К. М. Голодникова по поводу разрешения ему издавать газету «Степной край», он приводит следующие аргументы: «все почти наиболее населенные города Сибири, как-то Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск и даже Владивосток, по благосклонному разрешению Правительства, имеют уже собственные неофициальные печатные органы ...что один только Омск, представляющий собой центральный пункт

обширного Степного Генерал-Губернаторства, составляет печальное в этом ряду исключение»¹⁰.

Поданные прошения в Министерство Внутренних Дел являются источником информации об активности общественной жизни в том или ином городе, а также отражают желание общественных сил заявить о себе. Возникает определенная группа людей, жалеющих издавать газету или журнал, и, конечно, появляются потенциальные читатели, у которых существует потребность быть курсе местных и центральных событий.

Примечания:

1. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX - начало XX века. Омск, 1997. С. 102
2. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX - начало XX века. Омск, 1997. С. 104
3. Очерки истории города Омска. Т.1. Дореволюционный Омск. Омск, 1997. - С. 74
4. Воробьев В. В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907-1914 гг.). Омск, 2003. С. 10
5. Свод законов Российской империи Кн. 5., ТТ. XIII-XVI. СПб. 1890. С. 95
6. Свод законов Российской империи Кн. 5., ТТ. XIII-XVI. СПб. 1890. С. 96
7. Волкова В. Н. Полиграфическое исполнение и художественное оформление сибирских изданий второй половины XIX века. //Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1993. С. 16
8. Свод законов Российской империи Кн. 5., ТТ. XIII-XVI. СПб. 1890. С. 96
9. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 100. Л. 2.
10. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 10. Л. 1

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ
ИЗУЧЕНИЯ КЛИШЕ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ФАЛЬШИВЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ
ОБРАЗЦА 1843–1865 ГГ. (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ДЕНЕГ)

Доклад посвящен истории предмета из коллекций Музея денег – гравированного металлического клише для получения оттисков фальшивых государственных кредитных билетов достоинством 10 рублей образца 1843–1865 гг. В докладе рассматриваются вопросы технологии изготовления и истории использования клише. Изучение предмета проводится в тесной связи с основными событиями истории денежного обращения России 1840–1860-х гг. В работе использованы результаты исследований и наблюдений, полученные в ходе реставрации клише. Информация о предмете публикуется впервые.

Государственные кредитные билеты в России, как вид бумажных денежных знаков, были введены в обращение с 1843 г. в рамках денежной реформы министра финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин. Новые бумажные деньги частично обеспечивались запасом золота и серебра и свободно разменивались на территории России на серебряную и золотую монету в течение более чем десяти лет после проведения реформы¹.

Описание банкнот достоинством 1, 3, 10, 25, 50 и 100 рублей было утверждено Сенатом в 1843–1844 гг., в частности, указом № 17178 от 21 сентября 1843 г. «О обнародовании образцов кредитных билетов 25, 10, 5 и 3-х – рублевых достоинств»². Денежные знаки печатались в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ, после Октябрьской революции 1917 г. – «Гознак») и выпускались до 1865 г.

Для производства бумажных денег в ЭЗГБ впервые был применен метод гальванопластического изготовления печатных форм из меди, по технологии, открытой в 1838 г. российским физиком и электротехником Б.С. Якоби³. Внедрение усовершенствованных печатных форм, усложнение рисунка, а также применение шрифтов с различной, в том числе, очень малой высотой знаков должны были препятствовать подделке денег. Но предпринимаемые меры защиты денежных знаков образца 1843 г. не спасли их от подделки.

Об одной из попыток выпуска фальшивых банкнот стало известно после того, как в Музее денег появилась гравированная металлическая печатная форма (клише) с зеркальным изображением лицевой стороны государственного кредитного билета 1864 г. достоинством 10 рублей.

Данное клише приобретено музеем у частного лица – А. А. Мельниченко в 2012 г. и согласно легенде найдено в Костроме при разборе жилого дома постройки XIX в. под одной из стропил крыши в тайнике. Бывший владелец дома – диакон Иеремия (И. Д. Неуступов) – был запрещен в служении в 1853 г. и отдан под суд вместе с группой лиц по обвинению в изготовлении фальшивых бумаг. Однако решением суда он был оправдан, но оставлен в подозрении с запрещением занимать должности в государственных учреждениях.

В результате реставрационных мероприятий, выполненных художником-реставратором I категории ФГУП «МНРХУ» А. Ф. Бирюковым в 2015 г. (г. Москва), составлено описание гравировальной техники печатной формы. Клише изготовлено вручную способом гравировки штихелями поверхности листа медного сплава (латуни) толщиной 1,2 мм. С помощью макро-фото съемки до шестнадцатикратного увеличения установлено, что работе гравера предшествовала разметка рисунка (на предварительно покрытом грунтом металле – И. Ч.): на лицевой стороне металлического листа присутствуют контуры изображений в виде точек.

Сопоставление печатных элементов клише образца 1864 г. с кредитными билетами 10-ти рублевого достоинства 1843–1865 гг. выявило композиционное соответствие гравированных изображений оформлению денежных знаков 10-ти рублевого достоинства, находившихся в обращении. В то же время, в результате расшифровки подписи «Управляющего» А. И. Ростовцева выяснилось несоответствие срока его полномочий: в 1864 г. А. И. Ростовцев не занимал пост управляющего Государственного банка Российской империи. На всех денежных знаках с 1861 г. вместо «Управляющего» ставилась подпись заместителя – «Тов. Управляющего» Е. И. Ламанского. Можно предположить, что для создания рисунка клише был использован кредитный билет одного из типовых выпусков 1855–1860 гг. с подписью А. И. Ростовцева, находившийся в обращении во время создания клише. У преступников, вероятно, существовала практика подделки денег, при которой в своих печатных формах они заменяли только год выпуска и серийный номер билетов.

Таким образом, в ходе исследования получены важные сведения о технике создания и особенностях изображений клише, на основании которых можно высказать предварительную версию его использования. Клише

лицевой стороны кредитного билета могло входить в набор основных форм и приспособлений, необходимых фальшивомонетчикам для печатания кредитных билетов. Но первый оттиск с гравированного изделия, по-видимому, позволил своевременно обнаружить ошибки при указании подписанта, и неверная печатная форма была тщательно укрыта в тайнике.

Удалось ли фальшивомонетчикам наладить выпуск поддельных денежных знаков в 1864 и последующие годы – вопрос требует дальнейшего изучения. Известно, что в конце 1850-х – начале 1860-х гг. с целью защиты кредитных билетов от подделки в ЭЗГБ разрабатывались новые способы изготовления билетов. В 1868 г. в обращение были введены банкноты нового образца 1866 г., а к 1875 г. обращение кредитных билетов образца 1843 г. было завершено⁴.

Автор выражает благодарность А. Ф. Бирюкову за проведение реставрационных работ и ценные консультации.

Примечания:

1. Денежное обращение России: в 3 т. Т. I: Исторические очерки: с древнейших времен до наших дней. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 166.
2. ПСЗ–2. Т. 18. № 17178 [Электронный ресурс] // РУНИВЕРС [Официальный сайт]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book9894/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 18.06.2015).
3. 1818-1917 гг. История ЭЗГБ [Электронный ресурс] // ГОЗНАК [Официальный сайт]. URL: <http://goznak.ru/about/history/3/> (дата обращения: 16.06.2015).
4. Алехов А. В. Америка – Россия: кредитные билеты 1866 года [Электронный ресурс] // Нумизматический альманах. 2001. №2. С. 32-41. URL: <http://www.bonistikaweb.ru/NUMALMAN/2-2001-alehov.htm> (дата обращения: 02.07.2015).

О. Н. Шелегина

Новосибирск, Институт истории СО РАН

НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО МИРА СИБИРИ

Культурное наследие - многокомпонентная, постоянно развивающаяся категория, подвергающаяся научной рефлексии. В современный период, в условиях перехода от актуализации наследия к его освоению, выявляется приоритетная роль в этом процессе музеев-заповедников, акцентуация внимания зарубежных и российских музеологов на перспективности их развития. Существенное научно-практическое значение в этой связи приобретает дальнейшая систематизация опыта музеефикации наследия в разных регионах России.

В предложенной нами, и находящейся в стадии активной апробации модели музейного мира Сибири и адаптационного подхода к его изучению наследие рассматривается в контексте материального (объекты наследия, учреждения, способствующие их сохранению, музеи), интеллектуального (идеи, исследования, проекты, научно-образовательные центры) и коммуникационного (интернет, средства массовой информации, цифровое наследие, музейная аудитория) пространств.

В Сибирском регионе соотношением числа объектов историко-культурного наследия (18 600 в т.ч. памятников археологии – 8700, истории – 3300, архитектуры – 440; искусства – 160) и музеев, учреждений музейного типа (по интернет - данным около 500) обусловлена необходимость в развитии традиционных и поиске новых эффективных форм освоения наследия.

Музеи-заповедники, в силу их особого статуса, имеют важное значение для сохранения и представления историко-культурного и природного наследия в его целостности. В современный период на территории Сибири действует и создается около двух десятков археологических, архитектурных, мемориальных, этнографических и этно-экологических музеев-заповедников, имеющих мировую, российскую известность и играющих существенную роль в жизни региона. Можно отметить, что в развитии сибирских музеев-заповедников наблюдается тенденция приобретения ими комплексного характера, развитие этнокультурной составляющей, позволяющей постепенно осваивать все виды материального и нематериального

наследия народов Сибири, что усиливает их влияние на региональное социокультурное пространство.

Одним из эффективных путей организации музеев-заповедников в настоящее время может стать объединение нескольких профильных учреждений культуры. Так, например, создание в 2014 г. «Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская» произошло на основе слияния Большереченского историко-этнографического музея, Национального археологического и природного парка «Батаково» и Историко-культурного комплекса «Старина Сибирская».

Актуальным и перспективным направлением в музеефикации культурного наследия в полиэтничных регионах Сибири является выделение и музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири (Хакасии, Тыве, Горном Алтае). С 2007 г. в них действуют 2 республиканских и 3 муниципальных археологических музея-заповедника. Определяющую роль в их развитии играют организации, иницирующие и координирующие эту деятельность (Совет по историко-культурному наследию при Министерстве культуры Республика Хакасия, Агенство по культурно-историческому наследию Республики Алтай).

Перспективы развития названных территорий могут быть связаны с формированием интегрированной музейной сети, включающей музеи-заповедники федерального, регионального и муниципального уровня, а также учреждения музейного типа, участия в российских и международных проектах по освоению археологического, этнографического и природного наследия Центральной Азии.

В целом значимые позиции музеев-заповедников в освоении регионального наследия и формировании музейного мира Сибири определяются: позиционированием их как престижных брендовых объектов территорий, инициаторов их развития, включенных в индустрию туризма, вовлекаемых в креативную экономику; активной интеграцией науки, культуры, образования, направленной на отражение в исторической динамике культуры жизнеобеспечения населения Сибири, использованием нематериального наследия для социокультурной адаптации населения в условиях глобализации.

Успешный опыт музеефикации культурного наследия в сибирских музеях-заповедниках, формирования в республиках Южной Сибири особо охраняемых территорий историко-культурного значения может быть развит с учетом основных положений главы XI. «Историко-культурные заповедники» Федерального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002 г.).

Проектные инициативы, по созданию на основе освоения наследия новых музеев, учреждений музейного типа, способствующих формированию и развитию музейного мира Сибири следует оценивать по критериям: 1) культурная значимость, доступность, состояние объекта наследия; 2) возможность обеспечения сохранности объекта после его вовлечения в культурную деятельность; 3) потенциал проекта для его включения в региональные программы развития культуры, науки, образования; 4) наличие интереса к теме проекта со стороны руководителей местной власти; 5) возможность привлечения дополнительных внебюджетных средств. Оценке эффективности этих проектов будет способствовать их экспертиза в форме публикаций и общественных обсуждений с использованием модели адаптационного подхода в музееведении.

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:
СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ,
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ**

РАСПРОСТРАНТЕЛЬСКАЯ И ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В РОССИИ»
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX В.

«Общество для распространения Священного Писания в России» было «высочайше утверждено» 2 мая 1869 г. До момента основания Общество представляло собой небольшое собрание частных лиц. В соответствии с давней российской традицией, учреждение нового Общества не обошлось без участия августейшей семьи.

Данная организация имела на российской земле своих предшественниц, отличавшихся, однако, целями, характером работы и структурой. Первым по времени в 1812 г. в России было основано «Российское библейское общество» (РБО). Изначально данная организация задумывалась её основателями как структурная часть «Британского и иностранного библейского общества», существующего на территории Соединённого королевства с 1804 г. Однако благодаря стараниям сотрудника Британского общества пастора Джона Патерсона, а также министра народного просвещения, главноуправляющего иностранными исповеданиями, обер-прокурора Святейшего Синода, князя А. Н. Голицына, «Санкт-Петербургское (а с 1814 г. - Российское) библейское общество» получило статус самостоятельной организации. Активная и достаточно плодотворная духовно-просветительская, переводческая и распространительская деятельность РБО продолжалась недолго и окончательно прекратилась в 1826 г.

2 марта 1831 г. стараниями министра народного просвещения, князя К. А. Ливена, бывшего президента «Российского библейского общества», был высочайше утверждён устав «Евангелического библейского общества в России». В отличие от своего предшественника новое общество ставило себе целью распространение книг Священного Писания в регионах массового проживания российских протестантов (Самарская, Бессарабская, Таврическая, Курляндская, Эстляндская губернии). Исключением стала Финляндия, где существовало своё библейское общество. «Евангелическое

библейское общество в России» осуществляло издание Библии на латышском и эстонском языках¹. Как и две предшествующие по времени основания организации, «Общество для распространения Священного Писания в России» (далее - Общество) информировало население о своей деятельности посредством ежегодных отчётов. В фонде редкой книги ОГИК музея хранятся 13 годовых отчётов Общества, хронологически охватывающие период с 1869 по 1894 гг.

Первые отчёты (публикуемые сначала в «Журнале Министерства внутренних дел») содержали сведения, касающиеся работы книгонош, действий членов Общества, информацию о количестве распространённых книг, финансовый отчёт. В качестве дополнения в каждом отчёте был помещён полный поименный список членов Общества и устав организации. Впоследствии отчёты претерпели изменения как качественного, так и количественного характера.

Существенная часть отчётов посвящена описанию работы рядовых членов Общества — книгонош. Руководители избрали данную практику для своей организации как наиболее привычную и наиболее подходящую для российских географических условий. Книгонош всегда было немного, не более десяти человек, однако на эту ответственную работу принимались люди надёжные, проверенные, не боявшиеся трудностей, а также хорошо знающие Священное Писание, способные объяснить неграмотному человеку содержание Библии.

На основании имеющихся отчётов можно проследить как динамику развития Общества, так и динамику распространения книг. Отметим, что в целом, несмотря на тенденцию к повышению, в разные годы общее число распространённых книг было различным, что было связано с разными факторами: снижение или увеличение количества книгонош, их маршруты, количество переданных на реализацию книг.

Благодаря тому, что каждый отчёт Общества содержит поименный список членов общества, мы можем проследить, сколько членов этой организации было в нашем регионе. Первое упоминание об омичах-членах «Общества для распространения Священного Писания в России» мы находим в пятом по счёту отчёте за 1873 г. В этом издании упомянуты два человека из Акмолинской губернии: полковник П. К. Дитерихс в качестве действительного члена общества и П. П. Дядин как член-сотрудник². Впоследствии число сотрудников Общества в нашем регионе увеличилась и достигла к 1895 г. 23 человек³.

С первых лет существования «Общество по распространению Священного Писания в России» осуществляло свою работу за счёт добровольных

пожертвований и членских взносов, а также за счёт продажи книг. Ежегодно Общество удостоивалось пожертвований от императорской семьи. С 1880 г. Общество пользовалось субсидией от «Американского библейского общества». Достаточно щедрая финансовая поддержка, как свидетельствуют отчёты, позволила осуществить отправку книгонош в отдалённые районы страны – на территорию Урала, Западной и Восточной Сибири (бассейны Оби, Лены, Амура), в Туркестан, Европейский север страны. С 1869 г. по 1893 г. капитал Общества увеличился с 1 541 руб. 59 коп. до 41 824 руб. 32 коп.⁴ В 1880 – 1881 гг. благодаря финансовой поддержке «Американского библейского общества», книгоношами была организована экспедиция с целью распространения книг Священного Писания на обширной территории Западной Сибири.

Годовые отчёты «Общества для распространения Священного Писания в России» содержат в себе как важные статистические, так и общеисторические сведения. Данные издания являются интересным источником по истории библейского движения в России в целом и в Сибири в частности.

Примечания:

1. Энциклопедический словарь: В 86 тт. Т. 3 А (6): Бергер-Бисы. СПб.: Семёновская Типо-Литография (И. А. Эфрона), 1891 г. С. 707.
2. Пятый годовой отчёт высочайше утверждённого 2 мая 1869 г. общества для распространения Св. Писания в России. 1873 г. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1874. С. 39, 43.
3. XXV-й годовой отчёт высочайше утверждённого 2 мая 1869 г. общества для распространения Св. Писания в России. 1893 г. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1894. С. 73-74.
4. Там же. С. 54.

Е. А. Акелькина

*Омск, Региональный центр изучения творчества
Ф. М. Достоевского*

СУДЬБА ДОМА СЕМЬИ АКЕЛЬКИНЫХ: ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Дом в Сибири, как в деревне, так и в городе, больше чем просто жилье. Образ его предметно точен и индивидуален, он всегда неповторим и отличается от других домов, пусть конструктивно срубленных точь-в-точь как у кого-то еще. Построить из дерева два совершенно одинаковых дома невозможно даже одному плотнику. А уж о разнице в атмосфере семьи, живущей в доме, бытовом укладе, семейных традициях и характеристиках хозяев и говорить нечего. Для сибиряка наличие своего дома есть основа экономической независимости, личной свободы и житейского благополучия. Необходимо заметить, что сибирский дом берет начало от русской печки, очага, вокруг которого и движется жизнь семьи. Дом, словно живой организм, растет пристройками, перемены в составе семьи или смена хозяев вызывают необходимую перепланировку. Меняется и подворье, сад, палисадник перед домом. Дом живет по-разному в различные эпохи.

Хочу рассказать историю дома по улице Вокзальная, 17, в котором родилась и живу уже более 60 лет, сам дом существует уже 100 лет. В истории дома отразилась через истории семей, живших и живущих в нем, судьба страны. В нашем семейном архиве есть документ от 21 ноября 1913 года, из которого следует, что крестьянин Тобольской губернии Иустин Леонтьевич Коржавин сдает в аренду городскому жителю Марамзину А. Т. участок земли по Семипалатинскому тракту под №178. Отныне, внося арендную плату за землю, Марамзин стал хозяином участка и начал строить дом. Улиц еще нет, есть земельные участки, название «Вокзальная» будет дано в начале 1920-х годов. Кстати, моя улица – единственная в нашем поселке никогда не меняла своего названия. В 1950-е дала имя всему поселку.

Второй документ относится к июню 1922 года. Это акт о продаже дома А. Т. Марамзиным моему деду Ивану Григорьевичу Бондаренко. С покупкой дома крестьянин Тарского уезда Тобольской губернии из деревни Бергамак становится городским жителем и поступает служить на железную дорогу кондуктором. Земельный участок с домом назван «выселком по Семипалатинскому тракту по Вокзальной улице в доме 3/178» и продан за

сто миллионов рублей. Если вспомнить о послереволюционной разрухе и инфляции, это не так уж много. Улицы еще собственно нет, есть несколько домов. Номер 1 у дома наших соседей Поляковых, их дед Федор Иванович служит носильщиком на станции, а номер 3 – дом, купленный И. Г. Бондаренко, остальные дома будут построены и пронумерованы позже. К 1930 году улицу будут выравнивать, чтобы дома стояли в одну линию, и наш дом получит №7, а позже, уже в 1960-е, станет №17. В начале своей истории дом, купленный Иваном Григорьевичем, меньше современного, в нём 4 комнаты: две небольшие спальни, «зала» и столовая, которая является и кухней, небольшое крылечко, вход с дом со двора. Перед домом кусты акаций. В этом доме Иван Григорьевич будет жить со своей первой женой Анной Федоровной целых 20 лет, детей у них не будет. По семейным рассказам Анна Федоровна – прекрасная хозяйка, отлично ведет дом. Однажды в 30-е годы, вернувшись из поездки, Иван Григорьевич застанет двери дома открытыми, все ценные вещи унесены, а жена в подполе, напуганная грабителями и запертая, чтобы не мешала выносить добро. До войны жизнь будет идти своим чередом: напротив, появятся одноэтажные дома барачного типа для железнодорожников, некоторые улицы будут вымощены крупными булыжниками, но Вокзальная по осени и весне будет тонуть в грязи. Но эта небогатая скудная жизнь будет вспоминаться всеми как верх благополучия, когда начнется Великая Отечественная война и в город хлынет поток беженцев из Центральные районов страны. В 1943 году Иван Григорьевич овдовел, в дом к нему поселили буяна-военного, который стал все ломать в доме, дед пытался его урезонить, но эвакуированный стал жаловаться. А тут начальник Ленинского отделения милиции Лузин решил забрать себе дом Бондаренко и оформил ему административную высылку в Исыкульский район. Совсем житья не стало Ивану Григорьевичу. Соседи его жалели. Моя бабушка Павла Андреевна Акелькина овдовела еще в 1936 году, жила со стариками-родителями на соседней улице Мануильского (тогда она называлась Красный путь), её единственный сын Алексей Петрович Акелькин был на фронте, как и его жена. Старики в войну умерли, бабушка осталась одна в огромном доме. Заходил к ней сосед И. Г. Бондаренко, она ему сочувствовала и посоветовала снова жениться, даже невесту взялась подыскать, но дед неожиданно сделал предложение ей. Бабушка была моложе его на 10 лет, красива, добра и хозяйство вела умело. Написала она на фронт сыну и невестке, попросила разрешения второй раз выйти замуж. Согласие дали. В 1944 году Павла Андреевна и Иван Григорьевич поженились и счастливо прожили 13 лет, брак, который возник, казалось, по необходимости, стал союзом любви. Дед бабушкой восхищался, баловал

её, а когда чуть позже он тяжело заболел, она преданно ухаживала за ним. В 1944 году мой отец – старший техник-лейтенант бронепоезда – приехал домой в отпуск в форме НКВД (железнодорожные войска входили в эту систему). Тотчас отец обратился к военному коменданту города с жалобой на незаконные притеснения его матери и её мужа милиционером. Высылку И. Г. Бондаренко отменили, дом вернули. Бабушкин дом продали, она переехала к деду, а когда вернулись с войны сын и сноха, дом стали восстанавливать. Каждый офицер, демобилизовавшись, получал зарплату за все пять лет войны. На эти деньги и строились. Послевоенные годы были трудные: Иван Григорьевич во время поездки на лошади сильно простыл, начался туберкулезный процесс, лечили его долго и малоэффективно. К дому в послевоенные годы пристроили большую кухню, кладовку и маленькую комнату во второй половине дома, а также два отдельных входа (два крыльца). Дед жил во второй половине (он сам предложил это – берег детей), бабушка преданно ухаживала за ним, отправляла в санаторий, но в 1957 году Иван Григорьевич скончался, через полгода умерла и бабушка.

В доме № 17 по Вокзальной улице остались молодые хозяева – Алексей Петрович Акелькин, начальник технической школы машинистов, его жена Клавдия Григорьевна, врач, и дочь Лена, которая только пошла в первый класс. Скоро все в семье (и в поселке) стало по-новому. В 1960 году вместо печного отопления провели теплофикацию (теплотрасса прошла по нашей улице), потом появился газ, летний водопровод. В 1960-е улицу покрыли асфальтом. Мои родители посадили яблоневый сад (10 деревьев), малину, смородину, цветник, сегодня от всего этого уцелели кусты сирени и одна стелющаяся яблоня. Отец поставил солидные ворота с двумя разными столбиками, а перед домом на улице оставил газон с травой и цветами. Вот уже скоро столетие наш дом живет своей жизнью. Наш небольшой сад помнит бабушкины именины 14 июля (на Петра и Павла), когда она накрывала стол в саду, пекла пирог с курагой или с клюквой, приглашала соседей, а они пели старинные сибирские песни. Помню такие застолья в день Победы и в день железнодорожника (первое воскресенье августа). Сегодня гости собираются, но с 1970-х по 1990-е сами уже не пели, а слушали чужое исполнение. Новый век, новые песни...

КАЗАХИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

В России проживает четвертая по численности после Казахстана, Китая и Узбекистана общность казахов. Если по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в РФ проживало 653 962 казаха, то в 2010 г. – 647732¹. Численность казахов уменьшилась в семи субъектах РФ: в Оренбургской, Саратовской, Курганской, Челябинской, Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае². Республика Алтай как центральноазиатский субъект РФ является приграничным стратегически важным районом, выходящим на Монголию, Китай и Казахстан. Начало переселения на земли Горного Алтая казахов из Восточного Казахстана и Китая через территорию Монголии ученые относят ко второй половине XIX в. «В своеобразной природно-географической зоне алтайского высокогорья, в отрыве от основного этнического массива различные родоплеменные и территориальные объединения казахов сложились в единое этническое сообщество с культурной, языковой, религиозной спецификой и отчетливым самосознанием», – подчеркивает И. В. Октябрьская³.

В Республике Алтай перепись 2002 г. зафиксировала 12 108 казахов⁴. Практически неизменной осталась их численность к переписи 2010 года – 12 524 человека, то есть увеличение произошло всего на 416 человек⁵. Казахи сохранили третье место по численности после русских и алтайцев, наиболее компактно проживают в Кош-Агачском районе. В сельской местности проживает 90% (в РФ – 63%) от общей численности казахов Республики⁶. Всего 1267 казахов являются жителями Горно-Алтайска – единственного города и столицы Республики.

В Республике Алтай, как и в России в целом, преобладают женщины – 50,42%⁷. Казахи, как и теленгиты, имеют самый молодой средний возраст – 29,6, в то время как алтайцы – 31,3, челканцы – 32,3, тубалары – 33,4, русские – 35,4, немцы – 43,4 и украинцы – 50,4⁸. Средний возраст казахов России больше и составляет 34⁹. По сравнению с 2002 годом в 2010 г. увеличился показатель по владению казахами государственным языком России: с 98,3% до 98,6%¹⁰. Из 401 455 человек, владеющих в России казахским языком, казахи составляют 84%. Кроме них казахский язык знают представители 46 национальностей и в первую десятку входят русские,

татары, башкиры, киргизы, узбеки, украинцы, алтайцы, чеченцы, немцы и азербайджанцы¹¹.

В Республике Алтай функционируют школы с казахским языком обучения, поэтому знание родного языка здесь достаточно высокое. Если 1416 алтайцев знают казахский язык, то алтайским языком владеют 2683 казаха¹². Среди указавших уровень образования 14,7% казахов России имеют высшее и неполное высшее образование, тогда как среди казахов Республики Алтай этот показатель в 1,5 раза выше – 23,55%¹³.

Казахи Республики Алтай составляют особую этнографическую группу казахов России, отличаются этническим составом, конфессиональным фактором в двухсотлетней этнической истории в инонациональном окружении, особенностями миграции за пределы Казахстана и репатриации в Республику Казахстан, хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры. На сохранение самобытности ориентированы обычаи, связанные с рождением и социализацией ребенка, этикетные нормы, заключение брака, ритуальные практики, отмечающие жизненный путь человека. «Высокий уровень сплоченности, взаимопомощь и сохранение родственных (родовых и клановых) связей определяет специфику самосознания казахов Алтая и обеспечивает высокую конкурентность группы в отстаивании этносоциальных приоритетов в полиэтническом сообществе пограничного региона»¹⁴.

На современном этапе развития казахов Алтая как части казахской диаспоры характеризуют и процесс консолидации, с одной стороны, и стремление к воссозданию историко-культурной самобытности – с другой. Это проявляется не только в расширении языковых и фольклорных практик, но и в развитии инициатив по сохранению культурного наследия. Так, в дни проведения Малого курултая казахов Республики Алтай 31 июля 1999 г. в Жана-ауле Кош-Агачского района был открыт Музей казахов Алтая. При нем создан хор ветеранов, получивший звание «Народный ансамбль Республики Алтай». В 2007 г. издана на казахском языке энциклопедия «Казахи Горного Алтая», популярность в народе приобрели шежиры, связывающие семейные хроники и генеалогическую традицию народа. Но здесь в меньшей степени сохранились элементы традиционно-бытовой культуры и не так комплексно, как у казахов Монголии и Китая. В форме отдельных проявлений функционирует традиционная культура: скотоводство, отчасти декоративно-прикладное искусство, обрядовая культура. Казашки знают технологию и изготавливают сырмаки, тускиизы, чиеплетение, национальную одежду. Среди мужских ремесел можно отметить деревообделочное производство, изготовление сундуков, колыбелей.

Примечания:

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 11: Сводные итоги. С. 297, 308.
2. Там же, с. 338, 343, 345, 346, 347.
3. Октябрьская И. В. Казахи Российского Алтая в пространстве диаспоры: традиции и современность // Казахская диаспора Центральной Азии: Международная научная конференция. Алматы: Елтаным, 2014. С. 39-43.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 11: Сводные итоги . С. 345.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. С. 210.
6. Там же, с. 13, 568.
7. Там же, с. 13.
8. Там же, с. 568.
9. Там же, с. 311.
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 11: Сводные итоги . С. 352.
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: Указ. соч. Кн. 2. С. 150, 152, 153, 155.
12. Там же, с. 210-211.
13. Там же, с. 864.
14. Октябрьская И. В. Указ. соч. С. 40

И. В. Балюнов

*Тобольск, Историко-архитектурный музей-заповедник,
Комплексная научная станция УрО РАН*

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ – ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ ПЕРИОДА РУССКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Если обратиться к существующим в нашей стране словарям и энциклопедиям, то можно узнать, что в большинстве из них под термином кремль, как правило, понимается, центральная укрепленная часть русского города, где находятся собор, дворы административной и церковной власти. Подчёркнутый рельефом (располагался на высоком месте), он доминировал в застройке и являлся градообразующим ядром города, дороги, ведущие к воротам кремля, часто становились основой радиальной или веерной планировки, возникающей близ жилых районов (посадов). Все это в той или иной степени характерно для Тобольского кремля. Поскольку его ансамбль находится в черте современной застройки, где присутствует разновременный культурный слой, начиная от эпохи позднего бронзового века до развитого средневековья, отдельно выделяются стоящие кладбища, посады и слободы. В силу этих и других обстоятельств можно условно определить Тобольский кремль как самостоятельный археологический памятник.

Поскольку Тобольск был основан на территории Сибирского ханства, это определило то, что начинался он с небольшого военного острога, расположенного на высоком участке правого берега р. Иртыш – восточной части Троицкого мыса. В 1594 г. Тобольск выходит из подчинения Тюмени, и тогда острог был заменен рубленным кремлем. В начале XVII столетия уже на западной части Троицкого мыса строится воеводский двор. В 1621 г. в Тобольск приезжает первый сибирский и тобольский архиепископ Киприан Старорусенников. На месте старого острога с его прибытием был возведен архиерейский дом, церковные постройки, а также деревянная соборная церковь, названная Софийской¹. Таким образом, формируются две составные части Тобольского кремля – воеводский двор и архиерейское подворье (Софийский двор), расположенные на разных оконечностях Троицкого мыса. В начале XVIII в. к северу от Софийского двора был построен Гостинный двор – главное торговое здание города, от которого в сторону воеводского

двора протянулась северная стена замкнувшая периметр (площадь около 10 га).

Археологические памятники, находящиеся в черте г. Тобольска, привлекали внимание как любителей, так и ученых на протяжении долгого времени. Но, насколько можно судить, первые раскопки в кремле велись в 60-70-е гг. XX в. советскими реставраторами, которые занимались его восстановлением, однако, эти работы не были правильно задокументированы и сегодня мы обладаем лишь отрывочными свидетельствами. В 2000 г. первые официальные археологические исследования начались под руководством А. А. Адамова на месте строительства Иконной лавки, позднее в 2001 г. и 2003 г. им же велись раскопки в залах Дворца Наместника. В последующие 2004-2007 гг. совместно с А. А. Адамовым работали его ученики И. В. Балюнов и П. Г. Данилов, были проведены локальные исследования практически на всех участках Тобольского кремля.

По понятным причинам раскопками всю территорию вскрыть было невозможно, всего изучено около 2 тыс. кв. м, получен материал, характеризующий военно-оборонительное зодчество, гражданские и культовые постройки, погребальный обряд, хозяйственную жизнь и материальную культуру жителей Тобольского кремля конца XVI-XVIII вв. Исследованный культурный слой, мощность которого иногда достигает более 3 м, содержит свидетельства военной, торгово-ремесленной и хозяйственной деятельности обитателей кремля.

На территории архиерейского подворья и воеводского двора изучены объекты жилого, хозяйственного и военного назначения. Жилые деревянные постройки известны, как правило, благодаря подпольным погребам, поскольку даже нижние венцы домов крайне редко фиксируются при раскопках. Интересной находкой является погреб, выложенный из бруса, в заполнении которого обнаружены обломки кровельной черепицы. Несмотря на то, что сооружение датируется второй половиной XVIII в., оно является свидетельством того, что проект С. У. Ремезова по созданию брусчаного дома был все-таки осуществлен. Ещё одной уникальной находкой являются остатки порохового погреба XVII в.

Деревянные оборонительные сооружения при раскопках исследовались только однажды, когда на краю мыса были выявлены остатки чостокола, собранного из тонких бревен. Значительно чаще исследовались фундаменты каменных стен и башен. Проведенные раскопки позволяют утверждать, что эти крепостные постройки вряд ли были рассчитаны на серьезную оборону и возводились как «парадные», а также для защиты от воров и пожаров.

Раскопками исследовалось самое древнее здание в Сибири – Софийско-Успенский собор, внутри которого был изучен участок православного кладбища XVII в. и погребения высших чинов духовной власти XVIII-начала XX в. Другие некрополи, выявленные на территории кремля, являются ориентирами для определения мест расположения несохранившихся церквей – как каменных, так и деревянных².

Можно утверждать, что Тобольский кремль является уникальным явлением в российской истории. Первый острог был создан в завершающий период централизации русских земель вокруг Москвы и никогда не был (и не мог быть) центром удельного княжества. Также военно-оборонительная функция кремля вызывает ряд вопросов и является предметом научных дискуссий. Но бесспорно, что кремль доминировал в городской застройке и являлся административным, духовным и торговым центром. Все эти особенности так или иначе находят отражение в археологических материалах. Многие выявленные и обследованные объекты конца XVI-XVIII вв. в Сибири представлены только лишь на территории Тобольского кремля.

Примечания:

1. Копылов Д. И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Тюмень: «Вектор-бук», 2007. С. 7-9.
2. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. С. 59-65.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА I ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

С целью определения наличия или отсутствия культурного слоя XVIII в. — времени основания и функционирования I Омской крепости — в 2014 году на территории г. Омска был обследован участок в районе остановки «Площадь Ленина». Работы проводились недалеко от Дома союзов (пр. Маркса, д. 4) к западу от четной стороны проспекта Маркса до улицы Ленина на возвышении, образованном террасами рек Иртыша и Оми, где, согласно письменным источникам, располагалась крепость. Для обследования была использована территория крепости, свободная от современных построек.

Было заложено четыре небольших раскопа, в двух из которых искомым слой был обнаружен. В целом мощность культурного слоя на обозначенной территории составила два и более метра. Отметим, что к настоящему времени культурный слой существенно потревожен в результате строительства зданий, возведения ленинской горки и установления на ней памятника В. И. Ленину, прокладки канализационных труб и линий коммуникации и т.д. Однако встречены и непотребованные слои, которые содержат датирующие находки. Хронологически можно выделить три периода формирования культурного слоя.

Слои, содержащие гумус, строительный мусор, стеклянные бутылки, обломки современных кирпичей, железные крюки, обода, навесы, образованы в XX веке.

Слои, в которых встречены кирпичи с клеймами, фрагменты раствора, гильзы от патронов, мундирные пуговицы, кованые гвозди, конские подковы, обувные подковки, керамические грузила, следует датировать XIX веком.

Частично сохранился слой XVIII века, что подтверждается следующими находками. Раскоп, заложенный в сквере «Памяти борцов революции» за остановкой общественного транспорта «Площадь Ленина», содержал слой мощностью 10-12 см, в котором была встречена щепка. Слой оказался непотребованным, в нем была найдена монета 1774 года, что не оставляет сомнений в его датировке. Кроме того, в раскопе было обнаружено

чугунное ядро от пушки диаметром 800 мм. Примечательно, что это ядро подходит по диаметру одной из пушек, найденных в 1953 году во время строительства Комсомольского моста¹.

Также обращает на себя внимание яма, зафиксированная в том же раскопе. Она уходит в материк на 100-130 см. В верхней части имеет подпрямоугольную форму, ее длина — около 120 см, ширина — 100 см. Стенки ямы сужаются книзу, образуя подобие воронки. Заполнение — темно-серая земля со щепой, перемежающаяся с прослойками желтой глины, которые, возможно, образовались в результате обрушения стенок ямы. Были встречены кости животных, 3 ножа, 3 оселка, фрагменты чернолощеной керамики, широко распространенной в XVIII в., кусочки слюды. Кроме того, в верхних слоях ямы найдена монета 1743 года, что вкупе с другими находками позволило датировать данный объект первой половиной XVIII в. Возможно, яма имела хозяйственное назначение, например, в этом месте разделяли тушки животных, подтверждением чему являются кости, а также ножи и оселки, которыми эти ножи точили. В яме также обнаружен набор из игральные бабок с битой.

В раскопе, расположенном в сквере «Ленинская горка» рядом с часовней Ильи Пророка, также была встречена яма, углубленная в материк на 60-80 см. В ней были найдены глиняное грузило, кожаные обрезки, фрагменты слюды, щепка. После зачистки на одной из стенок ямы обозначились пятна от столбовых ямок с остатками древесины (рис. 2). Данная стенка расположена перпендикулярно реке Оми. Можно предположить, что это и есть фрагменты деревянного палисада, которым была обнесена крепость. Так это или нет, покажут дальнейшие исследования.

Таким образом, в ходе работ 2014 года получены свидетельства наличия хорошо датированного культурного слоя времен функционирования крепости, ценные артефакты. Стоит отметить, что в середине XX века в ходе строительных работ на данном участке также были встречены остатки крепостных сооружений, о чем упоминает в своих трудах А. Ф. Палашенков².

В соответствии с результатами разведки представляется необходимым проведение дальнейших исследований на описанной территории для уточнения границ крепости, изучения фортификационного искусства, особенностей материальной культуры ее жителей, создания музейной экспозиции.

Примечания:

1. Палашенков А. Ф. Планы омской крепости 1722 и 1755 гг. // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Выпуск 3 (10). Омск. Омское книжное издательство. 1960. С. 28

2. Там же. С. 3-23.

М. Л. Бережнова

*Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва*

ВЫШИВАНКА В СИБИРИ: НАРОДНЫЙ КОСТЮМ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Сегодня сообщение о вышиванке воспринимается исключительно в русле политического дискурса. Символом украинского патриота в последнее время стал именно этот компонент народного костюма. Вышиванка оказывается в центре политологического анализа, где, в зависимости от позиции исследователя, она объявляется изобретенным только что символом, вершиной развития народного костюма, навязанным обществу атрибутом крестьянского (сельского, деревенского) костюма и т.д. В параллель этому дискурсу все чаще встречаются и официальные, и идущие от отдельных граждан и разнообразных сообществ рассуждения о числе украинцев в регионах России, в том числе в Сибири. Связь между этими информационными потоками проявляется в утверждении, что только сохранение своей культуры, уважение к ней позволит сохранить свою этническую принадлежность, быть настоящим украинцем за границами своей отчизны. В докладе будет проанализирован имеющийся материал о вышиванке в Сибири в XX-XXI вв. В предлагаемых рассуждениях в качестве доказательной базы используются лингвистические материалы, опубликованные в диалектологических словарях украинских и русских сибирских говоров, фотоматериалы, отдельные свидетельства современников. Последних, за исключением комментариев к последним культурным явлениям, немного и все они случайны. В целом можно выделить три этапа в бытовании вышитой традиционной сорочки в Сибири.

Первый этап охватывает период массового переселения из малороссийских губерний, относится к концу XIX-началу XX века. Сохранились фотографии, на которых переселенцы запечатлены уже в Сибири в украинских традиционных костюмах. Сам по себе факт сохранения регионального костюма в Сибири уникален. Стремление переселенцев войти в сибирское общество приводило к отказу от традиционного костюма мест выхода. Анализируя имеющиеся фотоматериалы, можно констатировать, что в ряде случаев сфотографированы люди не столько в этнографических костюмах, сколько в одежде-«образе», то есть наборе узнаваемых предметов,

© Бережнова М. Л., 2015

совершенно четко выражающих этничность владельца костюма. И центром такого образа уже тогда являлась вышитая сорочка.

Второй этап охватывает советский период, особенно 50-60-е годы. Мода на отдельные элементы национальных костюмов народов СССР охватила все общество, в том числе и Сибирь. В повседневный и праздничный костюм советских людей вошли и элементы украинской народной одежды, в том числе и вышитая сорочка. Вероятно, отчасти эту моду провоцировал руководитель государства, в официальных фото- и кинодокументах часто запечатленный в вышитой рубаше. В более благополучные 60-70-е годы были широко распространены карнавальные костюмы, ставшие составной частью детских и молодежных праздников. Относительная простота изготовления украинского костюма сделала его популярным, но следует отметить, что общество должно было быть готово к этой «простоте»: девичий венок с цветами и лентами, вышитая рубаша стали всеми узнаваемыми символами. Пристрастие в Сибири к такому костюму может быть объяснено как общесоветскими трендами, так и особенностями этнического состава населения. Трудно высчитать и научно обосновать долю сибирских семей, имевших украинские корни, но в публицистической литературе иногда указывается, что в районах, активно заселявшихся «поздними» переселенцами, до 30% населения имеет предков-украинцев. К этому же этапу следует отнести и начало обращения к украинскому костюму со стороны участников фольклорного движения. Отметим, что костюм в этот период окончательно превращается в костюм-символ, когда в цели его создателей достижение этнографической точности не входило совсем.

Для этих периодов, как следует из материалов диалектных словарей и собранных на юге западносибирской равнины этнографических материалов, еще не характерно использование названия «вышиванка». В костюмоведческой литературе как на русском, так и на украинском языках используется термин «сорочка», а вышитыми называются ее отдельные элементы. В диалектной лексике слово «вышиванка» было, видимо, мало возможным, потому что вышивкой в украинской традиционной культуре украшали самые разнообразные предметы: от верхней одежды до элементов интерьера, и все эти предметы еще не вышли в то время из употребления. Таким образом, к 1990-м годам символ украинства – вышитая рубаша – не только существовал, но и был широко известен и узнаваем. Известное же нам популярное слово еще не закрепилось в общественном дискурсе, пребывая, как следует из некоторых материалов, в статусе разговорной лексики.

Социокультурная ситуация изменилась после распада СССР и создания украинской государственности. Политическая ситуация, особенно в последнее время, требует, среди много прочего, формирования и продвижения безусловных, всеми узнаваемых визуальных символов идентичности. Учитывая, что часть этнических украинцев проживает далеко за пределами Украины, а их лояльность и поддержка исторической родины является мощным внешнеполитическим фактором, внешняя символика должна быть «внеполитична». Что-то лучшее, чем уже внедренные в сознание масс образы традиционной культуры, и придумать нельзя. Так и стали вышиванки и сало (а также и неполиткорректная горилка) символами украинства. Вполне закрепилось само слово, получившее широкую известность. В Сибири вышиванка в настоящее время широко используется в социокультурных практиках (костюм участников фольклорных коллективов и, шире, всех членов украинских национально-культурных объединений). Это период (с начала 1990-х годов по настоящее время) и можно выделить как третий этап истории вышитых украинских сорочек в Сибири. Вышиванка – не просто узнаваемый предмет с символическим значением, но и яркий знак принадлежности к украинскому сообществу и даже в ряде случаев – выразитель политической позиции.

Г. С. Вртанесян

*Москва, Российский Государственный Гуманитарный университет,
Центр изучения религий*

КАЛЕНДАРНАЯ ЛЕКСИКА АЛТАЙЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди календарей алтайских тюрков календари кумандинцев можно выделить особо. Это обусловлено тем, что кумандинцы в языковом и культурном отношении сближаются с шорцами и хакасами, давая тем самым возможности для дополнительных сравнений. Календарная лексика кумандинцев сохранила реликтовые фрагменты календарного мифа – название чаргы – месяц судьбы, упоминаний о котором нет в других записях алтайских, шорских и хакасских календарей. Автору известны три полные записи календаря кумандинцев^{1,2,3}. В них представлен 12-месячный календарь (по образцу григорианского), – хотя многие календари, записанные до середины 20 века в Сибири и Алтае⁴, содержат 13 месяцев. Необычно название августа чаргы ай – судный день: информанты Славнина В. Д. считали, что духи – помощники камов с появлением новой луны (начало августа) уходили на Великий суд (улух чаргыда)¹. По сведениям Сатлаева Ф. А.⁵, это же название (месяц судьбы) носили раньше февраль и ноябрь. Обратимся к реалиям. На территориях Северной Евразии в зоне действия атлантического климата, в начале августа имеют место грозовые дожди (Ильин день), завершающие жаркий период летнего сезона, и маркирующие перелом погоды на зиму. Это приводит к выходу крупных копытных – лося, оленя, марала из непроходимых водоемов, где они в жаркое время года укрываются от комаров и оводов (иргакта бега – оводов месяц, название июля в календарях эвенков⁶). В августе начинается и заметное сокращение светового дня, начало зимней дороги солнца, – символом которого на средневековом кольцевом календаре была лосиха⁷. У северных селькупов праздник Пиль Эд, отмечаемый в начале августа, связывался с созвездием Большой Медведицы⁸. Подобное известно у северных манси: зимний год начинался с Ильина дня в августе, одновременно с началом темных ночей и праздником Торум кан⁹. В августе также восходили Плеяды, игравшие важную роль в контроле отсчета календарного времени у алтайских тюрков¹⁰. Для выявления причин маркировки ноября и февраля термином чарги снова обратимся к реалиям. Ноябрь и февраль маркируют

самое холодное время года, и именно они в счете по частям тела назывались месяцами поднимающегося и опускающегося плеча, маркируя также и время кульминации альфы Ориона (Бетельгейзе, плечо небесного гиганта), главного астрального маркера зимнего сезона¹¹. Сымские и зейские эвенки обозначали февраль *хелтапчу* – просветления время⁶. Тот же термин *хелтапсэ* со значением мороз, изморозь обозначал ноябрь¹³, и это, по-видимому, неслучайно. Ноябрь и февраль (месяцы плеча) занимали симметричные места в календарном счете по частям тела у некоторых групп эвенков⁶. Им отвечали близкие влажность и температура, хотя направления изменения этих показателей были прямо противоположны. И так как именно эти месяцы маркировали начало и конец зимы – время холода и тьмы, которые совершенно естественно соотносились с малой (голод, болезни) и большой смертью – они получили в итоге полное право называться судными.

Примечания:

1. Славнин В. Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск. 1991. С. 179-218.
2. Кумандинско-русский календарь. Сост. Л. М. Тукмачев. Бийск. 1995. 149 с.
3. Назаров И. И. Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 125-181.
4. Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М.: Наука, 1993. С. 201-253.
5. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы: Историко-этнографический очерк (вторая половина XIX-первая четверть XX в). Горно-Алтайск, 1974. 200 с.
6. Петрова Т. И. Временисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Памяти Богораза В. Г.: Сб. статей. М., Л., 1937. С. 79-120.
7. Чиндина Л. А., Вртанесян Г. С. Раннесредневековые календари Северной Евразии // Вестник Томского ГУ. №383, 2014. С. 138-147.
8. Ким А. А., Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А. Селькупский праздник Пиль Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 205-212.
9. Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблема реконструкции // Вестник угроведения. №1, 2013. С. 132-142.
10. Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. 494 с.
11. Вртанесян Г. С. Календарные мифы тунгусоязычных народов // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: Сб. статей к 80-летию Студзицкой С. В. и Косарева М. Ф. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 78-83.
12. Симонов М. Д. Материалы по этнографии сымских эвенков // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 15-29.
13. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 2 / Отв. ред. Цинциус В. И. Л.: Наука, 1977. 992 с.

Ю. В. Герасимов, М. Ю. Здор, М. А. Корусенко

Омск, Филиал Института археологии и этнографии СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ТЕРРИТОРИИ II ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

Археологическая карта Омска сегодня имеет множество белых пятен. Это неудивительно: единственный свод информации об археологических памятниках на территории города был составлен в 1960 году директором ОКМ А. Ф. Палашенковым¹. Указанная база нуждается в актуализации, которая учитывала бы произошедшие с той поры изменения в городской застройке. Такое обновление необходимо как с точки зрения организации охраны культурного наследия, так и для археологического изучения региона.

На протяжении нескольких лет, начиная с 2010 года, сотрудниками Лаборатории историко-культурной экспертизы ОНЦ СО РАН и ОФ ИАЭТ СО РАН выполнялись обследования в границах территории второй Омской крепости. Полученные данные, дополненные архивными изысканиями, свидетельствуют о наличии здесь как минимум четырех разновременных культурно-хронологических комплексов.

Первый комплекс, наиболее многочисленный, представлен находками фрагментов станковой керамики, осколков костей животных, обломков железных кованых изделий². Формирование этого комплекса связано с функционированием второй Омской крепости. Картография демонстрирует его тяготение к юго-западному сектору участка. К сожалению, масштаб работ не позволил выявить конструктивных элементов зданий крепости. Отметим, что особенности залегания находок позволяют предполагать, что фрагменты керамики использовались в качестве твердой фракции забутовки поверхности. Об археологических находках на рассматриваемой территории писал и А. Ф. Палашенков³. Данный комплекс образует культурный слой археологического памятника «Омская крепость-1».

Существование второго комплекса было выявлено в 1912 году при строительстве здания АО «Саламандра» находками черепов, бронзовых ножа, бляхи и наконечника стрелы⁴. В 2015 году при археологическом обследовании территории на ул. Музейная обнаружены два погребения финальной фазы бронзового века. Находки свидетельствуют о существовании на коренной террасе р. Омь могильника, который можно обозначить как «Омская крепость II. Грунтовый могильник».

© Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А., 2015

Третий комплекс включает одно погребение и единичные находки фрагментов керамики, отражающие функционирование на террасе правого берега р. Иртыш могильника позднего периода бронзового века⁵. Могила содержит захоронение одного взрослого мужчины в скрюченном положении. Сопроводительный инвентарь представлен развалом лепного горшка. Для орнамента сосуда характерны геометризмы и четкая горизонтальная зональность. Орнаментальные элементы включают желобки, валики, треугольники, горизонтальную «елочку» и ромбический меандр. Особенности погребального обряда и сопровождающий инвентарь позволяют отнести исследованное погребение к периоду развитой бронзы. К выявленному комплексу следует отнести и находки, зафиксированные П. С. Палласом при посещении Омской крепости в 1771 г.⁶ Бронзовые кинжалы, описанные исследователем, скорее всего происходили из могильника, который располагался на террасе р. Иртыш, и был частично разрушен при эскарпировании берега. Данное наблюдение позволяет предполагать, что западная граница памятника, получившего обозначение «Омская крепость III. Грунтовый могильник» совпадает с линией берега р. Иртыш конца XVIII в.

Четвертый комплекс представлен находками фрагментов керамики (в том числе, развала стенки сосуда), каменных отщепов и орудий, обломков керамических грузил. Фрагменты керамики принадлежат орнаментированным сосудам⁷. Коллекция каменного инвентаря представлена наконечниками стрел, пластинами, скребками, отщепами, чешуйками и обломками нуклеусов. Формирование данного комплекса связано с существованием на территории обследования поселений разных периодов бронзового века. Находки были собраны в разных точках на территории второй Омской крепости⁸, что позволяет в какой-то степени определить границы памятника. Первые находки были сделаны в 2008 году при обследовании фундамента Тобольских ворот⁹, поэтому памятник был поставлен на государственную охрану как «Поселение Тобольские ворота».

Таким образом, можно говорить о существовании как минимум четырех археологических памятников на территории исторического центра города Омска.

Примечания:

1. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела географического общества Союза ССР. Омск, 1960. Вып. 3. С. 3-21.
2. Здор М. Ю. Отчет о выполнении культурно-исторической экспертизы на участке, подлежащему хозяйственному освоению, расположенному по адресу: ул. Партизанская, 5а в ЦАО г. Омска. Омск, 2015. Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII, д. №57-1.

3. Палашенков А. Ф. Указ. соч. С. 17.

4. Там же, с. 18.

5. Здор М. Ю. Указ. соч.

6. Палашенков А. Ф. Указ. соч. С. 16.

7. Здор М. Ю. Указ. соч.

8. Корусенко М. А. Отчет о проведении археологического обследования территории историко-архитектурного комплекса северо-западного сектора Омской крепости. Омск, 2010 // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII, д. № 35-1

9. Гаврилова И. Г. Отчет о научно-исследовательской работе по обеспечению сохранности объектов культурного наследия на территории, подлежащей хозяйственному освоению. Историко-культурные исследования по проекту «Определение мощности культурного слоя и глубины залегания фундаментов на объекте культурного наследия Федерального значения «Тобольские ворота Омской крепости». Омск, 2008 г. 39 с.

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ОМСКА И ТАРЫ В МАТЕРИАЛАХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Культура как система обладает значительной пластичностью и динамикой. Элитарное имеет тенденцию становиться массовым, характерное для крупных городов – проявляться со временем и в малых, а городская мода, спустя несколько лет, зачастую становится деревенской. Погребальный обряд, являясь одной из первых форм культуры, подвержен тем же факторам, что влияют на динамику современной культуры в целом. Е.А. Авдеева в материалах отмечает: «...я говорю о похоронах и опишу, как они отправляются в домах достаточных. Известно, что у бедных бывает то же самое, только в малом виде»¹. Полевые исследования показали, что когда-то популярные в городах похороны с оркестром, спустя годы, наблюдаются в селах и поселках Омской области. Именно о тенденциях в организации кладбищ, особенностях намогильных конструкций пойдет речь в данном исследовании.

На сегодняшний день в Омске 20 кладбищ, из них 10 закрытых, на 9 разрешено подхоранивать родственников, и одно действующее². Т.е. в больших городах особо остро ощущается проблема поиска места для захоронения, поэтому многие кладбища закрыты для новых погребений. Кроме того, для Омска характерен процесс переноса или исчезновения старых кладбищ в связи с массовой застройкой города. Примером может служить Казачье кладбище, после закрытия которого омичи могли перенести прах родных могил на действующие кладбища того времени. Из-за этого на территории Старо-Восточного кладбища встречается значительное количество надгробий XIX в. Кроме того, по-видимому, существовал бизнес по вторичному использованию красивых надгробий со сносимых могил Казачьего кладбища.

В Таре, как во втором по значению городе, дела с захоронением обстоят иначе. Там есть два действующих кладбища, причем достаточно больших по площади, что снимает проблему нехватки мест. Если взять численность

населения Омска по переписи 2010 г. (1,154 млн. чел.) и Тары (27,3 тыс. чел.) и сопоставить с количеством кладбищ в этих городах (20 и 2 соответственно), получается, что в Таре в четыре раза меньше проблем с местом на кладбище. Нехватка мест для погребений в Омске приводит к сносу старых могил и возникновению новых на их местах. Аналогичные проблемы возникают и в крупных городах Европейской России.

Другим немаловажным отличием современной ситуации на кладбищах Омска и Тары является наличие групповых захоронений. В условиях острого дефицита свободной земли на омских кладбищах становится очень проблематично похоронить человека рядом с его родственниками. В Таре же с этим нет особых проблем, критерием выбора места захоронения может являться и близость к могилам родственников, и красота выбранного участка, и наличие свободного пространства рядом. Признак группового деления местного населения прослеживается на кладбищах малых городов, это, прежде всего, связано с семейными традициями. Результатом целенаправленного выбора места являлось формирование родовых участков на кладбище, где хоронили представителей трех-четырех родственных семей.

Традиционно считается, что усвоение основных модных тенденций в малых городах происходит медленнее, чем в крупных. Применительно к нашей теме это можно рассмотреть на примере крестов как одного из типов устанавливаемых намогильных сооружений в Омске и Таре в разные годы.

Таблица 1
Соотношение количества крестов от общего числа могил
на кладбищах Омска и Тары

Годы	Омск		Тара	
	Общее число памятников	Количество крестов	Общее число памятников	Количество крестов
1960-1970-е	178	12	46	9
1980-1990-е	184	16	74	15
2000-е	240	35	187	31

Составлено по: Материалы этнографической экспедиции ОмГУ 2008 г.

Таблица основана на данных фотосъемки намогильных сооружений на кладбищах Омска и Тары в 2008 г. Действительно, в Таре по сравнению с Омском на всех интересующих нас временных этапах соотношение крестов

от общего числа могил выше. Связано это не только с силой христианской традиции, но и с простотой изготовления данного типа надгробного сооружения. Часто кресты делали кустарным способом. Большинство из них было деревянными, они быстро приходили в негодность. Для обоих городов периода начала XXI в. характерно увеличение количества устанавливаемых крестов на могилах. В малых городах сильнее сохраняется связь с сельской традицией, в том числе в погребальном обряде, что проявляется в первую очередь в гораздо большем количестве использования традиционных типов надгробных сооружений (крест). Также отличительной особенностью погребального обряда является относительно крупная площадь кладбищ, с большими свободными площадями, вследствие чего проблема вынужденного сноса старых могил здесь не так актуальна, как в мегаполисах.

Примечания:

1. Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М.: Тип. Н. Степанова, 1837. – С. 49.

2. Омские кладбища – Старо-Еврейское кладбище [Электронный ресурс] // Liveinternet: [сайт]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/laburus/post169557302/> (дата обращения 23.09.2015). (дата обращения 23.09.2015).

Ю. Р. Горелова

Омск, Сибирский филиал

*Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Одной из важных проблем для многих исторических городов является охрана историко-культурных и архитектурных памятников, сохранившихся до нашего времени. В связи с чем возникает сложность в формировании гармоничной городской среды, отвечающей новым требованиям современной жизни, но, в то же время, сохраняющей значимые фрагменты культурной памяти территории.

В своем выступлении на торжественном мероприятии по случаю 200-летия музеев Московского Кремля, президент России В. В. Путин выразил убежденность в том, что «новые поколения не могут в полной мере состояться без огромной ответственности перед предками, перед памятью, перед историей нашего Отечества. Обращение к национальному прошлому укрепляет духовные и моральные основы нации, питает ее силой и уверенностью в себе. И потому сохранение историко-культурного достояния страны, приобщение к этим ценностям молодых поколений, молодежи в полной мере является национальной задачей. Задачей, вокруг которой должны объединяться государство, общество, представители всех конфессий, меценатских организаций»¹.

По мнению современных исследователей, «Проблема сохранения культурного наследия стала особо актуальной, поскольку разрыв, который ныне образовался между современностью, с одной стороны, и традиционной культурой с другой, вполне может стать причиной окончательного превращения богатейшего содержания культурного наследия в застывшую музейную форму»².

По мнению М. Е. Кулешовой, «к культурному наследию следует относить общественно признанные материальные и духовные ценности, сохраняемые обществом для поддержания социальной и этнической идентичности и для передачи последующим поколениям. Это информационный потенциал..., который необходим человечеству для своего развития.

Востребованность и сохраняемость являются обязательными атрибутами как природного, так и культурного наследия»³.

Новосибирские исследователи А. А. Правоторова и В. Л. Гусаченко обозначили данную тенденцию через триединство «внимания, понимания и доступности»⁴. Можно согласиться с А. А. Тлюняевой в том, что функциональными характеристиками наследия являются «традиция» и «преемственность». Наследие же может трактоваться и как механизм сохранения и воспроизводства культуры. Содержание понятия наследия всенепременно связано с содержанием понятия «культура». Различные трактовки и подходы к определению содержания наследия, в конечном счете, согласуются с различными трактовками понятия «культура», точно так же как и основные функции наследия, выделяемые современными специалистами, практически один в один согласуются с функциями культуры⁵.

В Омске, как и во многих исторических городах, наиболее значимые объекты культурно-исторического наследия территориально сосредоточены в центральной части города, что должно способствовать доступности потребления накопленного в них культурного потенциала для жителей города. Однако вблизи многих интересных объектов нет остановок общественного транспорта (например, это можно отметить в случае с БУК «Омская крепость»), у многих объектов нет указателей и соответствующих табличек с информацией (или интерактивных кодов), несущих информацию о том или ином объекте, истории его создания, художественной и исторической ценности. Подобные мероприятия не требуют значительных затрат, но могли бы принести значительный культурный результат, обеспечивая возможность жителям города в процессе пеших или велосипедных (в теплое время года) прогулок по центральной части самостоятельно знакомиться с культурно-историческим наследием Омска.

Отрадно отметить, что определенные подвижки в этом направлении обозначились. К 300-летию Омска Министерство культуры Омской области инициировало проект «Иртышский берег», основной целью которого было содействие развитию велотуризма и популяризации культурного наследия.

Среди задач, реализуемых в рамках проекта были обозначены такие как: анализ историко-культурного потенциала центральной части города Омска, в том числе потенциала, заложенного в объектах культурного наследия регионального и федерального значения, а также оценка потенциала учреждений культуры, искусства и социально-досуговых объектов, находящихся на территории центральной части г. Омска, анализ существующих туристических маршрутов и выявление проблем существующих в

продвижении культурно-познавательных маршрутов. Кроме того, данный проект предполагал организацию велодорожки от ул. Ч. Валиханова до парковой зоны «Зеленый остров» и организацию системы навигации (установку информационных указателей, информирующих туристов об основных объектах культурного наследия, находящихся по ходу движения).

Примечания:

1. Путин В. В. Выступление на торжественном мероприятии по случаю 200-летия музеев Московского Кремля. Электронный ресурс. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/03/07/1630_type82634type122346_102848.shtml, свободный, дата обращения 06.10.2014
2. Тлюняева А. А. Культурное наследие в информационном обществе: Монография. Омск: СибАДИ, 2014. С.6.
3. Кулешова М. Е. Типы наследия и его предметная ценность. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.biodiversity.ru/publications/books/managcult/cultural_resource_ru.zip, свободный, дата обращения 06.10.2014
4. Правоторова А. А. Гусаченко В. Л. Город и наследие. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2002. С. 5-11.
5. Тлюняева А. А. Указ. соч. С. 48-49.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ Г. ТАРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение прошлого связано с трудностями, которые объясняются тем, что со временем исторические места теряются. Чтобы определить их местоположение, нужно использовать разные виды источников. Так, материалы и опыт мировой науки показывают, что наиболее глубокое изучение может быть только тогда, когда исследователь использует комплекс различных источников. В центре внимания данной работы – город Тара, основанный в 1594 году. Для данного города мы имеем несколько типов источников, а именно: письменные, картографические, изобразительные и археологические. Кратко рассмотрим возможности разных типов источников, оценим качество и количество получаемых из них информации, проанализируем интеграцию данных видов источников.

Письменные источники представлены документами XVI-XVIII веков, часть из которых опубликована. На первый взгляд, кажется, что имеется достаточное количество письменных источников и можно восстановить полную историческую картину города. Письменные источники дают возможность обстоятельно исследовать некоторые процессы истории русского города. Но, с другой стороны, мы видим ограниченность. Основные недостатки письменных источников заключаются в их крайней выборочности по отношению к зафиксированным в них явлениям исторической жизни.

На основе картографических и изобразительных источников можно проследить динамику роста и изменения города. Для археологов важны старые карты, которые можно совмещать с современными, выявлять новые исторические памятники.

Перейдем к археологическим источникам¹. Профессиональные целенаправленные археологические исследования, более или менее масштабные по размаху, начались недавно и открыли новые горизонты в изучении средневековых русских городов Сибири: «До 2007 г. Город Тару можно было считать белым пятном на археологической карте Западной Сибири... В то время как раскопки многих сибирских городов, как, например Томска и Верхотурья, дали исключительно интересные материалы...»².

Материал, относящийся к XVI-XVII векам, представлен обломками гончарной посуды, изделиями из кожи, железа, кости, глины, стекла. Собранные находки позволяют нам реконструировать материальную культуру русского населения. Важнейшее достоинство археологического материала заключается в том, что он способен непосредственно отражать историческую действительность, хотя и в специфической, материальной форме, тогда как в письменных, картографических, изобразительных источниках события, факты прошлого преломляются через личность информатора.

Можно прийти к выводу, что всесторонне осветить становление и жизнь города на основе одного вида источника невозможно. Изучение внутренней жизни западносибирского города конца XVI-начала XVIII веков на современном этапе развития научной мысли должно носить комплексный характер и требует привлечения обширного круга данных, как письменных, картографических, изобразительных, так и археологических исследований.

Начало работы в данном направлении на примере Тары мы уже можем проследить: на основе достаточного количества документальных и археологических источников, определяется этапность строительства отдельных архитектурно-исторических ансамблей, закономерности формирования архитектурно-исторической среды города в тесной связи с его социально-экономическим развитием.

Известно, что в городе Тара были собственно крепость и окружающий ее острог. В целом площадь, занятая начале в конце XVI века, соответствовала территории, занятой базаром в конце XIX-первой половине XX века, и современной площади Ленина. Планиграфия Тарской крепости на современной поверхности абсолютно нечитаема. Однако по материалам раскопок можно проследить расположение усадьбы богатого человека (дом с сенями, хозяйственные постройки, колодец, баню и т.д.), а также отчасти планиграфию усадьбы с прилегающей к ней улицами. Как предположил С. Ф. Татауров, эта усадьба принадлежала воеводе Тары. Удалось проследить несколько строительных горизонтов, что позволяет разработать их относительную хронологию и проследить динамику изменения форм некоторых категорий находок, например, керамики. На одном из участков раскопана башня, которую называли Княжьей. Рядом с раскопом находится спуск, ведущей к мостику через реку Аркарка. Сравнивая рисунок Тары, сделанный С. У. Ремезовым, с современными планами Тары, можно сделать предположение, что этот спуск к реке сформировался во времена постройки Тары, а мостик через Аркарку был на дороге к Иртышу. В трех местах (около Княжьей башни, на территории организации связи «Северные сети»,

и на территории хозяйственного двора почты) найдены погребения людей. Все они располагаются вдоль террасы, и соответственно в районе предполагаемого места расположения стены Тарской крепости. Можно сделать вывод, что на ранних этапах развития Тары городского кладбища не было, и людей хоронили на территории крепости. Именно археология позволила подступиться к решению сложнейшей задачи локализации исторических объектов в пространстве, что зачастую невозможно сделать по приблизительным письменным и картографическим данным. Необходимость комплексного подхода к изучению западносибирского города в свете сказанного настолько очевидна, что соблюдение этого требования можно объявить первым условием на пути успеха в их решении многих проблем.

Примечания:

1. Автор работы располагает большим количеством информации именно по этому городу и знаком со спецификой археологического изучения вследствие того, что с 2010 года принимает активное участие в раскопках города.

2. Татауров С. Ф. Тара – «окно в Сибирь» (по материалам археологических исследований 2009) // Культурологические исследования в Сибири. Омск: ИД Наука, 2011. №1 (32). С. 59.

Т. Н. Золотова

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ПОБЕДЫ В ОМСКЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В год 70-летия окончания Великой Отечественной войны празднование юбилея Победы явилось самым значимым событием 2015 года для россиян. Как отмечалось это событие в Омске и насколько изменилось отношение к Дню Победы за последние 20 лет среди омичей, а значит и среди россиян, - на эти вопросы попытаемся ответить в нашем исследовании. Источниками послужили материалы СМИ, данные опросов, проведенных нами среди населения города в мае 2015 г., и данные личных наблюдений автора в период празднования юбилея.

Огромное значение Победы для советского народа и причастность к этому событию (в каждой семье есть погибшие отцы, деды, прадеды) привели к тому, что этот праздник в советское время стали считать «традиционным народным праздником» около 20% населения. В 1990-е гг., в кризисный для нашей страны период, произошло снижение интереса и ослабление уважения к военной истории России, причиной чему явились увеличение потока негативной, не всегда достоверной, информации о Великой Отечественной войне, ослабление военно-патриотической работы в школе, переосмысление ценностей в результате крушения советской идеологии. Результаты проведенных нами в начале 2000-х гг. опросов среди школьников и студентов на предмет знания событий и героев войны оказались неутешительными и свидетельствовали о резком снижении уровня знания военной истории России¹. В 2000-е годы наметился перелом в отношении к памяти о войне, а в год 50-летия Победы отмечался всплеск внимания общества к этому знаменательному событию и увеличения внимания к военно-патриотическому воспитанию молодежи².

Анализ мероприятий, проведенный нами в период подготовки и празднования 70-летнего юбилея Победы, позволяет сделать следующие выводы.

Основными инициаторами и организаторами проводимых мероприятий в городе и области являются Правительство Омской области и Администрация города, руководители крупных организаций и предприятий (ОАО «РЖД», Радиозавод им. А.С. Попова и др.), общественные организации

(«Совет ветеранов и пенсионеров», «Боевое братство», комитеты территориального общественного самоуправления, национально-культурные объединения и др.), непосредственными исполнителями – министерство и департамент образования, министерство и департамент культуры, министерство и департамент по делам молодежи, физической культуры и спорта, департамент общественных отношений и социальной политики, администрации городских округов и муниципальных районов, общественные объединения.

Все мероприятия по степени доминирования тех или иных социальных функций можно разделить на следующие группы: 1) мероприятия идеологического плана; 2) информационные мероприятия; 3) мероприятия с высоким уровнем эмоционального воздействия на население; 4) социальные акции поддержки разных групп населения, в первую очередь, ветеранов; 5) спортивные мероприятия; 6) развлекательные мероприятия.

«Идеологическая» группа мероприятий включает в себя все мероприятия, связанные с военно-патриотическим воспитанием населения и мемориализацией событий Великой Отечественной войны. Главными событиями этой группы и стержневыми идеологическими составляющими Дня Победы в Омске явились торжественное построение войск Омского гарнизона, парад символов боевых знамен воинских соединений и частей, сформированных в годы Великой Отечественной войны в Омской области, торжественная церемония открытия Вечного Огня и Аллеи памяти «Помни их имена», возложение цветов правительственной делегацией совместно с ветеранами войны, тружениками тыла и общественными деятелями в «Парке имени 30-летия Победы». Важное значение имела гражданско-патриотическая акция по благоустройству, санитарной очистке мемориалов и восстановлению памятников на городских кладбищах и всей территории города, реконструкция Воинского пантеона на Старо-Северном мемориальном кладбище и установка различных памятников («Детям блокадного Ленинграда», воссоединенной после войны семье и др.). К этой же группе мероприятий можно отнести различные музейные проекты, в том числе - историко-краеведческий проект «Я помню, я горжусь» среди музейных объединений образовательных учреждений города, торжественное вручение паспортов юным гражданам России участниками боевых действий, вручение памятных знаков «Патриот России!» активистам молодёжного движения и т.д. Значимым событием, имевшим большое значение для сохранения памяти поколений и воспитания патриотизма имела раздача георгиевских ленточек жителям города в рамках Всероссийской патриотической акции «Георгиевская ленточка».

Ко второй группе мероприятий относятся марафон исторических знаний в школах, посвящённый подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, городская краеведческая конференция учащихся, тематические классные часы, уроки мужества, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и тружениками тыла, различные интернет-сайты, музейные выставки и образовательные программы (например, программа «Как это было, как совпало — война, беда, мечта и юность» в Музее воинской славы омичей), книжная выставка о войне в рамках акции «Библионочь» в Омской областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина и др.

Мероприятия с высоким уровнем эмоционального воздействия на население также несут функцию патриотического воспитания, но достигается это художественными средствами. Так, в выставочном зале Дома художника прошла выставка «Победа, одна на всех», где военная тема соседствовала с природными мотивами и возвышенными образами защитников Земли Русской, отразившими размышления художников о гармонии жизни и ужасах войны. Во Дворце им. А. М. Малунцева большое эмоциональное воздействие на зрителя оказал театрализованный урок памяти по произведениям Ч. Айтматова «Мать человеческая» и «Материнское поле», а также – по достоверной истории жительницы Саргатского района Анастасии Акатьевны Ларионовой, потерявшей на войне семерых сыновей. Здесь всем желающим были выданы 125 грамм блокадного хлеба, испеченного в Санкт-Петербурге по рецепту 1942 г. В течение месяца перед Днем Победы еженедельно на портале «Омск.рф» размещался видеоролик с записью одного из стихотворений омских поэтов о подвиге народа в борьбе с фашизмом, который читали учащиеся омских школ, артисты городских театров, сами литераторы. Масштабная театрализованная программа в «Арене-Омск» с участием многих творческих коллективов и выступлением «девочки-легенды» Ады Занегиной, ставшей в 1943 году инициатором сбора денег на танк «Малютка», по степени эмоционального накала превзошла все предыдущие театрализации.

Всероссийская военно-патриотическая акция «Бессмертный полк», в которой приняли участие более 20 тысяч омичей, прошедших с портретами своих прадедов-героев по Соборной площади Омска, имела огромное эмоциональное воздействие на всех жителей региона и явилась мощным объединяющим началом и эффективным фактором воспитания любви к своей Родине, к своему народу. «Бессмертный полк» явился лучшим подтверждением результатов наших исследований, свидетельствующих о том, что подавляющее большинство населения нашего города (и страны в целом) считают День Победы «главным праздником страны»,

«радостью со слезами на глазах», «днем памяти, скорби и гордости за страну», «тем, что помогает сплотить народ в единое целое», «днем силы русского народа».

Примечания:

1. Жигунова М. А., Золотова Т. Н. Народный праздник День Победы и отношение к нему молодежи // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 238-245; Жигунова М. А., Золотова Т. Н. Великая Отечественная война: современные представления и стереотипы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 190-летию Омского кадетского корпуса. Омск, 2003. С. 116-121.

2. Золотова Т. Н. Военно-патриотическое воспитание в школе и семье // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Сборник тезисов и докладов III Всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» (Омск, 5-6 мая 2005 г.). Омск: ИД Наука, 2005. С. 115-116.

А. А. Ильина

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ В СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ТАТАР)

В мае 1996 г. в России был принят ФЗ «О национально-культурной автономии», определивший правовые основы данного института и создавший правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан страны. Национально-культурная автономия (НКА) стала новым явлением в общественно-политической и национальной жизни России и вызвала большой резонанс в обществе, что выразилось и в диаметрально противоположном отношении к ней со стороны как ученых-исследователей, так и представителей национальных меньшинств. Если одни считали принятие закона прогрессом в развитии национальных отношений в РФ, то другие заявили о том, что НКА после своего создания столкнется с множеством проблем, связанных с декларативностью основных положений закона. Тем не менее, 19-летний период существования НКА в России свидетельствует о ее жизнеспособности. Рассмотрим перспективы института НКА в Западной Сибири на примере НКА татар Омской, Тюменской, Новосибирской и Томской областей. Уже в 1997-1998 гг. начали образовываться НКА татар местного уровня в Омской, Тюменской, Новосибирской областях. 19 марта 1998 г. была зарегистрирована Региональная НКА татар Омской области, 18 сентября 1998 г. – сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области. В марте 2000 г. статус региональной получила Татарская национально-культурная автономия Новосибирской области. В Томской области местная татарская национально-культурная автономия была создана в марте 2005 г., а в апреле 2006 г. она получила статус региональной.

В целом пик создания НКА в России пришелся на 1996-2000 гг. Это объясняется тем, что после принятия закона представители разных национальностей рассчитывали, что НКА будут получать государственное финансирование и смогут в полном объеме реализовывать свои права на сохранение и развитие национального языка, национальной культуры. Однако

по прошествии времени НКА все чаще трактуется как обычная общественная организация. Деятельность НКА вообще и рассматриваемых нами НКА татар в частности направлена на сохранение и развитие родного языка и национальной культуры. Чаще НКА в своей работе делают акцент на проведение культурно-массовых мероприятий: национальных праздников, дней национальной культуры, конкурсов и концертов, т.к. подобные мероприятия являются ярким и заметным событием, наглядно демонстрирующим факт проделанной работы. Реже деятельность НКА связана с планомерной работой, направленной на выявление проблем национального развития этноса в регионе, поездками в места компактного проживания татар и анализ ситуации на местах, составлением планов работы по возрождению и развитию родного языка и национальной культуры. Эта работа менее заметна, требует больших усилий и затрат времени.

Что необходимо предпринять для того, чтобы деятельность НКА приносила значительные результаты? В ходе бесед автора с членами НКА были получены конкретные предложения по улучшению деятельности НКА и действующего законодательства, которые можно свести к двум:

1. Негативно сказывается на деятельности НКА отсутствие финансирования и материально-технической базы. Само понятие «автономия» означает, что данная общественная организация должна быть самостоятельна в сфере культуры и образования, самостоятельно определять для себя цели и задачи, разрабатывать проекты для выполнения этих целей и задач и самостоятельно добиваться их выполнения. Предусмотренное Законом «О национально-культурной автономии» финансирование является эпизодическим и целевым, поэтому, когда очередное мероприятие заканчивается, перед НКА снова встает проблема отсутствия финансов. Из-за неимения помещений людям негде проводить регулярные встречи и собрания. Таким образом, национально-культурным автономиям необходимо бюджетное финансирование и закрепление за ними помещений.

2. Данное предложение во многом вытекает из предыдущего. Для нормального функционирования национально-культурным автономиям необходимы штатные единицы, получающие за свою работу заработную плату: председатель, исполнительный директор, бухгалтер, секретарь (для каждой НКА подобный список индивидуален).

Подводя итог, можно отметить, что в основном деятели НКА татар Омской, Тюменской, Новосибирской и Томской областей сходятся во мнении о наличии перспектив у института НКА, несмотря на декларативность основных положений Закона «О национально-культурной автономии». Но для того, чтобы деятельность НКА была успешной, необходимо

вывести НКА на качественно новый уровень. Основным же недостатком деятельности, связанным с неурегулированностью данного момента Законом, является отсутствие финансирования и материально-технической базы.

В заключение отметим, что НКА – это не просто общественные объединения, созданные по национальному принципу. Изначально они имеют более высокий статус. Необходимость обязательной государственной регистрации ставит НКА в один ряд с политическими партиями. Однако даже сами представители национально-культурных автономий не всегда задумываются о роли НКА в жизни своего народа, в деле развития национальной культуры и родного языка. НКА – это своеобразная иерархическая структура. Она должна выполнять координирующую роль среди прочих национально-культурных объединений одной национальности. Тогда перспектива института НКА в России будет долгосрочной.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ОМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

С 60-х годов XX века вопросы истории археологической науки Сибири привлекают внимание исследователей (В. Е. Ларичев, Ю. Г. Белокобыльский, А. И. Мартынов, Л. Ю. Китова). Ей было уделено большое внимание В. И. Матющенко¹. Сюжетам по истории омской археологии посвящены статьи А. В. Жука, Т. В. Михалевой, С. С. Тихонова и других исследователей. Настоящее сообщение посвящено вопросу периодизации истории омской археологии, насчитывающей около 400 лет. Предлагается выделить четыре периода, внутри каждого – этапы.

I период (XVII век-1945 г.). Четыре этапа: Первый (XVII-начало 90-х гг. XIX в.). Его начало связано с деятельностью «бугровщиков». В течение XVII-XVIII веках ими ограблены практически все курганы, в том числе и на территории Омска. Об этом сообщают участники Великих Академических экспедиций первой половины XVIII века – Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер и другие. Со второй половины XVIII века началась фиксация памятников на территории Омского Прииртышья, в том числе и Омска (П. С. Паллас, И. П. Фальк). В течение XIX века сбор и самовольные раскопки проводили любители-краеведы, а также члены ЗСОИРГО. Второй этап (90-е годы XIX-1926 гг.) характеризуется сбором подъемного материала, открытием новых памятников, зарождением элементов научного подхода к их изучению.

А. П. Плахов осуществляет раскопки в черте нынешнего города (90-е годы XIX века). Н. Н. Бортвин изучает Новоникольское городище (1914 г.).

А. В. Селиванов создает Археологическую комиссию при ЗСОИРГО. Предпринимаются попытки создания каталога археологических предметов ЗСКМ. Активно пополняется артефактами местный краеведческий музей. Краевед С. С. Усов проводит сбор подъемного материала, отправляет в столичные учреждения коллекции артефактов с памятников севера Омской области (90-е годы XIX-второе десятилетие XX веков). С. А. Ковлер открывает «Омскую стоянку» (1918 г.), ведет сбор подъемного материала в окрестностях Омска. В 20-е годы XX века сбор подъемного материала и фиксацию новых памятников археологии в пределах нынешней Омской

области и республики Казахстана осуществляет П. Л. Драверт. Создается первая научная археологическая экспозиция ЗСКМ (1925 г.). III этап (1926-1929 гг.) связан с научной деятельностью В. П. Левашовой. Организируются экспедиции для поиска и изучения памятников в Омском Прииртышье и нынешней Новосибирской области. Проводятся научные раскопки с участием столичных археологов «Омской стоянки». Начинается составление археологической карты, в том числе города. Выходит первый номер «Известий» ГЗСКМ, содержащий статьи по археологии (1928 г.). Работает школьный археологический кружок при музее. Член кружка Д. Борман проводит сборы подъемного материала на «Омской стоянке», а также разведку в лесостепных районах Омского Прииртышья. IV этап (1936 г.-1945 гг.) – начало деятельности в области краеведческой археологии А. Ф. Палашенкова. Открытие школьником И. Калугиным городища Большой Лог (1937 г.).

Второй период (1945-1960 гг.). Выделяется два этапа. Первый этап – 1945-1957 гг. и второй этап – 1957-1960 гг. Грань между ними – выход фундаментальных работ В. Н. Чернецова (1953, 1957 гг.). Открывается он посещением Омского Прииртышья московскими археологами В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской. Материалы из Омского Прииртышья публикуются во Всесоюзных научных изданиях (В. Н. Чернецов, И. А. Талицкая, Н. Л. Членова). А. Ф. Палашенков проводит сбор подъемного материала, составляет описание и глазомерные планы на памятники археологии Омска и области. Идет быстрый рост числа коллекции в фонде археологии ОГИК музея. А. Ф. Палашенковым опубликована статья «Материалы к археологической карте Омска» (1960 г.).

Третий период (начало 60-х годов XX века-1980 г.) открывается началом работ в Омском Прииртышье коллективов из ИА АН СССР/РАН (В. А. Могильников), ТГУ (В. И. Матющенко) и УрГУ (В. Ф. Генинг). Выделяется два этапа: первый этап (начало 60-х годов XX века-1974-1976 гг.). В. А. Могильников изучает памятники археологии раннего железного века и средневековья в лесостепном и южно-таежном Прииртышье.

В. И. Матющенко проводит раскопки грунтового могильника Ростовка I и городища Ростовка II (1966-1969 гг.), изучает коллекцию «Омской стоянки» из фонда археологии ОГИК музея, публикует монографическую статью о памятнике (1966 г.). Уральская археологическая экспедиция под руководством В. Ф. Генинга проводит разведки и раскопки на памятниках Омской области. Результаты ее работ находят отражение в тезисах и статьях В. Ф. Генинга и его учеников. В фонд археологии ОГИК музея поступают коллекции широкого хронологического диапазона: от верхнего

палеолита (Черноозерье II-а) до эпохи Сибирских ханств включительно (городище Большой Лог). Выпускница ОГПИ А. С. Шемякина поступает в аспирантуру при ТГУ (научный руководитель В. И. Матющенко). Создается Кабинет археологии при кафедре ОГПИ. А. Ф. Палашенков завершает рукопись «Археологические памятники Среднего Прииртышья» (1969 г.). На археологическом совещании в Томске (1970 г.) озвучены доклады, в которых изложена научная периодизация древней и средневековой истории Омской области и Омска в частности. Научные сотрудники УрГУ начинают паспортизацию фонда археологии ОГИК музея (середина 70-х годов XX в.). Второй этап (1974-1976 – 1980 гг.) – открытие ОмГУ (1974 г.), приезд в Омск Н. А. Томилова и В. И. Матющенко, начало формирования омской школы археологии. Активизируются полевые исследования памятников в широком хронологическом диапазоне (от неолита до позднего средневековья). Основывается Музей археологии и этнографии ОмГУ (1974-1976 гг.).

В. И. Матющенко, А. И. Петровым, И. Г. Глушковым продолжена паспортизация археологического фонда ОГИК музея (1979-1980 гг.). Проходят научные конференции по проблемам древней и средневековой археологии и этнографии угров, самодийцев, тюрков. Издаются тематические (включая археологические сюжеты) научные сборники и монографии. Открывается и работает аспирантура по специальности «археология» (научный руководитель В. И. Матющенко). Омск становится крупным центром археологических исследований России.

IV период (1980 – по настоящее время). Два этапа: первый (1980-1991 гг.) знаменуется становлением этноархеологического направления, формированием омской этноархеологической школы (Н. А. Томилов). Возрастает число симпозиумов, конференций, семинаров Международного, Всесоюзного, Всероссийского и областного уровней. Идет активный поиск принципиально новых методологий и методов изучения древней, средневековой и Новой истории коренных народов Сибири, а также русского старожильского населения XVIII-XIX веков. Расширяется фронт археолого-этнографических исследований; их объектом становятся памятники археологии, этнографии, письменные источники и данные других наук. С 1987 года археологи ОГПИ и ОмГУ приступают к созданию археологического раздела Свода памятников истории и культуры Омской области. Открываются Лаборатории археологических исследований при ОГПИ и ОмГУ. Второй этап (с 1991 г. по настоящее время) – учреждается Омский филиал ИАиЭ СО РАН (директор Н. А. Томилов), наблюдается интенсификация археологических и этноархеологических исследований.

Основываются многотомные научные издания. С конца 90-х годов XX века актуализируется тема материальной культуры русского населения Сибири, получает развитие археология русских (Л. В. Татаурова), начинается системное исследование археологических памятников Сибирского ханства (М. А. Корусенко, С. Ф. Татауров, А. В. Матвеев). Формируется церковная археология – инженерно-археологическое обследование Успенского собора (И. Е. Скандаков), открытие фундамента Воскресенского военного собора (Б. А. Конилов). Идет планомерное исследование культурных слоев г. Тары Нового времени (С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов). Создан Музей археологии и этнографии ОмГПУ (2006 г.).

Примечания:

1. Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001. Т. 1, 2. 171 с., 177 с.

ИСТОРИЯ РОДА КУЛЬМАМЕТЕВЫХ

Роду Кульмаметевых принадлежит важное место в истории сибирских татар. Упоминание этой фамилий в связи с теми или иными событиями сибирской истории встречается во многих источниках, а также в исторической и этнографической литературе, посвященной сибирским татарам (в работах С. В. Бахрушина, Ф. Т. Валеева, Н. А. Томилова и др.).

В «Сибирских летописях» упоминается «большой князец Бегиш», который, по мнению С. В. Бахрушина, явился родоначальником Кульмаметевых¹. Дальнейшие сведения о Кульмаметевых напрямую связаны с историей татарского служилого сословия. По данным, приводимым С. В. Бахрушиным, в XVII в. количество юртовских служилых татар в Тобольске насчитывалось около 250-255 человек. Среди тобольских служилых татар встречается и сын князя Бегиша – «Келмамет князь Бегишев». В одном из документов XVIII в. сообщается, что «мурза Кулмамет, услышав чрез... высочайшие грамоты к вызову иноземцев... с довольно дарованными им... свободами и выгодами, оставя в отечестве своем, родственников и всякие заводы и промыслы, самоохотно выехал в Российское подданство»².

Во второй половине XVII в. сын Кулмамета Авазбакей «по возрасту своему пожелал быть в службе Императорского Величества» и был определен в казачью команду. В 1700 г. сын Кулмамета Авазбакей высочайшею грамотой был назначен головой служилых татар. Вершины своего могущества, богатства и славы род достигает в конце XVII-начале XVIII веков, когда правит Сабанак, сын Авазбакея. По указу Петра I во владение им были отданы все земельные угодья, пашни, покосы, рыбные промыслы вверх по Тоболу и Иртышу. За радение на царской службе Авазбакей и Сабанак неоднократно были жалованы высочайшими грамотами, ценными подарками, дорогим оружием. Местечко Сабанаки, названное в честь его владельца, на протяжении нескольких веков являлось местом проживания родовой семьи. Д. Сабанаки существует и в наше время.

Кульмаметевым удалось закрепить за своим родом должность головы как наследственную и стать «жалованными» старшинами, в функции

которых входили сбор ясака, судебные разбирательства, «чинение расправы», защита татар от различных притеснений.

По данным Н. А. Томилова, о могуществе семьи Кульмаметевых в XVIII в. знали в Средней Азии, хотя слухи эти были явно преувеличены. «Самым сильным между небольшими семи владельцами называется Шабанов (Сабанак) и живет в некотором городке, в котором около 700 дворов за 4 версты от Тобольска»³. «Городок» этот, в котором на протяжении нескольких веков жили мурзы Кульмаметевы, назывался юрты Носовские или Сабанаковские. «Настоящее название – Юршак, а Сабанак – обыденное, т.к. знатнейшая бухарская семья деревни называется Сабанак. Глава этой семьи командовал всеми здешними татарами, как ясачными, так и служилыми» – сообщает в «Путевых описаниях», относящихся к началу 40-х годов XVIII в., Г. Ф. Миллер⁴.

Род Кульмаметевых – единственный среди сибирских татар, который в 1787 г. грамотой Екатерины II был удостоен дворянства за радение на царской службе. В те времена могущественные потомки бухарского князя Бегиша обладали не только почти неограниченной властью над всем татарским населением края, но и огромными богатствами. Важно упомянуть, что в данном роде имеются случаи родственных браков, что обуславливалось стремлением сохранить генетические характеристики рода Кульмаметьевых, а также имущество, принадлежащее им.

Обладая огромной властью, Кульмаметевы старались пополнять свое богатство, используя для этого как законные, так и незаконные способы. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., Кульмаметевым принадлежало около 13 тыс. десятин земли. Эти громадные владения, включавшие земельные, сенные наделы, «рыбные и зверовые ловли», приобретались ими путем пожалований за службу, покупок угодий у татарского и русского населения, а также многочисленных отступных.

В небольшой деревне Сабанаки под Тобольском и сегодня живут потомки самого древнего и могущественного рода сибирских татар Кульмаметьевых, некогда властвовавших над местным татарским населением. Кульмаметьевы не только сохранили род, но и приумножили его.

И хотя жили не бедно, никто из Кульмаметьевых в коллективизацию не был сослан, раскулачен. Спасла их, вероятно, крепкая родственная связь, преданность семье. В Сабанаках каждый приходился друг другу ближним или дальним родственником. Следует отметить, что природная активность, стремление к лидерству всегда были и остаются семейными чертами Кульмаметьевых. В округе одна за другой исчезло за короткий срок несколько деревень, а Сабанаки живут и строятся.

На деревенских улицах появляются новые жилые дома, прочные и добротные, есть даже двухэтажные кирпичные коттеджи. Из 116 ныне живущих потомков рода многие осели в Омске, Салехарде, Казахстане. Но, главные корни были и остаются здесь, в Сабанаках, где основательно и прочно устроились в добротных домах 12 семей Кульмаметьевых, как и подобает достойной фамилии на своей исконной земле.

Примечания:

1. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. С.164.; Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI-I половине XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 69.
2. ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 7.
3. Томилов Н. А. Указ. соч.
4. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VI. С. 310.

А. А. Крих

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ОДНОДВОРЦЕВ В ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ПРАКТИКА И ПЛАНЫ**

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ проект № 14-31-01018.

Составной частью процесса реформирования государственной деревни в Европейской России в первой половине XIX в. было переселение крестьян в Сибирь. Первые шаги в этом направлении были сделаны М. М. Сперанским, подробно изучавшим материалы о ссылке и пришедшим к выводу о неэффективности этого метода колонизации Сибири. 10 апреля 1822 г. принимается указ «О дозволении казенным крестьянам переселяться на земли сибирских губерний», действие которого распространялось лишь на государственных крестьян малоземельных губерний.

В результате выполнения данного указа на землях Сибирского казачьего войска Пресногорьковской линии поселяются крестьяне и однодворцы из Курской и Воронежской губерний, которые селятся в деревнях Воскресенской, Ершовке, Нижне-Алабужской, Филиповой и Успенской Петропавловского уезда¹. В 1827 г. на жительство в Петропавловский уезд Омской области собирались отправиться 1302 души мужского пола однодворцев из Нижнедвинского и Землянского уездов Воронежской губернии. Однако в дальнейшем 31 однодворец со своими семьями от переселения отказались, 36 душ мужского пола в ходе переезда остались в Оренбургской губернии² и еще 28 однодворцев по приезду в Петропавловский уезд вернулись обратно в Воронежскую губернию, т.к. не смогли найти для себя пригодных к заселению земель³.

За период с 1822 по 1833 гг. в Омской области было наделено землей 4841 чел. м.п., но около 32% оказались недовольны выделенными участками и самовольно выехали в Оренбургскую губернию. Среди переселенцев, получивших наделы в Омской области, 75% составили выходцы из Воронежской и Курской губерний⁴.

В крестьянском состоянии эти переселенцы проживали на линии военных укреплений до 1847 г., после чего были зачислены в казаки.

В первой половине XIX в. однодворцы занимали промежуточную позицию в социальной структуре населения России между дворянами и

государственными крестьянами, а часть однодворцев являлась владельцами крестьян, получивших название однодворческие. По материалам VIII ревизии населения, проходившей в 1833-1834 гг., в России насчитывалось 10877 человек мужского пола однодворческих крестьян, в том числе 8 крестьян принадлежало однодворцам, переселившимся в Омскую область⁵.

Однодворческие крестьяне проживали вместе со своими владельцами на однодворческих землях, а иногда в одних с ними домах. По закону они не могли быть продаваемы представителям других сословных групп, а только таким же однодворцам, но, при этом, управляющий V отделением Собственного Его Императорского Величества канцелярии П. Д. Киселев по сути рассматривал однодворцев в качестве крестьянского населения. В своем письме от 31 октября 1851 г. к управляющему II отделением Собственной его Императорского Величества канцелярии статс-секретарь Д. Н. Блудову П. Д. Киселев писал: «Неприличие подобного рода владения побудило Правительство принять меры к уничтожению его; но что бы сделать менее недовольных, положено было сначала предложить однодворцам уступить своих крестьян добровольно в счет недоимок с доплатою остающейся суммы из особо ассигнуемых сумм из Государственного Казначейства»⁶.

Часть однодворцев, представители которых дослужились до офицерских чинов, вошла в состав безземельного и мелкопоместного дворянства, охарактеризованного в 1844 г. сенатором Ф. А. Дурасовым как «...класс... людей, снискивающих себе пропитание, между прочим, чрез сочинение ябеднических просьб и других бумаг...»⁷. Сенатором было предложено неслужащим дворянам Курской губернии разрешить переселяться в Оренбургскую губернию на линии военных укреплений и отводить каждому мужчине по 104 десятины, с условием не отчуждать и не дробить между членами семьи. В качестве средства мотивации, в случае если однодворцы отказались бы переселяться, предлагалось записать их в податное сословие, пока они не возобновят прав дворянства на государственной службе. По мнению Ф. А. Дурасова, поселение однодворцев на Киргизской линии «введет в страну, почти необитаемую народонаселение, Православную веру и Русский язык»⁸. Д. Н. Блудов поддержал идею переселения однодворцев на пограничные линии для несения военной службы, заметив только, что поселять их можно не только в Оренбургской губернии, но и в Западной Сибири: землю давать в собственность по 100-150 десятин с обязанностью водвориться, землю не отчуждать никому, кроме своих прямых наследников по нисходящей мужской линии, с сохранением дворянских прав и преимуществ служить в казачьих войсках; по выслуге лет прибавлять еще земли (100-150 десятин) в пожизненное пользование. Таким образом создавалась

бы группа «служилых дворян» из которой в последствии, по далеко идущим планам чиновников, можно было бы создать особые полки, с наименованием «земского» или «пограничного дворянского войска».

Как показала дальнейшая практика, переселение однодворцев в Сибирь способствовало размыванию этой сословной группы, поскольку в сибирских деревнях их приписывали либо к крестьянству, либо они попадали в состав сибирских казаков.

Примечания:

1 Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 16. Оп. 2. Д. 64. Л. 163–163 об, 164 об; Д. 145. Л. 169, 238 об, 269 об, 291 об, 512 об.

2 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1285. Оп. 1. Д. 215. Л. 1–19.

3 РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 215. Л. 1–19.

4 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 170.

5 РГИА. Ф. 1589. Оп. 4. Д. 21. Л. 3.

6 РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 1034. Л. 44 об. – 45.

7 Там же. Л. 68 об.

8 Там же. Л. 69.

КРЕПОСТЬ У ИСТОКА КАМЕННЫХ ГОР. (XVIII- нач. XIX вв).

Усть-Каменогорск, как и многие города Прииртышья, был основан как крепость, т.е. Военно-стратегический пункт, которому выпала еще и важная роль в процессе освоения рудных богатств Алтая. Основателем крепости Усть-Каменогорской является гвардии майор Иван Михайлович Лихарев, отправившийся по личному Указу Петра I в верховья Иртыша до озера Зайсан в поиски песочного золота. Результатом его путешествия стало строительство в августе 1720 года новой крепости на Иртыше, самой южной в Иртышской линии крепостей. Название ее не случайно, уж очень было красивым место.

Первыми поселенцами крепости стали сибирские казаки. В 1724 году в ведомости о сибирских крепостях, присланной в Сенат, говорилось: «Усть-Каменогорская крепость самая последняя в Сибирской линии при горах великих каменных. Вооружение в ней – 4 чугунных трехфунтовых пушки, служилых казаков 114, денежное жалование на всех 465 рублей». Долго основным населением крепости были казаки, военные расположенных в ней полков. Среди офицеров были личности, оставившие значительный след в истории крепости. Никак нельзя обойти вниманием таких офицеров как капитан И. Г. Андреев, генералы А. Д. Скалон, И. А. Деколонг, Д. А. Шайтанов. Антон Данилович Скалон стал известен как составитель киргизско-го (казахского) словаря, который хранится в библиотеке им. Н. Салтыкова-Щедрина. На титульном листе словаря под рисунком типичного алтайского пейзажа – всадники, две юрты, горы и лес – написано: «Сей перевод по алфавиту собран старанием генерал-майора и кавалера Скалона с тем желанием, не можно ли иногда из оного сочинять российскими литерами азбуку-букварь и другие приличествующие сему народу книжки. Августа 8 числа 1774 году Сибирской губернии Иртышской линии в Крепости Усть-Каменогорской». В 1804 году Усть-Каменогорская крепость с прилегающими к ней станицей и селением, становится заштатным городом. В 1822 году – окружной город Омской области, с 1838 года – безуездный город Томской губернии, а с 1854 года – город Семипалатинской области, получил статус уездного в 1868 году.

В фондах музея хранится уникальный экспонат: «Геометрический специальный план Омской области Усть-Каменогорского округа назначенной земли г. Усть-Каменогорску и крепости со всеми землями, которые во владении состоят у купцов, мещан и разного звания жителей Снят 28 июля 1828 г. Омским окружным землемером коллежским асессором Даниловым». (ВКОМ КПОЗп-814). Из пояснительной записки видно, что строительство домов в городе велось близко друг к другу, что очень опасно и неудобно. Поэтому для улучшения расположения городских строений, строительства других в случае роста населения и расширения торговли в городе «назначен Прожект увеличения городских границ, выделения площади для домов, для огородов». Этот «Прожект» подразумевал увеличение территории города практически в 2 раза. Предполагалось строительство кирпичной приходской церкви в центре города, окружных присутственных домов, гостиного двора. Больше места уделялось строительству обывательских строений. Межевание земель проводилось в присутствии горожан и представителей селений, земли которых простирались вокруг города. Только через 60-70 лет появились в городе здания запланированные данными «Прожектом»: Покровский собор, здание для уездного начальства, полицейское управление, казначейство, несколько школьных зданий, Народный дом, торговые ряды на Базарной площади.

В начале XIX в. жизнь в крепости была довольно оживленной, как отметил Н. М. Ядринцев, даже живее Иркутской. Возможно, это было связано с появлением новых людей, которые возбуждали интерес со стороны обывателей. В 1826 году в Усть-Каменогорске побывал К. А. Мейер: «Крепость довольно велика, в ней стоит каменная церковь, но в основном невзрачные деревянные дома, населенные военными...». В полуверсте от крепости находится город с казачьей слободой. И здесь все здания деревянные и их также нельзя назвать красивыми. Население города и крепости около 2000 человек – это казаки, военные, мещане, купцы, священнослужители. В 1802 г. в крепости построен новый острог для каторжной тюрьмы. Тогда же художник Е. М. Корнеев написал акварель «Несчастные каторжники на работах по благоустройству Усть-Каменогорской крепости». В 1828 г. в крепостной тюрьме на каторжных работах числились три поляка – Карл и Феликс Ордынские, Иван Высоцкий, которые за принадлежность к Тайному Обществу были лишены дворянства и приговорены к 5 годам каторжных работ. В качестве крепостного писаря определили С. М. Семёнова, тоже сосланного в крепость. Они вызывали интерес у горожан. Судачили и о коменданте крепости князе С. Д. Эристове и фрейлинах, которые жили при нем, о помещиках и офицерах, которые плохо обходились с дворовыми людьми.

В целом же значение Усть-Каменогорска того времени можно определить таким образом:

- 1) обеспечивал защиту новых границ России;
- 2) имел определенное значение в расширении торговых связей с восточными странами, через его таможеню шли торговые пути;
- 3) играл значительную роль в освоении рудных богатств Алтая, через него в Змеиногорск возили руду из Зыряновского рудника.

О. А. Ландик

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОМСКА КАК РЕСУРС ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА

Одним из ключевых факторов привлекательности территорий становятся культурные и духовные ресурсы – историко-культурное наследие, уникальные культурные особенности региона, творческий потенциал жителей. Особая роль в формировании имиджа города принадлежит ориентации на культурно-историческое наследие региона, на создание благоприятных условий для экономического и культурного роста города. Сфера культуры превращается в главную движущую силу развития общества. За счет культурных ресурсов развивается въездной туризм¹. На сегодняшний день в Омске при формировании имиджа города используются различные инструменты с привлечением местных историко-культурных ресурсов.

Организация событий и специальных мероприятий, направленных на формирование имиджа региона (проведение выставок, фестивалей, форумов и прочих мероприятий на всех уровнях). В средствах массовой информации часто можно встретить выражение: «Омск – театральная столица Сибири». С 2008 года в Омске регулярно один раз в два года проводится Международный театральный фестиваль «Академия». Он знакомит омичей с лучшими театрами России и Европы. С недавнего времени в Омске проводится Международный фестиваль театров кукол. В 2015 году в конкурсе принимали участие 20 театров из России, стран Европы, Азии, Северной Америки. Помимо самых известных и престижных театральных фестивалей проводятся и городские фестивали любительских театров «Театральная весна», и «Студенческая весна».

В последнее время в Омске стали проводиться и кинофестивали. Самый известный из них ежегодный фестиваль – «Киносозвездие России», в программе которого представлены российские кинофильмы. Несколько фестивалей-конкурсов учреждено на городском уровне: городской конкурс любительских короткометражных фильмов «Маленькое кино большого города», с 2008 года проводится фестиваль-конкурс «Любительское кино + Profi» и конкурс любительских короткометражных фильмов «Маленькое кино большого города» (проводится среди школьников, участников

детских кино- и фотостудий). Ежегодно 18 мая празднуется Международный день музеев, к которому приурочена всемирная акция «Ночь в музее», в которой принимают участие омские музеи. На территории Омской крепости проводится городской фестиваль-конкурс снежных фигур «Зимняя рапсодия».

Выход города на федеральный и международный уровень с представлением его достижений (участие в выставках, презентациях, конкурсах и т.п.). Омск регулярно участвует в съездах Ассоциации Сибирских и Дальневосточных городов. Театры Омска – постоянные участники и лауреаты национального фестиваля «Золотая маска», «Ново-Сибирский транзит», Всероссийского театрального форума-фестиваля «У Золотых ворот», Международного фестиваля искусств «Русская Ривьера», Межрегионального фестиваля спектаклей для детей и подростков «Сибирский кот» и множества других. Уже несколько раз в Омске проходил творческий фестиваль «Владимир Спиваков приглашает», который дает возможность познакомиться с творчеством известных музыкальных коллективов и молодых исполнителей. В мае 2012 года Омск принимал XXI Международный кинофорум «Золотой Витязь».

Использование в имиджевых целях региональных праздников, фестивалей. Традиционными праздниками являются Областной фестиваль русской культуры «Душа России», Областной фестиваль национальных культур «Единение», Международный фестиваль приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан «Да будет дружба искренней и честной». Цель их – содействовать возрождению, сохранению и развитию в Омской области самобытного национального творчества, показать народные таланты, развивать культурное сотрудничество.

В настоящий момент разработан План мероприятий, реализуемых в рамках подготовки и проведения празднования 300-летия основания города Омска, на 2015-2016 годы. Этот план подразумевает, в том числе, проведение культурно-массовых и спортивных мероприятий, реставрацию объектов культурного наследия, строительство и реконструкцию объектов культурного назначения. В декабре 2014 года оргкомитет подготовки к празднованию возглавил министр культуры РФ В. Р. Мединский².

Актуализация роли известных личностей, а также исторических событий, с которыми территория прочно ассоциируется. Имидж Омска за его пределами формируют известные деятели культуры и искусства, которые так или иначе связаны с ним. История Омска связана с личностями Ф. М. Достоевского, М. А. Врубеля, А. В. Колчака, Л. Н. Мартынова, К. П. Белова, А. И. Коненко, М. А. Ульянова и многих других. Использование фактов

биографий известных людей прошлого и настоящего для построения имиджа города широко используется: например, Омск как место каторги Ф. М. Достоевского, столица адмирала Колчака, родина Михаила Врубеля, Леонида Мартынова и т.д.

Таким образом, благодаря использованию специальных инструментов местных культурных и исторических ресурсов Омск способен улучшить свой образ, стать более привлекательным как объект культурного туризма.

Примечания:

1. Морозова Т. А. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 54-55.

2. Реализация плана празднования 300-летия Омска // Новости 300-летия Омска // Официальный портал Администрации города Омска URL: // <http://admomsk.ru/web/guest/news/300/plan> (дата обращения 09.08. 2015 г.).

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сельский туризм – явление не новое, известное, по крайней мере в Европе, уже с 1970-х годов. Наибольшее развитие он получил во Франции, Италии и Испании. Широко распространен подобный вид отдыха на Кипре, в Хорватии и Польше. Основная причина возникновения и развития сельского туризма – потребность горожан со средним достатком отдохнуть наедине с природой, познакомиться с бытом крестьянской семьи.

Сельский туризм становится все более популярным и модным видом отдыха, занимает второе место после отдыха на воде. Этому способствуют как международные санкции против России, так и внутренние нормативно-правовые регуляторы. В ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ (2011-2018 годы)» экологический и сельский туризм объявлены приоритетными и перспективными направлениями деятельности для ряда регионов России. Благодаря их развитию возможно разработать не только сам туристический продукт российского происхождения, но и использовать природный и культурный потенциал регионов с учетом специфики местной экономики, вовлечь в его развитие как предпринимателей, так и сельское население, что особенно важно в условиях экономического кризиса и безработицы.

Сельский туризм включает в себя любые виды туризма вне городских условий, которые не наносят ущерба природным комплексам, содействуют охране природы и улучшению благосостояния местного населения.

Отличительные черты сельского туризма: низкая стоимость путевок, небольшое время для переезда к месту размещения, отсутствие смены часовых поясов, питание свежими, экологически чистыми овощами, фруктами и молоком, большое разнообразие условий размещения и питания даже в пределах одной деревни, широкие возможности формирования индивидуальной программы отдыха, возможность общения с природой, знакомство с жизнью современной деревни, минимальные инвестиции по сравнению с другими видами массового туризма.

Сельский туризм в Омской области можно условно разделить на следующие виды: промысловый, религиозный, оздоровительный, спортивный,

приключенческий, познавательный/образовательный¹. В качестве инфраструктурного объекта промыслового сельского туризма можно привести охотобазу «Боровая дача», которая расположена в Муромцевском районе Омской области (в 350 км от города, в таежном лесу, площадь охотхозяйства – 39 га). Среди развлечений: охота на боровую дичь (рябчик, глухарь), зайца, медведя, волка, кабана, марала, лося, а рыбалка – карася, сазана. Дополнительные развлечения: экскурсии по реке, конные прогулки по тайге, наблюдение за животными, баня, снегоход, лыжи, сельскохозяйственный туризм.

Религиозный сельский туризм представлен паломническими походами и экскурсиями в монастыри и храмы, например, в Ачаирский женский монастырь во имя Животворящего Креста Господня. Монастырь находится в верховьях Иртыша, на расстоянии 50 километров от города Омска, если следовать по Черлакскому тракту. Золото куполов Успенского собора, монастырь и звонница, икона над воротами «Распятие», церкви Дмитрия Солунского, Веры, Надежды и Любви и их матери Софии, всего на территории монастыря возведено 7 храмов, 3 часовни, главным порталом являются Северные Святые Врата, имеются также Восточные, Западные и Иртышские Врата. Также известен Свято-Никольский мужской монастырь, находящийся в селе Большекулаче Омского района Омской области, который находится в юрисдикции Омской и Тарской епархии Русской Православной Церкви. На территории монастыря располагается святой источник. Монастырь является объектом туризма и православного паломничества.

Для осуществления оздоровительного и познавательного туризма интересны туристско-рекреационные ресурсы дестинации, а именно озеро Ульжай. Реликтовое соленое озеро Ульжай – самое большое озеро Курумбельской степи – удивительное по красоте место, расположенное в 160 км от Омска (Черлакский район). В 1920 г. на озере был организован курорт, который пользовался большой популярностью. Богатство озера составляют целебные грязи, которые используются для бальнеологических нужд в санаториях Омска и Омской области.

Спортивный сельский туризм представлен разнообразными маршрутами. Для этого можно использовать конно-спортивную базу «Белая вежа», что находится в Горьковском районе, в селе Серебряное в 100 км от г. Омска, на высоком берегу старого русла Иртыша². Одной из главных достопримечательностей этих мест является святой источник, названный в честь целителя Пантелеймона.

Познавательный/образовательный сельский туризм представлен такими объектами инфраструктуры как Большереченский зоопарк,

археологический парк «Батаково» (п. Большеречье), «Историко-культурный комплекс «Старина Сибирская» (п. Большеречье), картинная галерея (п. Большеречье), туристический сельский центр Окунево (для обучения гончарному делу, резьбе по дереву, занятий йогой, проведения психологических тренингов).

В целом, как отмечают многие исследователи и практики, основными проблемами развития туристской деятельности в сельской местности являются проблемы финансового, кадрового, информационного, законодательного обеспечения³. Важными на ближайшую перспективу станут вопросы государственно-региональной поддержки развития сельского туризма на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, а также самоорганизации и координации агротуристической деятельности, сохранения культурного и исторического наследия российского села.

Примечания:

1. Региональный туризм: проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей / [Под. ред. Н. А. Левочкиной]. Киров; Омск: ИП Загурский С. Б., 2014. 64 с.
2. Марковчук А. А., Левочкина Н. А. Развитие конного туризма: национально-региональный аспект // Региональный туризм: проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей / [Под. ред. Н. А. Левочкиной]. Киров; Омск: ИП Загурский С. Б., 2014. С. 57-63.
3. Сельский туризм в России: Сборник успешных проектов. М.: Министерство культуры РФ, Красноярск, 2015. 95 с.

С. С. Наумов

Омск, Государственный университет им. Ф.М. Достоевского,

Г. Т. Трофимова

Великие Луки, Государственная академия физической культуры и спорта

СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ СЕБЕЖАН В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В ГОРОДЕ ВЕЛИКИЕ ЛУКИ)

Самый ужасный год в России, – писал Михаил Булгаков, – был 1918. Ещё страшнее был год 1919». Такими же ужасными были эти годы и для жителей Себежского уезда, который в то время входил в состав Витебской губернии. С 1924 г. уезд вошёл в состав Псковской губернии.

С конца февраля-начала марта 1918 г. уезд оказался в зоне боевых действий. Окопы и проволочные заграждения разделили уезд на две части: советскую и часть, оккупированную кайзеровскими войсками. Фронт и тыл разделила демаркационная линия. В уезде было объявлено военное положение¹. До ноября 1918 г. население уезда находилось под угрозой продвижения кайзеровских войск вглубь советской территории. Продолжающаяся война на германском фронте, декреты советской власти о национализации, продовольственной развёрстке, политике военного коммунизма привели к полному развалу экономики. Население Себежского уезда оказалось между двух огней: с одной стороны – демаркационная линия, которая прошла по крестьянским полям окопами, проволочными заграждениями, с другой – тяжелейшая угроза голода. Бедняки оказались вообще без какого-либо продовольствия, а у середняка оставленное для посева зерно было изъято. Особенно страдала деревня. Себежские крестьяне теперь уже не могли прокормить не только огромную массу беженцев, возвращающихся по домам солдат старой царской армии и военнопленных, скапливающихся на станции Себеж, красноармейские части и партизанские отряды, но и самих себя. Голод стал не только тяжелейшей угрозой жизни сотен и сотен жителей уезда, но и угрозой новой власти. Эта угроза усиливалась развернувшейся в Себеже и уезде контрабандой хлебом, продуктами и товарами первой необходимости, процветанием чёрного рынка. На просьбы, обращенные к властям на всех уровнях, себежане получали один ответ: «Хлеба нет, изыскивайте его своими силами».

Получив отказ от всех вышестоящих организаций о помощи, себежане решили самостоятельно закупить хлеб в других губерниях. С этой целью члены Себежского уездного исполнительного комитета тт. Трусов, Загачин и Шмарыго были командированы в Витебский губернский продовольственный отдел, чтобы выяснить, где это можно сделать. Естественно, губернский продовольственный отдел ничем не смог помочь нуждающимся в хлебе землякам, но зато командированные получили совет направиться в Сибирь, богатую хлебом, и закупить его там. О сведениях, которые получили себежане, они письменно ставят в известность Уисполком. В Государственном архиве в г. Великие Луки (ГАВЛ) сохранилось три уникальных документа, свидетельствующих об этой сибирской одиссее. Все они впервые вводятся в научный оборот.

Первый документ – это письмо членов Себежского уисполкома, направленное в уезд 13 марта 1918 г. Приводим его полностью, сохраняя стиль и лексику. Вот его содержание: «Товарищи! После долгих мытарств в губернском продовольственном отделе мы, наконец, получили нужные документы и завтра уезжаем в далёкую Сибирь, в Тобольск. По приезде в Витебск, когда выяснилось, что в отдалённые губернии ехать нельзя, т.к. немецко-украинские банды обложили Харьков, перед нами, как перед всеми голодающими местностями Великоруссии, предстал вопрос: «Что делать?» Мы после немногих размышлений решили ехать хоть на край света, но лишь бы не с пустыми руками. Из бесед с ответственными руководителями губернского продовольственного отдела выяснили, что надежда всей советской республики – это Сибирь и преимущественно отдалённые её губернии Тобольск, Енисейск и др. В Тобольске согласно полученной телеграммы из Комиссариата продовольствия имеется для Витебской губернии 150 вагонов зернового хлеба. Вот почему, невзирая на дальность и трудность пути, мы все же едем туда. Всё то количество хлеба, которое нам удастся закупить там для Витебска, попадет и нам. Тов. Трусов получил от тов. Гуленко 49750 руб., что вместе с имевшимися деньгами составляет сумму в 89750 руб. Если по прибытии в Тобольск денег недостаточно, чтобы вывести весь хлеб, который сможет нам принадлежать, мы срочно телеграфируем и сообщим вам об этом, и мы надеемся, что сейчас же вышлите людей с деньгами к нам. Всё зависящее от нас безусловно сделаем, чтобы успешно завершить нашу поездку. Вам же придётся принять самые решительные меры, чтобы весь хлеб, который будет нами вывезен, доставили бы вам. Мы видели случаи, когда из 10 вагонов, привезённых на ст. Витебск действительно хозяевами его, губернский продовольственный отдел уступает лишь 2 вагона. По нашим скромным подсчётам хлеб или зерно

его, который нам удастся вывести из Тобольска, попадёт в Себеж не раньше 15 марта. В надежде на то, что семена, безусловно, будут получены, обратитесь к той части крестьянства, которой нечем засеивать свои поля, с просьбой приготовить их для принятия зерна»². Одновременно с письмом депутатам Себежского уисполкома Л. Трусов и Н. Загачин направляют и текст обращения к себежским крестьянам, которое уездные власти должны были бы опубликовать в местной газете «Себежские ведомости», следующего содержания: «Товарищи крестьяне! Мы уезжаем в далёкую Сибирь, чтобы достать для нашего голодающего Себежского уезда семена и хлеб, обращаясь к вам с горячим призывом: Не падайте духом! Мы, ваши братья, не жалея сил, уезжаем за много тысяч вёрст от родного своего угла, чтобы только привести вам, своим братьям, хлеб и семена. Мы бросились в ближайшие губернии, как Харьковская, Полтавская, но проклятый враг наш, немецкий и украинский буржуй, перегородил нам дорогу. Измученные, голодные, но мы не падаем духом, едем в Сибирь, где ещё всего много, хлеба, ржи, ячменя, овса. Если враги нам не помешают, из одной Тобольской губернии мы сможем вывести 150 вагонов разного хлеба. Вам придется, быть может, засеять поля наименее обыкновенного. Но в этом горя мало. Лучше, чем всегда, вспашите и не тяните с обработкой, пока семена прибдут. Пусть семена застанут уже готовые поля. Не верьте злой молве, распространяемой врагами, что о ваших нуждах забыли, что о вас не думают. Верьте, товарищи, что [все силы] отдадим мы на то, чтобы сделать вас довольными. Наш вековой враг не дремлет. Со всех сторон лезут к нам звериные лапы, чтобы ущемить нас, раздавить, а для этого не брезгают и обманом. Везде слышны злые шипения, что вот теперь голодаете. Не верьте никому, знайте, что всякий говорящий так, ваш заклятый враг, которому нет пощады. Пережить только эти несколько тяжёлых месяцев, лучше всегдашнего вспахать и засеять поля и нивы, а там никто не будет нам страшен. Никто не посмеет посягнуть на завоёванную нами свободу!»³. Под этим документом стоят две подписи: Леон Трусов и Николай Загачин, но в Сибирь по неизвестным нам причинам Загачин не поехал, вместо него Витебский продовольственный отдел посылает своего товарища Пчельникова.

К сожалению, к весеннему севу ни в Себеже, ни в Витебске сибирского зерна и хлеба не получили. В начале августа 1918 г. домой вернулся один Леон Трусов, которому пришлось выступить с подробнейшим докладом о результатах этой весьма рискованной авантюры. В Государственном архиве г. Великие Луки хранится протокол заседания Себежского уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и батрацких депутатов, на котором было заслушано сообщение т. Л. Трусова о том, что

пришлось вытерпеть себежанам в той далекой поездке. Эта протокольная запись настолько интересна, что передадим её содержание полностью. Итак, себежанам и представителю Витебского губернского исполкома не удалось добраться до Тобольска, т.к. как там уже хозяйничали колчаковцы. Доехали они только до Омска, который встретил их весьма неприветливо. Сибирский краевой Совдеп отказался отпускать хлеб по удостоверениям Себежского уездного совдепа, т.к. последний не был включен в плановый наряд. Хлеб стали добывать неофициальным путём. О такой возможности себежанам сообщил представитель Тверского губкома. Их представитель согласился помочь через известных ему лиц, за что потребовал 15000 руб. В ожидании нарядов себежане прожили в Омске несколько дней, а затем выехали на станцию Ново-Николаевск, где должны были встретиться с агентами по продаже и отгрузке хлеба, а окончательный расчёт должен был произведен в Омске. Но агенты, которые должны были произвести отгрузку хлеба, так и не появились на станции. Вместо них появился новый агент, который пообещал отгрузить хлеб 10 мая, но и он вскоре исчез. Себежане оказались жертвами аферистов. Им не оставалось ничего, кроме как вновь вернуться в Омск и потребовать от так называемого «помощника» свои 15000 руб. Но и тут они ничего не добились и решили обратиться в Тверской губком с требованием привлечь к ответственности всех, кто был причастен к этой афере. Но пока суд да дело, и Омск оказался в руках колчаковцев. Начались обыски и аресты. У всех командированных изымали документы. Чтобы спасти свои деньги, Трусов спрятал их в обшивку стула, который находился в комнате, где остановились командированные из далёкого Себежа. Сами же себежане были арестованы и доставлены в здание Омского кадетского корпуса, где их передали в руки пьяного казацкого есаула. На вопрос: «Кто они такие?» себежане ответили: «Простые крестьяне». Есаул, сам из крестьян, отпустил их. Вернувшись на квартиру, где останавливались, они достали свои деньги, уничтожили советские документы и подали объявление в газету о том, что их документы пропали. Таков был порядок. Только после опубликования в газете Трусов и Шмарыго получили новые паспортные книжки и покинули Омск. Во избежании лишних неприятностей они перебрались в деревню, где закупили и отгрузили 16 вагонов хлеба от имени какой-то большой организации для западных губерний. Сопровождать закупленный хлеб остался Шмарыго. Выехать сразу он не смог, т.к. надо было ждать, когда откроется граница на Запад. Но был ли доставлен хлеб в Себеж, неизвестно. Архив не располагает подтверждающими этот факт документами. Трусов же 25 июля 1918 г. вновь возвращается в Омск, откуда выезжает на родину. Судьба третьего члена этой группы оказалась

трагической. Тов. Пчельников, депутат Витебского совдепа, был арестован за революционную пропаганду против белогвардейцев Колчака и предан суду. Скорее всего, суд приговорил его к смертной казни. В докладе Трусова об этом не говорится или себежанам не было известно о решении суда.

На заседании Себежского уисполкома, которое состоялось 10 августа 1918 г., доклад т. Трусова был выслушан с большим вниманием. Депутаты приняли решение оплатить Трусову все расходы, которые он понес, а сам докладчик обратился с заявлением «о сложении с себя полномочий члена Исполкома», что было принято⁴. Причины такого шага докладчик не объяснял, но, скорее всего, это было связано или с теми переживаниями и трудностями, которые пришлось ему перенести в столь далёком и рискованном путешествии, или с тем, что себежские крестьяне так и не дождались обещанного для посева зерна, что подрывало авторитет новой власти в глазах местного населения.

Как бы то ни было, Первая мировая война подходила к концу. В один прекрасный день Себежские пограничники и командование красноармейских частей в районе демаркационной линии обнаружили, что противник в полной тишине, скрытно покинул линию фронта, оставив после себя вконец разоренную территорию. На очередном заседании Себежского уисполкома рабочих, крестьянских, солдатских и батрацких депутатов было объявлено, что 15 ноября 1918 г. с 12 часов дня в Себеже и Себежском уезде снимается военное положение⁵, но « продовольственный вопрос – вопрос самый жгучий и самый трудный» остается и «необходимо все имеющиеся силы бросить на это дело»⁶.

Примечания:

1. ГАВЛ. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 237.
2. ГАВЛ. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 176.
3. ГАВЛ. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 177-178.
4. ГАВЛ. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 117 - 117 об.
5. ГАВЛ. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 142.
6. ГАВЛ. Ф. Р. 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 121.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.: ОПЫТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

Период конца 1980-х – начала 1990-х гг., прошедший под девизом «гласности и перестройки», характеризуется в нашей стране не только масштабными политическими и экономическими изменениями, но и повсеместно возросшим интересом к изучению локальной истории, истории отдельных регионов. Западная Сибирь не осталась в стороне от этих процессов. Активную работу в крупных сибирских городах вели представители научной, педагогической, художественной интеллигенции.

Важную роль в популяризации региональной истории в Омске сыграли преподаватели Омского государственного университета (Н. А. Томилов, В. И. Матюшенко, А. И. Петров) и Педагогического института им. А. М. Горького (А. В. Минжуренко, Б. А. Конилов, Г. И. Кутузова, Э. Г. Шик), музейные работники (Ю. А. Макаров, Т. М. Назарцева, Г. И. Сороколетова, Л. С. Худякова). Одной из основных форм работы стали краеведческие конференции. В 1988-1994 гг. в Омске были проведены конференции: к 110-летию Омского историко-краеведческого музея, научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», к 100-летию со дня рождения В. В. Куйбышева¹, «Памятники истории и архитектуры Омской области, к 275-летию Омска, 170-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, 150-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева, 400-летию г. Тары и др. В 1989 г. на базе краеведческого музея был открыт лекторий, в ходе работы которого все желающие могли прослушать лекции по истории края: «Древняя история Омского Прииртышья», «Наш край в период средневековья», «Омск. А. В. Колчак. Демократическая контрреволюция» и др.² Была организована экспедиция в Усть-Ишимский район «по поиску предметов материальной культуры прошлого и передача экспедиционных материалов на хранение музею изобразительных искусств»³.

Историко-просветительные инициативы интеллигенции Новосибирска в конце 1980-х – начале 1990-х гг. были во многом ориентированы на главное юбилейное событие в жизни города тех лет – 100-летие Новосибирска. Научные сотрудники Института истории, филологии и философии,

сотрудники Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения АН СССР (Т. Н. Троицкая, В. Л. Соскин, О. Н. Вилков, Л. И. Пыстина, О. Н. Шелегина, Ф. Ф. Болонев, Л. П. Павлова) принимали живое участие в работе различных общественных культурно-просветительных объединений. При Новосибирском отделении Советского фонда культуры был создан научный совет по изучению культуры Сибири, сформирована краеведческая комиссия (О. Н. Шелегина, В. М. Воробьева, З. П. Симонова, Н. А. Бредихина и др.). В 1989 г. при участии этой комиссии в Новосибирске были проведены: Первая (после 1961 г.) областная краеведческая конференция⁴, конференция «Художественная культура Сибири: опыт истории»⁵. Учёными-историками были разработаны и прочитаны лекции: «История города Новосибирска», «История и перспектива Новосибирска», «Роль архитектурных памятников в воспитании патриотизма», «Проблемы охраны памятников истории и культуры»⁶. Вышли из печати сборники и брошюры: «Археологические памятники Новосибирской области», «Памятники г. Куйбышева Новосибирской области», «Гостиница Сибирь – архитектурный памятник». Были опубликованы материалы: для музея истории Новосибирского педагогического института, о памятниках города в газете «Народный учитель». Продолжалась работа по сбору материалов для свода памятников истории Новосибирской области, в ходе которой активисты секции выезжали в Колыванский, Черепановский и Куйбышевский районы области⁷. К 100-летию города Новосибирское книжное издательство подготовило серию книг «Земляки», посвященную выдающимся людям, чья судьба связана с Новосибирском.

Активизировалась историко-просветительная деятельность и в Кургане, где в 1990 г. при участии сотрудников кафедры истории России Курганского педагогического института было создано Областное общество краеведов. Кроме преподавателей КГПИ (Н. Ф. Емельянов, В. В. Менщиков, В. А. Никитин, Г. Г. Павлуцкий, В. А. Кислицын) вокруг общества объединились аспиранты и студенты, учителя, сотрудники архивов, музеев, библиотек. Ежегодно начали проходить областные и региональные конференции: к 50-летию Курганской области, 80-летию библиотечного дела в крае, «В. П. Бирюков – писатель, учёный и краевед», к 70-летию архивного дела в Курганской области, по проблемам экологии Зауралья и др. Были выпущены десятки сборников и монографий, исследований населённых пунктов и районов Курганской области: Альменевского, Белозерского, Каргопольского, Притобольного, Куртамышского и др.⁸

В Томске ещё в 1986 г. по инициативе сотрудников Областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, которые не могли не

КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЁЛ КАК СИМВОЛ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Городское пространство формируется не только офисными зданиями и «жилым сектором». Своеобразие, оригинальность урбанистическому ландшафту придают, наряду с памятниками и скверами, здания, принадлежащие религиозным организациям. Здания церквей иноверческих и инославных исповеданий в Российской империи не должны были выделяться на общем фоне застройки и привлекать к себе внимание. О том, что здание является культовым строением и принадлежит конкретному вероисповеданию, обыватель мог догадаться по «опознавательным знакам», характерным для той или иной конфессии. Вокруг них обычно складывался определенный мифологический ореол, и не случайно в советские годы они подвергались если не сносу, то перепрофилированию (таким образом, осуществлялась их десакрализация).

Как маркировались в городском пространстве Сибири католические храмы, в просторечии именовавшиеся костелами? «Типологию здания как культовой постройки определяли латинские кресты над порталом и апсидой и «Всевидающее око» на фронте главного фасада»¹ в Новониколаевске. «Круглое большое окно на центральном фасаде костела соответствует положению окна-«розы» в романских и готических соборах и вписано в арочную нишу, охватывающую плоскость стены над порталом. Заполнение окна-«розы» выполнено в виде 4-лопастного мальтийского креста в технике витража»² в Тобольске. Историческая справка в комплексе научно-проектной документации архивного дела о реставрации Тобольского костела повествует, что: «Внешне костел представлял собой единый мощный замкнутый объем с высокой кровлей и щипцовыми завершениями торцовых стен. Центральный юго-западный фасад костела решен подчеркнуто декоративно: он разделен на три части находящимися в межоконных пространствах контрфорсами, сечение которых уступами увеличивается книзу... Вимперг заканчивается квадратным постаментом, предназначенным для ... статуи Мадонны, что подтверждается архивными фотографиями и

откликнуться на все возрастающий у читателей интерес к истории города, был создан краеведческий клуб «Старый Томск». Встречи с учёными-историками вызвали большой интерес. «Потребность томичей в краеведческой информации была столь велика, что на первом этапе деятельности клуба большой читальный зал библиотеки едва вмещал всех желающих принять участие в заседаниях клуба»⁹. Председателем клуба стала Н. М. Дмитриенко, преподаватель Томского государственного университета, автор множества публикаций по истории Томска.

Таким образом, мы видим, что в разных городах работа по популяризации местной истории велась в соответствии со спецификой исторического развития каждого из регионов, степенью разветвлённости научных и педагогических учреждений, практиками проведения масштабных юбилейных мероприятий. Сложный и противоречивый процесс демократических преобразований в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в целом привнёс положительные тенденции в дело изучения и популяризации региональной истории Западной Сибири.

Примечания:

1. КУ ОО ИсА. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-3.
2. Назарцева Т. М. Деятельность совета краеведения Омского отделения фонда культуры (1988-1997) // Вестник культуры. 2012. Декабрь. №2.
3. КУ ОО ИсА. Ф.П-654. Оп. 1. Д. 23. Л. 28.
4. ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 11. Л. 43
5. ГАНО. Ф.Р-2099. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.
6. ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 368. Л. 1-4.
7. ГАНО. Ф.Р-2054. Оп. 1. Д. 356. Л. 13.
8. Уфимцева И. Г. Н. Ф. Емельянов – историк земли Курганской // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения». Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2012. С. 16-17.
9. Краеведческий клуб «Старый Томск» / Земля Томская. Краеведческий портал [Электронный ресурс] <http://kraeved.lib.tomsk.ru>. Режим доступа: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/421>. Дата обращения: 21.09.2015.

свидетельствами очевидцев. На вимперге над аркой портала выложен аркатурный фриз... Этот же декор повторяется в решении боковых карнизов центрального фасада и на вимперге над дверными проёмами приделов»³. Безусловно, в повседневном мироощущении члена приходской католической общины приведенное выше описание моделировало атмосферу идеологически-тождественной, рефлексивно-обращенной ситуации⁴.

Вне зависимости от места расположения – в Европе или Сибири – соблюдался единый стандарт в строительстве. Современные реставраторы допускают, что по поручению МВД подготовительный этап проектирования мог быть выполнен специалистами из губерний Царства Польского. «Вероятнее всего, разработка проектно-сметной документации на костел была поручена варшавским архитекторам. Автором проекта [культового здания католической церкви в Тобольске] был архитектор Войцеховский»⁵.

В архитектуре храмовых зданий, наряду со стандартом, проявлялись национальные особенности. В Красноярске здание костела, построенное по проекту архитектора В. А. Соколовского, «решено в лучших традициях польской неоготики: двухбашенная композиция объема храма акцентировалась треугольными формами – щипцами, вимпергами, венцами. Такое обилие треугольных форм способствовало формированию характерного облика готической церкви. Вытянутые парные башни звона, завершенные острыми шатрами с узкими люкарнами и фланкируемые башнями-фиалами, каскадный вимперг главного фасада со статуей Спасителя, роза, перспективный портал»⁶ формировали в сознании горожан образ западно-христианского храма.

«Немецкий характер» был присущ храмовому зданию в Новониколаевске. Построенная по проекту инженера Венера церковь св. Казимира по стилистическому и объемно-пространственному решению характеризовалась как ретроспектива неоготики, проявившаяся ранее, во второй половине XIX в., в немецких колониях центральной части Российской империи. Укрупненный декор фриза, простая геометрия деталей фронтона и башни звона эффектно дополняли образ неоготической церкви, аналогами которому являлись колониальные церкви Поволжья»⁷.

Семантический «инвентарь» культуры в рассмотренной нами ситуации способствовал формированию целостного мировидения и выполнял функции адаптанта к условиям сибирской действительности. Активное участие членов религиозного сообщества в сохранении национально-конфессиональных традиций корректировало традиционную для них картину мира в сторону психологической толерантности к принимающему сообществу, что выражалось в совместном освоении градостроительного пространства.

Примечания:

1. Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви св. Казимира (1905-1907) в Новониколаевске (Новосибирске) / Сост. архитектором Л. А. Юшук // Архив курии Преображенской римско-католической епархии в г. Новосибирске. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1. Л. 3.

2. Научно-проектная документация. Комплексные научные изыскания. Памятник архитектуры начала XX в. Римско-католический костел в г. Тобольске / Кооператив «Реставратор»; начальник творческого коллектива Н. И. Харченко // Краеведческий музей г. Тобольска. Шифр 1. Арх. № 83. Т. 2. Кн. 3. Л. 25.

3. Там же. Л. 25-26.

4. Кругликов В. А. Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 167-197.

5. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. 353. Оп. 1. Д. 447. Л. 7.

6. Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви Промысла Божьего (1853-1857) и Преображения Господня (1908-1915) в Красноярске // Архив курии Преображенской римско-католической епархии в г. Новосибирске. Ф. 1. Оп. 8. Д. 3. Л. 3.

7. Историко-архитектурная справка по строительству римско-католической церкви св. Казимира (1905-1907) в Новониколаевске (Новосибирске)... Л. 3.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЛИЧНО-ПЛОЩАДНЫХ ТЕАТРОВ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СИБИРЯКОВ

Политические, социально-экономические и культурные трансформации, произошедшие в России за последние десятилетия, существенно изменили ее облик, а развитие глобализации значительно ускорило интеграцию Российской Федерации в мировую систему. В этом отношении большой интерес представляют процессы глобализации культуры, которые ведут к расширению культурных контактов, межкультурному общению, сближению народов.

В России есть территории, которые очень сложно поддаются процессам культурной глобализации в силу своей удаленности от принятых центров культуры. К таким территориям несомненно можно отнести и Сибирь, частично сохранившую традиционный уклад жизни, размеренность бытия, близость к природе. Однако и сюда проникают новые веяния, культурные инновации и феномены. Речь идет об улично-площадном театре, который есть «...разновидность универсального языка культуры, особая форма театральной знаковой системы, вид зрелища, относящийся к самым древним видам театрального искусства, сохраняющий архаические черты обрядово-ритуальных действ, связанных... с явлениями календарного цикла, часто без разделения на зрителей и исполнителей, но с соблюдением основных законов драматургии... и общением со зрительской аудиторией на языке абсолютно новых символов и понятий, рожденных третьим тысячелетием»¹.

Улично-площадной театр относится к одним из самых древних видов театральной деятельности. Начиная с обрядово-ритуальных действ, связанных с циклической темой умирания и обновления природы еще в XVIII веке до н.э. в Древнем Египте, он постоянно видоизменяется и мимикрирует: от религиозного (Египетские мистерии и ранняя ателлана у осков) до оппозиционного (греческие флиаки и славянские скоморохи), от развлекательного (средневековые гистрионы и фигляры) до созерцательного (современный анималистический и релаксационный), от политического (агитационный и

«театр улиц» Мейерхольда) до коммерческого (fire-show и «ходулисты» на свадьбах и корпоративных праздниках).

Улично-площадной театр с известной долей уверенности можно отнести к представителям экзогенной теории культурной диффузии, объясняющей возникновение различных культурных феноменов как взаимосвязанных, вытекающих из временных и культурных континуумов и имеющих некий центр, точку отсчета. Такой точкой отсчета автор считает Древний Египет: еще Геродот подробно описал «...праздники и мистерии древних египтян, связанные с культом Озириса, получившим широкое распространение в Египте и в античном мире»². Связь Египетских мистерий с древнегреческими мистериями и представлениями подтверждается фактом применения масок, которые «...использовались на Востоке, например, в мистериях египетской религии... Возможно, там греки и усвоили этот обычай еще во II тыс. до н.э.»³.

Подробно рассмотреть историю развития улично-площадного театра ввиду ограниченности объема статьи не представляется возможным, но фактов дальнейшей эволюции уличных театральных представлений предостаточно: из Древней Греции уличный театр перекочевал в Древний Рим, а затем и в Средневековую Европу и даже в Древнюю Русь (искусство скоморошьяго театра)... Из чего можно сделать заключение о его проникновении и успешной деятельности практически на всей территории Европы и Евразии. Вся многовековая история уличного театра говорит о том, что он не просто интересен народу – он социально значим, современен и актуален, мгновенно откликается на все происходящее вокруг, демократичен и доступен любому зрителю, сочетает в себе гражданский пафос, мягкий юмор и едкую сатиру, что позволяет ему «говорить» с любым народом на одном языке.

Именно улично-площадной театр, по мнению автора, как культурное достижение разных временных вех и цивилизаций может стать одним из способов трансляции и ретрансляции межкультурной толерантности как «...стремления достичь взаимного понимания и согласованности... путем диалога и сотрудничества»⁴.

Поскольку Сибирь не относится к территории, на которой улично-площадной театр развивается последовательно и плодотворно (уличные театры здесь есть, но они находятся в самой начальной стадии формирования и развития), то одним из видов актуализации деятельности уличных театров может стать фестиваль как наиболее мобильная и динамичная форма отражения существования уличного искусства в условиях современной культуры провинциальных сибирских городов. В современной культурной

практике эта форма является живой творческой лабораторией, приспособившей как традиционные улично-площадные театральные конфигурации («ходулисты»), цирк, музыкальная эксцентрика, перформанистика, fire-show и т.д.), так и новые, высокотехнологичные направления (air, flash mob, ростовые куклы и др.), затрагивающие проблемы межкультурной коммуникации, решающие задачи не только аудиовизуальной презентации художественного творчества, но и использования социальных, культурных и коммуникативных технологий и методов, с помощью которых возможно содействие формированию межкультурной толерантности россиян в целом и сибиряков в частности.

Примечания:

1. Павлов А. Ю. Модели развития улично-площадного театра Западной Сибири // Омский научный вестник (ОмГТУ). №1 (85), 2010. С. 223.
2. Античные авторы // <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000054/st054.shtml>
3. Пантелеев А. Д. Маска в религиозной жизни древней Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Выпуск 14. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 267.
4. Иконникова С. Н., Большакова В. П. Теория культуры. СПб.: Питер, 2008. С. 341.

Н. В. Павлова

Омск, Государственный историко-краеведческий музей

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Во второй половине XIX в. в России благодаря военной реформе, происходят события изменившие положение армии в обществе. В представлении общественности армия рассматривалась как преобразователь знаний, нравственных ценностей, культуры¹, а офицеры – «носители идеи военной чести, представители войска как особого сословия в государстве»², к ним относились как к элите общества. Офицеры были примером многосторонней образованности, чему во многом способствовала их научно-исследовательская деятельность. Ко 2 половине XIX в. относится наибольшее число достижений военных в области науки: истории, географии, медицины и др. Часто военные были первыми исследователями, имеющими научные знания, побывавшими в отдаленных уголках России.

Одним из способов научной деятельности военных является научно-просветительская деятельность, одной из её форм – книжное дело. Книга в этот период, как отмечает М. Н. Куфаев «делается громадного значения социальным явлением»³. Благодаря научной деятельности российских офицеров во 2 половине XIX в. в России получили развитие такие направления, как военная история, публицистика и журналистика. Именно в этот период повышается роль изданий научной тематики, учебных и справочных пособий, исторической литературы, военно-научных трудов. С 1850-х расширяется научно-исследовательская деятельность военных в Сибири, связанная с открытием научных обществ (Императорское Русское Географическое Общество и его сибирские отделы, медицинские общества и др.), членами которых были военные. Увеличивается выпуск отчетов об экспедициях, экскурсиях, наблюдениях и медицинских исследованиях. Данные статьи были ориентированы на узкий круг специалистов и содержали географические описания, природно-климатические особенности сибирского региона, результаты бальнеологических, санитарно-статистических и других исследований⁴. С открытием музеев и библиотек публикуются их каталоги, списки коллекций. Так, в 1884 г. создается комиссия «для приведения в точную известность Западно-Сибирского музея и составления каталога»⁵.

Одним из важных моментов книжного дела является пропаганда и доведение книги до читателей, что осуществлялось посредством библиотек. Во 2 половине XIX-начале XX вв. в Сибири библиотеки формировались при воинских соединениях, научных обществах, военных учебных заведениях. Библиотеки имелись в воинских собраниях, при военных ведомствах. Одной из лучших библиотек Сибирского региона являлась библиотека Омской военной гимназии. В 1892 г. фонд библиотеки включал учебники по основным предметам, литературные сочинения зарубежных и отечественных авторов, периодические издания и насчитывал примерно 42 тысячи экземпляров. Библиотеки в регионе, наряду с учебными заведениями и научными обществами, играли большую роль в научной и культурной жизни населения. Они способствовали распространению грамотности, осуществляли знакомство с достижениями в различных областях знаний.

Во 2 половине XIX-начале XX вв. на территории Сибири появляются новые краевые музеи в Тюмени, Томске, Омске и других городах, которые открывались при научных обществах, учебных заведениях, городских самоуправлениях, статских комитетах. В конце XIX века в Сибири насчитывалось 19 музеев комплексного профиля. Военные принимают деятельное участие в организации и работе сибирских музеев. Так М. В. Певцов был основателем музея ЗСОИРГО, составлял коллекционные описи, изготовлял таксидермические скульптуры. Благодаря активной деятельности военных сибирские музеи пополняются ценными сведениями, целым рядом ботанических и зоологических коллекций. Базой для успешного осуществления научно-просветительской работы в музеях являлись разнообразные экспозиции. Кроме того, иногда для популяризации научных знаний о крае, для пропаганды фондовых материалов устраивались специальные выставки. Так в 1896 г. в Омске работала выставка экспонатов музея в здании Войскового Хозяйственного Правления Сибирского казачьего войска, предназначавшихся для отправки на Всероссийскую Нижегородскую промышленно-художественную выставку⁷. Музеи Сибири активно участвовали и в международных выставках. Наиболее распространенной формой научно-просветительской деятельности того времени являлись публичные лекции и экскурсии как наиболее доступная и доходчивая форма. Так, в 1859 г. военный врач Н. И. Кашин прочитал цикл лекций о медицине, а в 1900-1902 гг. по предложению военного врача М. О. Шайкевича Омское медицинское общество совместно с ЗСОИРГО организовало публичные лекции, которые «... представляли частью чтений, частью устный рассказ и сопровождалась демонстрацией многочисленных рисунков..., с применением ... волшебного фонаря, макро- и микроскопических и химических опытов»⁸.

Таким образом, научно-просветительская деятельность военных оказала влияние на распространение знаний о крае среди общественности через написание научных статей и книг, функционирование библиотек и музеев, проведение лекций и экскурсий.

Примечания:

1. Галкин. Новый путь современного офицера. СПб.: Военная Типография, 1907; Положение офицеров. СПб, 1898.
2. Энциклопедический словарь. Том XXIIа. СПб.: Типо-Лит. И. А. Ефрона, 1897. С. 487.
3. Куфаев М. Н. История русской книги. Л., 1927. С. 8.
4. Кашин Н. И. Зоб и кретинизм в Нерчинском округе // Вестник Русского Географического общества 1857. Ч 19. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857; Он же. Сведения распространении зоба и кретинизма в пределах Рос. империи. М., 1862; Кириллов Н. В. О климате Нерчинска. Чита, 1896; Кокосов В. Я. Дарасунские мин. воды и грязи. 1895; Он же. Акша. 1902; Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки ЗСОИРГО. Кн. 5. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1883.
5. Протокол заседаний ЗСОИРГО // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1885. Кн. 7. Вып. 2. С. 7, 22.
6. Степной край. 3 марта 1896. №17. Омск, 1896. С. 1
7. Юбилейный сборник ЗСОИРГО. Омск. Тип. Окр. Штаба, 1902. С. 177.

К РОДОСЛОВНОЙ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА

При подготовке к публикации рукописи известного генеалога В. В. Голубцова «Пермский некрополь»¹ я обнаружила в ней знакомую фамилию Ядринцевых². Это заинтересовало меня, и я стала выяснять, как эта фамилия связана с фамилией знаменитого в Сибири общественного деятеля, публициста, исследователя Сибири и Монголии, археолога и этнографа Н. М. Ядринцева.

В начале XIX века в новый губернский центр Пермь³ стали съезжаться купцы и мещане из разных городов России в надежде на лучшую жизнь и социальное продвижение. В начале XIX века в Пермь приехали два брата Яков и Григорий Антиповичи Ядринцевы. Откуда они прибыли, выяснить не удалось. Яков был женат, а Григорий холост. В 1814 году умер Григорий Антипович и был похоронен на кладбище Архиерейского дома, которое уже в 30-х гг. XIX века стало привилегированным. В 1836 году скончался Яков Антипович, а в 1841 году умерла его жена Татьяна Кондратьевна и была похоронена рядом с мужем на новом Егошихинском кладбище Перми⁴. Их надгробия были сделаны не из дерева, так как сохранились до 90-х гг. XIX века, когда В. В. Голубцов обследовал кладбища Перми. Деревянные надгробия 10-30-х гг. без подновления не сохранились бы до 90-х гг. XIX века.

Что же заставило Ядринцевых перебраться в Пермь? В Пермском архиве за 1823 год хранится «Дело о вступлении купцов 3-й гильдии и торгующих мещан во 2 гильдию»⁵. В этом деле Ядринцевых нет, но очевидно и Ядринцевы надеялись на повышение своего социального статуса. Видимо, Яков Антипович не мог еще изменить свой статус, а его сын Михаил был молод. Когда же Михаил стал старше, то они уже оба думали об этом и в Сибирь Михаил приехал, числясь пермским купцом.

Михаил Яковлевич, отец Н. М. Ядринцева, был «небогатый сначала пермский купец, ещё до рождения своего сына приехавший в Сибирь на службу» в управление делами откупщика, золотопромышленника Ивана Фёдоровича Базилевского (1791-1876)⁶.

«М. Я. Ядринцев с юношеских лет читал всё, что попадалось под руку в далёкой Перми... Несмотря на отсутствие воспитания, он был

любопытным и постоянно читал... С ранней молодости он любил книги, которые в детстве были его страстью... Позднее у него была библиотека. Все тогдашние журналы он выписывал и читал, но у него, конечно, не было такого образования, которое научает делать выбор лучших произведений»⁷. Он женился на Февронии Васильевне, бывшей крепостной одного из орловских помещиков»⁸.

Здесь они прожили четыре года. «Родители Ядринцева были для своего времени люди... развитые, имели значительный достаток и вращались в лучшем провинциальном обществе. Близкое знакомство с декабристом бароном В. И. Штенгелем имело самые благотворные последствия: он развил в Ядринцеве-отце любовь к литературе и просвещению, поэтому он и не щадил средств, чтобы дать детям солидное воспитание»¹⁰.

Михаил Яковлевич, по словам своего сына, был «человек строгой честности и дела»¹¹. «В бумагах отца я нашёл записки и заметки из которых видно было, как он тяготился своей обязанностью, насколько она расходилась с его нравственными убеждениями»¹². Разговаривая с сыном, он говорил: «Ну, Николай, если умру - живи честно; не советую, однако, заниматься тем, чем занимался отец твой... С этой целью он старался дать образование нам и тщательно следил за моими успехами. Он назначил меня в университет»¹³.

В 1851 году семья Ядринцевых переехала в Томск, где «Николай был отдан в частный пансион для подготовки в гимназию. Здесь он овладел французским языком, а осенью поступил в 3-ий класс Томской гимназии»¹⁴.

Осенью 1858 года в Томске умер М. Я. Ядринцев¹⁵. «Сам по натуре он был личность честная. Ни один хозяйский грош, при миллионных оборотах, у него не пропадал. Получая порядочное жалование, он оставил ничтожное имущество, и мать получила субсидию после его смерти от хозяина И. Ф. Базилевского на воспитание детей»¹⁶.

Н. М. Ядринцев выполнил завет отца. «Он посвятил себя всецело нуждам и интересам Сибири, избрав ещё в молодости своей целью широкое исследование вопросов сибирской истории и современного экономического и нравственно-общественного быта... создав весьма ценные труды по бытовому изучению Сибири, а также по обстоятельной разработке вопросов сибирской общественной жизни и народного хозяйства»¹⁷.

Подводя итоги, следует сказать, что упомянутые в «Пермском некрополе» В. В. Голубцова Яков Антипович и Татьяна Кондратьевна были дедом и бабушкой Н. М. Ядринцева.

Примечания:

1. Голубцов В. В. Пермский некрополь / Вступительная статья и примечания к и. н. Л. С. Рафиенко. Пермь, 2002. 177 с.
2. Там же. С. 111.
3. Губернский город Пермь был построен в 80-х гг. XVIII века. В 1781 г. при открытии Пермского наместничества наместник Е. П. Кашкин выбрал место для строительства губернского центра на месте Егошихинского медеплавильного завода на берегу реки Камы.
4. Голубцов В. В. Указ. соч. С. 111.
5. Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). Ф. 512, оп. 1, д. 207.
6. Лемке М. К. Н. М. Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894-7Л/1-1904 гг.), СПб., 1904. С. 1.
7. Там же. С. 1-2.
7. Вибе П. П. Великий патриот Сибири // Первые Ядринские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева (1842-1894). Омск, 2012. С. 31.
8. Хроника жизни и творчества Н. М. Ядринцева // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 39.
9. Глинский Б. Б. Н. М. Ядринцев. Биографический очерк. М., 1895. С. 1.
10. Лемке М. К. Указ. соч. С. 1.
11. Там же. С. 2.
12. Там же. С. 3.
13. Хроника жизни и творчества Н. М. Ядринцева // Литературное наследство. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 393.
14. Там же.
15. Лемке М. К. Указ. соч. С. 2.
16. Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц. Вып. 14, 1894 // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М., 1992, ТТ. 2-3. С. 458.

Е. К. Рахимов

Алматы, Казахский Национальный университет им. аль-Фараби

КАЗАХИ СИБИРИ В ТРУДАХ Н. М. ЯДРИНЦЕВА И Г. Н. ПОТАНИНА

Выдающийся деятель сибирской истории, просветитель Г. Н. Потанин с детства проникся культурой казахского народа, прекрасно знал самобытный характер и нрав степняков. Несомненно, на формирование гуманистического отношения Г. Н. Потанина к казахам влияние оказала дружба со знаменитым казахским ученым Ч. Ч. Валихановым.

Вообще, Г. Н. Потанин уделял большое внимание просвещению народов Сибири, всячески поддерживая приобщение их к русской и мировой культуре, достижениям человечества, знаниям и образованию. «Русификаторским мерам в отношении сибирских инородцев нужно положить конец. На инородческих территориях должны быть основаны правительственные школы с преподаванием на инородческом языке; особенное внимание должно быть обращено на распространение образования инородческих женщин. Для крупных народностей, для казахов и бурят, должны быть основаны гимназии с преподаванием на родном для детей языке», — пишет Г. Н. Потанин в статье «Нужды Сибири», тем самым подвергая критике политику империи в Сибири¹.

Несомненно, к народам Сибири Г. Н. Потанин относил и казахов. Как меткий наблюдатель он замечает, что «казахи народ живой, здоровый, жаждущий жизни; они любят веселье, в костюме любят яркие цвета, в жизни — праздники. Поминки по умершим у этого народа превращаются в продолжительные и грандиозные торжества с играми, скачками, песнями, состязаниями, исполнением песен и лирическим творчеством. Состязания в артистическом искусстве и нарядах воспитывают, может быть, в казахах некоторую долю тщеславия, что делает их похожими на французов. Подобно афинянам, казахи необычайно любят новости (хабары); это страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью»². Казахская тематика присутствует во многих работах выдающего сибиряка. В избранный трехтомник его работ вошли лучшие статьи и отрывки из трудов ученого. Так, Г. Н. Потанин предстает перед нами как крупный знаток и популяризатор культуры и быта казахского народа.

Идеолог сибирского областничества Н. М. Ядринцев также был знаком с Ч. Ч. Валихановым, что позволило ему написать воспоминания о Чокане³. Казахская тема не основная в его работах, поэтому казахов Сибири Н. М. Ядринцев касался в общем контексте инородцев Сибири. В своей работе, описывая народы Сибири, в том числе и казахов, говорит о влиянии «инородной культуры, обычаев и языка» на русскоязычное население региона. Н. М. Ядринцев считал, что повседневное общение с казахами не проходило бесследно и для русского населения: «Заимствование инородной культуры, обычаев и языка русскими на востоке составляет несомненный факт»⁴. Русские крестьяне осваивали опыт скотоводческого хозяйства казахов – содержание скота на подножном корму в зимних условиях, крестьяне пользовались опытом казахов-скотоводов в выборе удобных зимовок, взаимовлияние русского и казахского населения проявлялось и в материальной культуре.

О взаимовлиянии культур также пишет Г. Н. Потанин: «Казахский язык не только не пренебрегается, но считается разговорным; казахские обычаи также многие усвоены: так, например, казаки охотно пьют кумыс и едят конину... Все окрестные казахи сделали много заимствований из русской жизни и даже многие живут в землянках, по крайней мере в зимнее время, а казаки здешние, в свою очередь, подчиняются сильному влиянию киргизов, следуют в одежде их модам и в домашней жизни предпочитают киргизский язык своему»⁵. Налицо факт культурной диффузии: казаков и казахов роднит Сибирь, ее природные и культурные параметры.

Наблюдения Н. М. Ядринцева выявляют удивительный симбиоз культур: «Не меньше русские подверглись инородческому влиянию, например, в Западной Сибири, на границе Киргизской степи, где казаки мало того что перешли местами к скотоводству, но проникают даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являются в города совершенно окиргизившиеся»⁶.

Записи Н. М. Ядринцева доказывают, что сибирские казаки и казахи Сибири культурно взаимовлияют друг на друга: «Казачье войско в Сибири издавна пришло в столкновение с казахами, калмыками и другими инородцами, населявшими степь. Помесь и сношения, происходившие между русским населением и инородцами, дали себя почувствовать как в типе, языке, одежде и обычаях, так отчасти и в формировании интеллигенции. На окраинах войска и по линиям казаки почти утратили свой язык и постоянно разговаривают по-казахски. Постоянно общаясь с казахами, они ввели этот язык даже в свой домашний обиход. Казаки заимствовали у казахов и обычаи; не говоря уже о простых казаках, которые любят по-восточному, ездят

верхом по-казахски, казачьи офицеры и одеваются по-казахски, и меблируют комнаты а-ля казах»⁷.

Таким образом, тема сибирских казахов нашла свое отражение в трудах Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Однако требуется дальнейшая разработка данного вопроса в рамках изучения историографии казаховедения в Сибири.

Примечания:

1. Потанин Г. Н. Избранные произведения: в 3 т. Павлодар, ЭКО, 2005.
2. Там же.
3. Ядринцев Н. М. Биографические сведения о Ч.Валиханове // Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1904.
4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в этнографическом и географическом отношении. СПб., 1882. С. 32.
5. Потанин Г. Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. Т. XIX. СПб., 1861. 250 с. С. 6-7.
6. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и семейное положение. СПб., 1891. 455 с. С. 199.
7. Там же.

К СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОГРАММ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В АГЛОМЕРАЦИЯХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В МО «город-курорт Сочи», охватывающем более 140 км Черноморского побережья Кавказа, по переписи 2010 г. проживало 343,3 тыс. человек, представляющие 112 этносов. По этнической структуре район не имеет принципиальных отличий от населения Краснодарского края. В то же время прослеживаются и существенные отличия в динамике этнодемографических процессов, наложившие отпечаток на проводимый курс сохранения историко-культурного и природного наследия. Обратимся к основным тенденциям изменения численности населения агломерации, состоящий из г. Сочи, городского поселения (Красная Поляна) и 73 сельских населенных пунктов.

Динамика изменения численности городского населения.
МО «город-курорт Сочи». 1887-2012 гг. (тыс. чел.)

	1887	1916	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2012
агломерация	0,1	13	44	71	127	245	292	361	397	421	438
город			15	50	82	203	246	3158	329	343	360

Тенденция I. Согласно историографическим данным статус городского поселения Сочи приобрел 01.05.1898 г.; города, – в 1917 г. Начало *урбанизации* относится к середине 1930-х гг. Этнодемографические процессы на всех этапах истории были детерминированы государственными программами развития рекреационного потенциала района. Стоит особо отметить, что выявление и сохранение объектов историко-культурного наследия в эти программы не входили. Исключением является краткий период создания инфраструктуры Зимней Олимпиады 2014 г. Собственно, число археологических объектов, уничтоженных за три пика модернизации экономики курортной зоны (1930-е гг., 1970-ые гг., 2010-2014 гг.), трудно представить.

Тенденция II. Половозрастная и этническая структура городского населения стабилизировалась только к 1970-м гг. исключительно за счет привлечения трудовых мигрантов. За последние 70 лет численность населения увеличилась более чем в 20 раз. В связи с этим доля семей, проживающих в агломерации на протяжении трех и более поколений, теоретически не превышает 10%. Поэтому, для подавляющего числа жителей г. Сочи объекты историко-культурного наследия XIX века не связаны с историей их семей.

Тенденция III. Характер межэтнического взаимодействия с конца XIX века определялся формированием славянского этнического ядра. Автохтонное население побережья (убыхи, абадзехи) к концу XIX в. эмигрировало. Незначительная часть оставшихся этнических групп (шапсуги) существенного воздействия на систему межэтнических отношений в течение всего XX в. не оказывала. Начиная с 1920-х гг. сохранение моноэтнических сообществ мигрантов (амшенских армян, украинцев, молдаван, греков и др.) стало возможным только в сельской местности. В этой связи выявленные объекты историко-культурного наследия, как правило, не имеют отношения к этнической истории.

Прогнозируется три сценария развития этнодемографической ситуации. Первый связан с сокращением численности этнических меньшинств, представляющих «традиционные» для побережья анклавов. Второй – ориентирован на формирования «новых» (для населения города) этнических анклавов из числа трудовых мигрантов с Северного Кавказа. Третий сценарий связан с предположением, что в системе межэтнических отношений доминирующим окажется «внешний» фактор. Речь идет о формировании качественно «новой» системы взаимодействия между пограничными субъектами РФ и зарубежными странами (Грузией, Абхазией, Осетией, Турцией), уже представленными в экономической инфраструктуре города «своими» диаспорами». В случае дальнейшего ухудшения международной обстановки Черноморское побережье может принять еще несколько волн миграции.

Все три сценария необходимо учитывать при определении стратегии сохранения памятников историко-культурного и природного наследия, системного решения проявляющихся экологических и национальных проблем. Необходимость перехода к новой экологической парадигме, формирования установок направленных на формирование «цивилизационной памяти» определяет и проблему выбора адекватных социальных технологий. Объединение усилий специалистов РАН, высшей школы и общественных организаций для достижения этой цели под прямым контролем региональных органов власти не имеет ясной перспективы. В краевых и

областных управлениях по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) нет ни финансовых, ни кадровых ресурсов даже для организации мониторинга состояния историко-культурных объектов. Например, в Краснодарском крае на 20 специалистов управления возложены функции государственной охраны более чем 16,8 тыс. памятников истории и культуры. На уровне муниципальных образований эти функции возложены на 1-2 специалистов мэрий.

Выход прослеживается в формировании на муниципальном уровне долгосрочных программ сохранения природного историко-культурного наследия, координирующих деятельность максимально широко спектра социальных институтов и специалистов. В агломерации Большого Сочи такая программа уже сформирована силами специалистов Сочинского научного центра РАН и городского отделения Русского географического общества при поддержке депутатов Городского собрания и мэрии. Формат программы адаптирован к проектам ПРООН/ГЭФ, а структура приведена в соответствии с рабочими планами 25 научно-прикладных и общественных проектов, реализуемых в границах агломерации. Это придает программе определенную устойчивость, перспективу включения инициативных проектов; формирует условия для интеграции в региональные и федеральные программы, составление заявок на получение внебюджетного финансирования.

Н. А. Седельникова

Тара, Тарский филиал Омского государственного педагогического университета

РОЛЬ РАЙОННЫХ КРАЕВЕДОВ В ПРОПАГАНДЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ИДЕЙ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Известный представитель «золотого десятилетия» в российском краеведении Н. П. Анциферов писал, что краеведы – это люди, соединенные в вольные дружины культурных работников, призванные историей, чтобы содействовать подъему богатых, но дремлющих сил народа¹. Именно такой волей, упорством, инициативностью и желанием максимальной отдачи в воспитании патриотизма, уважения к памяти своих предков, гордости за прошлое, стремления сохранить исторические памятники культуры соединили в себе черты особой личности, которым является краевед.

Кто такой краевед сегодня? Это историк, до некоторой степени философ, осмысливающий события прошлых лет с точки зрения сегодняшнего дня, осознающий связь времен, как непрекращающуюся эстафету поколений. Это гражданин, подвижник, бескорыстно исследующий историю края, в котором он живёт². Неоценимую роль для сохранения и пропаганды краеведческих знаний имеют люди старшего поколения, которые, пройдя путь становления и развития краеведческих знаний на различных этапах и в различные хронологические периоды, осознают значение высокого духовного потенциала для развития культуры.

Районная газета является непосредственно предметом передачи пропаганды краеведческих знаний и идей сохранения культурного наследия, трансляторами которых являются краеведы старших поколений. При наличии в районе только одного печатного издания, естественно, краевед становится одним из активнейших внештатных корреспондентов газеты. Анатолий Ионович Юрьев более 40 лет как внештатный корреспондент, сотрудничал с районной газетой «Ленинский путь», в настоящее время «Тарское Прииртышье». В своих заметках, статьях автор считал своим долгом поделиться с читателями газеты своими мыслями, проблемами, воспроизвести историю своего родного края, которую любит безмерно. Его творческий рост отразился в исторических очерках «Град Тарский»³,

«Заиртышская сторона», «Порубежный город», позднее изданные отдельной книгой, покорили читателей простотой изложения, истинной любовью к родному краю, его историческими корнями. Они и некоторые другие материалы, опубликованные в районной и областной печати, явились серьёзной попыткой осмыслить и систематизировать историю города и Тарского Прииртышья, связать воедино события, наиболее значимые и определяющие ход развития края. «Знание прошлого необходимо для того, чтобы мы научились думать исторически. Ведь именно на основании знания истории развивается наша умственная, интеллектуальная культура»⁴. В своих работах краевед ведёт не сухое перечисление исторических лет и событий, а воссоздаёт историческую картину Тарского Прииртышья, в которой чувствуется личное присутствие автора, многочисленные встречи с людьми.

Фомина Раиса Афанасьевна из села Корсина Колосовского района своей исследовательской деятельностью по истории села является образцом для ребят. Переписка с теми людьми, судьбы которых связаны с с. Корсино, собирательная работа в архиве г. Тары приобщает к практике собирания и хранения документов, исторических памятников в селе.

Активный краевед Большереченского района Владимир Нестерович Цыбулин. 4 марта 1985 года Владимир Нестерович пишет обращение к жителям совхоза Дзержинский (с. Такмык), в нем он просит принять активное участие всех жителей в создании совхозного музея, приносить все, что касается истории и развития сел и деревень совхоза Дзержинский с момента их создания и по сегодняшний день. Его многие не поддержали в намерении создать совхозный музей, но Цыбулин не отчаивался и продолжал собирать материал о с. Такмык. Вместе с В. Н. Цыбулиным ведёт свою работу Левкина Римма Андреевна. В 1995 году уходит на пенсию, но на этом ее краеведческая деятельность не заканчивается. Она входит в каждый дом, собирает все, что касается села Такмык и не только его. Например, в 1990 году она написала статьи в газете «Иртышская правда»: «В день Победы – нежный и туманный», «Жизнь и судьба Анны Никифоровны»; в 1991 – «Такмыкские сюжеты», «На муромской дорожке...» (статья о жительнице села Такмык Анне Андреевне Казанцевой) и другие. В статье «Такмыкские каникулы» от 15 декабря 2002 года, посвященной 140-летию школы и 320-летию Такмыка, она пишет: «... Я не вправе давать оценки событиям прошлых лет, я только констатирую факты». О теме же своих очерков говорит так: «Интересует меня все, что составляет жизнь моего села Такмык...».

Были и люди, для которых сотрудничество с районной газетой носило эпизодический характер, но всё же вместе они внесли существенный вклад в изучение богатейшей истории края. Это Василий Петрович Тимошенко,

Николай Иванович Краснов, Константин Иванович Шабалин, Анатолий Константинович Фомин, Юрий Дмитриченко, музейеды Анна Иванова Любашенко, Людмила Алексеевна Вандышева, Анастасия Алексеевна Ляшук.

Деятельность краеведов многогранна, у нее огромная роль в пропаганде краеведческого знания и идей сохранения культурного наследия Среднего Прииртышья. Работа, проделанная ими за все эти годы, очень важна для настоящего и будущего поколения и для людей любящих и заботящихся о своем родном крае, для развития школьного и библиотечного краеведения. История, памятники – многозначающие черты нашего дома, жизни, стирать и искажать их не позволяют такие люди, как краеведы.

Примечания:

1. Анциферов Н. П. Краеведение как историко-культурное явление // Известия ЦБК. 1927. №3. С.85.
2. Шахов В. В. Роль газеты «Тарское Прииртышье» в истории краеведения // Проблемы сохранения исторического наследия Тарского Прииртышья: Материалы историко-краевед. конференции, посв. памяти А. В. Ваганова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 129-134.
3. Юрьев А. И. Град Тарский: исторические очерки. Омск: Литограф, 1998. 95 с.
4. Шахов В. Живое дыхание времени // Юрьев А. И. Град Тарский: исторические очерки. Омск: Литограф, 1998. С. 2-3.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ДОСУГА В ГОРОДЕ ОМСКЕ

В настоящее время индустрия досуга получила развитие во многих странах мира, не обошла стороной Россию и Омск как город с более чем миллионным населением. Предприятия индустрии досуга, как субъекты организации досуга населения, обладают не только экономическим, но и огромным социально-культурным потенциалом. Официальным признанием этого стал документ, подписанный Президентом РФ В. В. Путиным 24 декабря 2014 г., «Основы государственной культурной политики», в котором, в частности, даются определения понятиям «культурная деятельность», «творческие индустрии»: «Творческие *индустрии*» – компании, организации и объединения, производящие экономические ценности в процессе творческой деятельности, а также деятельность по капитализации культурных продуктов и их представлению на рынке. К сфере творческих *индустрий* относятся: промышленный дизайн и *индустрия* моды, музыкальная *индустрия* и *индустрия* кино, телевидение и производство компьютерных игр, галерейный бизнес, издательский бизнес и книготорговля, рекламное производство и средства массовой информации»¹. Отметим, что в данном абзаце термин «*индустрии*» используется пять (!) раз.

Индустрия досуга располагается на стыке понятий «культурная деятельность» и «творческие индустрии». Подробное определение индустрии досуга содержится в энциклопедии по культурологии, где индустрия досуга рассматривается как одно из основных направлений и проявлений современной массовой культуры.² Индустрия досуга включает в себя множество видов (и подвидов), в их числе источники называют индустрию развлечений, индустрию праздника, шоу-индустрию, парковую индустрию, индустрию семейного досуга, игровую индустрию, компьютерную индустрию, музыкальную индустрию, индустрию танца, индустрию кинопроизводства и кинопроката, индустрию туризма, индустрию рыболовства, индустрию красоты и моды, индустрию спорта, фитнес-индустрию, торгово-досуговую индустрию и др.

Практически все из перечисленных видов индустрий получили развитие и в Омске. Современными лидерами, активно развивающими спектр

предложений по досугу, отдыху и развлечениям, на наш взгляд, являются такие учреждения, предприятия и организации Омска, как «Парк культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ», Омская филармония, культурный центр «Атриум-кино», киноцентры «Галактика» и «Вавилон», клуб «Атлантида», ночной клуб «Ангар», сеть фитнес-клубов ENERGY ZONE, «Дворец торговли и семейного отдыха «Континент», торговый центр МЕГА и др.

В настоящее время развитие индустрии досуга сопровождается целым рядом проблем и противоречий, требующих ответа на вопросы. Каким образом координировать и интегрировать развитие учреждений, предприятий и организаций, составляющих досуговый кластер? Какова модель оптимальной инфраструктуры индустрии досуга в государстве, регионе, на территории конкретного муниципального образования? Каким образом совмещать такие критерии эффективности досуговых мероприятий и работы учреждений и организаций как доходность и прибыльность с критериями просвещенности, нравственности, социальной значимости? Как обеспечить доступность и качество услуг досуговых индустрий для населения с низкими доходами? Какую роль в подготовке профессионалов для отрасли и в их дальнейшем трудоустройстве должны играть органы управления культурой, государственные и муниципальные учреждения и частные коммерческие предприятия в регионе? Кто и как должен вести подготовку кадров для индустрии досуга, какими компетенциями должен обладать профессионал, на каких условиях должна осуществляться учебная и производственная практика студентов в муниципальных и частных организациях?

Поиску ответов на эти и другие вопросы были посвящены первый (в 2013 г.) и второй (2015 г.) научно-практические семинары, проведенные кафедрой социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского на тему «Развитие досуговых индустрий в Западно-Сибирском регионе». Соорганизаторами стали: Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева, Департамент культуры Администрации города Омска. В семинарах приняли участие преподаватели вузов, руководители и специалисты учреждений культуры, студенты, магистранты, аспиранты, научные работники из Барнаула, Иркутска, Исилюкля, Казани, Кемерово, Москвы, Омска, Санкт-Петербурга, Сургута, Томска, Тюмени, Чебоксар, Челябинска Ханты-Мансийска, а также коллеги из зарубежных стран: Германии, Португалии, Таджикистана, Украины. Семинар явился способом интеграции научного сообщества ученых и практиков; позволил генерировать идеи, заложить основы для подготовки и написания современных монографий и учебных пособий. На секциях семинара были

рассмотрены многочисленные вопросы, связанные с изучением проблем и тенденций развития индустрии в Омске и других российских регионах: модернизация инфраструктуры досуга в процессе формирования гуманистических ценностей молодежи; индустрия ролевых игр «живого действия»; фестивали улично-площадных театров как способ инкультурации современного общества; специфика экономики индустрии досуга; студенческое кино в структуре современной индустрии досуга и др. Полагаем, что дальнейшее развитие индустрии досуга, с одной стороны, будет обусловлено разрешением тех проблем, которые смогли быть проявленными и осознанными на текущий момент времени, с другой стороны, зависеть от действующих нормативно-правовых и социально-экономических факторов.

Примечания:

1. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 года «Основы государственной культурной политики». URL: <http://base.garant.ru/70828330/>
2. Массовая культура // Энциклопедия культурологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/504/МАССОВАЯ

М. А. Смирнова

Архангельск, Северный государственный медицинский университет

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПОРТОВОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА)

Архангельск – город в устье Северной Двины, впадающей в Белое море. Основан по указу Ивана IV Грозного в 1584 г. С первых дней своего существования и свыше последующих 120 лет был единственным русским международным портом. Современная площадь города – около 295 кв. км, проживает здесь чуть более 350 тысяч населения, среди которых можно насчитать свыше 30 национальностей. В современном Архангельске нет особо выделенных территорий для проживания нерусского населения, но так было не всегда. Формирование городского пространства началось с небольшой площади на мысе Пур-наволоок, где с XIV в. обитал древний Михайло-Архангельский монастырь. Монахи не смогли противостоять решению воевод об устройстве рядом порта, хотя это соседство было неудобно для них. Воеводы руководствовались стратегическими задачами – поставив «одним годом» Архангельский город вокруг Архангельского монастыря за тридцать верст от моря, они заняли самое удобное для обороны место, где можно было заранее увидеть возможных врагов, шедших со стороны моря любым руслом. Выше Пур-наволока деления реки на русла и протоки уже не было. Уже в 1585 г. к новому порту пришли первые голландские корабли, а в 1587 г. царской грамотой все иноземные торги с берегов Белого и Баренцева морей, из Холмогор были официально переведены к Архангельскому городу. Гостиные дворы к этому времени были возведены из дерева, состояли из двух частей – Русский и Немецкий. При этом этнических немцев здесь в это время не было.

Крупные пожары несколько раз уничтожали город, но он снова отстраивался и расширялся. Введение в 1667 г. Новоторгового устава способствовало привлечению купцов, тем более что иноземцам торговать разрешалось только в Архангельске. Гостиные дворы были отстроены в камне (1668–1684), рядом с Немецким двором стала формироваться Немецкая слобода, где селились иностранцы. Иностранцы устраивали свои жилища похожими на свои традиционные. Около их усадеб появились зеленые насаждения.

Потом Петр I перевел все торговые дома на Балтику, Архангельск стать пустеть, но Екатерина II пригласила на свободные торговые площади своих соотечественников. Уже в XVII в. в городе появились реформатская кальвинистская (1674), а затем и лютеранская кирха святой Екатерины (1680-е), объединенные после очередного пожара в Архангельский евангелический приход (1817). В 1853 построили две англиканских церкви, в 1890 – синагогу, в 1898 – католический костел, в 1905 – мечеть. Все они имели традиционные черты храмов своих конфессий. До наших дней сохранились лишь здание англиканской церкви святого Георга, конечно, видоизмененное, т.к. не используется по назначению, и кирха святой Екатерины, воссозданная в камне еще до революции, много раз перестроенная после крупных городских пожаров и превращенная сейчас в органный зал.

Церковные здания всегда привлекали внимание непривычностью архитектуры, но и обычная жилая застройка в Архангельске была интересна. Купцы, как российские, так и иностранные, имели средства для устройства каменных зданий, но деревянные строения все же были преобладающими. Архитектурными украшениями городские жители не увлекались, это было нецелесообразно в условиях повышенной влажности из-за близости моря. Но улицы города не выглядели унылыми. Большинство фасадных домов, особенно в центральных кварталах, имели застекленные эркеры разнообразной формы, остроконечные башенки с ажурными решетками и флюгерами на них; на второй этаж обычно вела крутая лестница, похожая на трап торгового корабля, закрытая не только легкой стеной-переборкой, но и плавно изогнутой крышей, чтобы не продавило зимой снегопадами. Такие дома архитекторы называют «дом-корабль» и их было много.

Самым благоустроенным районом считалась Немецкая слобода. Иностранцы вдоль набережной в своей части города устроили бульвар, где могли гулять все желающие, до сих пор это любимое место отдыха горожан, хотя состав древесных пород уже обновлялся. В XIX в. в центральной части города появились скверы и парки.

Архангелогородцы любили природу, реку, набережную, приходили сюда посмотреть на ледоход весной или покататься на лодках летом, или прогуляться по бульвару в хорошую погоду. Зимой набережная пустела из-за холодного ветра, закрывался и архангельский базар, расположенный на набережной в торговой части города. Здесь почти не было жилых домов, все пространство занимали магазины, лавки, причалы, склады, монастырские подворья и храмы. А жилые дома располагались на следующих от набережной проспектах и на улицах, что тянулись от реки в сторону Обводного канала, осушавшего город.

Архангельск – портовый город, где проживали представители разных национальностей. Иногда на зимовку оставались команды судов, не успевшие уйти вовремя из порта. Наличие большого количества иностранцев даже в зимнее время было обычным явлением. Но они не чувствовали себя дискомфортно, так как могли найти в Архангельске черты привычного быта – церкви, винные погребки, своих соотечественников, с которыми можно было скоротать длинные вечера.

Современный Архангельск тоже многонационален, хотя порт уже мало влияет на этот процесс. Уважая традиции других народов, Архангельск ежегодно проводит массовые праздники и фестивали, связанные с национальными обычаями своих жителей (Дни национальной кухни, Сабантуй, индийские ярмарки и др.).

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИСЧЕЗНУВШИХ ДЕРЕВЕНЬ КОЛОСОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Работа публикуется при поддержке РФФИ Проекта № НР 15-46-04028/15

Сегодня в условиях разработки новых методологических практик и активного введения в научный оборот новых источников возрастает внимание и интерес к сельской истории. Особенно интересным нам видится вопрос истории исчезнувших деревень. При изучении данного вопроса появляется возможность обратиться к нетрадиционным источникам исторического знания, к которым относятся, в т.ч., воспоминания (материалы «устной истории»). Их основным преимуществом можно считать то, что они позволяют увидеть происходящие процессы со стороны самого участника. Это особенно ценно, поскольку очевидцы уходят из жизни, а вместе с этим исчезает возможность целостно, всесторонне изучить историю государства в целом и отдельного района как его частицы. В данной публикации рассмотрим потенциал воспоминаний как исторического источника.

Процесс заселения русскими современной территории Омской области начался с основания города Тары в 1594 году. Но, что касаясь датировки первых поселений на рассматриваемой территории, то учёные и краеведы расходятся во мнениях. Во-многом, это объясняется тем, что до сегодняшнего дня остаётся дискуссионным вопрос о том, что считать датой основания селения.

Проанализировав группу воспоминаний бывших жителей исчезнувших деревень Колосовского района, можно выделить пять блоков информации, которую они дают исследователю:

- данные об образовании селений и их внешнем облике,
- данные о хозяйственной жизни селений в советский период,
- данные о жизни селений в годы Великой Отечественной войны,
- данные о повседневной жизни жителей деревень,
- данные о причинах исчезновения деревень.

Приведём несколько примеров. М. И. Адов, бывший житель деревни Кильбет, вспоминает: «Отец говорил, что Кильбет образовался в 1929 году. Приехал Строкин Никита из деревни Калигаевской Большеуковского района, с ним ещё восемь семей родни. Здесь до этого проживали в двух местах семьи татарские, жили они в землянках. Татары отселились за болото, а на их землях поселились Строкины с роднёй...»¹.

Рассматриваемый нами источник даёт также важную и интересную информацию о развитии деревень в советский период. О жизни деревни Баженово вспоминает бывшая жительница Д. В. Смольникова: «В 1936 году мы переехали в Баженово из деревни Ориково Большеуковского района. Дом раскатали и перевезли в Баженово. Отец стал работать на разных работах: возил сливки в Строкино раз в сутки и сторожил. Мать тоже работала на разных работах. Возле деревни земли было мало, поэтому на покос отправляли на отруб. На лугу возле деревни Квашино убирали сено замужние женщины, молодёжь вместе с дедами отправлялись на покос возле деревни Некрасово...»².

Материалы «устной истории» дают исследователю немало интересных фактов из повседневной жизни селян. Так, Алымов А. Е., бывший житель деревни Годеново, вспоминает следующее: «... праздник был у деревни – Новый год, когда в клуб собиралась вся деревня и даже из округи. В то время у каждого села был свой праздник»³.

Одно из ключевых мест в воспоминаниях жителей закономерно занимают воспоминания о жизни деревень в годы Великой Отечественной войны. М. Носков, бывший житель деревни Носково, вспоминает: «Вокруг всё росло, двигалось, дышало, и вдруг страшная весть – война. Горе пришло в каждую семью... Но жизнь продолжалась, нужно было работать на колхозных полях. Работали в те годы от зари до зари. Почти всех лошадей забрали на фронт. На уборке урожая запрягали даже коров. Вручную вязали снопы, по ночам складывали их в скирды, а зимой уже молотили. Не было в те годы у нас выходных. Во время посевной и уборочной люди практически не жили дома. Бывало, что по месяцу не возвращались в деревню. Жили мы без света и радио. Большинство ходили босиком. Колхоз выделял невыделанные кожи, чтобы колхозники могли сшить себе чарки (обувь - прим. автора)»⁴.

Особо ценными, на наш взгляд, являются воспоминания, которые связаны с проблемой исчезновения деревень. Это объясняется тем, что они дают возможность увидеть процесс исчезновения деревень не с позиций государственной власти, а с позиции самих жителей, увидеть их действия и переживания.

Н. Г. Суворова

Омск, Государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

КАТЕГОРИИ «СИБИРЯК» И «СИБИРСКИЙ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках госзадания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014-2016 гг., проект № 2619.

Со второй половины XIX в. и местное сельское население, и прибывающие в Сибирь переселенцы становятся участниками новых государственных и общественных проектов. С одной стороны, согласно идеологии так называемого «внутреннего империализма» крестьяне-переселенцы должны были превратить «чужую» землю в «русскую», «сделать физиономию Сибири русской», а с другой, областники рассматривали сибирское пространство как место развития новой «сибирской нации»¹. Конструирование новых идентичностей, точнее переход от локальных, сословных к национальным и территориальным (сделать крестьянина русским или сделать крестьянина сибиряком) предполагает активное включение населения в пространство письменной культуры. Научное освоение окраинных регионов, многочисленные этнографические, статистические экспедиции, публикации, в том числе и специальные для сельского населения должны были подтолкнуть местных жителей к рефлексии на тему собственной этничности, а также предлагали готовые клише-номинации. Волость с обязательным письменным делопроизводством являлась мощнейшим каналом административной официальной информации, а со временем и неофициальной (нелегальной). Во второй половине XIX в. в волостные правления помимо делопроизводственных документов от вышестоящих органов идет все увеличивающийся поток периодической литературы, всевозможных анкет и «вопросных листов». Крестьянские начальники контролировали и рекомендовали «правильные» издания, оберегали от «противоправительственных» материалов². До сибирских волостных правлений «добрались» самые различные издания и, прежде всего, специальные издания для крестьян-переселенцев, в которых особым «крестьянским языком» ученые и чиновники описывали

Об исчезновении деревни Годеново А. Е. Алымов рассказывает следующее: «В деревне были не только клуб, магазин, но и контора, ФАП, школа. В школе было четыре класса... Вскоре учительницу перевели, а школу закрыли, поэтому село начало разъезжаться с 1961 года. Последними уехали лесник Быков и Алымовы»³. Крапивин Н. видит причину исчезновения деревни Годеново в другом: планы, поставленные перед колхозом, в силу их нереальности, были заранее обречены на провал. Поэтому деревня стала неперспективной⁵.

Таким образом, подводя итоги, следует сказать, что воспоминания – это один из интересных нетрадиционных источников исторического знания. Этот источник даёт исследователю возможность увидеть происходящие процессы «изнутри», с позиций очевидцев и участников. Это позволяет, в конечном счёте, комплексно подойти к изучаемым событиям.

Примечания:

1. Воспоминания Адова М. И. Хранятся в Колосовской детской библиотеке.
2. Воспоминания Смольниковой Д. В. Хранятся в Колосовской детской библиотеке.
3. Щелыгина С. Комаров была - тьма тьмушая // Вымпел [Колосовка]. 1999. 16 окт. С. 3.
4. Носков М. В Пеньково жили Носковы // Вымпел [Колосовка]. 2000. 19 июля. С. 3.
5. Крапивин Н. Девчата валенки кидали // Вымпел [Колосовка]. 1991. 17 января. С. 3.

сибирскую действительность в рамках заданной перспективы: или «обрусения», или «осибирачивания»³.

Не менее важным фактором, влияющим на консолидацию сельского сообщества, был массовый приток переселенцев и изменение практики размещения ссыльных (приселение и причисление). В отношении переселенцев старожильское общество обладало большими правами, оно могло самостоятельно принимать решение о причислении переселенцев. В случае приселения к старожильской волости переселенцы были обязаны получать разрешение в виде приемных приговоров. Принимая переселенцев, старожилы не только наделяли их землей, но и включали в податную общность, беря на себя ответственность за исправную выплату податей и повинностей. Наблюдатели основу конфликта между старожилами и новоселами видели не только в узкохозяйственных проблемах перераспределения угодий, но в столкновении «в корне различных порядков землепользования», например, великорусской общины (у русских, вятчей, пермяков) и белорусского, польского подворного владения⁴. Возникающее же «ненавидство», усиленное традиционными фобиями по отношению к чужому, стало проявляться в самых разнообразных сферах деятельности крестьянского общества, в общинных практиках.

Массовый характер переселений конца XIX-начала XX вв. предполагал формирование однородных групп переселенцев еще на этапе выдворения. Столкновение хозяйственных, бытовых интересов старожилов и переселенцев на этом этапе усугублялось их «разнородностью» в этническом и конфессиональном отношениях. Хозяйственные конфликты, «ссоры, разрастающиеся до взаимных побоищ, разорения изб и других бесчинств» высвечивали характерные особенности не вполне сложившегося сибирского старожильского общества и активно формирующегося переселенческого. Однако, даже осознавая усугубление конфликтности, местным властям было предписано переселенцев нерусского происхождения водворять на одних участках с лицами русского происхождения⁵. Идеи образцовых или лютеранских колоний, самостоятельных этнических, конфессиональных или даже сословных локальных сообществ и административно-территориальных единиц постепенно уступают место идее интегрированного, унифицированного общеимперского и общегражданского пространства.

Положение «прибылых душ» в общине значилось в качестве самостоятельного вопроса практически во всех анкетах. Исследователей интересовали, прежде всего, социально-экономические параметры нового хозяйства: места выдворения, время причисления, размеры хозяйства и средств, состав семьи⁶. При этом национальные, конфессиональные характеристики

переселенцев и их влияние на взаимоотношения со старожилами, скорость и прочность водворения возникают уже не на уровне статистических обзоров, а при системном, поволостном описании. Фиксируя историю формирования поселков, исследователи впервые отмечали не только сословные характеристики новоселов, но и «этнографические слагаемые». Новизна предпринимаемых попыток отражалась в отсутствии каких-либо устоявшихся и однозначных классификаторов и использованию тех этнонимов, которые использовались самим населением. Этнические характеристики колонизаторов включали их способности к адаптации на новых местах, хозяйственную и бытовую восприимчивость, общинные навыки⁷. В материалах по Тобольской губернии как преобладающая и ассимилирующая этнографическая группа старожильского населения указывались сибиряки («исконные» или «коренные»). Группы переселенцев, «утрачивающих свои этнические и хозяйственные черты» конструировались, преимущественно, как этнотерриториальные (гродненские поляки, курские хохлы, казанские черемисы), или конфессиональные (католики, «которые затрудняются себя отнести к полякам или белорусам», лютеране, включавшие остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев). В конце XIX в. классификации «российских переселенцев» усложняются: «водворенные переселенцы», «переселенцы, ожидающие водворения», «крестьяне старожилы из переселенцев», «новоселы», «новоприбывшие домохозяева»⁸. Их «русскость» носит тоже носит территориальный характер: «переселенцы из русских губерний», «переселенцы-великоруссы», «переселенцы из коренной России». Через противопоставление хозяйственных особенностей (сибирская колесуха, сибирская порода скота, завтракают по-сибирски, сибирский распорядок работ – русские сохи, русские рогальхи) наблюдатели приходят к противопоставлению «сибиряка» и новоселов-переселенцев. Справочные и периодические издания для российских крестьян конца XIX-начала XX в., исходя из задачи показать специфику Сибири, последовательно акцентируют внимание на особенности хозяйства и быта сибиряков в условиях сибирского климата. В официальных изданиях, представляя «старых сибирских крестьян», их отделяют от переселенцев временем прибытия и местом развития хозяйства⁹. Данное деление носит временный характер и преодолевается административными мерами причисления или зачисления в волостное общество¹⁰.

Развивая традиции областников, большое внимание специфике сибиряков уделяют авторы народнического направления¹¹. Используя преимущественно социально-экономические категории и классификации населения («бедняки», «батраки», «кулаки»; «бездомовные», «без скота», «без

земли», «без посева»), авторы, сострада «россейцам», описывают сибирского крестьянина как уже социально чуждого (а не просто территориально отдаленного или этнокультурно иного) крестьянской среде. Крестьянин с землей, «сибиряк» приобретает дополнительные негативные социальные характеристики: «чистокровный стяжатель», «хищный, отвратительный тип»¹². Национально-конфессиональный дискурс для данных авторов становится вторым планом социальному, народническому образу российского переселенца, колонизатора. Изменения ракурса наблюдения было вызвано неожиданным и достаточно болезненным осознанием проблем интеграции российского крестьянства в старожильское общество, опасением «осиби-рячивания» или утраты русскости.

В это время характерно использование в качестве однопорядковых понятий: «русский крестьянин» и «коренной крестьянин»-старожил (причем номинация «старожил» имеет расширенный характер, т.к. распространяется не только на русских крестьян, но и укоренившихся колонистов)¹³. При этом «старожилами» называют вне зависимости от этнического критерия и правового статуса не только давно проживающих русских крестьян в Сибири, но и, например, лютеранских колонистов («оседлого общества колонии старожилов»). Нерусское население определяется через этнические группы (киргизы, башкиры, евреи) либо через сословную принадлежность – «инородец», либо преодолевая сословность обобщенно – «туземное население»¹⁴. Важно отметить, что характерная для первой половины XIX в. номинация «сибирский инородец», сохраняясь в правовом пространстве, в делопроизводственном языке рождает новое устойчивое противопоставление: «инородцы» – «сибирские крестьяне»¹⁵. Наиболее часто встречаемая оппозиция: «крестьяне сельского общества»; «крестьяне русских волостей»; «сельские обыватели Сибири»¹⁶ и «обитатели из инородцев», «ино-родцы», «сибирские киргизы», «киргизские общества»; «кочующие ино-родцы» и «оседлые инородцы»; «инородцы Сибири»; «инородцы остяцкого происхождения»¹⁷.

Вторую половину XIX-начало XX в. можно охарактеризовать как неза-вершенный этап формирования надлокальных территориальных идентич-ностей сельского населения: «русский» и «сибиряк».

Примечания:

1. Ремнев А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 15 – 28.

2. ГУИсА (Государственное учреждение Исторический архив Омской области). Ф. 20. Циркуляры, постановления, предписания, прошения, списки Акмолинского

губернатора, Омского уездного начальника 1-го участка Омского уезда... Оп. 1. Д. 103. 81, 153, 175.

3. Сибирь. Вып. 1. Справочное издание Переселенческого управления МВД. СПб., 1911; Описание Тобольского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб., 1911; Сельский вестник: Сборник статей «Сельского вестника» о Сибири и переселенцах «Сведения о Сибири» СПб., 1897.

4. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской гу-бернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое опи-сание 100 поселков. М., 1895. С. 19, 36, 46.

5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 391. Оп. 2. Д. 48. По записке Степного генерал-губернатора о ходе переселенческого дела во вверенном ему крае, 1897. Л. 9.

6. Алексеев В.В. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. Ч. 1. СПб., 1905.

7. Суворова Н.Г. Этнографическая выставка В.Л. Дедлова: новый образ рос-сийского переселенца на сибирской окраине // Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика. М., 2008. С. 189 – 199.

8. ГУИсА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106. Приговоры Любомировского, Ярмоксеевского, Весело-Рощинского сельских сходов... 1910. Л. 11; ГУИсА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 5. Айлинский участок. Административные дела, 1897. Л. 2, 20, 55.

9. Сибирь. Вып. 1. Справочное издание Переселенческого управления МВД. СПб., 1911. С. 3.

10. РГИА Ф. 391. Оп. 3. Д. 1464. О возложении обязанностей крестьянских на-чальников на заведующих водворением в степных переселенческих районах, 1908. Л. 8 – 11.

11. Успенский Г.И. Поездки к переселенцам // Сочинения Глеба Успенского: в 3-х т. СПб., 1891. Т. 3; Остафьев В. Переселенцы в Сибири: очерк устройства переселенцев в Сибири в Тобольской и Томской губерниях на казенных землях и статистические данные их экономического, хозяйственного роста // Юридический вестник. 1891. Год двадцать третий (третьего десятилетия). Том VIII. Книга первая и вторая. № 5 – 6. Май - Июнь. С. 111 – 137; Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 38 – 78.

12. Марусин С. В степях и предгорьях Алтая. Шатуны// Вестник Европы. 1895. Кн. 9. С. 323.

13. ГУИсА Ф. 3. Оп. 8. Д. 14452. По предложению генерал-губернатора ЗС во-енному губернатору Акмолинской области о собрании сведений о ссыльных, посе-ленных в лютеранской колонии, 1877. Л. 43 – 53.

14. ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. 129. Оп.1. Д.93. Переписка Глядянского волостного правления с крестьянскими начальниками 2-го участка Курганского уезда и тобольским губернатором, 1899. Л. 246.

15. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 19. Д. 790. Об открытии в Омске Управления государственных имуществ, 1884. Л. 8.

16. Новомбергский Н.Я. По Сибири: сб. статей по крестьянскому праву, народ-ному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 1.

17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 790. Об открытии в Омске Управления государствен-ных имуществ, 1884. Л. 13.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Современный город является объектом исследования множества наук, в том числе и лингвистической направленности. Лингвистов привлекает языковая жизнь города во всем ее разнообразии. В русском языкознании научная проблема «язык города» имеет давнюю традицию, а сейчас спектр лингвоурбанистических исследований расширился многократно. Так, Ю. Степанов, анализируя русскую речь Одессы, отмечает, что «успешно изучаются отдельные аспекты русской ГР: фонетические особенности, использование диалектной лексики в речи горожан, функционирование социолектов, городское фразеотворчество, топонимикон и эргонимикон городов, речевые портреты горожан...»¹. Омск также выступает в качестве объекта урбанистических исследований^{1,2}.

Работа над грантовым проектом «Общекультурный ландшафт Павлодара как энциклопедическое явление» в настоящее время обусловила наш научный интерес к проблемам лингвистической урбанистики, и с этой точки зрения опыт российских исследователей в этой области (в том числе и исследования лингвокультурной жизни Омска) весьма ценен для нас. Следует отметить, что в казахстанской лингвистике успехи лингвоурбанистики скромнее, исследования в области языковой жизни городов разрознены. Во многом это можно объяснить ее билингвистическим состоянием, что влечет за собой необходимость в целях полного описания языковых и коммуникативных пространств казахстанских городов обращаться к функционирующим в них наиболее крупным лингвокультурным системам, а именно – казахской и русской.

В данном докладе мы остановимся на проблеме формирования языкового пространства города как одном из аспектов нашего исследования.

Одно из пониманий языкового пространства определяет его как некую объективную «форму существования языка», зафиксированного в устных и письменных произведениях горожан, т.е. в языковом материале. Его сущностными свойствами считаются коммуникативность и антропоцентричность. Мы указали бы еще такие его признаки, как неоднородность и комплексность. Неоднородность языкового пространства связана с особенностями его формирования, о чем пишет Б. Шарифуллин, выделяющий в

нем «четыре основных компонента, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой: (1) Типы городской речи; (2) Устные и письменные жанры речевого общения в городе, формирующие его речевое пространство; (3) Тексты городской среды: городская реклама (например, щитовая), вывески-эмпоронимы (торговых и иных предприятий), письменные объявления, плакаты, листовки, ценники в магазинах и пр.; (4) Ономастическое пространство города как важнейшая часть его семиотического образа в языковом сознании как горожан, так и приезжающих в данный город³. Следовательно, изучение языкового пространства Павлодара (заметим, никогда ранее не выступавшего объектом научного исследования) предполагает обращение к вышеназванным компонентам, что, в свою очередь, определяет и предметы наших дальнейших научных изысканий.

Комплексный характер языкового пространства города проявляется в «возможности реализации всех остальных видов пространств (субпространств), таких как номинативное и коммуникативное, семиотическое, ономастическое и др.»⁴.

Формирование языкового пространства города, указывают ученые, подчиняется двум принципам, пространственному и антропоцентрическому³. В первом случае анализируется отражение в языковом, точнее, ономастическом сознании горожан пространственной организации города. Антропоцентричность языкового пространства связана с высокой степенью значимости для человека района именно его проживания.

Таким образом, изучение языковых пространств городов требует обращения к ряду важных явлений: тексты городской среды, отражение в них организации ономастического пространства, языковое и ономастическое сознание горожан и т.д. В наших исследованиях мы исходим из того, что изучение языкового пространства Павлодара является частью исследований его общекультурного ландшафта. При этом главнейшим вопросом исследования языкового пространства как такового и павлодарского пространства в частности становится вопрос о его компонентах и принципах их классификации.

Примечания:

1. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы. Автореф. дисс... доктора филол. наук. Киев, 2013. 46 с.

2. Юнаковская А. А. «Язык города» как лингвистическая проблема. ФИЛОЛОГО-ГИЯ. Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 3. С. 193-197.

3. Шарифуллин, Б. Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города: материалы Международной научно-практической конференции. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007.

4. Позднякова Е.Ю. Языковое пространство г. Барнаула (на материале русской народно-разговорной речи граждан). Дисс... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 303 с.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Присоединение Сибири для Московского царства оказалось мощнейшим катализатором практически во всех точках своего развития, в том числе и науки. Эта земля и имеющиеся на ней природные богатства позволили царю стать на одну ступеньку с будущими европейскими империями и вести более смелую, агрессивную политику. Н. М. Ядринцев в своей монографии «Сибирь как колония...» приводит слова сенатора Корнилова: «Сибирь, сие богатое и обширнейшее достояние России, приобретенное на заре побед наших и славы, в век великого Иоанна IV, представляет собою такую картину, которая всегда восхитит истинного патриота... ибо Сибирь со своими сокровищами, своим богатством по всем трем царствам природы, со времени приобретения имела и будет иметь всегда важное для России влияние, как на коммерцию, так и на внешние и внутренние обороты оной»¹.

Россия стала стремительно открывать огромный, практически неведомый для себя край. Путешественники, купцы, чиновники и военные сообщали поражающие сведения о бескрайних сибирских просторах, об огромных реках, изобильных рабой, лесах, переполненных дичью, о проживающих за Уральскими горами народах и т.д. Царской власти было необходимо объяснить всему остальному миру, почему эти все богатства вдруг стали принадлежать Москве. Эта задача была с блеском выполнена, благодаря трудам отечественных историков В. Н. Татищева, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и т.д. Сибирь была вплетена в историю Российского государства и стала его неотъемлемой частью. Основной мотив присоединения оказался предельно прост: присовокупление Сибири к России спасло аборигенов от голодной смерти и приобщило их к благам цивилизации, вытащило из кровавого язычества к святыням христианства.

Н. М. Ядринцев писал по этому поводу следующее: «На севере Азии, в прежних пустынях, где бродили звероловы и кочевые племена, положены начала культуры, возникла европейская гражданственность, которая должна будет явиться источником цивилизации и просвещения для остальной Азии и соседнего Китая»².

Места для дорусской истории этого края в «Историях государства Российского» просто не было. Сибирским государственным образованиям при таком подходе практически не было места, поэтому и показаны они были аморфными, не имеющими определенной территории, населения административного деления и управления. Не находим мы описания сибирских государственных образований и в работах Н. М. Ядринцева. Как и многих других ученых, дорусская история Сибири его не волновала. «Судьба инородцев в Сибири до сих пор весьма мало заслуживала внимания, а роль их в истории восточной окраины, так же как настоящее и будущее их в гражданской жизни страны, остается весьма мало выясненной. Несмотря на то, что Сибирь была когда-то более инородческой колонией, чем ныне, что она, так сказать пестрела инородческим людом и племенами, судьбе этих племен мало уделялось внимания, единственною нашей задачею в истории было вытеснение этих племен и приобретение над ними господства. Задача эта ныне выполнена»³.

Первым отходом от такой трактовки сибирской истории стала позиция Г. Ф. Миллера. Он на одном из заседаний Российской Академии наук показал истинную сущность похода Ермака и цену, которую заплатили сибирские народы за «приобщение к цивилизации». Г. Ф. Миллер написал достаточно правдивую историю покорения Сибири, за что обвинялся российским научным сообществом в том, что излагал историю России так, что «во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию служить может, а именно: как их многократно разбивали в сражениях, где грабежом, огнем и мечом пустошили и у царей их сокровища грабили»⁴. М. В. Ломоносов призывал «о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать»⁵.

Только в XIX в. историки-сибиреведы Н. М. Ядринцев, С. К. Патканов, П. Н. Буцинский получили возможность описать истинное положение дел. Показать, что в результате присоединения Западной Сибири к Российскому государству численность аборигенного населения сократилась в десятки раз, с огромных территорий коренные жители края были изгнаны, насильно обращены в православие и т.д. «Огромное население на юге Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло без следа»⁶.

Народы Западной Сибири оказались по своему состоянию на том же уровне, как и население английских или французских колоний. «...еще более изумительную картину представляет уменьшение в числе, отступление от культуры и обеднение сибирских оседлых татар в Тобольском, Тарском и других округах. Эти татары были до половины прошлого столетия

богатым сословием Сибири, они были оседлы, имели земли и угодья, купленные и жалованные, занимались торговлей и обладали капиталами. Быт их в настоящее же время совершенно нищенский, они лишились земель, представляют полудикое несчастное население, почти сплошной пролетариат. ... за ними в Тобольской губернии считалось 480.234 р. безнадежных недоимок»⁷.

Но даже учитывая такое, не совсем корректное отношение официальной власти к сибирской истории, можно привести целый список выдающихся ученых — Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Г. Георги, Д. Г. Мессершмидта, Н. М. Ядринцева, Р. Г. Скрынникова, З. Я. Бояршиновой, С. В. Бахрушина,

Л. Р. Кызласова, которые многое сделали для освящения истории сибирских государств, их организации, систем управления, политической истории и т.д. Хади Атласи по этому поводу написал: «Мы с благодарностью склоняем голову перед каждым, кто был честен, кто послужил на пользу нашей истории, оказал ей неоценимую услугу, не дав пропасть, навсегда сгинуть в мрачной пропасти прошлых столетий, подобно татарским государствам, помог собрать воедино куски прошлого»⁸.

Многое в первых описаниях Сибири находится весьма далеко от истины. Это касается в первую очередь богатств края и его обитателей. На фоне сформировавшегося описания богатой природы встречаются скудные упоминания облика и планиграфии городов, торговых путей, культурного и хозяйственного облика населяющих Сибирь народов. Именно на основании путевых записей, а также немногочисленных летописных источников, в том числе вошедших в состав «Сибирских летописей», ученые писали свои «Истории Сибири», не задумываясь над тем, что эти дневники и описания часто сделаны спустя много лет после происходивших событий. Они описывали татарские города, приводили их рисунки, но в XVIII-XIX вв. не возникал вопрос о соответствии, например, рисунка Кызыл-Туры действительности, как и об историчности иллюстраций к «Ремезовской летописи». На этих рисунках, созданных в конце XVII века, мы впервые видим изображение города Искера с большим ханским дворцом и множеством иных строений⁹. Иногда использование рисунков этой летописи приводит к анекдотичным ситуациям. Так, в одном монографическом труде мы читаем: «Но то, что в средневековом Искере мечеть все же была, сомнений вызывать не должно. Косвенным подтверждением служит рисунок с ее изображением в Кызыл-Туре (!), помещенный в Ремезовской летописи»¹⁰. Очевидно, что С. У. Ремезов и другие авторы этих рисунков не были свидетелями самих описываемых событий, опирались лишь на устные рассказы и иные летописные тексты, в том числе и не дошедшие до

наших дней. Следовательно, иллюстрируя эти рассказы, они исходили как из своих идеальных представлений, так и окружающей их действительности второй половины XVII века, когда все татарские города уже были давно заброшены.

При критическом подходе к описанию путешественниками городов становится очевидно, что многое в описаниях вымышлено, представлено гипертрофированно или сознательно искажено. Причины этого явления весьма многообразны и исходили как из объективных, так и субъективных факторов. Многие авторы записок имели задание от государства, например, провести описания городов и... добросовестно писали о городах, которых давно уже не существовало. Например, И. П. Фальк, побывав на месте расположения Кызыл-Туры в 1771 г. (если он правильно определил ее местонахождение, так как этот город прекратил свое существование еще задолго до похода Ермака), писал, что видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома¹¹. Он не имел представлений об археологизации объектов, то есть разрушении рвов и валов, жилищ и нивелировании природой антропогенных нарушений и, вероятнее всего, собрал какие-то сведения о городе у местного населения, а на основании этого выдал определенный конструкт города. Поэтому вполне естественным оказалось то, что за время многолетних раскопок Кызыл-Туры омским археологом Е. М. Данченко ни одно из описаний каменных строений И. П. Фальком не подтвердилось¹².

Но даже эти данные, во многом противоречивые и не совсем достоверные, были изъяты из научного оборота на протяжении почти всего XX века. В результате многие аспекты предыдущих исследований оказались просто забыты и в настоящий момент необходимо воссоздавать их результаты или подвергать эти материалы серьезной ревизии. Такая ситуация, например, сложилась с изучением сибирских тюрко-татарских городов, когда приходится фактически заново заниматься их поиском (несмотря на имеющиеся описания путешественников и исследователей XVIII-XIX вв.) и их исследованиями.

Примечания:

1. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С-Петербург: Издание И. М. Сибирякова, 1892. С. 331.
2. Ядринцев Н. М. Указ. соч. С. 2.
3. Ядринцев Н. М. Указ. соч. С. 149.
4. Из заключения академиков Ломоносова, Крашенинникова, Попова по поводу выступления Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского» на торжественном заседании Российской Академии в 1749 году (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОЙ ОМСКОЙ
КРЕПОСТИ: О ЧЁМ РАССКАЗЫВАЕТ СТРАТИГРАФИЯ**

Работа выполнена по гранту РГНФ № 15-11-55005

Долгое время Первая Омская крепость, ставшая отправной точкой для развития города Омска, не исследовалась специалистами-археологами, что было связано с отсутствием общественного заказа и особенностями городской застройки на месте данного археологического объекта. Ситуация изменилась в 2013-2014 годах, когда совместная экспедиция Омского Филиала Института Археологии и Этнографии СО РАН и Омского государственного историко-краеведческого музея начала проводить первые научные изыскания на памятнике.

В контексте данных исследований определённый интерес представляет тот факт, что культурный слой, который исследователи относят ко времени существования крепости, залегал, судя по обнаруженным монетам XVIII века, на 170-200 см ниже современной поверхности земли. Такая глубина объясняется активной хозяйственной деятельностью жителей города в данном районе. После сноса Первой Омской крепости на её территории долгое время располагались жилые дома и государственные учреждения. Культурный слой на памятнике, на наш взгляд, требует пристального изучения, так как это позволит выявить основные этапы хозяйственной жизни на территории бывшей Первой Омской крепости, поможет понять, как со временем менялся культурно-исторический облик этой части города Омска.

В археологии взаимное расположение культурных слоев относительно друг друга называют стратиграфией, причём её изучение имеет критическую важность для датирования находок.

Из всех разведочных раскопов на территории крепости необходимо выделить два, где было обнаружено наибольшее количество археологических материалов. В данных шурфах можно очень хорошо различить границы слоёв (горизонтов), общее количество которых равно 10. Постараемся подробно проанализировать каждый из изученных горизонтов.

5. Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г. (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

6. Ядринцев Н. М. Указ. соч. С.152.

7. Ядринцев Н. М. Указ. соч. С.159.

8. Хади Атласи. История Сибири. Казань, 2005. С. 12.

9. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Сост. Ю. А. Пелевин. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и К°, 1880. С.16-18.

10. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 103.

11. Фальк И. П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб, 1824. Т. 6. С. 396.

12. Данченко Е. М. К изучению Кизыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2008. С. 221-224

Горизонт 1. Относится ко второй половине XX века и связан с созданием сквера им. Борцов Революции в 1967 году. Представляет собой чёрный гумус (чернозём), завезённый в рамках благоустройства территории. Находки на данном горизонте отсутствуют. Мощность слоя – 20-25 см.

Горизонт 2. Вероятнее всего, также имеет отношение к созданию сквера им. Борцов Революции, представляет собой глинисто-песчаный грунт, который использовали для выравнивания поверхности и основания под отсыпку чернозёма. В данном слое было обнаружено большое количество мусора 60-х годов XX века – фрагменты стеклянных бутылок, проволока, фрагменты металлических изделий. Мощность слоя – 20-30 см.

Горизонт 3. Относится к 40-50-м гг. XX века. Датируется многочисленными (около 20) находками монет 1937-1954 годов. Представляет собой гумус серого цвета с вкраплениями золы. В данном слое так же были обнаружены: винтовочные гильзы, которые, вероятно, использовались в качестве игрушек; фрагменты глиняной и стеклянной посуды, ключ, проволоочные гвозди. Мощность слоя – 15-20 см.

Горизонт 4. Относится, скорее всего, к 20-30-м гг. XX века. В этот период в Омске происходила перепланировка центральных улиц, старые здания сносились и разбирались, оставшийся после этого строительный мусор и обломки кирпичей массово встречаются в данном слое. Заполнение слоя – серый гумус с песком. На некоторых кирпичах сохранились строительные клейма. На этом горизонте в разных шурфах встречено сравнительно большое количество инструментов: напильник, топор, кайло, кованные и проволоочные гвозди. Мощность слоя – 10-20 см.

Горизонт 5. Представляет собой погребённую дневную поверхность начала XX века. Заполнение – серо-чёрный гумус. Находок в данном слое практически не обнаружено, при этом стоит отметить высокую плотность грунта. Мощность слоя – 10-20 см.

Горизонт 6. Слой, относящийся к концу XIX века. Датируется многочисленными находками стеклянных изделий с фабричными клеймами этого периода. Заполнение – серый гумус. Также в данном слое обнаружено большое количество костей животных, фрагменты глиняных сосудов. Мощность слоя – 15-30 см.

Горизонт 7. Относится к третьей четверти XIX века. Заполнение слоя – серо-жёлтая мешанина (гумус с глиной). Кроме большого количества фрагментов костей животных, глиняных сосудов, кирпичей на этом горизонте обнаружены точильные камни, кованные гвозди, фрагменты изделий из кожи, изделия из кости (набор для игры в бабки), глиняное грузило. Мощность слоя – 10-20 см.

Горизонт 8. Слой, который можно отнести к первой половине XIX века. Заполнение – коричневая органика (навоз) вперемешку с серым гумусом. Большое количество органики объясняется, вероятно, тем, что на местах разбивки шурфов проходила дорога в указанный период времени. Находки менее многочисленны, чем в соседних слоях, здесь обнаружены только фрагменты глиняной посуды, кости животных. Мощность слоя – 15-35 см.

Горизонт 9. Слой, который можно отнести к концу XVIII–началу XIX вв. Вероятнее всего, он образовался в ходе срытия Первой Омской Крепости. Заполнение – серо-чёрный гумус. На данном горизонте были обнаружены фрагменты глиняной посуды, кости животных, берестяные стельки, кованные гвозди. Мощность слоя – 20-40 см.

Горизонт 10. Слой, непосредственно относящийся к Омской крепости (1716–1780-е). Заполнение – серо-чёрный гумус. Этот горизонт, несмотря на его значительное повреждение в ходе строительных и хозяйственных работ в XX веке, оказался самым информативным. Слой датирован двумя монетами 1739 и 1777 годов, кроме них здесь были обнаружены: пушечное ядро, ножи-тесаки, стеклянная бусина, медная мундирная пуговица, фрагменты чернолощёных (техника лощения применялась до начала XIX века) глиняных сосудов. Слой нарушен прокладкой коммуникаций, его мощность колеблется от 10 до 70 см.

Данные исследования показывают, что несмотря на то, что в настоящее время большая часть территории Первой Омской крепости не перекрывается городской застройкой, в предыдущие временные периоды эта местность активно использовалась. На основании результатов нашего исследования мы можем выделить несколько основных этапов хозяйственно-культурной жизни этой части города: 1-й этап относится ко времени существования и разрушения Первой Омской крепости (XVIII век), это 10 и 9 горизонты. 2-й этап соотносится с существованием на данной территории городской застройки в рамках улиц Аптечной (сейчас – пр. Карла Маркса) и Томской (сейчас – Лермонтова) в XIX–начале XX века, это 8-й – 5-й горизонты. 3-й этап (1-й – 4-й горизонты) связан с перепланировкой города в XX веке и созданием мемориальной парковой зоны, которая сохранилась до наших дней. Таким образом, археологические исследования являются важным источником для понимания того, как менялся исторический облик Омска со времени его создания и до современности. Кроме того, до настоящего времени не сохранилось ни одного изображения и подробного описания Первой Омской крепости, и только археология способна в достаточной мере показать, с чего же начинался город в 1716 году, и какие этапы он проходил в своём развитии.

РУССКИЕ СИБИРЯКИ XVI-XIX ВВ: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Изучение периода Нового времени в Сибири (XVI-XIX вв.) с конца прошлого столетия вышло на новый уровень – к имеющимся письменным источникам добавился обширный археологический материал¹.

Однако комплексное применение этих видов источников для построения исторических реконструкций используют в основном археологи. В итоге полученные результаты позволяют более предметно взглянуть на различные аспекты жизнедеятельности русских сибиряков.

Примером в этом плане могут стать исследования г. Мангазеи, которые были начаты в 1970-х годах и продолжены, начиная с 2000 г. В вышедших монографиях и многочисленных статьях авторы рассматривают этапы формирования и функционирования города, включая в анализ письменные свидетельства и археологические материалы². В плане исследования других сибирских городов следует отметить работы, посвященные г. Томску и г. Таре³. В меньшей степени с точки зрения письменных источников изучены сельские поселения и их интеграция с данными археологии только начинается⁴. Стоит отметить, что к сожалению кроме работ в Омской области, проводимых автором, целенаправленно сельские комплексы русских археологическими методами почти не изучены. Хотя именно археологические исследования позволяют по-новому взглянуть на жизнь и быт сибирской деревни. Мы провели такие изыскания на одном из старейших сельских населенных пунктов юга Западной Сибири – д. Ананьино (Тарский район Омской области). Была предпринята попытка реконструкции системы жизнеобеспечения русских сибиряков в XVII-XVIII вв. на основе корреляции археологических и письменных источников. Архивные материалы позволили проследить историю появления и исчезновения этой деревни, охарактеризовать ее население, выявить основные хозяйственные занятия (размеры и виды пашни, сенокосные угодья, количество скота и состав стада у отдельных хозяев). Археологические материалы существенно дополняют эти сведения благодаря проведенным палеозоологическим, карпологическим исследованиям. Кроме того, анализ представительной коллекции артефактов, построение ландшафтной модели памятника, изучение

раскопанных построек и их графическая реконструкция позволили рассмотреть практически весь комплекс материальной культуры и выйти на реконструкцию элементов духовной культуры населения деревни Ананьино. Подобных комплексных исследований для изучения сельских поселений периода XVII-XVIII вв. в Сибири не проводилось.

Примечания:

1. Татаурова Л. В. и др. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI-XVIII веках (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Поллиграфист, 2014. 374 с.; Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. 204 с.; Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. -415 с.; Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. 440 с.; Культура русских в археологических исследованиях: междисциплин. методы и технологии. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.; Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. В 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. 320 с., Т. II. 184 с.

2. Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея: Мегазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Часть I. 169 с.; Белов М. И. и др. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. М.: Наука, 1981. Часть II. 147 с.; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург. Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.; Визгалов Г. П. и др. Мангазея: Кожаные Изделия (Материалы 2001-2007 гг.). Екатеринбург : Изд-во «Магеллан», 2011. 216 с.

3. Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII-XVIII в. Томск, 2002. 194 с.; Чёрная М. П. Русский город как новый символ в картине мира сибирского общества // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. №3 (19). С. 121-126.; Татауров С. Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 242-250. Алисов Д. А. и др. Тара в XVI-XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Омск: Амфора, 2014. 332 с.

4. Татаурова Л. В., Крих А. А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII-XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы, 2015. №37(3). С. 479-490

С. С. Тихонов

*Омск, Государственный университет,
Омский филиал Института этнографии и археологии СО РАН*

К ВОПРОСУ О МИКРОТОПОНИМИКЕ МАЛОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА И ГЛУБИНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЕГО НАСЕЛЕНИЯ (по материалам города Тары, Омская область)

Работа выполнена при поддержке ГРНФ, проект № 15-11-55005

Летом 2015 года в Таре был проведен сбор материалов по исторической микротопонимике. Размах работ был небольшой, скорее это была попытка выяснить ситуацию о перспективах работ в этом направлении. В результате были получены сведения о названиях названия некоторых районов Тары, логов в пойме Иртыша и на его террасе, а также о происхождении этих названий. Можно констатировать, что среди коренных тарчан еще есть лица, которые владеют этой информацией. Основные данные были получены от пяти человек. Один из них родился в 1930 году, три других - в середине-конце 1960, пятый в 1990 годах. Сведения, полученные от них, различались по полноте, были переданы информаторам людьми старшего поколения, и иногда не то чтобы противоречили друг другу, скорее, не согласовывались. Особенностью информации было и то, что представитель старшего поколения не знал некоторых названий, появившихся в 1960-1970 годы. Молодой информатор в микротопонимике был не совсем сведущ, хотя и в его ответах были интересные факты.

Приведу несколько примеров. Самый старший информатор подробно объяснил происхождение названия «Баннй лог», рассказал о месте, где находилась баня, давшее логу название, а также о ее владельце. Один из информаторов среднего поколения знал название лога, расположенного между Банным и улицей Зааркарской, не известное первому информатору.

Предположу, что название появилось после отъезда старшего информатора.

Близ улицы Зааркарской есть участок, где находятся огороды. Сейчас его называют Даманским вместо старого названия Милицейский остров. Очевидно, что название место получило после событий 1969 года. Возможно, что примерно в это же время появились названия «Первый мостик», «Второй мостик», «Старый пляж», «Старый водозабор».

© Тихонов С. С., 2015

Среди жителей Зааркарской улицы бытует название «Малая Тара», или «Нижняя Тара», неизвестное другим тарчанам. Молодое поколение жителей Тары чаще, чем другие, использует в названиях места расположения магазинов или других объектов.

Но перейдем к глубине исторической памяти населения. Даже немногочисленные сведения позволяют делать вывод, что микротопонимика малого города изменяется: появляются одни названия, исчезают другие. Скажем, не все тарчане могут назвать место, где находился Калашников мост. Изменения названий могут происходить на протяжении жизни одного-двух поколений, т.е. 25-50 лет. А старые топонимы сохраняются в памяти еще одного поколения. Т.е. глубина исторической памяти составляет 60-80 лет.

Это совпадает с материалами, полученными автором при изучении обстоятельств находки подсвечника танского времени (или его копии?), найденного на месте паромы в д. Крапивино Кемеровской области (хранится в краеведческом музее Новокузнецка). Появление нехарактерного для этой территории предмета, скорее всего, следует связывать с жившим до 1919 г. близ д. Калашино художника В. Д. Вучевича, в доме которого подобные были раритеты (Тихонов, 2012а; 2012б).

Изучая опубликованные материалы об обстоятельствах гибели художника в сентябре 1919 года с бытующими среди жителей старшего поколения, родившихся около 1930 года, преданиях, я убедился, что они более полно отражают это ужасное событие. Но среди жителей среднего и молодого поколения все более и более преобладающей становится классическая версия, опубликованная в изданиях научно-популярного и краеведческого характера. Крапивинцы, приехавшие в деревню в середине прошлого века или позже, этого предания практически не знают, так же как не знают они местные названия некоторых урочищ, или исторических частей деревни.

Предварительные выводы из вышеизложенного могут быть следующие:

- микротопонимика динамична и со временем может изменяться, поэтому в ней может быть несколько хронологических пластов;
- в некоторых случаях время бытования микротопонима – 1-2 поколения, хотя иногда микротопонимы могут бытовать и более длительный период времени;
- при смене населения, особенно если люди приехали издалека, старые топонимы могут исчезать.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ БУХАРСКОЙ
СЛОБОДЫ ТАРСКОЙ КРЕПОСТИ
(исторические районы и топонимы города Тары)

Работа выполнена при поддержке ГРНФ, проект № 15-11-55005

Одна из целей археологических исследований в Таре – изучение культуры населения первого русского города в Среднем Прииртышье. В 2009-2025 годах в нескольких раскопах на территории, когда-то занятой Тарской крепостью, были найдены остатки крепостных укреплений, жилые и хозяйственные постройки, многочисленные предметы быта тарчан XVII-XIX веков. За пределами крепости в разной степени были изучены Никольский собор, Тихвинская церковь, территория близ Спасской церкви. Материалы позволяют значительно расширить представления о многих аспектах культуры и быта жителей Тары.

Продолжение полевых археологических исследований может идти в нескольких направлениях: расширение раскопок на территории крепости, изучение тарского посада на горе и под горой, обследование площадей города, появившихся в XVIII-XIX веках. Возможно расширение тематики работ за счет выявления и исследований Бухарской слободы.

Известно, что в XIX–начале XX веков на территории между склоном коренной террасы и левым берегом Аркарки находилась мечеть, стояли дома купцов Айтикиных, избы татар. Это дает основание предположить, что если в районе улиц Успенской, Тарской, Береговой, Нерпинской жили татары, то там и находилась Бухарская слобода.

Однако, есть сведения, что в XVIII веке, по крайней мере в его первой половине, бухарцы жили на правом берегу Аркарки. Так, на листе «Чертеж земли Тарского города» в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова показан город Тара с окрестностями, и, напротив Тарского кремля, на правом берегу Аркарки отмечены шесть построек, ниже которых есть подпись «юрты приезжих бухарцев». На рисунке И. В. Люрсениуса (одного из художников в экспедиции Г. Ф. Миллера) в 1734 г. был изображен город Тара, причем некоторые здания имеют поясняющую подпись. И опять на правом

берегу Аркарки нарисованы дома. На плане Тары 1737 года на правом берегу Тары показаны постройки на правом берегу Аркарки ниже устья Третьей речки (ныне – Ржавец) и незастроенные, или уже не использовавшиеся территории. Наконец, на плане Тары 1747 года под номером 26 в экспликации обозначены татарские юрты, находившиеся на правом берегу Аркарки напротив крепости. Т.е. в четырех случаях на документах первой половины XVIII века на правом берегу Аркарки показаны жилые объекты, два раза они названы юртами татар или бухарцев.

Конечно, рисунок и планы выполнены без масштаба, без точных измерений расстояний, без соблюдения точных пропорций и т.д., но соотнести их с современными объектами можно. Итак, татарские юрты располагались почти напротив крепости, ниже Третьей речки и моста через Аркарку.

Границы Тарской крепости примерно известны: она занимала территорию современной пл. Ленина и земли между этой площадью и первой надпойменной террасой. Сейчас на правом берегу Аркарки в этом месте стоит 4 жилых дома к которым можно пройти, перейдя дамбу на речке, возведенную на месте бывшего моста. Эта территория, называемая «Зааркарка», находится ниже устья Ржавца, а от дамбы начинается дорога (Старая Екатериновская), которая ведет к переправе через Иртыш. На этой дороге когда-то стояла часовня. Возможна, эти мост и часовня указаны на чертеже С. У. Ремезова и плане 1747 года.

На плане 1747 года ниже моста показан лог, по обе стороны которого стоят дома. Сейчас ниже моста есть два лога: один называется Собачий, другой – Банный. Местность между дамбой и Собачьим логом – Зааркарка, а между Собачьим и Банным логами – Милицейский остров (назван так потому, что здесь стояли бараки, в которых жили милиционеры) или Даманский (сейчас здесь находятся огороды жителей Зааркарки). На плане 1737 года именно в этих местах находились используемые постройки (непонятно, жилые или хозяйственные). В конце XIX–начале XX веков здесь были конюшни, лесопилка. На другой стороне Банного лога находится Крутояр – высокое не затопляемое (или редко затопляемое) место.

Возможно, что в первые столетия существования Тары Бухарская слобода находилась где-то в районе Зааркарки, Милицейского острова или Крутояра. К этому месту вела дорога от места переправы через Иртыш в районе Екатериновки (Верхних юрт по Г. Ф. Миллеру). Если караваны шли этой дорогой, то им удобно было становиться в Зааркарке или на Милицейском острове (тогда надо было делать переход через Собачий лог, милиционеры делали здесь когда-то высокий мост), или же обходить Собачий лог в 300-400 м выше его устья. Если караваны становились на Крутояре, т.е. за

Банным логом, то обходить его пришлось бы в районе предполагаемого места, расположения часовни (1-1,5 км от устья), т.к. этот лог широк и полон воды. Возможно, что караваны останавливались еще ниже – в районе автодрома ДОСААФ (на плане Тары 1737 г. татарские юрты находятся в районе Казанской церкви), или даже, что менее вероятно, на месте старого водозабора и старого пляжа в устье Аркарки (в этом районе на плане 1747 года располагалась таможня). Но, во-первых, если караваны останавливались ближе к устью Иртыша, путь к крепости значительно увеличивается, или же были какие-то переправы через Аркарку. Во-вторых, это место в высокую воду затапливается, поэтому для стоянки оно не очень удобно. Можно предположить, что караванщики заходили в Бухарскую слободу по Старой екатерининской дороге, поскольку проход в слободу через крепость, со стороны речной террасы мог быть затруднен.

Естественно, высказанные предположения необходимо проверить на месте, заложив серию разведочных шурфов или небольших раскопов на правом берегу Аркарки.

И. В. Чернова

Омск, Государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ОДНОДВОРЦЕВ В МУРОМЦЕВСКОМ И ГОРЬКОВСКОМ РАЙОНАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-31-01018a1

К настоящему времени создан значительный исследовательский комплекс работ, посвященных истории заселения и адаптации однодворцев в Сибири. Ареал размещения переселенцев-однодворцев на территории Омского Прииртышья, выявленный на основе архивных данных, показывает, что однодворцы активно заселяли северные и центральные районы Омской области, в числе которых – Муромцевский и Горьковский. В изучении их истории важную роль сыграли краеведы. Основная цель данной работы – анализ публикаций об истории формирования групп русского населения в районных газетах Знамя труда [Муромцево] и «За коммунизм». Проведенные изыскания показывают, что тематически преобладали материалы по истории населенных пунктов, отдельных семей, школ и хозяйству. Отметим и хронологическую неравномерность представления газетных публикаций – наибольшее количество статей относится к периодам начала 1960-х гг. и конца 1980-2000 гг.

Как отмечает П. Т. Сигутов, в течение 1830-1850-х годов в составе переселенцев преобладали представители черноземных губерний – Тамбовской, Орловской, Рязанской, Курской, и Пензенской¹. Именно эти регионы были местами выхода основной части однодворческого населения в указанный период. На территории Муромцевского района в числе мест их расселения оказались такие населенные пункты, как Гурово, Колобово. Здесь, по сведениям П. Т. Сигутова, была реализована схема, когда «крестьянская старожильческая община принимала выходцев из Орловской (Курнево, Дурново), Курской (Гурово, Кокшенево) <...> и других губерний <...> переселенцы селились в старожильческих деревнях отдельными улицами и на протяжении многих лет сохраняли бытовые особенности, унаследованные от предков. Сейчас от бывшего переселения остались, пожалуй, только

некоторые местные названия да говор. Так, например, в Кокшенево одна часть деревни позднего заселения называется «Расейский край»².

Особенно выделяется на их фоне село Камышино-Курское. В газете «Знамя труда» можно обнаружить сведения о времени и истории образования данного села, авторами которых были И. Козлов – учитель Камкурской школы и известный историк А. Д. Колесников. В статье по истории села

И. Козлов указывает, что село Камышино-Курское было основано в 1838 г. переселенцами из Курской губернии, искавшими «вольные земли», а затем пополнилось в 1841 г. ссыльными за поджог помещичьей усадьбы. Более подробное описание можно найти в заметке А. Д. Колесникова: «прибывшие в сентябре 1859 г. 45 семей из Семидесяцкой волости Нижнедовичского уезда Воронежской губернии остановились на речке Камышенка, где еще в мае этого года остановилось 13 семей курских крестьян. Курские поселились на западной стороне речки, а воронежские – на восточной. Новые деревни были названы Камышино-Воронежское и Камышино-Курское»³. Кроме того, «для переселенцев из Пензенской и Воронежской губерний в 1854-1857 гг. были изысканы участки на Сюткесе. Однако пензенским переселенцам участок не понравился, часть из них переселилась в деревню Исаковка Серебрянской волости, а 55 семей Ламовской уезда Пензенской губернии остались на Сюткесе, образовав деревни Нижний и Верхний Сюткес»⁴. Эти сведения подтверждает А. Епанчинцева в статье по истории села Серебряное: «В 1841 г. [в Серебрянской волости] <...> население старожильческое и несколько семей переселенцев в деревне Исаковой, живущих здесь лет 40-50 <...> Установлено, что ... д. Исаковку заселили переселенцы из Курска, Калуги, Рязани, Перми»⁵.

В Горьковском районе наиболее активную краеведческую работу ведут сотрудники районного историко-краеведческого музея (Я. В. Адам и Н. П. Басова). В своих статьях по истории района они приводят не только данные о времени образования населенных пунктов, местах выхода переселенцев, но и довольно подробно освещают систему хозяйства: «... техника ведения хозяйства была самая примитивная, господствовала залежная система <...> техника находилась в руках зажиточных мужиков»⁶.

Завершая повествование, отметим, что на страницах местных газет публикуется уникальный краеведческий материал, который может быть состыкован с архивными и полевыми источниками. Основная проблема при работе с ним – отсутствие ссылок на источники. В целом авторы статей раскрывают такие аспекты, как история формирования населенных пунктов, места выхода переселенцев, особенности их хозяйства и быта на протяжении XIX–XX вв.

Примечания:

1. Сигутов П. Т. Состав населения Омской области по районам выхода // Природа, население и хозяйство Омской области. Омск: ОГПИ, 1974. С. 52.
2. Сигутов П. Т. Тропами истории // Знамя труда [Муромцево]. 1963. 20 сентября. С. 4.
3. Козлов И. Тропами истории (О заселении Муромцевского района в новых границах) // Знамя труда [Муромцево]. 1963. 18 октября. С. 4; 23 октября. С. 3.
4. Колесников А. Д. Из истории заселения нашего района // Знамя труда [Муромцево]. 1967. 25 июня. С. 3.
5. Епанчинцева А. А. Серебряное – старейшее село // За коммунизм. 1991. 12 апреля. С. 3.
6. Басова Н. П. Страницы истории // За коммунизм. 1988. 7 ноября. С. 4.

РИСУНКИ Н. М. ЯДРИНЦЕВА:
ДОПОЛНЕНИЕ ОБРАЗА ЭТНОГРАФА

Н. М. Ядринцев известен как лидер сибирского областничества, публицист, издатель газеты «Восточное обозрение», учёный-краевед.

Н. М. Ядринцевым создан объёмный корпус источников по этнографии, географии и истории Сибири. Исследователями востребованы такие его труды, как монографии «Сибирь как колония» (1882 г.) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1892 г.), научные отчёты об экспедициях и разработанные им Программы изучения народов Сибири, а также литературные произведения, написанные в ходе его путешествий: «Современная мания к путешествиям», «Поездка по Западной Сибири», «В чужих краях», «Алтай и его инородческое царство», «Привольные места Сибири. Степь и море», «Странник на Золотом озере», «В тайге», «Аул», «Раскольничьи общины на границе с Китаем» и другие. Образ исследователя Сибири в качестве археолога, историка, этнографа может быть дополнен характеристикой Н. М. Ядринцева как иллюстратора краеведческих экспедиций. В Иркутском областном краеведческом музее хранится альбом, включающий 50 рисунков простыми и цветными карандашами: «Наброски алтайских видов и Западной Сибири, Барабы из путешествия 1878-1889 гг. Н. М. Ядринцева». Также рисунки Н. М. Ядринцева представлены в его фонде государственного архива Иркутской области.

Итогами экспедиций в качестве члена Императорского Русского Географического Общества в 1878 г. и 1880 г. на Алтай, в 1886 г. на Байкал, в 1889 г. по Орхону, стали составленные Н. М. Ядринцевым географические карты, планы, описания, дополненные зарисовками природы, деревень, бытовых картин жизни инородцев.

Центральный вопрос экспедиций Н. М. Ядринцева по Сибири заключался в исследовании её колонизации. Вместе с тем он анализировал состояние природной среды Сибири. Им было установлено высыхание крупнейшего озера Чаны, изображением которого начинается альбом рисунков Николая Михайловича. Позднее исследователь дал подробное описание озера, которое было опубликовано в Записках Русского Географического

общества. В ходе поездки на Алтай изображались горные пещеры, графически вырисовывались сталактиты, причудливые камни, горная флора. Наибольшее количество видов природы сделано Н. М. Ядринцевым в период экспедиции в устье реки Бухтарма, поселения около Усть-Каменских гор, Колыванских озёр.

Н. М. Ядринцева интересовал вопрос быта коренных народов Сибири, в связи с чем он изобразил их деревни – редкие домики, бани, кладбища. Акцентируя внимание на бедственном положении сибирских крестьян, Н. М. Ядринцев, вместе с тем, выполнил иллюстрацию знаменитой новосельской деревни Качки, расположенной на берегу степной реки Карасук. Согласно приведённым статистическим данным, а также описанию этой деревни, она была наиболее зажиточной из всех, увиденных героем нашего исследования. На берегах реки изображено множество мельниц, а также дома жителей деревни. Больше всего Н. М. Ядринцева интересовали наиболее населённые места, в связи с чем в альбоме помещены рисунки деревень Топольной, Куган, Ярки, Чернаган. В деревне Топольной располагалась Сибирячиха – метрополия раскольничьего населения, запечатлённая Н. М. Ядринцевым в альбоме его рисунков. Также изображены монахи и миссионеры, встреченные им в Улале. В своих дневниках Н. М. Ядринцев рисовал предметы быта коренного сибирского населения – музыкальные инструменты, национальную одежду, детскую люльку, позволяющие детально восстановить историю повседневности алтайских народов. Большое внимание Н. М. Ядринцев уделял основным занятиям коренных этносов, в связи с чем в альбоме есть изображения скотоводов и пчельников.

Рисунки Н. М. Ядринцева могут быть рассмотрены в двух аспектах. Изображения дополняют описанные им картины этнического быта инородцев и природной среды Сибири. Вместе с тем, представление о Н. М. Ядринцеве – иллюстраторе дополняет его многогранный образ исследователя Сибири, стремившегося наиболее полно изучить свою Родину.

Н. И. Чуркина

Омск, Государственный педагогический университет

ОТЧЕТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО РЕГИОНА

Отчеты о деятельности учебных заведений являются одним из наиболее распространенных источников по истории образования. Они содержат обширную информацию о количестве, материальном, кадровом потенциале учебных заведений, составе учащихся и учителей. В отличие от современных отчетов, в которых за таблицами и столбцами цифр трудно увидеть человека, дореволюционные отчеты о ревизии учебных заведений несут отпечаток личности составителя, отражают его внимание к мелочам, содержат личностные характеристики учителей, среды образовательного учреждения. Поэтому при более тщательном прочтении этих официальных материалов можно попытаться восстановить социокультурный контекст, в котором осуществлялась учебная деятельность.

В фонде управления западносибирского учебного округа государственного архива Томской области содержатся отчеты о деятельности учебных заведений общего и профессионального образования за разные годы. Нами был избран для анализа отчет по ревизии народных училищ за 1914-15 учебный год¹. Выбор именно этого документа обусловлен значительным объемом дела, хронологическими рамками и исследовательским интересом. Это первый военный год, когда победы российской армии внушали надежду на скорое окончании войны, а финансовое состояние Российской империи оставалось стабильным. Информация, содержащаяся в отчете, позволяет сделать вывод о том, что к 1914 году в регионе даже крестьянское общество осознало значимость и пользу школьного образования. Благодаря финансированию школы со стороны государства и общества за один год было отремонтировано и отстроено 36% сельских начальных училищ. Причем 1/3 суммы вносило государство, 2/3 общество. На эти процессы не повлияла начавшаяся война. Эти данные демонстрируют рывок, произошедший в сознании регионального общества. Еще за два года до выхода отчета, в 1912 году Н. Некрасов отмечал, что для введения всеобщего начального обучения в Сибири нужно открыть 15000 школ. Справедливо указывая, что это под силу «лишь тем, кто жизненно заинтересован в его успехе – представителям местного населения»².

© Чуркина Н. И., 2015

Из раздела, посвященному анализу качества образования в начальных училищах региона, можно узнать, что начало отчетного учебного года затянулось, а его завершение произошло раньше срока, уже в апреле, что позволяет сделать вывод о нарастающем процессе призыва на военную службу, которое затронуло многие семьи сибиряков. Заменить в поле своих ушедших на войну родственников должны были старшие школьники. Масштабы призыва в действующую армию коррелируются с данными отчета по разделу о сокращении количества учащихся, которое составило от 10 до 15%.

В городах Западной Сибири дополнительные преграды в обучении создавало размещение во многих зданиях образовательных учреждений (как самых больших по площади помещениях в городе) госпиталей. Это привело к тому, что образовательные учреждения объединялись, занятия проходили в 2–3 смены. В отчете отмечаются причины снижения качества обучения, прежде всего, «повышенная нервозность учащихся», которая только подтверждает степень психического накала регионального сообщества. Нервозность старшего поколения объяснима, а влияние политических процессов на неокрепшие умы детей и молодежи предстоит изучить не только в исторической ретроспективе, но и с целью понимания современных процессов, происходящих в обществах, в жизнь которых вошла война.

В отчете можно рассмотреть и масштабность людских потерь первого года войны. В условиях военной кампании изменилась традиционная для крестьянских общин модель заботы о сиротах. Отсутствие свободных средств, сокращение числа рабочих рук приводило к тому, что в регионе возникла потребность в создании общежитий для сирот, беспризорников, т.е. сиротство уже в начале войны стало массовым явлением. По данным отчета, только в Томской губернии предполагалось устроить несколько общежитий при училищах, с числом детей в каждом по 20–30 человек. В документе приводятся материалы совещания, которое было организовано Дирекцией народных училищ 7-го района Томской губернии 21–22 апреля 1915 года: было принято решение сделать общежития при сельских училищах (на 20 человек) для сирот, полусирот, беспризорников. Люди были уверены в поддержке данной инициативы среди населения, взяли на себя заботу о сборе средств. В отчете отмечается активность разных слоев общества, так, кредитные товарищества отпускают от 100 до 500 рублей в год на содержание, крестьянские общества, кооперативы, кредитные организации поддерживали создание общежитий, выделив значительные средства (от 5–500 рублей).

Материалы отчета подтверждают возросшую социальную активность, в том числе среди учащихся и учащихся сибирских учебных заведений. Насправники учебных заведений региона отчисляли по 1 рублю в месяц на

пособия детям воинов, учащимся приходских училищ, проводились благотворительные акции – концерты, кинематографический сеанс, которые позволили собрать 2000 рублей.

Бюджеты начальных училищ по данным отчета в 1914-15 учебном году еще не сильно сократились, школьные библиотеки получили средства на приобретение новых книг. Причем отмечалось, что средства из городской казны были перечислены на данное дело, так как «город не отказал, считая библиотеку необходимой».

Одним из вопросов совещания летом 1915 года было обсуждение неудачной практики открытия летних приютов-яслей, которые должны были дать возможность женщинам-крестьянкам работать в поле. Но на этот проект средств у сельских обществ получить не удалось. Этот факт, на наш взгляд, демонстрирует традиционализм крестьянского общества, недоверие к городским жителям и власти вообще. В отчете о ревизии частного учебного заведения (гимназии в селе Камень) за 1910 год отмечается как уникальный для региона опыт данного учебного заведения о совместном обучении девушек и юношей. Помимо педагогических размышлений можно также сделать вывод о возросшей в регионе потребности в среднем образовании. В селе число воспитанников гимназии составило 150 человек, причем мальчиков и девочек поровну.

Таким образом, только по одному отчету по ревизии учебных заведений за 1914 год мы смогли расширить представление о многих социокультурных процессах, происходящих в городах и сельских обществах региона. Как писал М. Блок: «Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»³. Именно поэтому, несмотря на обилие опубликованных и неопубликованных источников о социокультурной жизни западносибирского региона в конце XIX–начале XX вв., для более полной и подробной картины происходящего исследователям полезно будет обратиться к отчетам по учебным заведениям, которые содержат пласт информации по разным сферам общественной жизни региона, нуждающимся в новом прочтении.

Примечания:

1. Государственный архив Томской области. Ф 126. Оп. 2. Д. 3066.
2. Некрасов Н. Письма о национальностях и областях. Культурные и политические проблемы Сибири // Русская мысль, М., 1912, февраль. С. 102.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка // режим доступа: http://portal.kspi.kz/files/book_ik/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA.pdf

А. Б. Шалгимбеков

*Казахстан, Костанай, филиал Челябинского
государственного университета*

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ (НОВОИШИМСКОЙ ЛИНИИ)

Строительство Новой линии от Тобола до Иртыша, значительно южнее старых ишимских форпостов, вызывалось реализацией геополитических интересов Российской империи в этом регионе, а не только соображениями местного характера, осуществлением части развернутого плана переноса имперской границы на юг на огромном пространстве от Волги до Алтая. Проект обер-секретаря Сената И. К. Кириллова о переносе русской государственной укрепленной границы с Закамской черты (Самара – Бугульма) на юго-восток от Башкирии, претворенный в жизнь оренбургским губернатором Неплюевым (1742-1758гг.), получил свое дополнение и в проведении Новой сибирской линии, в соответствии с новыми границами на Южном Урале. И. И. Неплюев проявлял к строительству Новой линии исключительный интерес. Он продвигал этот вопрос в Сенате и давал полезные указания сибирскому военному начальству. Для Неплюева Новая линия представлялась естественным продолжением оренбургских укреплений, и он в письме от 3 сентября 1746 г. выразил мысль, что при построении на Тоболе Звериноголовской крепости «здешняя Уйская и Новая Сибирская (линии), також и форпосты, способно совокупятся»¹.

Сибирское командование определяло цели основания новых укреплений в следующем: «охранение границы и пересечение перелазов неприятельских; частые повседневные разъезды, коими усмотреть воровские тракты будет можно;... коммуникации благонадежнее...»². С северной стороны казахской степи вместо прежней Ишимской линии, слишком длинной, пилообразной и изгибавшейся внутрь Тобольской губернии, генерал С. В. Киндерман признал полезным протянуть впереди нее новую линию от Омска к Оренбургской губернии до крепости Звериной головы. Когда окончательный вариант попал к И. И. Неплюеву, тот отозвался о нем положительно: «И понеже все оное расположение, елико мне ситуация тамошних мест ведома есть, так кажется, назначена, как того Ея Императорского Величества высокий интерес требует. Того ради я к тому со своей стороны

прибавить ничего не имею, как токма с оным, его генерал-майора Киндермана, расположением согласуюсь»³.

При проектировании линии были учтены характерные местные географические особенности. Если взглянуть на физическую карту Омской области и Северного Казахстана, то среди множества разбросанных озер мы обращаем внимание на цепочку понижений, вытянутых с востока на запад вдоль железной дороги Омск–Петропавловск. Как раз здесь между десятками больших озер, болотистых низин, солончаковых понижений изгибается речка Камышлов. Долина реки Камышлова является естественным рубежом, и поэтому, по нашему мнению, послужила пограничной линией.

Новая линия, названная Горькой или Пресногорьковской, значительно выдвинута на юг, выправлена и составляет сплошную линию укреплений от реки Тобол (крепость Звериноголовская) до Омской крепости. Строительство Новой линии началось летом этого же года и велось планомерно, с учетом требований военно-инженерной техники.

Здесь нужно пояснить, что в фортификационном отношении пограничные линии и их крепости отличались простотой своего устройства. Выражение «крепость» означало в то время просто поселение, огражденное бревенчатым частоколом, рвом и рогатками. Только немногие крепости, такие как: Омская, Семипалатинская, Ямышевская, Усть-Каменогорская и Петропавловская были устроены с земляным валом по системе французского военного инженера XVII в. маршала Франции Вобана.

Решено было строить линию от урочища Звериной Головы на Тоболе до Омской крепости, протяженностью 565 верст. Предполагалось построить 2 шестиугольные и 9 четырехугольных крепостей, 33 редута и 42 маяка. Для строительства нарядили из тамошних войск 3642 человека. (1290 чел. регулярных, 2352 чел. нерегулярных), «которым людям те крепости строить без платы из казны Ея Императорского Величества заработанных денег»⁴. Для прикрытия работ от набегов казахов велено выставить на строительство один полк. Официальная мотивировка нового строительства отмечала, что крепости и редуты сооружаются «к лучшему защищению сибирской стороны от набегов киргиз-кайсацких и для обуздания тех орд кочующих в Сибирской стороне, от своевольностей, и чтоб оный народ содержан был в подданнической должности»⁵.

Укрепления Новой линии сооружались одновременно на всем ее протяжении, возводились крепости, редуты, маяки – Пресновское, Кладбинское, Становое, Кривоозерное, Бишкульское, Полуденское, Лебяжье – всего 1 крепость, 31 редут и 40 маяков⁶. За это лето в крепости Пресновской возвели из березового леса 2 казармы, офицерскую светлицу, несколько амбаров,

покрытых дерном. Все это было огорожено деревянным забором в столбах. На 4 углах стен, отграничивающих площадь около 1 га, были установлены пушечные батареи. По контуру укрепления, в 20 м впереди стены, были установлены рогатки, а еще далее, в поле – надолбы⁷.

Таким образом, ведущая роль в реализации колониальных устремлений принадлежала Новоишимской (Горькой) линии, которая решала военные, дипломатические и экономические задачи. Основным способом осуществления этой политики являлось военное продвижение и постепенное наращивание военных сил для дальнейшего продвижения на Восток.

Примечания:

1. Потанин Г. Н. Материалы по истории Сибири. М., 1867. С. 21
2. Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 16
3. Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 21
4. О постройке крепостей, редутов и маяков на Новой линии. ГАОмО. Ф.366, оп.1, д. 34.
5. Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 22
6. О постройке... д. 27.
7. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы, 1993. С.19

Г. В. Шарапова

Казахстан, Павлодар

К ВОПРОСУ О РОДОСЛОВНОЙ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРБЫШЕВА

В советской литературе относительно родословной Героя Советского Союза генерала Карбышева Д. М. авторы по-разному истолковывают его родство с Иваном Семёновичем Карбышевым – одним из первых выпускников Омского военного училища, полковником Сибирского линейного казачьего войска, направленного в степь для претворения в жизнь «Устава о сибирских киргизах», регламентирующего новый порядок управления территорией Среднего жуза.

Библиограф Решин Е. Г. в книге «Генерал Карбышев» называет Ивана Карбышева просто близким родичем Дмитрия Михайловича Карбышева¹.

Во многих публикациях (материалах научно-практических конференций, рефератах, статьях и пр.) Дмитрия Михайловича Карбышева называют «представителем старинного офицерского дворянского казачьего рода, прадедом которого был Иван Семёнович Карбышев – основатель г. Верного, на месте которого располагается ныне современный г. Алматы». Во множестве статей, содержащихся в Интернете, можно встретить и абсурдные сведения, например: «Иван Карбышев был дедом генерала Карбышева Д. М.», – пишет писатель-историк Кавад Раш в статье «Рыцари пояса Богородицы»⁹. При этом многие авторы, упоминая Ивана Семеновича в качестве деда, называют имя отца генерала – Михаил с отчеством Ильич (!).

Руководитель Сибирского казачьего юридического колледжа, к.ю.н., доцент Парыгин Н. П. (г. Омск) в статье от 20 июня 2008г. «Патриотическое воспитание студентов в Сибирском казачьем юридическом колледже» называет Ивана Семеновича Карбышева прадедом генерала Карбышева Д. М.

Карагандинский корреспондент В. Могильницкий (газета «Темиртауский рабочий» от 2 мая 2012 г.), указывает Ивана Семёновича Карбышева двоюродным дедом генерала Карбышева².

В своих исследованиях относительно истинного родства отца генерала Карбышева Д. М. – Михаила Ильича с Иваном Семеновичем Карбышевым, оказался прав только писатель Брагин А. И.³, назвавший отца генерала Карбышева Д. М. - Михаила Ильича – племянником Ивана Карбышева, но, к сожалению, не уточнил, что двоюродным.

Долгое время я искала подтверждение родству прадеда моей бабушки – Ивана Семёновича Карбышева с дедом генерала Карбышева Д. М. – Ильёй Сергеевичем Карбышевым. Это стало возможным благодаря найденным копиями формулярных списков Сибирского линейного казачьего войска по Железинской дистанции за 1794 год. В них числились два брата Карбышевых: пятидесятник Семен Иванович – отец будущего полковника СЛКВ Ивана Семеновича Карбышева и капрал Сергей Иванович Карбышев – отец деда генерала Карбышева – Ильи Сергеевича Карбышева⁴.

В списке даётся описание их внешности и состав семьи: «Сергей Иванов Карбышев, 34 года, из казачьих детей, рост 2,7 аршина (189 см), лицом бел, глаза серые, нос средний, с горбинкой. Говорит порядочно. В службе с 1775 года, капрал с 1785г. По российски читать и писать умеет. Жена Авдотья Федорова, дочь казачья, Илья 1,5 лет, Надежда, Сергей»⁴. Илья – это будущий дед генерала Карбышева Д. М. «Семен Иванов Карбышев, 36 лет, из казачьих детей, рост 2,8 аршина (196 см). Лицо смуглое, нос средний, прямой, волос темно-русый, глаза карие. Под подбородком рубец от болезни. Говорит порядочно. Из казачьих детей. По российски читать и писать умеет. Жена Домна Павловаы, дочь казачья»⁴.

Полковник Сибирского линейного казачьего войска Иван Семенович Карбышев родился в 1795 году, а до его рождения у Семёна и Домны было уже четверо детей: Николай 13 лет, Аграфена 9 лет, Анна, Марфа⁴. Семен Иванович вступил в службу в 1772 году, в 1776 стал капралом, с 1781 года – пятидесятником, а в 1787 году – полковым командиром. Братья Карбышевы – Семён и Сергей – начинали свой путь в военной карьере с Железинской дистанции. В этой станице побывали с визитом третий сын императора Александра II со своей супругой Марией Павловной – дочерью великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Франца II. В «Летописи Железинской Спасо-Троицкой церкви о приезде знаменитых особ и отличившихся жителях прихода» говорится: «1868 год. В три часа утра 14 июня проехал Великий князь Владимир Александрович, в церкви не был, а при въезде в станицу Железинскую и по выезде из оной был колокольный звон безостановочно»⁵.

Официальная советская историография умолчала о первой супруге генерала Карбышева Д. М. – Алисе Карловне Троянович, с которой он познакомился, будучи на Дальнем Востоке. Не отразил этот факт и библиограф Решин Е. Г., хотя был очень близок в своих описаниях⁶, а также другие писатели, обращавшиеся к личности Карбышева Д. М. Моя бабушка – Ольга Николаевна Шарапова – дочь внука Карбышева Ивана Семёновича – Николая Федоровича Карбышева, знала о первом браке Дмитрия Михайловича, но о происшедшей трагедии в его жизни не знала.

Штабс-капитан Догадин В. М., сослуживец Дмитрия Михайловича Карбышева, оставил воспоминания о годах, проведенных в Брест-Литовске, куда они в то время оба были направлены производителями работ по строительству оборонительных сооружений на западных рубежах России. Служили, жили семьями по соседству и вместе проводили свободное время.

Безусловно, в те времена факт наличия второго брака в личной жизни, тем более трагическую смерть первой супруги, считали не вписывающимся в биографию Героя Советского Союза. Однако он никак не мог навредить такому человеку, как Карбышев Д. М. – образцу высочайшей порядочности, чести, достоинства и человечности, символу русской стойкости и мужества. И какие бы еще ни открылись со временем нюансы его личной жизни, подвиг генерала в концлагере оправдает всё, ибо он остался верен своему Отечеству. По тем же идеологическим соображениям были опущены в литературе подробные сведения и об Иване Семеновиче Карбышеве – яром последователе царской политики в деле завоевания Средней Азии.

Листая вековые метрические книги церковей при крепостях, форпостах, станицах Иртышской линии, встречаешь одни и те же фамилии казаков и понимаешь, что теперешние старожилы этих местностей являются потомками тех поколений и они вправе считать себя коренными жителями этих мест, хотя не все помнят о местах выхода из России своих предков. Переселенцы же второй половины XVIII века хорошо помнят о местах своего выхода вплоть до названия уездов и селений, сохранив эту память в названиях новых поселений, созданных ими в казахской степи. Однако за последние годы в Казахстане переименованы почти все населенные пункты, да и потомки первопоселенцев-казаков ныне не считаются коренными жителями страны, несмотря на то, что стали первыми обживать в XVI веке эти пространства.

География фамилии Карбышевых четко прослеживалась в городах: Каркаралинске, Павлодаре, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, селениях: Баян-Аул, Железинка, Ямышево, Урлютюб, Песчаное; в России – в Омске, Томске, Тобольске, Тюмени, а также селениях этих областей, что подтверждается церковными летописями Тобольской Духовной Консистории притчей: Пророко-Ильинской церкви станицы Песчаной, Свято-Троицкой – станицы Железинской, Стефановской – станицы Баян-Аульской и Михайло-Архангельской церкви станицы Урлютюбской. В разделе о рождении наследников указаны их восприемники, то есть крестные, зачастую с такой же фамилией⁷.

Дед генерала Карбышева Д. М. – Карбышев Илья Сергеевич (1792-?) имел восемь детей: Анну (1821-?), Веру (1824-?), вышедшую замуж в 1842

году за Шайтанова Дмитрия Афанасьевича, направленного в 6 сибирский казачий полк ст. Песчаной под руководство Карбышева Ивана Семёновича, Ольгу (1826-?), Михаила (1829-1892), Елену (1831-?), Александра (1835-1890), Дарью (1836-?), Евгению (?-1890)⁸.

Его сын Александр Ильич был в чине полковника. Проживал в Павлодаре, жену его звали Александрой Андреевной. Она упоминается в Семипалатинских областных ведомостях за 26 мая 1890 года в качестве «наследницы движимого и недвижимого в станице Павлодарской и ее окрестностях, всего на сумму 1200 рублей».

У самого Ильи Сергеевича были братья Иван, Александр, Алексей, Сергей и сестры – Анна, Елизавета, Надежда.

Его брат Иван Сергеевич Карбышев имел чин войскового старшины. Жену его звали Агафьей Осиповной⁸. В семье было пятеро детей: Михаил, Александр, Александра, Анисья и Илья (1829-1832). Сын Александр Иванович тоже проживал в Павлодаре. Жену его звали Александрой Павловной, она также упоминается в Семипалатинских областных ведомостях №3 за 1882 год, где «По духовному завещанию мужа от 17 декабря 1881 года наследница дома с пристройками и всего движимого, находящегося в г. Павлодаре». В Семипалатинских ведомостях №10 за 1882 год «Павлодарский уездный судья вызывает наследников умершей вдовы сотника Сибирского казачьего войска Александры Павловны Карбышевой к оставшемуся после неё наследству в станице Павлодарской».

Второй брат – Алексей Сергеевич Карбышев в метрической книге Железинской Спасо-Троицкой церкви за 1831 год упоминается в чине сотника. Жену его звали Натальей Яковлевной. В этом же чине он проходит в 1843 году по 6-му Сибирскому казачьему полку⁸.

Третий брат – Сергей Сергеевич Карбышев в 1838 году упоминается в чине хорунжего форпоста Песчаного. Супругой его была казачья девица Евдокия, от которой он имел дочь Елизавету⁸.

В Павлодаре находилось четыре дома, принадлежащих Карбышевым из родословной Дмитрия Михайловича Карбышева. Все они были расположены в двух кварталах от реки Иртыш.

Вся эта многочисленная разветвлённая родня Карбышевых активно участвовала во всех знаменательных обрядных событиях – венчаниях, крещениях новорожденных, юбилеях. Восприемниками при крещении и поручителями при венчаниях зачастую назначались близкие родственники, поэтому основная часть записей в метрических книгах с фамилией Карбышевых, иногда Шараповых. Например, при рождении у Михаила Степановича Шарапова (прапрадеда моего отца) в 1854 году сына Семёна

восприемником стал Иван Сергеевич Карбышев – родной брат Ильи Сергеевича Карбышева.

Встречается в метриках восприемники из купеческого сословия городов: Семипалатинска (Мыльниковы, Бушковские), Павлодара (Сорокины, Зайцевы, Плещеевы). В восприемниках у новорожденных Карбышевых очень часто бывали представители и других казачьих родов: Куртуковых, Рязанцевых, Смакоотиных, Новосёловых, Усовых, Потаниных, Власовых, Саворовских, Костылецких, Романовых, Шайтановых, Дроздовых, Махониных, Кузнецовых, Катыбаевых.

В декабре 1836 года в семье казаков Саваровских родился сын Василий. Крестили новорождённого дочь Ивана Семёновича Карбышева Надежда и Иван Сергеевич Карбышев⁸.

На свадьбе служащего Коряковской таможенной заставы Коряковского форпоста канцеляриста Турнаева Дмитрия Яковлевича и дочери смотрителя 9-го класса форпоста Песчаного Капитона Ярушина Веры поручителями от жениха выступают Карбышев Иван Сергеевич (родной брат Ильи Сергеевича Карбышева), и сын Карбышева Ивана Семёновича – Александр Иванович Карбышев⁸.

Когда сестра Михаила Ильича Карбышева Дарья венчалась с сыном коменданта Акмолинской крепости есаулом Чириковым Иваном Гавриловичем, Фёдор Иванович Карбышев (дед моей бабушки Ольги Николаевны Шараповой) был поручителем со стороны жениха, а сам Михаил Ильич – от невесты⁸.

В июле 1841 года сестра Михаила Ильича Карбышева Анна венчалась с коллежским секретарём Ишимского уезда Трофимовым Александром Алексеевичем. Свидетелями от жениха были Шайтанов Дмитрий Афанасьевич, от невесты – её двоюродный брат Александр Иванович Карбышев⁸.

Церковные книги подтвердили, что Карбышевы как родственники, были между собой очень дружны и пользовались заслуженным уважением среди казачества, поэтому земляки просили их быть восприемниками при крещении своих детей, и они не отказывали им в этом. Метрические книги – бесспорная ценность в поисках своей родословной и составления генеалогического древа.

Примечания:

1. Решин Е. Г. Генерал Карбышев. Москва, 1974.
2. Могилянский В. Статья о Карбышеве // Газета «Темиртаусский рабочий» от 2 мая 2012 г.
3. Брагин А. И. Прадеды и правнуки // Издательство. Алма-Ата: Жазуши, 1980.

4. РГВИА. Ф.489.О.1. Д.3061. С.69-70.

5. Архимандрит Иосиф (Еременко). К истории русской православной церкви в Павлодарском Прииртышье XVIII – начала XX вв.: Сборник документов и материалов. Павлодар, 2011. 691 с.

6. Решин Е. Г. Указ. соч.

7. ГАПО. Ф.1021.О.1. Д.12,13,32,36. Ф.14.О.1. Д.28, Л.16 - выписка о закрытии церкви. Ф. 5. О.1Д.15.Л.93 - о снятии колоколов. Ф.5.О.1.Д.390. Л.65 - о передаче здания церкви.

8. ГАОО. Метрические книги Тобольской Консистории притчей сел Иртышской линии: Ф.16.О.2.Д. 76. С.460, 524,585,1006,1023,1092,1108,1259. Ф.16.О.2. Д.174.С.1540,1544,1579. Ф.16.О.2. Д. 183. Т.4.С.119. Ф.16.О.2. Д.171. Т.3. С. 132.

9. rospisatel.ru/rash-rizari.htm

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВГТРК –	Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания
ВИНИТИ –	Всероссийский институт научной и технической информации РАН
ВЛКСМ –	Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВМВСО –	вспомогательный фонд «Музейного комплекса воинской славы омичей»
ВОМК –	вспомогательный фонд Омского историко-краеведческого музея
ГАРФ –	Государственный архив РФ
ГААК –	Государственный архив Алтайского края
ГАВЛ –	Государственном архиве в г. Великие Луки
ГАКК –	Государственный архив Красноярского края
ГАМО –	Государственный архив Магаданской области
ГАНО –	Государственный архив Новосибирской области
ГАОМО –	Государственный архив Омской области
ГАПК –	Государственный архив Пермского края
ГАРФ –	Государственный архив Российской Федерации
ГАТО –	Государственный архив Томской области
ГПНТБ СО РАН –	Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
ГУТО ГАТ –	Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске
Д. –	дело
ДВО РАН –	Дальневосточное отделение Российской академии наук
доп. –	дополнительный
ЗИКМ –	Знаменский историко-краеведческий музей
ЗСКМ –	Западносибирский краевой музей
ЗСОИРГО –	Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества
ИА АН СССР –	Институт археологии Академии наук Союза Советских Социалистических республик

ИАиЭ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИАОО –	Исторический архив Омской области
ИАЭТ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
КВЖД –	Китайско-Восточная железная дорога
м.п –	метр погонный
МАОУ –	муниципальное автономное образовательное учреждение
МАЭ МК ОмГУ –	Музей археологии и этнографии Музейного комплекса Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского
МАЭ ОмГУ –	Музей археологии и этнографии ОмГУ
МВД –	министерство внутренних дел
МВСО –	основной фонд «Музейного комплекса воинской славы омичей»
МКМ –	Минусинский краеведческий музей
МКУ НГА –	Муниципальное казенное учреждение «Норильский городской архив»
МОСХ –	Московское общество сельского хозяйства
МУК –	муниципальное учреждение культуры
НА КККМ –	Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея
НКА –	национально-культурная автономия
НОУ –	негосударственное образовательное учреждение
НЭП –	новая экономическая политика
ОАО –	открытое акционерное общество
ОГИК музей –	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГИКМ –	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГОИЛМ –	Омский государственный объединенный историко-литературный музей
ОГОНБП –	Омская государственная научная библиотека им. А.С. Пушкина
ОГПИ –	Омский государственный педагогический институт им. А.М. Горького

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОмГПИ –	Омский государственный педагогический институт
ОмГПУ –	Омский государственный педагогический университет
ОмГТУ –	Омский государственный технический университет
ОмГУ –	Омский Государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ОМК –	основной фонд Омского историко-краеведческого музея
ООМИИ –	Омский музей изобразительных искусств им. Врубеля
ООО –	общество с ограниченной ответственностью
ОПИ ГИМ –	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОФ ИАЭТ СО РАН –	Омский филиал Института археологии и этнографии
ПСЗ –	Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ –	Полное собрание русских летописей
РАН –	Российская академия наук
РАНИОН –	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА –	Российский государственный архив древних актов
РГО –	Российское географическое общество
РФ –	Российская Федерация
СО РАН –	Сибирское отделение Российской академии наук
ТГУ –	Томский государственный университет
ТОКМ –	Тюменский областной краеведческий музей
УрГУ –	Уральский государственный университет
Ф. –	фонд
ФГОС –	федеральные государственные образовательные стандарты
ФГУП «МНРХУ» –	Федеральное государственное унитарное предприятие «Межобластное научно-реставрационное художественное управление»
ФЗ –	федеральный закон
ЭЗГБ –	экспедиция заготовки государственных бумаг

Авербух София Дмитриевна (Омск). Хранитель музейных коллекций. БУК «Омский музей Просвещения»

Адам Яков Вильгельмович (р.п. Горьковское). Директор МБУ «Горьковский историко–краеведческий музей»

Адамсон Алексей Рудольфович (Омск). Старший научный сотрудник, заведующий научно-экспозиционным и выставочным отделом истории. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Адилбекова Тогжан Тимиргалиевна (Республика Казахстан, Астана). Научный сотрудник. Национальный музей Республики Казахстан

Акелькина Елена Алексеевна, д–р филол. наук (Омск). Директор. Омский региональный научно-исследовательский центр изучения творчества Ф. М. Достоевского при ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Алимбаева Биганша Беркимбаевна, канд. ист. наук (Оренбург). Доцент. ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный аграрный университет»

Алисов Дмитрий Андреевич, д–р. ист. наук (Омск). Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

Ананьев Владимир Викторович (Омск). Краевед

Андрющенко Ольга Константиновна, канд. филол. наук (Республика Казахстан, Павлодар). Заведующий кафедрой. Павлодарский государственный педагогический институт

Ахунова Эльфира Рахимовна (Омск). Старший лаборант. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Балтабаева Кулгазира Нурановна, канд. ист. наук (Республика Казахстан, Алматы). Директор аналитического центра. Всемирная ассоциация казахов

Балюнов Игорь Валерьевич (Тобольск). Научный сотрудник. Тобольский историко–архитектурный музей–заповедник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Беликова Надежда Владимировна (Омск). Учитель истории и обществознания. БОУ «Средняя общеобразовательная школа № 80»

Белоглазова Юлия Николаевна (Омск). Главный хранитель музейных предметов. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Белокрыс Михаил Алексеевич, канд. культурологии (Омск). Заведующий кафедрой хорового дирижирования и сольного пения. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Бережнова Марина Леонидовна, канд. ист. наук (Омск). Старший научный сотрудник. Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

Бирюков Алексей Федорович (Москва). Художник-реставратор предметов ДПИ из металла 1 категории. ФГУП МНРХУ

Блинова Ольга Валерьевна, канд. ист. наук (Омск). Ведущий научный сотрудник БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Бондарев Алексей Анатольевич (Омск). Член Омского отделения Русского географического общества

Буслаева Галина Борисовна (Омск). Старший научный сотрудник БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Вибе Пётр Петрович, д-р ист. наук (Омск). Директор БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей», заместитель председателя Союза краеведов России

Вртанесян Гарегин Суренович, канд. техн. наук (Москва). Научный консультант. Российский Государственный Гуманитарный университет, Центр изучения религий

Гаранина Екатерина Петровна (Республика Казахстан, Павлодар). Преподаватель. РГКП «Павлодарский государственный педагогический институт»

Герасимов Юрий Викторович, канд. ист. наук (Омск). Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Гефнер Ольга Викторовна, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина»

Гизиева Ксения Юрьевна (Омск). Младший научный сотрудник, ассистент. Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва», ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Глушкова Полина Валерьевна (Кемерово). Научный сотрудник. Преподаватель. МБУ Экомuseum-заповедник «Тюльберский городок», ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Головнева Елена Валентиновна, канд. филос. наук (Екатеринбург). Доцент. ФГБОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Горелова Юлия Робертовна, канд. ист. наук (Омск). Учёный секретарь. Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва».

Григорьева Светлана Евгеньевна, канд. ист. наук (Томск). Старший преподаватель. ФГАБУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Гришин Юрий Викторович (Омск). Старший научный сотрудник БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Гуменюк Алла Николаевна, канд. искусствоведения (Омск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса»

Гуселетова Татьяна Вацлавовна (п. Большеречье). Младший научный сотрудник. БУК Омской области «Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»

Давыдова Анастасия Анатольевна (Омск). Старший научный сотрудник. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Десятникова Ирина Григорьевна, канд. ист. наук (Омск). Главный научный сотрудник БУК «ООМНИИ им. М. А. Врубеля»

Дегальцева Екатерина Александровна, д-р. ист. наук (Бийск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Бийский технологический институт им. И. И. Ползунова»

Дербуш Оксана Николаевна, канд. ист. наук (Омск). Ведущий научный сотрудник БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Дьякова Ольга Петровна (Омск). Старший научный сотрудник БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Евстигнеева Наталья Борисовна (Омск). Студент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Ермолина Людмила Григорьевна (Омск). Заведующий музеем. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Ерошевская Дарья Викторовна (Омск). Заведующий отделом. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Жидченко Александр Владимирович, канд. ист. наук (Омск). Соискатель. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Здор Максим Юрьевич (Омск). Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН.

Золотова Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, заместитель директора Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Ильина Анна Александровна, канд. ист. наук (Омск). Старший научный сотрудник. Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва»

Каримов Альберт Миниханович, профессор архитектуры, академик Российской академии архитектуры и строительных наук (Омск). Председатель. Омское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

Каткова Елена Ивановна (Омск). Главный библиограф. ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Кильдюшева Алина Анатольевна, канд. культурологии (Омск). Директор музейного комплекса. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Кимеева Татьяна Ивановна, канд. культурологии (Кемерово). Руководитель отдела. ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», музей «Археология, этнография и экология Сибири»

Клименков Андрей Валерьевич (Новосибирск). Методист. Музей «Зальцовка» – филиал МКУК «Музей города Новосибирска»

Козлов Владимир Фотиевич канд. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, председатель Союза краеведов России (Москва).

Козьмин Александр Александрович (Москва). Художник-реставратор. Межобластное научно-реставрационное художественное управление

Кокоулин Владислав Геннадьевич, д-р. ист. наук (Новосибирск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный университет», Новосибирское высшее военное командное училище

Конев Евгений Викторович, канд. ист. наук (Новосибирск). Доцент. НОУ ВПО «Сибирский университет потребительской кооперации»

Конилов Борис Александрович, канд. ист. наук (Омск). Советник генерального директора. ОАО НПО «Радиозавод имени А. С. Попова» (Релеро). Председатель Общественного совета по культуре при Министерстве культуры Омской области.

Корусенко Михаил Андреевич, канд. ист. наук. (Омск). Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Корусенко Светлана Николаевна, канд. ист. наук (Омск). Ведущий научный сотрудник. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Косенкова Наталья Александровна (Республика Казахстан, Усть-Каменогорск) Заведующий отделом. Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей

Красильникова Екатерина Ивановна, канд. ист. наук (Новосибирск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет»

Крих Анна Алексеевна, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Кротт Иван Иванович, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Ксенжик Галина Николаевна, д-р. ист. наук (Республика Казахстан, Алматы) Заведующий отделом. Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова

Куц Галина Александровна (Республика Казахстан, Усть-Каменогорск). Старший научный сотрудник. Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей.

Ландик Ольга Анатольевна (Омск). Старший преподаватель. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Лантес Юрий Николаевич (Симферополь). Директор. ГБУ Республики Крым «Крымский этнографический музей»

Левина Жанна Ефимовна, д-р ист. наук (Омск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Лёвочкина Наталья Алексеевна, канд. ист. наук, канд. эконом. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Леонтьев Евгений Викторович (Минусинск). МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова»

Лосунов Александр Матвеевич (Омск). Преподаватель. НОУ СПО «Сибирский казачий юридический колледж»

Лупинас Лариса Алексеевна (Омск). Заведующий филиалом. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей» Музейный комплекс воинской славы омичей

Малинина Наталья Николаевна (Омск). Студент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Межевикин Иван Владимирович (Омск). Младший научный сотрудник, магистрант. Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва», ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Моисеев Владимир Владимирович (Омск). Краевед

Мухина Галина Антониновна, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Назарцева Татьяна Михайловна (Омск). Главный научный сотрудник. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Наумов Сергей Сергеевич (Омск). Магистрант. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Недзельюк Татьяна Геннадьевна, канд. ист. наук (Новосибирск). Доцент. Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «РАНХиГС»

Неретин Александр Васильевич (Москва). Художник–реставратор станковой темперной живописи высшей категории. ФГБУК «Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина»

Никонова Вероника Геннадьевна, канд. биол. наук (Омск). Заведующий отделом. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Огородникова Людмила Ивановна (Омск). Начальник отдела использования и публикации КУ Омской области «Исторический архив Омской области»

Павлов Андрей Юрьевич (Омск). Старший преподаватель. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Павлова Наталья Викторовна (Омск). Старший научный сотрудник. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Патрушева Галина Михайловна, канд. ист. наук (Омск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Пахомчик Сергей Алексеевич, канд. эконом. наук (Тюмень). Заведующий кафедрой. ФГБОУ ВПО «Государственный аграрный университет Северного Зауралья»

Перестюк Николай Арсентьевич (Омск). Заместитель председателя. ОГОО «Совет ветеранов и пенсионеров»

Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук (Омск). Главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны, старший преподаватель. КУ Омской области «Исторический архив Омской области», ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет»

Рафиенко Людмила Сергеевна, канд. ист. наук (Москва)

Рахимов Ернур Кендибаевич, канд. ист. наук (Республика Казахстан, Алматы). PhD докторант. Казахский Национальный университет им. аль-Фараби

Чиканова Наталья Александровна (Омск). Аспирант. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Ремизов Александр Викторович, канд. ист. наук (Омск). Директор. ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Саврушева Маргарита Ивановна, канд. филос. наук (Омск). Заведующий сектором музейной и выставочной деятельности отдела «Центр книжных памятников». ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Садовой Александр Николаевич, д-р. ист. наук (Сочи). Заведующий лабораторией. Сочинский научно–исследовательский центр РАН, лаборатория этносоциальных проблем

Седельникова Наталья Александровна, канд. ист. наук (Тара). Тарский филиал ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Секретова Людмила Валериановна, канд. пед. наук (Омск). Заведующий кафедрой. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Сильванович Ирина Ивановна (Тара). Заведующий филиалом. Филиал БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей» Дом-музей М.А. Ульянова

Симон Мария Михайловна (Сургут). Научный сотрудник. МБУК «Сургутский краеведческий музей»

Смирнова Александра Геннадьевна (Москва). канд. ист. наук, доцент кафедры москвоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, первый заместитель председателя Союза краеведов России.

Смирнова Марина Александровна, канд. ист. наук (Архангельск). Старший преподаватель. ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет»

Соколова Евгения Валерьевна, канд. ист. наук (Тара). Заведующий кафедрой. Тарский филиал ФГБОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина»

Соловьев Сергей Александрович, д-р биол. наук (Омск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Сомова Юлия Аркадьевна (Омск). Заместитель директора по развитию. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Сорокин Алексей Петрович (Омск). Заместитель директора по научно–методической работе, заведующий отделом «Центр краеведческой информации». ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Стельмак Максим Максимович (Омск). Архивист I категории. Центр изучения истории Гражданской войны (КУ Омской области «Исторический архив Омской области»)

Суворова Наталья Геннадьевна, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Сууюнова Гульнара Сейльбековна, д-р филол. наук (Республика Казахстан, Павлодар). Профессор. РГКП «Павлодарский государственный педагогический институт»

Татауров Сергей Филиппович, канд. ист. наук (Омск). Заведующий сектором. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Татауров Филипп Сергеевич (Омск). Аспирант. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Татаурова Лариса Вениаминовна, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Тихомирова Марина Николаевна, канд. ист. наук (Омск). Научный сотрудник. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

Тихонов Сергей Семёнович, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», Омский филиал Института этнографии и археологии СО РАН

Токмурзаев Бакыт Салманович (Омск). Аспирант. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Томилов Николай Аркадьевич, д-р ист. наук (Омск). Директор, заведующий кафедрой. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Трофимов Михаил Юрьевич, канд. филос. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Трофимова Галина Терентьевна, канд. филос. наук (Великие Луки). Профессор. ФГБОУ ВПО «Великолукская государственная академия физической культуры и спорта»

Туманик Екатерина Николаевна, канд. ист. наук (Новосибирск). Старший научный сотрудник. Институт истории СО РАН

Федотова Ирина Владимировна (Омск). Старший научный сотрудник. БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей»

Хилько Николай Федорович, д-р пед. наук (Омск). Старший научный сотрудник. Сибирский филиал Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва».

Храпова Наталья Святославовна (Омск). Главный архивист отдела использования и публикации. КУ Омской области «Исторический архив Омской области»

Чередова Светлана Юрьевна (Омск). Преподаватель. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Чернова Ирина Валерьевна, канд. ист. наук (Омск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Чернова Ирина Николаевна, канд. ист. наук (Москва). Хранитель коллекций. Частное учреждение «Музей денег»

Чиканова Наталья Александровна (Омск). Аспирант. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Чуркин Михаил Константинович, д-р ист. наук (Омск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Чуркина Наталья Ивановна, д-р пед. наук (Омск). Профессор. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Шабан Юлия Игоревна (Омск). Студент. ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Шалгимбеков Айбек Батырханович, канд. ист. наук (Республика Казахстан, Костанай). Доцент. Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Шарапова Галина Вячеславовна (Республика Казахстан, Павлодар)

Шахматова Екатерина Владимировна (Тара). Старший научный сотрудник. Филиал БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей» Дом-музей М. А. Ульянова

Шелегина Ольга Николаевна, д-р ист. наук (Новосибирск). Ведущий научный сотрудник сектора «Музей СО РАН». Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Шемелина Дарья Сергеевна, канд. арх. наук (Москва, Новосибирск). Старший научный сотрудник, доцент. Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия

Шемелина Ольга Сергеевна, канд. физ.-мат. наук (Новосибирск). Доцент. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет»

Цыганкова Ольга Евгеньевна (Новосибирск). Старший преподаватель. ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет»

Шулдяков Владимир Александрович, канд. ист. наук (Омск). Профессор. АНО ВПО «Омский экономический институт»

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗ ГОРОДА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Адилбекова Т. Т.</i> Архитектура и градостроительство Астаны.....	5
<i>Алимбаева Б. Б.</i> Оренбуржец с душой петербуржца. Светлой памяти Виктора Васильевича Дорофеева. (2.12.1927–30.09.2012).....	8
<i>Алисов Д. А.</i> Динамика численности и состава населения Омска в годы революции, гражданской войны и социалистической реконструкции (1917–конец 1930-х гг.).....	11
<i>Ананьев В. В.</i> Первенец омского авиапрома – государственный авиационный завод №13.....	14
<i>Андрющенко О. К.</i> Урбоним «Павлодар» в политических текстах кандидатов в депутаты.....	16
<i>Белокрыс М. А.</i> Омское отделение Императорского Русского музыкального общества: к 140–летию образования.....	19
<i>Вибе П. П.</i> Омский государственный историко-краеведческий музей 300-летию Омска.....	22
<i>Гаранина Е. П.</i> Современная региональная литература в культурном контексте города.....	30
<i>Гефнер О. В.</i> «Город в военном мундире»: Омск второй половины XIX–начала XX века глазами современников.....	33
<i>Головнева Е. В.</i> «Чувство места» в городском пространстве.....	36
<i>Гришин Ю. В., Перестюк Н. А.</i> Новые сведения об омских формированиях, созданных в годы Великой Отечественной войны.....	39
<i>Гуменюк А. Н.</i> Архитектурный ансамбль Любинского проспекта: стилевые оттенки. Омск. 1870-1910-е гг.	41
<i>Дегальцева Е. А.</i> Городская среда и гражданский активизм в культурном ландшафте дореволюционного сибирского города.....	44
<i>Жидченко А. В.</i> Пространственное отражение повседневной жизни сибирского города середины XX века (по материалам новых районов Омска и Новосибирска).....	47
<i>Каримов А. М.</i> Архитектурно–градостроительные и монументально–художественные предпосылки сохранения и развития историко–культурного наследия (на примере Омской крепости).....	50
<i>Козлов В. Ф.</i> Центральное бюро краеведения и Союз краеведов России – две модели отечественного краеведческого движения.....	55

<i>Кокоулин В. Г.</i> Власть в Омске в 1917 году.....	60
<i>Конев Е. В.</i> Евангельские христиане–баптисты Омска в 1940–е гг.....	64
<i>Косенкова Н. А.</i> Страницы из истории городской Думы города Усть–Каменогорска.....	67
<i>Кротт И. И.</i> «Капитал пришёл в Сибирь. Омск – его штаб–квартира»: к вопросу формирования и развития сети банковских учреждений в г. Омске во второй половине XIX–начале XX вв.	70
<i>Ксенжик Г. Н.</i> Реконструкция образа города Омска в XVIII–XIX вв.: междисциплинарное исследование.....	77
<i>Левина Ж. Е.</i> Феномен сибирского города в омских гуманитарных исследованиях.....	80
<i>Леонтьев Е. В.</i> Минусинск: формирование города и естественный прирост населения в первой половине XIX века.....	83
<i>Лосунов А. М.</i> Посещение цесаревичем Омска в 1891 году: из дневника Николая II.....	86
<i>Малинина Н. Н.</i> «Постижение города» и «экскурсии в культуру» в омском культуроведении.....	90
<i>Мухина Г. А.</i> Город в пейзажном жанре живописи.....	92
<i>Огородникова Л. И.</i> История омского городского самоуправления в воспоминаниях М. А. Столповского.....	96
<i>Пахомчик С. А.</i> Строительство железной дороги, соединяющей Омск и Тюмень.....	99
<i>Петин Д. И.</i> К вопросу о производстве «сибирских» денег в Екатеринбурге в 1918–1919 гг.	102
<i>Смирнова А. Г.</i> Исследователи и подвижники местного края и сохранение памяти о них в деятельности Союза краеведов России. Традиция именных мемориальных краеведческих конференций.....	106
<i>Соловьев С. А.</i> Влияние города Омска на биоразнообразие птиц лесостепи.....	111
<i>Стельмак М. М.</i> Особенности взаимодействия Российского Правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками на заключительном этапе Гражданской войны в Западной Сибири.....	114
<i>Томилов Н. А.</i> Краеведение в деятельности Омского историко–краеведческого музея и в жизни его создателей.....	117
<i>Трофимов М. Ю.</i> Судьба областника Шайтанова.....	124

Туманик Е. Н. Омск начала 1830-х годов в путевых очерках Ю. Кобылецкого.....	127
Хилько Н. Ф. Отражение архитектурного пространства городской среды в творчестве омских фотохудожников конца XX в.	130
Храпова Н. С. Развитие городской среды XIX века по статистическим ведомостям о состоянии города Омска.....	133
Чуркин М. К. «Выйдет ли из бухтарминских вод наша Лорелея?»: западные социальные идеи и колониальный опыт в публицистике, научном творчестве и эпистолярном наследии теоретиков сибирского областничества.....	136
Шабан Ю. И. Скульптурные образы Ф. Винклера на фасадах омских зданий: Сибирь в диалоге с Европейской традицией.....	140
Шемелина Д. С. Омская крепость в контексте европейской теории фортификации.....	143
Шемелина О. С., Цыганкова О. Е. Изучение эмоциональных реакций горожан на различные городские пространства.....	146
Шулдяков В. А. Новые данные о белом подполье Омска в 1918 году.....	149

МУЗЕИ, АРХИВЫ И БИБЛИОТЕКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Авербух С. Д. Наследие П. Т. Сигутова – члена Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское Географическое общество».....	154
Адам Я. В. Музеи Горьковского района Омской области.....	157
Ахунова Э. Р. Этнографические коллекции в музеях как фактор повышения краеведческого просвещения населения.....	161
Белоглазова Ю. Н. Личный архив М. А. Ульянова в фондах ОГИК музея.....	165
Бирюков А. Ф. Реставрация китайских львов Ши-Цзы из коллекции ОГИК музея.....	170
Блинова О. В. Архив Великой войны в годы революционных событий.....	174
Буслаева Г. Б. Коллекция В. И. Кочеданова как источник по истории города Омска.....	177
Григорьева С. Е. Научно-исследовательская работа Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова в 1930–е гг.: формирование фондов.....	183

Гуселетова Т. В. Художественный музей как носитель социально-исторической памяти.....	186
Давыдова А. А. Гербарные сборы П. Н. Крылова в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея.....	189
Десятьярова И. Г. Художественная выставка 1915 года в Омске. К истории деятельности сибирских меценатов (на материалах фондов Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля и Омского государственного историко-краеведческого музея).....	190
Дербуш О. Н. Русские традиционные женские головные уборы в коллекции ОГИК музея.....	194
Дьякова О. П. Фотоиллюстрации к истории омских мостов. (По материалам фотофонда ОГИК музея).....	197
Ермолина Л. Г. Материалы участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в фондах Музея истории Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.....	202
Ерошевская Д. В. Тевризский историко-краеведческий музей имени К. П. Кошукова: к истории создания.....	205
Каткова Е. И. ОГОНБ им. А. С. Пушкина к 300-летию Омска.....	209
Кильдюшева А. А., Патрушева Г. М., Томилов Н. А. Музейные процессы в классическом университете (к 40-летию Музея археологии и этнографии и Музея истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского).....	212
Клименков А. В. Интерактивная программа «История города через историю автомобиля» как фактор формирования представления об образе города у подрастающего поколения (из опыта музея «Заельцовка» – филиала МКУК «Музей города Новосибирска»).....	216
Козьмин А. А. Особенности стилистики Берёзовских икон из фондов ОГИК музея.....	219
Красильникова Е. И. История городов Западной Сибири в репрезентациях краеведческих музеев региона (1920–е–1930–е гг.).....	222
Лантев Ю. Н. Развитие межмузейного сотрудничества в Республике Крым на примере Крымского этнографического музея.....	225
Лутинас Л. А. Омичи – участники освобождения стран Европы от нацизма (по фондам МКВСО).....	233

<i>Моисеев В. В.</i> Новые факты в истории основания села Знаменское. По материалам архивных документов.....	236
<i>Назарцева Т. М.</i> К вопросу развития музейного комплекса имени М. А. Ульянова в Таре.....	239
<i>Неретин А. В.</i> Реставрация и изучение особенностей иконографии иконы «Богоматерь всех скорбящих радость» из фондов ОГИК музея.....	244
<i>Никонова В. Г., Бондарев А. А.</i> Находки крупных плейстоценовых млекопитающих в Крутинском районе Омской области по материалам фондов омских музеев.....	246
<i>Патрушева Г. М., Кимеева Т. И., Глушкова П. В.</i> Актуализация женского костюма у шорцев по материалам музейных коллекций.....	248
<i>Ремизов А. В., Сорокин А. П.</i> Личная библиотека и документальный архив профессора Д. Н. Фиалкова в фондах ОГОНБ им. А. С. Пушкина.....	253
<i>Саврушева М. И.</i> Круг чтения Н. М. Ядринцева и его значение в формировании личности учёного, литератора, публициста, историка.....	257
<i>Сильванович И. И., Шахматова Е. В.</i> Дом–музей М. А. Ульянова в системе культурных учреждений Тары и Тарского района.....	261
<i>Симон М. М.</i> Коллекция текстиля из фондов Сургутского краеведческого музея.....	264
<i>Сомова Ю. А.</i> Роль Омского государственного историко–краеведческого музея в развитии туристической деятельности региона.....	268
<i>Тихомирова М. Н.</i> Характеристика фонда I Музея археологии и этнографии Музейного комплекса ОМГУ им. Ф. М. Достоевского.....	272
<i>Токмурзаев Б. С.</i> Степной край Западной Сибири в научно–исследовательской программе и экспедиционной деятельности ЗСОИРГО (вторая половина XIX–начало XX вв.).....	276
<i>Федотова И. В.</i> «Омские» археологические коллекции в фондах ОГИКмузея.....	280
<i>Чередова С. Ю.</i> Прошение в главное управление по делам печати как источник по истории взаимоотношений центра и сибирской провинции.....	285

<i>Чернова И. Н.</i> О некоторых предварительных результатах изучения клише для изготовления фальшивых государственных кредитных билетов образца 1843–1865 гг. (из коллекции Музея денег).....	287
<i>Шелегина О. Н.</i> Наследие как основа формирования и развития музейного мира Сибири.....	290

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>Адамсон А. Р.</i> Распространительская и духовно–просветительская деятельность «Общества для распространения Священного Писания в России» на территории Западной Сибири во второй половине XIX века.....	296
<i>Акелькина Е. А.</i> Судьба дома семьи Акелькиных: по материалам семейного архива.....	299
<i>Балтабаева К. Н.</i> Казахи республики Алтай.....	302
<i>Балюнов И. В.</i> Тобольский кремль – памятник археологии периода русского освоения Сибири.....	305
<i>Беликова Н. В.</i> Предварительные результаты разведочных работ на I Омской крепости.....	308
<i>Бережнова М. Л.</i> Вышиванка в Сибири: народный костюм как источник по этнокультурной истории.....	310
<i>Вртанесян Г. С.</i> Календарная лексика алтайцев как исторический источник.....	313
<i>Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А.</i> Археологические комплексы на территории II Омской крепости.....	315
<i>Гизиева К. Ю., Межевикин И. В.</i> Городская культура Омска и Тары в материалах погребального обряда.....	318
<i>Горелова Ю. Р.</i> Историко–культурное наследие как ресурс регионального развития туризма.....	321
<i>Евстигнеева Н. Б.</i> Историко–археологическое изучение исторических объектов г. Тары Омской области.....	324
<i>Золотова Т. Н.</i> Празднование Дня победы в Омске: Региональный аспект.....	326
<i>Ильина А. А.</i> Перспективы национально–культурной автономии в Сибири (на примере национально–культурной автономии татар).....	331
<i>Коников Б. А.</i> К вопросу о периодизации истории омской археологии.....	334

<i>Корусенко С. Н.</i> История рода Кульмаметевых.....	338
<i>Крих А. А.</i> Переселение однодворцев в Омское Прииртышье в первой половине XIX века: практика и планы.....	341
<i>Куц Г. А.</i> Крепость у истока каменных гор (XVIII–начало XIX вв.).....	344
<i>Ландик О. А.</i> Историко–культурное наследие Омска как ресурс для формирования имиджа города.....	347
<i>Лёвочкина Н. А.</i> Сельский туризм: теория и практика (на примере Омской области).....	350
<i>Наумов С. С., Трофимова Г. Т.</i> Сибирская одиссея себежан в последний год Первой мировой войны. (По документам Государственного архива в г. Великие Луки).....	353
<i>Наумов С. С.</i> Научно-педагогическая интеллигенция Западной Сибири в конце 1980-х–начале 1990-х гг.: опыт популяризации местной истории.....	358
<i>Недзелюк Т. Г.</i> Католический костёл как символ этноконфессиональной идентичности в городской среде.....	361
<i>Павлов А. Ю.</i> Деятельность улично–площадных театров как способ развития межкультурной толерантности у сибиряков.....	364
<i>Павлова Н. В.</i> Научно-просветительская деятельность военных в Сибири во второй половине XIX–начале XX вв.....	367
<i>Рафиенко Л. С.</i> К родословной Николая Михайловича Ядринцева.....	370
<i>Рахимов Е. К.</i> Казахи Сибири в трудах Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина.....	373
<i>Садовой А. Н.</i> К стратегии формирования программ сохранения историко–культурного наследия в агломерациях Причерноморья.....	376
<i>Седельникова Н. А.</i> Роль районных краеведов в пропаганде краеведческих знаний и идей сохранения культурного наследия.....	379
<i>Секретова Л. В.</i> Современные проблемы и тенденции развития индустрии досуга в городе Омске.....	382
<i>Смирнова М. А.</i> Формирование городского пространства под влиянием этнокультурных традиций в портовом городе (на примере города Архангельска).....	385
<i>Соколова Е. В.</i> Воспоминания как источник изучения истории Омской области. (К вопросу об истории исчезнувших деревень Колосовского района Омской области).....	388
<i>Суворова Н. Г.</i> Категории «сибиряк» и «сибирский» в научном дискурсе второй половины XIX в.....	391

<i>Суюнова Г. С.</i> Формирование языкового пространства города.....	396
<i>Татауров С. Ф.</i> Присоединение Сибири к Российскому государству и история изучения сибирской государственности.....	398
<i>Татауров Ф. С.</i> Археологическое изучение I Омской крепости: о чём рассказывает стратиграфия.....	403
<i>Татаурова Л. В.</i> Русские сибиряки XVI-XIX вв.: история и археология.....	406
<i>Тихонов С. С.</i> К вопросу о микротопонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения. По материалам города Тары, Омская область.....	408
<i>Тихонов С. С.</i> К вопросу о месте расположения Бухарской слободы Тарской крепости. (Исторические районы и топонимы города Тары).....	410
<i>Чернова И. В.</i> История расселения локальных групп переселенцев-однодворцев в Муромцевском и Горьковском районах Омской области на страницах районных газет.....	413
<i>Чиканова Н. А.</i> Рисунки Н. М. Ядринцева как дополнение образа этнографа.....	416
<i>Чуркина Н. И.</i> Отчеты о деятельности учебных заведений как источник о социокультурной жизни западносибирского региона.....	418
<i>Шалгимбеков А. Б.</i> Из истории строительства новой (Новоишимской) линии.....	421
<i>Шарапова Г. В.</i> К вопросу о родословной Д. М. Карбышева.....	424
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	430
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	433

ТРЕТЬИ ЯДРИНЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции,
посвящённой 300-летию Омска
(Омск, 26-28 ноября 2015 г.)

Тексты публикуются в авторской редакции

Технический редактор, корректор

В. А. Шаркова

О. В. Блинова

Ответственный секретарь

О. В. Котовщикова

Компьютерная верстка:

О. Я. Князева

Сдано в набор 05.11.2015

Подписано в печать 13.11.2015

Бумага офсетная. Формат 60х84/16.

Усл. печ. л. 26,37.

Тираж 200 экз.

Издательство Омского государственного историко-краеведческого музея
644024, Омск, ул. Ленина, 23А

Отпечатано в ООО «Амфора»

644024. Омск, ул. Почтовая, 38.